

А. Бондаренко, Н. Ефимов

Загадочные
страницы
русской
истории

ББК 63.3(0)5
Б81

**Книга издана на средства Союза ветеранов госбезопасности по
инициативе Президиума СВГБ**

Издательство благодарит президента Тимофеева Валентина Федоровича и членов Президиума Союза ветеранов госбезопасности, которые в свою очередь выражают сердечную признательность за участие в финансовой поддержке данного издания:

Абдуллаеву Фуаду Рагимовичу, Антонову Леониду Владимировичу, Ашмарину Валентину Николаевичу, Беляеву Сергею Леонидовичу, Бучумову Валерию Петровичу, Графову Петру Васильевичу, Егорову Борису Алексеевичу, Зелененко Виталию Владимировичу, Ивлиеву Валерию Николаевичу, Касьяну Сергею Петровичу, Колотенко Владимиру Дмитриевичу, Кудрину Андрею Павловичу, Логинову Василию Юрьевичу, Мельнику Евгению Павловичу, Минкину Марку Абрамовичу, Мирошникову Борису Николаевичу, Нумерову Олегу Николаевичу, Пантелееву Анатолию Николаевичу, Перелыгину Александру Станиславовичу, Пильгуну Александру Ивановичу, Рыбкину Виктору Андреевичу, Царану Анатолию Константиновичу, Шматкову Олегу Дмитриевичу, Щербакову Владимиру Ивановичу

Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н.

Б81 Загадочные страницы русской истории. — М.: Кучково поле, 2008. — 528 с.

ISBN 978-5-9950-0007-5

По содержанию и форме подачи материала эту книгу можно было бы считать продолжением выпущенной нашим издательством в минувшем году «Утаенные страницы советской истории», однако она повествует о событиях более ранних — от Древней Руси и даже версий происхождения славянства, до февраля 1917 года. В основу предложенных материалов взяты архивные документы, беседы с ведущими российскими учеными-историками, материалы «круглых столов», проведенных в Институте российской истории РАН и Центральном совете Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).

ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-9950-0007-5

© Бондаренко А., Ефимов Н., 2008
© ООО «Кучково поле», 2008

Предисловие

Пожалуй, каждого человека интересует, как сложится его судьба, что будет с ним и с его близкими, с нашей страной и со всем миром вообще лет через десять, двадцать или пятьдесят. Интерес этот умозрительный, абстрактный, потому как о грядущих событиях — вне зависимости, в жизни одного человека или всего общества, — можно только догадываться. Интерес к прошлому у нас гораздо конкретнее, глубже и разностороннее, чему способствует немало причин. Прежде всего те, что в большинстве своем события и явления прошлого не были одномоментными, они составляли в своей совокупности непрерывную цепь исторического развития, и продолжение, их отголоски и следствия доходят до наших дней. По этой самой причине именно история дает ключ к пониманию многих событий современности, помогает строить достаточно объективные прогнозы на будущее.

Вот только знаем мы историю своего Отечества плохо, какими-то отдельными фрагментами, да еще и с весьма приблизительным их прочтением и толкованием. Чему, однако, удивляться? Считается, что «история принадлежит победителям» — а ведь вся история России, с древнейших времен до конца минувшего столетия, это череда междоусобиц и войн, смут, различных катаклизмов, столкновений и революций. По этой причине наша официальная история если не переписывалась заново вообще, то уж точно изрядно редактировалась — причем, не один раз... А потому очень многое в прошлом нашего народа не просто позабыто, но и представляется теперь воистину загадочным. Причем, нередко загадочными оказываются даже те события, которые принято считать общеизвестными.

Подтверждение этому можно найти в представленной вам книге, которая именно так и называется — «Загадочные страницы русской истории». Ее авторы — Александр Бондаренко и Николай Ефимов, ведущие сотрудники газеты «Красная звезда», центрального органа Министерства обороны Российской Федерации, одного из наиболее авторитетных наших печатных изданий. Кстати, их книга «Утаенные страницы советской истории», выпущенная «Рейтаром» в 2007 году, стала настоящим бестселлером, а потому, по инициативе Президиума Союза ветеранов госбезопасности, была в том же году переиздана издательством «Кучково поле». И вот теперь — «Загадочные страницы русской истории».

Новая книга отличается от предыдущей не только по своему содержанию, временным рамкам представленного материала, но и по композиции, о чем следует сказать особо и более подробно. Все разделы книги выстроены в строгом хронологическом порядке, при одном исключении: часть первая, условно названная «Русь летописная», начинается с того материала, которым, по идее, она должна была бы быть закончена: «Российская Смута — век семнадцатый». Это — запись разговора за

«круглым столом», проведенного в Институте российской истории Российской академии наук. Сразу отмечу, что присутствие в книге в качестве участников дискуссий или интервьюируемых выдающихся российских ученых — таких, как, например, директор Института российской истории член-корреспондент РАН Андрей Николаевич Сахаров или президент Академии военных наук доктор военных и доктор исторических наук генерал армии Махмут Ахметович Гареев — выгодно отличает ее от тех многочисленных, но ни на чем не основанных, ничем серьезно не подкрепленных исторических «версий», которые сегодня предлагаются широкой читательской аудитории, и дает книге необходимый для такого рода изданий уровень научной достоверности.

Итак, почему же первый раздел начинается именно со «Смутного времени»? Ответ на этот вопрос можно найти между строк записи данного разговора за «круглым столом»: к сожалению, «смутное время» для нашего Отечества не ограничивается конкретными хронологическими рамками, происшествиями XVII или еще какого-нибудь столетия. За свою более чем тысячелетнюю историю России пришлось пережить немалое количество больших и малых «смут», а потому в душах многих из наших соотечественников до сих пор живет некое чувство смятения и неуверенности. Мы должны не только помнить об этом, но и сделать все возможное, чтобы доминирующим в сознании россиян стала уверенность в завтрашнем дне, спокойствие за свою судьбу, за будущее своих детей, внуков, всей Российской державы в целом. Пожалуй, на сегодняшний день это важнейшая политическая задача, стоящая как перед российским руководством, так и перед всеми нашими согражданами, исповедующими активную жизненную позицию. Недаром же день 4 ноября, связанный с окончанием «Смутного времени», объявлен в России государственным праздником — Днем народного единства...

Ну а дальше весь этот раздел построен по хронологическому принципу и повествует о событиях, действительно известных нам лишь по коротким летописным

упоминаниям: образовании древнерусского государства, деятельности великого князя Александра Невского, битве на Куликовом поле.

Авторы книги не пытаются все пересмотреть и переиначить, поражая читателей оригинальностью своих выводов и умозаключений. Нет, скорее они стремятся свести концы с концами, понять, что же происходило на самом деле, отделить «зерна» истины от «плевел» последующих идеологических и прочих наслоений. Не претендуя на то, что именно они ответят на заданные вопросы со стопроцентной уверенностью авторов школьных учебников, Александр Бондаренко и Николай Ефимов обращаются к историческим материалам и свидетельствам современников, беседуют с известными историками и увлеченными любителями, тем самым стараясь приблизиться к истине, сделать более достоверной представленную картину минувшего.

Часть вторая, «Русь Имперская», повествует о событиях нашей отечественной истории в период от первого российского императора Петра Великого — до последнего, Николая Второго. Эти немногим более чем два столетия начались с воистину фантастического взлета «России молодой», невиданного ранее подъема, когда огромное, но заштатное государство вдруг вышло на доминирующие позиции в Европе, сокрушив при том самую мощную и грозную военную силу. Вот только взлет этот, как часто бывало в нашей истории и до того, и позднее, вскоре сменился падением и застоєм. Потом опять были взлеты, опять происходили падения... Не случайно же век XVIII вошел в историю России «эпохой дворцовых переворотов», временем, когда своевольная Российская гвардия располагала императорским тронem по своему разумению, поддерживая те или иные политические силы. А ведь при этом буквально каждый из приходивших на власть государей стремился переписать историю предыдущего

царствования, тем самым доказывая свою правоту и, как бы сейчас сказали, «легитимность» собственного правления. А в результате нам в наследство досталась именно такая «откорректированная», исправленная история, знакомство с которой вызывает больше вопросов, нежели ответов.

Повествуя об этих временах, авторы обращают свое внимание не только на те «фигуры умолчания», которыми давно уже стали императоры Петр III и Павел I, но и на, казалось бы, столь широко известные и изученные события, как Отечественная война 1812 года и Заграничный поход, восстание на Сенатской площади, Русско-японская война, Февральская революция 1917 года. Они задаются вопросом: можно ли было всего этого избежать и к чему бы оно привело? Ведь хоть и считается, что «история не знает сослагательного наклонения», но ясно, что объективную и всестороннюю оценку произошедшего можно дать только просчитав все варианты возможного развития событий. А таких вариантов всегда было немало...

Из материалов, представленных в этой главе, хотелось бы отметить беседу с писателем и ветераном спецслужб Борисом Георгиевичем Колоколовым, который очень интересно рассказывает о судьбе генерала Джунковского — командира Отдельного корпуса жандармов с 1913 года и в начале 1-й мировой войны. Хотя фамилия, что называется, на слуху, однако об этой яркой и противоречивой личности мы знаем очень и очень мало. В интервью «Дилетант в голубом мундире» роль Джунковского в российской истории представлена с достаточно неожиданной стороны и получила очень жесткую оценку профессионала.

Но если данный материал представляется предельно выверенным, то третья часть книги — «Русь таинственная — история в другом измерении» — это сплошная версия. Впрочем, по-иному и быть не может. В помещенных здесь очерках и беседах речь идет о тех событиях, которые, как замечается, в последнее время все больше и больше интересуют наших современников. События эти произошли на территории нынешнего нашего государства десятки и даже сотни тысяч лет тому назад, оставив о себе память в каких-то

преданиях, таинственных свидетельствах материальной культуры, смутные отголоски в древних летописях и сказаниях. «Откуда пошла Земля Русская?», — таким вопросом задаются собеседники авторов книги, рассказывая о судьбах давно исчезнувших народов, ставшими прародителями современных славян, о борьбе между силами Добра и Зла, являющейся лейтмотивом всей истории человечества. Эти версии авторы органично вплетают в события последующей истории, уже зафиксированные исследователями. Вот только обидно было узнать — об этом рассказывается в очерке «Здесь все до магмы славянское!..» — что в совсем недавние времена внимание «официальной» истории не привлекли очевидные материальные следы славянского пребывания на балтийском острове Рюген — древнем Руяне. Впрочем, это не удивительно: не только историки, но даже и не все современные читатели принимают эти версии, не все с ним согласны. Однако они существуют, им посвящена обширная литература, они имеют немало своих сторонников, а значит, представляют определенный интерес для людей, интересующихся историей, задумывающихся над проблемами появления и существования человечества на планете Земля.

Завершается книга большим разделом «Несокрушимая армия великой державы». Начатый с обсуждения вопроса, когда именно на Руси появились регулярные Вооруженные Силы, раздел этот хронологически перекрывает рамки двух первых частей книги. Ведь, хотя нам и кажется, что история армии известна, как говорится, от и до, но и в этой области загадок для нас больше, чем достаточно. Это убедительно доказывают авторы книги, обращаясь к самым разным аспектам армейского бытия — от вопросов стратегических до социальных; Бондаренко и Ефимов рассказывают о судьбах забытых ныне военных деятелей, об истории войсковых частей, названия которых сегодня вообще мало кто даже помнит. Впрочем, к сожалению, даже про столь известных людей, как генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов или адмирал Степан Осипович Макаров наши современники имеют весьма и весьма скудную и однозначную информацию.

Между тем стоит заметить, что предлагая вниманию читателей даже по-настоящему сенсационный материал, надставляющий немалый общественный интерес, авторы книги делают это очень продуманно и тактично. Они не стремятся поразить воображение читателей, но желают поделиться с ними имеющейся информацией, своими мыслями и выводами на тему некогда происходивших событий, помочь им пополнить свои исторические знания, углубить представление о прошлом нашего Отечества, удивительной по своему содержанию истории нашего народа. Мне кажется, для многих читателей знакомство с этой книгой станет поводом для того, чтобы обратиться еще и к другой исторической литературе, попытаться самостоятельно найти ответы на заданные вопросы, согласиться или поспорить с выводами авторов «Загадочных страниц русской истории».

В качестве послесловия книгу завершает беседа с директором Института российской истории. Рассказывая о развитии, состоянии и

перспективах исторической науки в России, Андрей Николаевич Сахаров дает объективную оценку ряду современных тенденций, говорит о тех проблемах, которые особенно интересуют не только ученых, но и общество в целом, о новых подходах к изучению прошлого... Известнейший историк как бы «подводит черту» под сказанным, примиряя несогласных и возражающих.

Ведь, что бы там ни говорилось, но история — наука творческая, без широкого кругозора и развитого воображения ею заниматься просто невозможно.

Но нельзя также смотреть на историю своего народа равнодушными глазами, писать о ней сугубо отстраненно и беспристрастно. Впрочем, в равнодушии к прошлому и судьбам своей страны авторов книги упрекнуть никак нельзя.

*Руководитель Департамента
военной контрразведки ФСБ России
генерал-полковник
Александр БЕЗВЕРХНИЙ.*

Часть 1 Русь летописная

Российская Смута — век семнадцатый

Участники разговора за «круглым столом», проведенного в Институте российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН) — руководитель Центра истории русского феодализма доктор исторических наук ИРИ РАН Николай Рогожин, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН /юмор исторических наук Людмила Морозова, доцент Российского государственного гуманитарного университета кандидат исторических наук Игорь Курукин, научный сотрудник ИРИ РАН кандидат исторических наук Дмитрий Лисейцев, старший научный сотрудник ИРИ РАН кандидат исторических наук Николай Никитин.

Уточним для начала, на основании каких источников сейчас ведем разговор. Много ли сохранилось материалов Смутного времени? Много ли мы вообще о нем знаем?

КУРУКИН: Лично я думаю, что о Смуте мы осведомлены лучше, чем об опричнине Ивана Грозного и даже чем о событиях 50-летней давности... Комплект документов остался достаточно большой.

МОРОЗОВА: Действительно, ни одна эпоха не оставила такого количества сочинений современников о происходивших событиях. Это прежде всего так называемая публицистика Смутного времени, особое явление литературное и источниковое.

КУРУКИН: Существует порядка сорока таких произведений - целый комплекс, который дает возможность понять взгляд современников на происходившие события. Появляется что-то вроде мемуаров, когда уже все это прошло и наступила законная власть. Дьяк Иван Тимофеев из Новгорода оставил одни из первых мемуаров — человек размышлял, откуда это все взялось.

МОРОЗОВА: Эта публицистика была теснейшим образом связана с происходившей политической борьбой, а потому различные произведения крайне противоречивы в трактовке происходившего. Долгое время исследователи не могли понять, в чем причина, и думали, что, может быть, одни памятники отражают одни политические взгляды, другие — иные. Но если расположить их в хронологической последовательности, то видно, что каждый конкретный памятник возникал в тот период, когда происходила какая-то смена власти. Вот, когда Борис Годунов стремился к власти, была создана так называемая «Повесть о честном житие царя Федора», в которой доказывалось, что соправителем Федора как раз был Борис. Хотя она вроде посвящена была Федору, на самом деле прославлялся Годунов. В период прихода к власти Василия Шуйского появились повести, в которых прославлялся Шуйский как борец с Лжедмитрием, доказывались его необыкновенные права на престол. Потом, когда был свергнут Шуйский,

появилось сочинение Авраама Палицына, его первая часть, где показана была ужасная деморализация русского общества, когда никто ни во что не верит — Шуйский очень плохой, Годунов — еще хуже. Все цари плохие!

ЛИСЕЙЦЕВ: Нужно также отметить огромное количество делопроизводственных материалов, которые сохранились. В частности, материалы приказов — тогдашних «министерств».

КУРУКИН: Многие из них изданы еще до 1917 года, и это очень большой комплекс, я даже затрудняюсь сказать, — сотни, если не тысячи документов...

ЛИСЕЙЦЕВ: Хотя очень многое погибло и в саму Смуту, и во время крупного пожара 1626 года, тем не менее то, чем мы располагаем на данный момент, — это достаточно большой объем. По одному только делопроизводству Посольского приказа, тогдашнего МИДа, за период Смуты можно выделить в фондах Российского государственного архива около полутысячи архивных дел.

МОРОЗОВА: Я выявила около 80 грамот всевозможных, актов, посвященных избранию на престол Михаила Федоровича, разрядные книги... Обнаружена в подлиннике разрядная книга 1613-1614 годов, в которой очень подробно описывались события того периода. Сохранились «Грамота, утвержденная на царство» Бориса Годунова, «Грамота, утвержденная на царство» Михаила Романова. Хронографы всевозможные. В общем, этот период действительно очень хорошо освещен в исторических источниках.

— *Можно ли сказать, что со Смутным временем нам теперь все уже ясно?*

МОРОЗОВА: Нет, к сожалению, все эти источники очень противоречивы, и в том проблема. Исследователю приходится верить либо одному современнику, либо другому. Есть еще, кстати, очень много сочинений иностранцев о том времени, но те совсем по-другому все освещают. Разобраться в этой противоречивости, найти золотую середину — это и есть задача исследователя.

— *Значит, предмет для обсуждения имеется. Ну а скажите, что это вообще такое — Смута? В Толковом словаре это понятие объясняется как «возмущение, восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью; замешательство, неурядица, непорядок, расстройство дел». А в истории, применительно к событиям XVII столетия?*

МОРОЗОВА: Здесь, по-моему, понятие «Смута» остается проблемным — до сих пор споры идут по этому поводу, существуют разные точки зрения. Это спорная и очень щекотливая проблема.

ЛИСЕЙЦЕВ: Есть точка зрения, что смута — это вообще хроническое состояние нашей страны, что они у нас непрерывно чередуются, идут одна за другой. Говорят, что и в начале 1990-х была смута, и 1917 год — русская смута, или «красная смута», как ее называли.

— *Недаром же генерал Деникин назвал свою книгу «Очерки русской смуты».*

ЛИСЕЙЦЕВ: Середину XVII века также называли не только «бунташным», но и «смутным» временем, равно как и эпоху Ивана Грозного иной раз именовали «эпохой великой Смуты», и так далее. Тем не менее, когда говорят о Смутном времени, в памяти прежде всего всплывают события начала XVII века. Но этот термин долгое время был в нашей исторической науке под запретом, считался порождением дворянско-буржуазной историографии.

НИКИТИН: Да, у нас ревностно отстаивалась и проводилась мысль, что это никакая не Смута, а интервенция и движение Болотникова.

ЛИСЕЙЦЕВ: Действительно, употреблялся оборот «крестьянская война и иностранная интервенция начала XVII века», а реабилитация понятия «Смута» начинается только с конца 1980-х — начала 1990-х годов.

МОРОЗОВА: На мой взгляд, смута всегда связана с ослаблением верховной власти. Как только верховная власть слабнет, в стране начинается какой-то разброд, шатание, появляются различные политические группировки, начинается борьба — экономическая, политическая и всякая, какая угодно. Смута начала XVII века была связана с пресечением царской династии, когда умер последний царь из династии московских князей — Федор Иванович, не оставив детей.

НИКИТИН: Многие проводят аналогии между тем временем и 1917 годом, когда также произошло резкое ослабление государственной власти в России. Когда власть ослабевает, происходят самые различные события, но в конечном итоге для страны, для народа губительные и плачевные. Карамзин сказал примерно следующее: Россия всегда сильна была самодержавием. Когда же самодержавная власть приходила в упадок, то приходила в упадок и Россия. В данном случае вместо «самодержавие» надо просто поставить «государство».

КУРУ КИН: Говоря современным наукообразным языком, это было нечто вроде системного кризиса, связанного с теми бурными событиями, что происходили в России во время царствования Ивана Грозного и достаточно серьезно потрясли всю страну. Этот кризис появился не только в политической системе России: ведь характерная еще с очень далеких времен фундаментальная черта нашей истории вообще — повышенная роль государственных структур во всей жизни общества.

РОГОЖИН: Уточню, что это, на мой взгляд, был кризис именно переходного времени. Иначе не было бы чего грабить, из-за чего сражаться. Мне кажется, любая смута — это перераспределение финансовых потоков. Перераспределение экономическое, духовное, территориальное. Причем происходит оно не в момент бедственный, а в момент наивысшего развития. У Смуты XVII века много было причин, но при всем при этом было за что воевать, для чего идти сюда, что грабить. Предшествующий период —

несмотря на опричнину, голод, пресечения — все-таки достаточно подготовил страну экономически, вот ее и хотелось грабить.

КУРУКИН: Не только хотелось, но и было можно...

РОГОЖИН: Конечно! То же самое было и в начале XX века — в любой из кризисов, который мы еще называем революциями или «переходным временем».

ЛИСЕЙЦЕВ: На мой взгляд, это был не только кризис политический, не только династический. Гораздо важнее, что все это сопровождалось экономическим кризисом и к тому же духовным, в основе которого лежал определенный конфликт между церковью и государством. Да еще он был дополнен вмешательством иностранных государств — налицо был кризис внешнеполитический. В общем, это был комплексный кризис российского общества, который удалось преодолеть только с очень большим трудом.

КУРУКИН: Приведу пример, чтобы было понятно, что такое Смута. Утром въезжают в город и говорят: «Мы — от законного царя Димитрия Ивановича». Сажают воеводу, собирают деньги, бьют несогласных... На следующее утро въезжает другой отряд: «Мы — от законного царя Василия Ивановича». И все повторяется, а кто завтра приедет — также неизвестно. Представьте себе нормального русского человека, который в происходящем совершенно ничего не понимает! А когда человек дезориентирован, начинается как бы ломка сознания и поведения людей; недаром, кстати, в произведениях Смутного времени можно найти жалобы не только на то, что у нас нет царя и что какие-то враги наступают, но и на то, что начинается пьянство в огромном количестве. Для нормального обывателя, который жил в России, Смута была тяжелейшим потрясением.

МОРОЗОВА: В «Сказании» Авраама Палицына как раз описывается этот духовный кризис. Сказано, что православные люди перестали верить в Бога, грабят церкви, вытаскивают иконы, стали туда каких-то блудниц заводить, коней, собак. Автора больше всего возмущает то, что это не какие-то иноверцы, а православные, которые полностью разуверились во всем. Такое страшное падение нравов по стране началось, что просто некуда уже идти, — грабежи, пьянки, убийства.

ЛИСЕЙЦЕВ: Кстати, Авраамий Палицын отмечает, что хотя люди постоянно стонут о нищете и бедности, но при этом они «любезно прибирают серебро». То есть богатеют, но продолжают стонать о своем тяжелом положении. Ну а что касается прикосновения к «традиционным материальным ценностям», то ни один переворот, ни одно свержение не обходились без погрома винных погребов. Так произошло, и когда свергли Годуновых в 1605 году, этим же сопровождалось убийство Лжедмитрия в 1606 году.

КУРУКИН: Да, например, в 1612 году отряд казаков, воровских естественно, занял Вологду, потому что все перепились и защищать ее было просто некому! По свидетельству современника, «дети матерятся, родителей не слушают...». Такие вещи как раз были очень характерны для времени,

когда все прежнее, тот устойчивый мир, который существовал в сознании людей, вдруг ломается, все рушится, и никто не знает, как дальше себя вести, где правда, где ложь. Это был колоссальный духовный кризис, о котором мы плохо еще осведомлены.

— *Вы сказали о «воровских казаках». Это кто?*

НИКИТИН: Речь идет об одном из весьма красноречивых показателей последствий ослабления государственной власти. Где-то с конца XV — начала XVI века на окраинах Русского государства формируется вольное казачество — общины людей, которые добывали себе средства к существованию военным делом, в том числе элементарным разбоем.

КУРУКИН: Конечно, это были не те казаки, которых мы знаем по «Тихому Дону» — сословие на государственной службе, а, скорее, те, что известны по Гражданской войне. Появлялся «пан-атаман», который объединял вокруг себя всех, кого угодно, и эти люди контролировали определенную территорию — без всякой власти. Казаки начала XVII века — это и были кто угодно: вчерашние дворяне и представители знати, какие-нибудь поляки, или те, кого называли «литовскими людьми», татары, даже были казаки-евреи. Это называлось «приставство казачье» — мол, «мы, ребята, вас всех берем и защищаем».

НИКИТИН: Казаки традиционно формировали свои общины там, где государственная власть не может быть сильной, куда ее руки не могут дотянуться, — на окраинах. Однако в период смуты районами массового формирования казачества становятся не Волга или Дон, а центральные, обжитые районы страны. Это бывшие холопы, военные, крестьяне, тот деклассированный люд, который эта Смута плодит массами. Живут казачьи общины отнюдь не производительным трудом: максимум, что они могли делать, — ловить рыбу. Это им было не зазорно.

— *А разве нельзя было быстренько провести «избирательную кампанию» и заполнить вакантное место? Неужели подходящих кандидатов не было?*

МОРОЗОВА: Напротив! В большом количестве появились различные претенденты, но дело в том, что ни у одного из них не было достаточно веских оснований для занятия престола. Они не могли сказать, что я — сын, внук, родной племянник усопшего государя, то есть представитель прежней династии. А практики избрания «на государство» еще, в общем-то, до этого не было. Первым избранным царем был Борис Годунов, и его права считались малолегитимными. До того же существовала многовековая практика перехода власти по наследству внутри одного правящего дома. Василий Шуйский утверждал, что он — Рюрикович и что Рюриковичи имеют право на престол. Но таковых было невероятное количество, и если бы каждый из них предъявил свои права на престол, то, наверное, и до сих пор какие-то Рюриковичи на него все бы претендовали.

— *То есть просто одного желания занять престол было недостаточно? Но что же нужно было еще, если все равно династия*

пресеклась и прямого потомка Ивана Грозного уже было не найти? Откуда царя взять-то?!

РОГОЖИН: Сложилась очень выгодная ситуация, чтобы «объявить себя», — такой человек просто должен был появиться! Самозванство на Руси — тема животрепещущая. Любой переходный, революционный период обязательно связан с выдвижением самозванцев.

КУРУКИН: Смута открывает собой определенную полосу в истории России, когда самозванство становится буквально элементом существования политической системы. Самозванцы появлялись вплоть до середины XIX века.

РОГОЖИН: А разве не появлялись «чудом спасшиеся потомки Николая II»?

КУРУКИН: То, что появлялись самозванцы, это понятно. Вопрос в ином: почему люди им верили? Приходит некто и говорит: «Здравствуйте, я — царевич!»

— *Прямо как в комедии: «Очень приятно — царь!».*

КУРУКИН: Вот-вот, только здесь-то дело происходило совсем не в кино! Так, в 1611 году в Пскове поповский сын Матюшка Веревкин именно так и говорит: «Я — царь!» — и город Псков...

МОРОЗОВА: Он сначала в Карелии появился.

КУРУКИН: Не суть важно, присягал-то ему Псков. И первое ополчение присягает. Это очень интересный механизм мышления, сознания средневековых людей, когда царь становится некой сакральной фигурой, равно как и сама династия. А кто царь — это, так сказать, Господь определяет. Но раз Господь определяет, кто, то это можете быть вы, могу и я.

РОГОЖИН: Объявляя себя царем, «лжечеловек» входил в состояние Богоподобия. Здесь, конечно, идеология самодержавия, царизма, что также надо иметь в виду, производила совершенно магическое действие.

МОРОЗОВА: Таким образом, Лжедмитрий появился на волне того, что он назвал себя сыном Ивана Грозного.

КУРУКИН: Имеется ввиду Лжедмитрий I, как мы его называем, а он, естественно, себя так никогда не называл.

МОРОЗОВА: Конечно! Он объявил себя сыном Грозного, а значит, у него были права, чтобы занять престол. Когда же выяснилось, что это явный самозванец, то его свергли. В то, что Лжедмитрий II имеет какие-то права

на трон, никто уже не верил, но вокруг него образовалась политическая группировка, которой было выгодно иметь своего лидера, чтобы самим занять высокое положение.

— *Сколько же в итоге оказалось этих Лжедмитриев?*

КУРУКИН: Как мы знаем по учебникам, был Лжедмитрий I, Лжедмитрий II, Лжедмитрий III. На самом деле самозванцев было огромное количество.

РОГОЖИН: Может, их 15 было, может — и 30...

КУРУКИН: Я думаю, было намного больше, их никто и не считал. В России не только цари, но и патриархи были разные — уж это совсем было неприлично.

— *Одновременно — разные патриархи?!*

КУРУКИН: В том-то и дело... О том, сколько было

Лжедмитриев, судить не берусь, но могу гарантировать, что очень много. Просто о многих мы и не слыхали — их брали сразу же, как они «объявлялись». Недавно, просматривая документ о Тайной канцелярии XVIII века, я увидел, что в одном месте сидели сразу четверо детей Петра I. Мы же о них ничего не знаем — просто их взяли сразу.

ЛИСЕЙЦЕВ: А могли они действительно быть детьми «царя-реформатора»?

КУРУКИН: Самое интересное, что могли... Но это уже тема другого разговора.

— *Возвращаемся к нашей теме: кто такой Лжедмитрий I, откуда он взялся? Хотя мы привыкли именовать его Гришкой Отрепьевым, однако даже в Большой Советской энциклопедии об этом сказано только предположительно...*

РОГОЖИН: О том, кто такой Лжедмитрий I, существует очень много мнений. Наиболее традиционное — Григорий Отрепьев. Но, например, польские ученые не раз мне говорили: о том, что к ним пришел Григорий Отрепьев, они знают, а вот кто от них ушел — это вопрос, который до сих пор остается достаточно открытым.

МОРОЗОВА: Известно, что этот Лжедмитрий тайно принял католичество и обещал, что когда взойдет на престол, то введет у нас католичество или хотя бы унию. Он открыто исповедовал в русском обществе, что никакой разницы между католичеством и православием нет, что разделение церквей не нужно, потому как христианство все едино, а надо идти против турок. Такой человек был исключительно нужен католическим кругам, иезуитам!

РОГОЖИН: Сохранились документы, свидетельствующие о тесных связях Лжедмитрия I с ватиканским престолом, с римским папой, о поддержке — идеологической, возможно и финансовой — которую он получал оттуда. Это важно!

— *Так может он был какой-нибудь «немец»? Такого исконное название всех иноземцев, не умевших говорить по-русски, отчего люди православные вполне справедливо считали их немцами и именовали «немцами».*

РОГОЖИН: Известно, например, что он подписывался различными именами — с ошибками. Это может свидетельствовать как о том, что он действительно мог быть человеком другой нации, так и о том, что он мог быть просто малообразованным. Гораздо важнее, что в самом почерке, его написании я не вижу оттенков скорописи XVII века. На мой взгляд, русский человек так бы не написал, так бы не подвел черту. Хотя...

ЛИСЕЙЦЕВ: Есть версия, что он был воспитанником иезуитов, но сомневаюсь. У иезуитов очень хорошо была поставлена система образования, их ученик вряд ли бы подписался по-латыни «In perator» — в два слова, да еще и с ошибкой.

— *Как говорится, ясно, что ничего не ясно. Тогда пойдём от обратного: кто такой Григорий Отрепьев?*

РОГОЖИН: Со всей определенностью идентифицировать личность Отрепьева тоже достаточно сложно. Тем более что ему подобных было много, на «опустелое» место претендовал каждый бойкий умом, объявлял себя царем, собирал вокруг себя ватагу, «ополчение» и шел собирать налоги — грабить.

МОРОЗОВА: Многие, в том числе, кстати, и Борис Годунов, предполагали, что Отрепьев был взращен на русской почве, что его бояре «создали». Дело в том, что в 1600 году Борис ополчился на Романовых, родственников Федора Иоанновича, которые были двоюродными племянниками умершего царя и имели большие связи с ушедшей династией, чем Годунов. Он подозревал, что в конце концов они под каким-то предлогом заберут у него власть.

— *Теперь это называется «политическое предвидение»...*

МОРОЗОВА: Но дальше-то все пошло по-средневековому! Романовых обвинили в том, что они где-то добыли и прятали какие-то волшебные корешки, хотели ими Годунова извести. Эти корешки, естественно, были найдены.

— *Тоже знакомый прием...*

МОРОЗОВА: Начались разбирательства. Братьев Романовых было пятеро: Александра, в чьей казне нашли корешки, отправили в тюрьму, где тут же удавили, про него и разговора не было; старшего, Филарета, постригли; Михаила отправили в земляную тюрьму; Василия заковали в кандалы, у него гангрена началась; только один Иван остался... Опале подвергли также их детей и всяких родственников — Шереметевых, Репниных, Черкасских, Сицких... Многие из них погибли. Даже Иван Грозный, по- моему, до такого не доходил, чтобы извести весь род, — тот на конкретного человека или на семью ополчался, а этот и маленьких детей не жалел... Михаилу, будущему царю, было 4 года, когда его в тюрьму отправили с сестрой, которой 7 или 8 лет было.

— *Но Отрепьев здесь причем? Он же не из рода Романовых.*

МОРОЗОВА: Гришка Отрепьев служил сначала Александру Романову, потом Черкасским. Когда же опалы начались, то искали слуг и Романовых, и всего этого боярского рода. Потому огромное количество их было вынуждено бежать из центральных районов, многие верстались в казаки. Хотя Отрепьев уже был пострижен в монахи, но мог предполагать, что и до него докопаются — он все-таки был в Кремле и потому, предполагаю, бежал. Да еще и голодно было в то время. Бежал все туда же — на «окраины». Может, он там с другими

слугами сговорился, ему сказали: «Давай, ты вот маленький, замухрышка, рыженький. Как царевич...»

— *Тем более что в те времена не было не только телевидения и газет, но и похвального обыкновения украшать присутственные места, руководящие кабинеты и кабаки государевыми портретами. Кто там кого узнать-то мог?*

МОРОЗОВА: Тем более что царевича Дмитрия вообще мало кто видел — его выслали в Углич маленьким мальчиком, и неизвестно, в какого юношу он бы вырос. Возможно, у Отрепьева какая-то отличительная бородавка была, как у Дмитрия, поэтому его и подговорили...

ЛИСЕЙЦЕВ: По всей видимости, он был «заквашен» в Москве, а «выпечен» в польской печке. Иезуитам и папскому престолу такой, конечно, был нужен.

МОРОЗОВА: Поэтому в Польше он сразу нашел тех, кто его поддержал. Это могли быть иезуиты, польская знать, которая постоянно ссорилась с Годуновым за пограничные земли; король, который страшно хотел вернуть Смоленск... Он им все пообещал: Смоленск вернуть, Новгород и Псков отдать в управление Марине Мнишек, католичество ввести — ему ничего не было жалко, лишь бы ему помогли.

— *Имя царя Бориса прозвучало уже добрый десяток раз. Однако, что знает про него, кроме Пушкинской трагедии, современный читатель?*

КУРУКИН: Борис Годунов был очень грамотный политик — с моей точки зрения, как политик, был выше, чем

Иван Грозный. Если бы династия Годуновых утвердилась на престоле, мы бы сейчас непременно говорили о том, какой мудрый был царь Борис Федорович. Ведь именно он начинал делать кое-что из того, что спустя сто лет сделал Петр I. Например, послал русских детишек учиться за границу — в Оксфорд, Вену и в Любек. Правда, из них только один вернулся.

— *Вековая традиция «невозвращенчества»?*

МОРОЗОВА: Нет, просто они там жили за счет русской казны. А как началась смута, никто уже денег не присылал, и они вынуждены были приспособливаться на месте. Потому и не вернулись.

КУРУКИН: Годунов первый стал целенаправленно приглашать иностранцев. Почему, например, у нас есть многие мемуары? Это те люди, которые тогда пришли служить в Россию.

МОРОЗОВА: Его признавали за рубежом — он вел переписку и с королевой Елизаветой, она его называла «братом», и, по-моему, даже с императором Священной Римской империи Рудольфом, который признавал его представителем королевского рода. А русские люди обвиняли его за любовь к иноземцам...

— *То обвинение, которое постоянно звучало и в адрес Петра I.*

МОРОЗОВА: В искусстве существует «стиль Годуновых» — считается, что они очень много сделали для развития архитектуры, прикладного искусства, иконописи. До сих пор сохранились замечательные подмосковные

постройки. У них была большая книгописная мастерская, и книги свои они дарили в монастыри. Есть «Годуновский псалтырь» — из этой мастерской, очень красиво написанный, украшенный.

РОГОЖИН: Интересна попытка Годунова спасти положение строительством колокольни Ивана Великого — здесь, кстати, можно вспомнить сталинские «высотки».

Закладывается и строится самая величественная, невероятной по тем временам высоты колокольня, которая, помимо прочего, давала еще заработок многочисленным строителям и отвлекала народное сознание от проблем, бед и голода, царивших в стране. Так что он и тактик был интересный.

МОРОЗОВА: Годунов был просвещенный человек. Он, например, задумал очень плотное строительство в Кремле. Мало кто знает, но он желал построить здесь точные копии Иерусалимского храма Святая Святых и Гроба Господня — и все это было почти построено. Для постройки были отлиты золотые фигуры ангелов, апостолов, и потом, когда свергли Годуновых, начались грабежи, тогда выволокли этих ангелов и все решили, что это образ самого Бориса.

— *Почему, если все поначалу было хорошо, потом завершилось крахом?*

МОРОЗОВА: Как мне кажется, прежде всего, он вызвал жуткое недовольство своей политикой по отношению к боярству.

КУРУКИН: Годунов действительно был совсем не плохой царь, да только история — штука незапрограммированная. Борис, говоря современным языком, блестяще провел свою избирательную кампанию: человек, не имеющий никаких шансов на престол, становится царем. Он обыграл всех!

МОРОЗОВА: У него, кстати, не было соперников...

КУРУКИН: Все равно! И вот первые два года — великолепно. Добавим к его достижениям прекращение конфронтации на западной границе, широкомасштабную восточную политику — установление связей с Грузией, создание русской крепости на Северном Кавказе, прекрасные отношения с Ираном, куда, кстати, в качестве подарка поставили ко двору шаха Аббаса самогонный аппарат. Первая техническая помощь восточной стране!

ЛИСЕЙЦЕВ: И также идеологическая диверсия против ислама!

КУРУКИН: А потом началась катастрофа. Случилась та самая кризисная ситуация, которые повторяются раз в 100 лет — страшный голод. На Руси неурожай дело обычное, по статистике каждые 7 лет неурожай. Но обычно как? Неурожайный год, потом — нормальный. А тут — три года подряд... Это национальная катастрофа, мы даже не можем подсчитать, сколько людей тогда погибли. Отсюда — логика нормального мышления: почему катастрофа? Да вот царь у нас неправильный. И дальше: если царь неправильный, то кто мог убить царевича Дмитрия? Кто мог быть злодеем?

МОРОЗОВА: Нет, его только обвинили, что он мог покуситься, — раз появился реальный Дмитрий, значит, он только покушался.

КУРУКИН: Но ведь все равно злодей!

МОРОЗОВА: Если бы все были довольны, страна процветала — думаю, никакой Лжедмитрий внутри страны не получил бы поддержки. Если все довольны, зачем он нужен?

КУРУКИН: С Борисом Годуновым произошло самое неприятное, что может произойти для любого политика — утрата доверия. А раз царь «неправильный», значит, по логике мышления человека той поры, где-то есть «правильный», поскольку вообще не быть царя не может. А раз он где-то есть, то должен появиться. Так запускается «механизм самозванчества».

РОГОЖИН: Важно то, что была еще очень сильная поддержка со стороны Польши и заинтересованность со стороны папского престола.

МОРОЗОВА: Естественно, план окатоличевания Руси существовал издавна, да и до сих пор не отменен.

ЛИСЕЙЦЕВ: У нас этот факт почему-то не очень известен, хотя в польской литературе он довольно часто упоминается. Когда войска Сигизмунда вторгались на территорию России, то покровителем похода — «небесным патроном» — назначен был Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов. Римский папа благословил меч и шлем у короля Сигизмунда III, благословляя его в поход против «русских раскольников, схизматиков».

РОГОЖИН: Ну а когда есть деньги, финансирование, то тогда, естественно, находятся и желающие.

КУРУКИН: Однако из всех из них только Лжедмитрий I был единственным, кто стал законным царем — большинство населения все-таки его признавало.

МОРОЗОВА: Ему верили — другим уже не верили.

ЛИСЕЙЦЕВ: Кто же все-таки такой был Лжедмитрий? Мне очень нравится выражение писателя Венедикта Ерофеева: «Самая большая загадка русской истории — убил ли Борис Годунов царевича Дмитрия или как раз наоборот?» Совершенно разные есть версии, в том числе и достаточно фантастические, что это был реальный царевич, который чудесно спасся. Некоторые польские авторы и сегодня поддерживают эту мысль. Но, наверное, это действительно не совсем важно, кто он был на самом деле, очень важен вопрос, почему верили ему?

МОРОЗОВА: Одна из причин в том, что он был «гонимый царевич». По легенде, Борис Годунов хотел его убить, а он где-то скрывался, прятался по монастырям, терпел невзгоды. Все и захотели помочь такому гонимому.

— *Как показывает наша история, эта испытанная веками политехнология беспроигрышна...*

ЛИСЕЙЦЕВ: Верили также еще и потому, что сам Лжедмитрий верил в свое особое происхождение. Он, может быть, даже не был самозванцем в строгом смысле слова: по его поступкам просматривается, что кто-то очень основательно убедил его в том, что он и есть царевич. Заведомый самозванец

должен вести себя гораздо аккуратнее. По крайней мере не эпатировать, не шокировать москвичей своим совершенно нетрадиционным для русского царя и русского человека вообще поведением. Он же бросает вызов обычаям: не спит после обеда, в баню ходит реже, чем это заведено у русских. Заводит у себя при дворе польские одежду, предметы сервировки стола — вилку ту же самую. Запросто держит себя с простым народом; прыгает в седло по-гусарски, а не подсаживается туда придворными, с рогатиной идет на медведя, в то время как наши цари как максимум травили медведем кого-нибудь; заходит в купеческие лавки, беседует с торговцами. В общем, ведет себя совершенно не как царь. Даже решается на встречу с матерью царевича Дмитрия при огромном стечении народа. Потом это объясняли тем, что ее предварительно запугали. Но если бы монахиня, которая отреклась от мира, выкрикнула: «Не сын это мой!», его попросту бы растерзали!

МОРОЗОВА: Между прочим, довольно долго Лжедмитрий, как кажется, нравился русскому обществу. Многие дворяне его поддерживали, войско... Во-первых, он дал льготы всем Северским городам, которые его поддерживали: Чернигов, Путивль и т. д. Он освободил их от налогов, и потому потом, когда Василий Шуйский пришел к власти и все это отменил, они против него новый заговор организовали. Во-вторых, он произвел всех тех, кто пришел на его сторону, в бояре. Боярская Дума просто распухла до небывалых размеров. Тому, кто был менее родовит, дал окольное, кому-то — думное дворянство.

ЛИСЕЙЦЕВ: Много было сказано о Годунове как о политике, но то же самое можно сказать и о самозванце, который также во многом оказался предтечей Петра I. Он переименовал Боярскую Думу в Сенат, собирался, как и Петр, идти на Азов и, кстати, проводил учение, пытаясь обучить русские полки «иноземному обычаю», принял титул императорский... Он продолжал и политическую линию, начатую Годуновым, — то же самое продвижение на юг и на Кавказ. Надо сказать, что он пользовался среди русских людей довольно большой популярностью.

МОРОЗОВА: Слабость Бориса Годунова, как я считаю, была в том, что он не воевал. А русское общество в то время было военизировано, дворянство было воинами, которые получали плату за военную службу. Если царь не воюет, значит, у них нет роста, нет возможности получить новые земли, какие-то оклады... Поэтому, особенно для провинциального дворянства и молодежи, Годунов был просто невыгоден. Причем царь он был старый, а при русском дворе было заведено: если царь старый, то и окружение у него старое, если же молодой, то соответственно... Лжедмитрий был молод, молодежь вокруг него могла расти.

— *Но мы говорили о том, что он дал полякам и Ватикану большие авансы...*

ЛИСЕЙЦЕВ: В школьных учебниках его называли «польской марионеткой», но таковым он не был! Он ничего не отдал полякам, а иезуиты в панике сообщали римскому папе, что он не только ничего не делает для

введения католичества, но и поддерживает православие за рубежом, держит около себя протестантов и даже, что тоже очень малоизвестный у нас факт, разрешил персидским купцам построить для себя в Астрахани мечеть. Совершенно небывалый случай!

— *Почему же тогда судьба Лжедмитрия оказалась столь трагичной? Чем он провинился перед народом?*

ЛИСЕЙЦЕВ: Народ здесь ни при чем! Заговорщики бросают клич: «Поляки хотят убить царя Дмитрия!» — и народ идет бить поляков. Тем временем заговорщики, воспользовавшись суматохой, устраняют царя и только потом объявляют его «польской марионеткой»... Между тем, когда в ночь на 17 мая толпа заговорщиков врывается в Кремль, он не бежит, не прячется, а высовывается в окно, трясет алебардой: «Я вам не Годунов!» Даже в последних словах Лжедмитрия видна его убежденность в том, что он имеет право на власть.

МОРОЗОВА: Мне кажется, его подкосила женитьба на Марине Мнишек. Если бы он женился на знатной русской девушке, то вокруг него сплотились бы все родственники, получившие возможность возвышаться и богатеть...

— *Да, известно, что породнившиеся с государем дворянские роды взлетали самым немыслимым образом. Вспомним Долгоруких — уже XVIII век, но все-таки...*

МОРОЗОВА: Однако Лжедмитрий предпочел Марину, которая приехала из Польши с огромным количеством родственников, чуть ли не трехтысячной свитой, и все поняли, что они вокруг царя окажутся. Кому это нравилось?

— *Что же непосредственно явилось причиной возмущения?*

МОРОЗОВА: Свадьба Лжедмитрия, которая продолжалась несколько дней. Если в первый день еще приглашали русскую знать, и свадьба была по русским традициям, то дальше она шла по польским обычаям. Плясали, музыка играла, пели, женщины присутствовали — все это было у нас не положено. Потом царь вообще перестал приглашать русскую знать. Поляки всю ночь гуляют, пляшут, а русские со стороны смотрят. Поляки хотели еще и «машкарад» устроить, все маски взяли, ну и Лжедмитрию на лицо маску надели, дудку в руки дали. В общем, всего этого русские люди не выдержали! Заговор возник буквально мгновенно.

— *Обратимся к историческому описанию: Лжедмитрий сбыл застрелен сыном боярским Григорием Валуевым, который перед своим выстрелом воскликнул: “Вот я благословляю польского свистуна”. Дорубленный другими заговорщиками, Лжедмитрий был отдан на поругание толпе. Прах его впоследствии был сожжен. Затем собрали пепел, зарядили им пушку и выстрелили. Таков был жалкий конец этого умного и даровитого авантюриста». А между тем Смута ведь продолжалась...*

МОРОЗОВА: Она была связана с верховной властью, и, как я считаю, Смута крутилась вокруг претендентов на престол. Вокруг каждого из них

формировалась определенная социально-политическая группировка, и эти группировки сражались между собой, пока не вмешались еще и иностранцы. Только когда началась интервенция, тогда русские люди наконец-то опомнились, поняли, что им нужно объединиться и прекратить междоусобную борьбу, выбрать единого кандидата, вокруг него сплотиться и выгнать всех интервентов.

НИКИТИН: России общественно противопоказаны ситуации, когда государство слабо, а власть киселеобразна. То ли мы народ такой дикий, то ли какие-то экономические процессы у нас еще не завершены, но как только власть ослабевает, нас тут же отбрасывает назад. России нужна власть сильная, поэтому и народ тоскует по «сильной руке», и общество постепенно к этому приходит.

РОГОЖИН: Именно Смута зародила в России начала абсолютизма. После нее начинается консолидация во всем: в административной власти, в объединении церковной и светской власти, увеличивается количество государственных учреждений, появляются новые, прежде всего военные, приказы. Главное, оформляется Патриарший двор, при котором образуются такие же дубли государственных учреждений, основных приказов, как и вокруг царя. Это была очень мощная административная единица, это усиление идеологии прежде всего. Выход из Смуты был, конечно, на единении царско-светской и церковной власти. Но самое главное, что, так сказать, в сознании самих людей родилась «партия порядка» — стремление в народе к порядку. Это, собственно, и выдвинуло лидеров, которые возглавили движение и по освобождению, и по избранию новой династии. Та «критическая точка», которой

достигли в Смутное время, в итоге произвела переворот в народном сознании.

— *А что в данном случае считать «критической точкой»?*

КУРУКИН: Время 1610-1611 годов, когда, по сути дела, реально исчезает всякая верховная власть как таковая.

МОРОЗОВА: А Владислав?

КУРУКИН: В том-то и дело! В Москве ведь сидели бояре царя Владислава.

МОРОЗОВА: Значит, «критическая точка» — это когда поляки заняли Москву и взяли власть в свои руки!

КУРУКИН: Ну, от этого мало что меняется — главное, опять-таки, прекращает действовать система управления в масштабах страны. И тут уже совершенно неважно, кто у власти.

ЛИСЕЙЦЕВ: Так что это все-таки именно 1611 год! Конец 1610-го прошел еще под влиянием иллюзии, что возможно воссоздание государства при польской династии королевича Владислава Сигизмундовича. Иллюзии развеиваются весной, когда восстает народ в Москве, безуспешно пытается выбить оттуда польский гарнизон и Москва сгорает; когда в апреле король Сигизмунд, нарушая международные законы, интернирует русское

посольство; это арест и смерть Гермогена; это взятие Смоленска — последнего крупного форпоста, который отделял польскую армию от Москвы; это распад 1-го ополчения летом 1611 года, когда опять не стало единства в русских людях. Да тут еще и взятый шведами Новгород — интервенция еще одного государства, на северо-западе. Пожалуй, это и был тот «критический момент», когда дальше катить некуда, полная гибель — и столица в руках у поляков.

МОРОЗОВА: Тогда стало ясно, что король Сигизмунд не хочет отдавать на царствование своего сына, а желает присоединить Русскую державу к своей короне — она по-

теряет национальную независимость, станет придатком польского государства. Вот тогда все осознали, поняли, что дальше уже просто край и что все они идут, как тогда говорили, «работать к польскому королю». Откалываются большие куски территории — Новгород, Смоленск; Казань ведет непонятно какую политику: там умудрились присягнуть Лжедмитрию II, которого в живых уже не было, — лишь бы отделиться от основного государства, хотя бы так, внутри. Местные воеводы понимали, что им ни к чему посылать налоги в центр, когда они могут оставить все у себя и сами править своей территорией. Одним из первых осознал угрозу патриарх Гермоген — он понял, что православие уже никому не нужно, что никаких вооруженных сил нет и сопротивляться никто не будет. Тогда он начал рассылать грамоты по городам с призывом прийти на помощь вере и отечеству. Также Прокопий Ляпунов — он стал призывать объединиться воевод и городовые отряды, пойти на Москву, выбить оттуда поляков.

— *Так образовалось первое земское ополчение?*

МОРОЗОВА: Да, разумеется. К нему присоединились остатки Тушинского лагеря — Трубецкой, Заруцкий, но они же потом в итоге и подорвали это ополчение изнутри. Ляпунов считал, что нужно освободить Москву, собрать Земский собор и избрать какого-то представителя на престол. А Заруцкий считал, что уже есть этот претендент — сын Лжедмитрия II, маленький Иван Дмитриевич, «Воренок», и Марина Мнишек, которая уже была коронована. Кстати, Марина в Польшу возвращаться не хотела, писала письма Сигизмунду, что она — московская царица и у нее все права на престол. Внутри ополчения возникли разногласия, Ляпунова убили по доносу, городовые воеводы все разъехались, осталась очень маленькая часть, но они все-таки держали в осаде польский гарнизон, не давали подвозить ему продовольствие. Тем самым они как бы создали плацдарм для второго ополчения.

— *Пожалуй, это наиболее известная страница истории Смутного времени, словно бы вырванная советской историографией из его контекста — Минин и Пожарский, освобождение Москвы... Поэтому мы ее перелистнем и обратимся к Земскому Собору. Или для историков с этим вопросом все и так понятно?*

МОРОЗОВА: Нет, здесь все было совсем не просто. Земский Собор очень долго собирался — приблизительно до середины января 1613 года. Представители городов, очевидно, ехать опасались, им многократно рассылались грамоты. Сначала просили по десять человек от каждого города, потом — по тридцать. Где-то от 50 городов приехали представители. Все же на Земском Соборе в основном были представители ополчения. Второе ополчение там доминировало. Конечно, ополченцы могли бы сказать, что никто не приехал, и сами избрать, предположим, Трубецкого. Но что если его не поддержат города, как не поддерживали Шуйского? Тогда вновь началось бы междоусобие. Делать этого категорически было нельзя. Нужно было все-таки добиться более-менее солидного кворума.

ЛИСЕЙЦЕВ: Действительно, ведь Михаил Романов не был единственно реальной кандидатурой — претендентов было гораздо больше. Разумеется, это был Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, есть данные — правда, достаточно спорные, — что претендовал на престол Пожарский...

МОРОЗОВА: Почему своим лидером ополченцы выбрали Трубецкого? Во-первых, он был знатный князь, Гедеминович, а Пожарский был довольно худородный; во-вторых, он был боярин, хотя и тушинский, а Пожарский носил чин стольника, это низкий чин, а чины в то время очень уважали.

ЛИСЕЙЦЕВ: Была даже мысль об избрании иноземца, и, как ни странно, некоторое время Земский Собор предполагал договориться с поляками о том же Владиславе. К Сигизмунду отправили грамоту: мол, они не отказываются от Владислава, и если он выведет свои войска из России и признает наши условия, то мы будем продолжать переговоры. Достаточно долго рассматривалась кандидатура шведского принца. Предлагали корону и одному из Габсбургов, летом 1612 года было даже отправлено посольство в империю, но потом, правда, это посольство старательно дезавуировали, говорили, что оно действовало по своему почину. Есть информация, что и касимовского хана Симеона Бекбулатовича предлагали, хотя он и был пострижен в монахи, и слепой, и старый уже, и очень больной. Но история знает немало случаев, когда именно такая фигура оказывается наиболее удобной.

— *Однако в конце концов Земский Собор остановил выбор на Михаиле Федоровиче Романове. Почему?*

МОРОЗОВА: Я считаю, Михаил Федорович был избран только потому, что был ближе всего по крови к прежней династии. Он был двоюродным племянником Федора Ивановича, хотя и по женской линии. Нужно было показать какую-то преемственность: ясно, что «выборные» цари поддержки у многих не находят.

ЛИСЕЙЦЕВ: Мало того, что Михаил был по родству близок ко всем боярам, он, по всей вероятности, в силу возраста и слабости здоровья оказался компромиссной фигурой.

— *Но ведь раньше писалось, что Романовы были довольно-таки худородные.*

МОРОЗОВА: Ничего подобного! Это был очень знатный боярский род, состоявший в родстве с Мстиславскими, с Шуйскими, Шереметевыми, Черкасскими, Лыковыми, Сицкими...

КУРУКИН: Только род был нетитулованный.

МОРОЗОВА: Да, не князя Рюриковичи, но они были знатным боярским родом. Известна легенда, что предок их, Андрей Кобыла, выходец из Пруссии, и там находили какого-то Камбилла. Другие считают, что это — старомосковское боярство. Романовы служили московским князьям с начала XIII века.

КУРУКИН: К тому же, поскольку Михаил был мальчишкой, его ни в чем и упрекнуть нельзя. У всех прочих были какие-то темные пятна в биографии...

МОРОЗОВА: Для простых людей у него тоже была очень подходящая биография: Борис Годунов всячески пытался его уничтожить, он с четырех лет сидел в тюрьме, у него появилось много хронических болезней от этого.

— *Считается, что Смутный период в истории России заканчивается с избранием на царство Романовых...*

КУРУКИН: Нет, Смута продолжалась еще несколько лет.

МОРОЗОВА: Это не совсем была Смута, но ее последствия. Ведь в 1613 году государственная власть в целом была уже восстановлена, порядок в стране наводился, около царя, который еще только двигался из Костромы в Москву, уже есть определенные вооруженные силы. А то, что были где-то казаки на окраинах, какие-то очаги волнения...

КУРУКИН: А сколько пришлось воевать с казаками? Были восстания, воеводы с ними справиться не могли, и в итоге приглашали этих «полевых командиров» на государственную службу. Верстали поместьями, лишь бы прекратить, потому что сделать с ними нельзя было ничего. Только к 1619 году с ними разобрались.

ЛИСЕЙЦЕВ: Конечно, с избранием Михаила Смута не завершилась. Возьмем 1618 год, октябрь — под Москвой стоит польское войско, к которому присоединяются и запорожские казаки, и литовские люди многие, там и законно избранный царь Владислав. В это же самое время в Москве сидит другой законно избранный царь, Михаил Федорович. Чем вам не ситуация 1608 года, когда в Москве — законно избранный царь Василий Иванович, под Москвой — законный по родству «Дмитрий Иванович» — Лжедмитрий II?

МОРОЗОВА: Но тогда-то общество разделилось пополам, много было тех, кто поддерживал Лжедмитрия II, а здесь общество не разделилось.

ЛИСЕЙЦЕВ: А если бы Владислав взял Москву?

МОРОЗОВА: Как бы он ее взял, если русские люди всячески ее обороняли? Никто не хотел его поддерживать, поэтому он и вернулся. Если бы он нашел себе единомышленников или тех, кто захотел бы ему служить, — он не вернулся бы домой, он бы остался и продолжил эту Смуту, и котел этот заварился бы опять.

ЛИСЕЙЦЕВ: Я отношу завершение Смуты к 1619 году — после смерти Гермогена Русская православная церковь очень долго была лишена своего предстоятеля, и Москва оставалась без патриарха, пока Филарет Романов не вернулся из Польши.

НИКИТИН: По мере укрепления государства казачество не по своей воле уходит из центральных районов страны на окраины, но и эти окраины постепенно начинают втягиваться в систему господствующих в Русском государстве социальных отношений. Вот тогда и кончается Смута.

— *А можно сформулировать, почему она закончилась?*

НИКИТИН: Если совсем коротко, то народ, нагулявшись, одумался. Хотя какой народ? Прежде всего — элита. Произошла консолидация господствующего класса. Раньше бояре и дворяне друг друга видеть не могли, а когда поняли, что те же казаки желают стать вместо дворян служилым классом в Московском государстве, и от того под дворянами и боярами земля несколько заколебалась, то все решили, что лучше жить дружно, чтобы такого больше не повторялось.

КУРУКИН: В период Смуты мы видим попытки установления нового государственного порядка, однако это не привело к появлению каких-то новых политических структур. В результате Смутного времени возобладал достаточно консервативный вариант. Что, кстати, закономерно: мы идем не к модернизации, а к восстановлению старины.

МОРОЗОВА: В «Утвержденной грамоте» Михаила Федоровича было четко сказано, что возвращаемся к тому прекрасному времени, что было при Федоре Ивановиче. Чтоб страна так же ширилась, чтобы люди так же без кровопролития жили, чтоб все было так же надежно, прочно и процветающе. Вот к чему все хотели вернуться.

— *Весьма похоже на вступление на престол императора Александра I, его обещание: «Все будет, как при бабушке»*

КУРУКИН: Не знаю, как с точки зрения мировой истории, но у нас в России такая закономерность — после смуты возобладает консервативный вариант.

НИКИТИН: После революции — контрреволюция.

ЛИСЕЙЦЕВ: Русское общество и Московское государство удержалось, по-моему, на двух столпах: первый — православная вера, та последняя грань, за которую русский человек никоим образом отступать не желал, второй — национальная консервативная идеология. Русские люди захотели жить, «как при прежних государях повелось». Новшества им были не нужны. Полякам они на переговорах совершенно четко говорили: «Вольностей мы ваших польских не хотим. Они только для знатных людей, простому же человеку от них хуже будет».

— *То есть, выйдя из Смутного времени, Россия оказалась как бы отброшена назад по всем параметрам?*

ЛИСЕЙЦЕВ: Нет, напротив! Ключевский сказал, что именно Смута впервые породила поколение, которое стало заботливо и тревожно

посматривать на еретический Запад в поисках выхода из домашних затруднений, не поступаясь при этом принципами благочестивой старины. Там можно заимствовать что угодно — мушкеты, военный строй и т. д., не трогая народной души. Следует сохранить прежний порядок в неприкосновенности, оставить в неизблемости православие — и можно потихонечку модернизироваться, европеизироваться.

РОГОЖИН: Выход из Смуты произошел на единении царско-светской и церковной властей, что, на мой взгляд, дало колоссальный взлет, способствовало упорядочению системы государственного управления, упрочению централизованного государства. Это при том еще, что патриархом был отец царя.

— *Однако мы совсем забыли про восстание Болотникова, некогда популярное у наших историков. Оно-то к чему привело?*

МОРОЗОВА: Вопрос сложный. Некоторые считают, что так называемая крестьянская война под руководством Ивана Болотникова велась за отмену крепостного права. Но все дело в том, что крепостного права как такового еще не было. И за что тогда этот Болотников сражался?

НИКИТИН: Сейчас, думаю, ясно, что это никакая не была крестьянская война, хотя из учебника в учебник переходило как аксиома, что она, как и все крестьянские войны, имела сугубо прогрессивное значение. А в чем прогресс — в том, что на полстолетия было отодвинуто окончательное закрепощение крестьянства, тогда как крепостное право было в России явлением неизбежным? Предначертанное совокупностью исторических обстоятельств развитие России через период крепостничества как бы на полвека остановилось.

— *Может, движение по одному из возможных направлений? И все же, какая задача стала приоритетной для молодого государя Михаила Романова?*

МОРОЗОВА: Наводить в стране порядок! Это была самая первая, самая главная задача, которую он перед собой поставил. А потом по возможности возвращать утраченные территории — и эта задача также им решалась.

— *Звучит достаточно злободневно.*

Россия: история выживания

Главная проблема, с которой сталкиваются исследователи, — крайне ограниченное количество достоверных источников. Об этой проблеме, а так же о некоторых загадках прошлого — наш разговор с известными авторами исторических исследований Ярославом Кеслером и Сергеем Валянским.

— *Современная концепция истории народов Евразии — когда она возникла? Кто стоял у истоков ее создания?*

КЕСЛЕР: «Отцом истории» традиционно считается Геродот, труды которого относят к V веку до н. э. Ему, в частности, принадлежит описание

скифов, имеющих прямое отношение к истории России — «Да, скифы мы...», — писал Александр Блок. Скифия изображалась на картах еще и в XV, и в XVI веках.

Известно, что в истории до сих пор главенствует не естественнонаучный подход, а идеологическая парадигма, которая определяется геополитическими и региональными экономическими и политическими интересами. Помните, у нас утверждалось, что история стала наукой только на основе идей Маркса и Энгельса — «исторический материализм». Однако и сегодня остается совершенно справедливым определение, данное истории в Британской энциклопедии 1771 года, где она названа «Историей деяний» (History of Actions): «История деяний — некоторым образом упорядоченный ряд достопамятных событий». Какие события считать достопамятными, каким образом их упорядочить, — это остается на усмотрение историографа. Потому все то, что понимается под историей сегодня, это историография, когда писания отдельных историографов так или иначе объединяются в «курсы истории» на основе общественного компромисса в условиях определенной политической конъюнктуры.

— С «истматом» — понятно. Каковы другие варианты трактовки истории?

КЕСЛЕР: Ну, до XVII века она строилась целиком на «божественной» идее, подчиненной, соответственно, интересам церкви. В период XVII-XIX веков главенствующей исторической идеей стала идея гуманизма. Таким образом, идейная направленность традиционной европейской истории очевидна: она сложилась в XVI-XVII веках, в эпоху Реформации и Контрреформации, в результате идейного компромисса между «клерикальными» историками и историками-«гуманистами» на почве укоренения философии национальной государственности. Заметим, что большинство философов того времени отличались идеологической беспринципностью: яркие тому примеры Николо Макиавелли и Мартин Лютер. Тех же, кто не хотел участвовать в идеологическом компромиссе, попросту уничтожали — Томас Мор в Англии, Джироламо Савонарола в Италии, Матвей Башкин в России... В результате единственными принципами крупнейших историков того времени стали лозунг Макиавелли — «Цель оправдывает средства» и клич Лютера — «Кто не с нами, тот против нас». Исходя из этих «принципов», австриец Куспиниан вывел непрерывную родословную Габсбургов от... Юлия Цезаря.

— То есть «ход истории» власть имущие определяли?

КЕСЛЕР: Современную историческую традицию, сложившуюся к середине XVII века, создал не только идейный компромисс новых империй и Папского Рима — ее создал и бизнес. С середины XV века стараниями прежде всего флорентийских банкиров Медичи, а затем банкирского дома Фугтеров история стала предметом весьма выгодного бизнеса — начиная от торговли «священными реликвиями» и кончая изготовлением и продажей «древних

рукописей», позднее входивших в научный обиход... В это время происходит важное цивилизационное событие — появление книгопечатания, стимулированное неудовлетворенным рыночным спросом на книги. Именно тогда внезапно появляется изобилие только что обнаруженных «древних» рукописей и хроник. Они обрываются «где-то в древности»: типичный пример — летопись Саксона Грамматика, обрывающаяся в 1185 году и обнаруженная в 1514 году. Она была положена в основание истории скандинавских стран. То же касается и других хроник. Например, аналогичную «древнепольскую», простирающуюся до 1113 года, написал некий Галл Аноним, а обнаружена она в том же XVI веке и т. д. У каждой европейской монархии в течение XVI-XVII веков появился свой «Нестор-летописец». Характерно, что все подобные хроники «обнаружились» после некоторого обязательного разрыва во времени и не имели однозначной привязки к единой хронологической шкале. К какому времени отнести какую хронику в то время определяла не общепринятая сквозная хронология, которой еще не было, а, скорее, историческая география, привязанная сначала к какому-либо региону, а уж только затем отнесенная ко времени в прошлом. Такие «древние» хроники были, так сказать, «экспериментальным материалом» средневековых хронологов при создании традиционной истории.

— *Как это обстоятельство трактует современная историческая наука?*

КЕСЛЕР: При обнаружении хронологического разрыва традиционная история «обходит» его за счет географии и «сшивает» временные отрезки перемещением событий в пространстве. Поэтому в традиционной истории любых региона, страны, нации есть цивилизационные провалы, сопровождающиеся бурным расцветом цивилизации в некотором другом, достаточно отдаленном месте. Например, когда в Европе «настали мрачные века средневековья» и цивилизация откатилась назад, на Арабском Востоке «наступил расцвет новой цивилизации». Затем, лет через 700, уже Восток «впадает в варварство», а в Европе «наступает Возрождение». Характерно, что документы, призванные заполнить исторические лакуны, как правило, «счастливы обнаруживались» вслед за тем, как к этим лакунам привлекалось внимание общественности.

— *Как же возникла нынешняя хронология мировой истории?*

КЕСЛЕР: Вот что пишет наш современник — крупнейший западноевропейский историк Бернар Гене: «Одним из главных достижений учености XII века оказалось то, что она воспользовалась устными свидетельствами и устным преданием. Другим великим начинанием историков XII века, быть может, наиболее трудным, было освоение времени. В итоге ста лет эволюции весь Запад, наконец, согласился поместить каждый год в непрерывный ряд от Рождества Христова, и все без исключения стали, наконец, относить само Рождество к одному и тому же году — независимо от имевшихся сомнений и колебаний. Затем, после того как было установлено

всеобщее согласие относительно христианской эры, историкам пришлось разрешить еще одну сложную задачу: указать год от Рождества Христова для различных дат, которые сообщали им тексты, и закрепить на одной и той же хронологической шкале факты, относительно которых ни письменные источники, ни память человеческая не сообщали точного времени. Знатоки церковных календарей, виртуозы по части хронологии, монахи XII века справились с этой задачей так успешно, что это и сегодня вызывает изумление».

— *То есть, хронология древней истории, так сказать, «создана» в XII веке?*

КЕСЛЕР: Бернар Гене писал так: «За полвека энергичной деятельности бенедиктинские ученые спасли, учитывая их возможности, от прошлого все, что можно было спасти. Случилось так, что их преемники не получили стимула для новых изысканий в этой области. Они просто продолжали рассказывать о своем времени. Историки XII века были в первую очередь исследователями. Историки XIII века были прежде всего свидетелями». За этими строками выдающегося историка, возможно, скрывается гораздо более глубокая информация об осознании человечеством такого понятия, как «время», и о сущности хронологии.

— *Что значит — «сущность хронологии»?*

КЕСЛЕР: Под термином «хронология» понимаются две совершенно разные вещи: во-первых, хронология — как последовательность событий во времени, и, во-вторых, хронология — как наука об измерении времени. При этом под «исторической хронологией» понимают вспомогательную историческую дисциплину, которая изучает системы летосчисления и календари разных народов и государств, а также помогает устанавливать даты исторических событий и возникновения исторических источников... Замечу, что наблюдение за окружающей природой не дает человеку абсолютной «точки начала времени». Отсчет времени от «Большого Взрыва» так же конвенционален, как, скажем, и от «Сотворения Мира». Но наблюдение за природой предоставляет возможность сопоставления текущих событий с природными циклами. Эти наблюдения и легли в основу многочисленных вариантов календарей задолго до появления хронологии — в ее первом понимании. Это тема отдельного и сложного разговора.

— *Основные единицы измерения времени в истории — год, век, тысячелетие. Когда, например, возникло понятие века?*

КЕСЛЕР: Примерно до конца традиционного XV века счета на столетия, возможно, не было вовсе. Историк А. Г. Кузьмин пишет: «Отметим, что буквальное значение слова «век» в древности — это срок жизни предмета, явления, человека. Это хорошо известно и подтверждается большим количеством источников... Это слово было наиболее употребительно для обозначения жизни одного поколения. Основное значение латинского

соответствия славянскому веку — saeculum — как раз «поколение», «век человеческий».

Ну а с конца XVIII века историография редактировала все источники в соответствии с уже установленным хронологическим каркасом. Естественно, при этом историографы вымарывали все несоответствовавшее и сочиняли недостававшее, неоднократно переписывая заново сочиненное предшественниками. Многие реальные события нередко вычеркивались или отправлялись в далекое прошлое.

— *И все приняли эту «версию»?*

КЕСЛЕР: Нет, потому как универсальная хронологическая шкала тут же выявила неувязки в традиционной истории. Основоположник «критического метода в истории» Бартольд Нибур в первой четверти XIX века доказал, во-первых, что значительная часть предыдущей исторической писанины мифологична и недостоверна; во-вторых, предложил заполнять образовавшиеся зияющие лакуны традиционной истории методом «интерполяции», т. е. «сшивания» хроник рядом некоторых «реконструированных» событий по образцу и подобию тех, которые считают «достоверными»...

— *Существует ли возможность восстановления подлинной истории России?*

ВАЛЯНСКИЙ: Историю России фальсифицируют постоянно. Что мы знаем о приходе Горбачева к власти, о ГКЧП, восстании 1993 года, выборах 1996-го, о дефолте 1998-го? И так — за что ни возьмись, и в недавнем прошлом, и в давнем. Есть ложное мнение, что подлинная история была, в общем-то, известна, но в какой-то момент «злые люди» ее исказили, но уж теперь-то искажений быть не может. Мой совет: читайте Оруэлла «1984». «Министерство правды» работает всегда! История — элемент идеологии, с этим ничего не поделаешь. Что-то восстановить можно, если перестать оглядываться на идеологию. Но в рамках официально признанной — читай, работающей в рамках официальной идеологии, — истории восстановить что-либо невозможно практически.

— *И все же — откуда пошел род славянский, где прародина древних славян?*

КЕСЛЕР: Самым древним архитектурным памятником раннего индуизма является Храм Агни (храм огня), расположенный недалеко от Баку, что позволяет установить направление движения ариев: из Европы в Индию — где находятся остальные ведические храмы более поздней постройки, а не наоборот. Данное обстоятельство, вместе с другими, позволяет установить и движение языков: из Европы в Индию. В случае схожести имен необходимо смотреть на то, в каком языке данное имя имеет значение как слово. Например, имя «Александр» распространено во многих языках, но как слово имеет значение только в греческом, что определяет греческое происхождение имени. В данном случае именно лингвистика имеет первичное значение для

определения исторического развития, так как она, в отличие от истории, практически не поддается политической конъюнктуре.

— *Имела ли дохристианская Русь свою письменность? Сохранились ли исторические источники, позволившие пролить свет на ее прошлое?*

ВАЛЯНСКИЙ: Вопрос схож с таким: «Есть ли свидетели, показания которых точно освещают преступление?» Такой точности препятствует то, что выражено пословицей: «Врет, как очевидец». В истории ситуация аналогичная. Все источники говорят о «своей правде». Нужны скрупулезный анализ разных «свидетельств» и большое количество различных «экспертиз»: технических, экономических, социологических и т. д. Кстати, есть поразительно точное русское — и только русское — определение: «сословие». Ведь это буквально: «говорящие на одном языке»! Сохранилось выразительное свидетельство «польского шляхтича» Федора Евлашевского, написанное им в 1603 году в «Дневнике» вполне понятным и сейчас «старобелорусским» языком, о начале своего обучения в 1551 году. Из него следует, что раньше-то только по-русски писали, а теперь, в 1603 году, есть и латынь — «немецкое письмо», и «ебрайское» — древнееврейское письмо...

— *Летописи считаются для нас главным источником отечественной исторической науки. А можно ли им по-настоящему верить, и с какого века?*

ВАЛЯНСКИЙ: Предполагается, что есть «честные» летописи и есть поддельные. В определенном смысле любая летопись — не объективное описание действительности, а лишь выражение мнения их составителя или заказчика о действительности. Это ж не стенограмма событий, а переработка набора сообщений, выполненная уже после свершения событий на основе текущего знания. Значит, к любой летописи надо относиться критически. И чем они лучше других письменных документов, относящихся к данной эпохе? Всегда надо помнить, что любые сообщения могли быть «исправлены» в угоду взглядам, господствовавшим на момент создания документа. Иначе говоря, если даже старый документ переписывали для сохранности, это вовсе не значит, что слово в слово — что-то выкинули, что-то дописали.

КЕСЛЕР: В телевизионном документальном фильме «Русская Клио» было прямо сказано, что летописи писали не очевидцы событий — они были написаны гораздо позже событий. Примерно до XIV века дневников не было. У французов, например, понятие «дневник» отмечено с 1319 года, у хорватов — с 1333 года. Однако годичная датировка самих дневников, отнесенных к XIV-XV векам, вызывает определенные сомнения. Мемуаристика как жанр фактически появилась не ранее второй половины XV века. А есть ли списки древнерусских летописей, которые традиционно датируются ранее XIV века?

— *Но наши предки — это ведь не только славяне. Не приходилось ли вам заниматься историей степных народов европейской России, тех же хрестоматийных половцев? Кто они и куда исчезли?*

КЕСЛЕР: Никуда никто не делся. Просто половцы стали именоваться казаками.

ВАЛЯНСКИЙ: В степи жили тюркские народы со своими племенными и родовыми названиями. Сами они называли себя так, их соседи — иначе, более дальние соседи — по-своему и т. д. Кроме того, это были племена кочевые. При изменении природных условий перекочевывали, а там могли жить другие. Хватало сил — выгоняли бывших хозяев; не хватало — искали дальше. Как и куда при этом переходили названия, непонятно. Половцы — название, данное южным тюркским соседям в русских летописях. Мусульманские авторы называли их кипчаками, западноевропейские хроники — команам. Как называли они себя сами, неизвестно в силу отсутствия у них письменности. Поэтому половцы — это собирательное название народов, живших в определенном месте степи в определенный период времени. Куда они делись? А куда делись кривичи, поляне, древляне и т. д.? Да никуда не делись! Переварились, растворились в народах нашей огромной родины. Например, казахи считают себя потомками кипчаков.

— *То есть и половцы просто ассимилировали, растворились без следа?*

ВАЛЯНСКИЙ: Не совсем так — материальные свидетельства о половцах есть: и в языке, и в быту, и в предметах, что и показывает археология. Только надо уметь правильно определять, что эти объекты относятся именно к половцам из всего того многообразия народов, которое там было. Возможно даже, орнамент какого-нибудь степного ковра сохраняет в своем узоре элементы древнего половецкого письма, но сегодня все забыли об их первичном смысле.

- *Сейчас много споров вызывает период отечественной истории, который называют татаро-монгольским игом...*

КЕСЛЕР: Какое иго?! Кто организовал воинскую, таможенную, почтовую, финансовую и т. д. инфраструктуру на территории России? Какое иго, если ясачной данью была одна шкурка с охотника?! Это же, дай Бог, всего один процент, а не «десятина» или «пятина». Это потом иерархия накрутила немыслимые поборы. Вот, «пограницы» Московии при Алексее Михайловиче Романове зимой с голодухи кушали толченую рябину, а жили исключительно в землянках — это и есть иго...

ВАЛЯНСКИЙ: Да, очень интересный вопрос. Начнем с Чингисхана. Откуда мы знаем о его детстве и юности? В основном из таких источников: «Тайная история монголов», «Собрание летописей» Рашид-ад-Дина и «Юань ши». Все они написаны существенно позже происходивших событий. Вполне возможно, что биография Чингисхана есть описание жизни нескольких людей. Судите сами. В 12 лет он теряет отца, практически все подчиненные его отцу люди убегают от его семьи, а его самого забирают в рабство. Потом он бежит от своих хозяев и организует банду. Особых военных успехов не имеет, но вдруг через 10 лет грабежа соседей его избирают ханом одного из племен и присваивают имя Чингисхан. Тому ли мальчику-сироте присвоили это имя? Возможно, что нет. Но и следующие десять лет он особо не прославился — кроме того, что стал младшим компаньоном Ван-хана — христианина-несторианца, главы некоего квази-государства, который

считается прообразом мифического попа Иоанна. И вот в 1203 году Чингисхан убивает Ван-хана и становится на его место. Через три года проходит великий курултай, на котором проводятся государственные реформы, после которых и стали говорить о государстве Чингисхана. Кто провел эти реформы? Мальчик-сирота? Убийца Ван-хана? А может, появился некто третий из какой-то оседлой страны, имеющий представление о том, что такое государство, и внедривший эти идеи? И ведь внедрил он их среди людей, из которых можно сделать прекрасную армию, но вряд ли удастся набрать госслужащих. Кстати, источники повествуют, что он был рыжебородым и голубоглазым — «типичный монгол». А название «монголы» приходит вместе с Чингисханом. Вернее, их ныне называют татаро-монголами. Если следовать Н. А. Морозову, то монголы — это их самоназвание от греческого «великий» — вспомним, что в Византийской империи основным язык был греческий. Соседи называли их татарами, по-гречески — выходцы из тартара, ада, преисподней. Опять же в русских летописях их называют не татарами, а тартарами.

— *Так все же, это Чингисхана создал новое государство?*

ВАЛЯНСКИЙ: Скорее всего, это была инициатива европейских купцов. Что такое государство Чингисхана — пространство без таможенных границ, с охраной торговых путей. То, что они могли это организовать, видно по роли итальянских купцов в судьбе Византии — руками крестоносцев они развалили огромное государство и, кстати, в это же самое время. Возможно, что одно было продолжением другого... Кстати, приход «монголов» на Русь, во-первых, не был столь ужасным и кровопролитным, как обычно представляют, — междоусобица приносила много больше разрухи. Зато на Русь попала весьма плодотворная идея единого государства. Итогом стало возникновение централизованного государства, которое с 1480 года успешно объединяло те территории, которые теперь в совокупности зовутся Россией.

— *С Россией понятно, а куда девалось то самое «государство Чингисхана»?*

ВАЛЯНСКИЙ: Не все, что придумаешь, можно осуществить. В обществе действуют такие же объективные законы, как и в природе, а потому это государство-химера скоро развалилось на ряд кусков... Монгольская империя, единая при первых ханах, быстро начала распадаться на отдельные государства — Китайское, Персидское, Джагатайское, Золотую Орду — то есть, принеся централизацию Руси, она сама развалилась. Так были ли кочевниками эти первые ханы? Кстати, по мнению г. В. Вернадского, если бы ханы Золотой Орды приняли православие, то, вероятно, не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром русской земли. А что мы видим в исторических сообщениях? Сартак, сын Батыя, был христианином. Его преемник Берке — мусульманин. Следующий властитель Тохту был ревностным почитателем шаманства и ламаизма. Хан Узбек был женат на византийской царевне, получившей имя Байлунь. Одновременно Узбек поддерживал хорошие отношения и с Римом. На его сестре женат был

московский князь Юрий Данилович. Но сам Узбек в итоге перешел в мусульманство. И с этого момента — начало XIV века — положена была окончательная грань между Золотой Ордой и Русью. Если хотите, это и есть эволюция «монгольского» государства.

— *Почему обо всем этом почти совсем ничего неизвестно?*

ВАЛЯНСКИЙ: К сожалению, наши историки все время ходят с головой, повернутой на Запад. Для них мировая история — это история Западной Европы, а Русская история воспринимается лишь как привесок к западноевропейской. В таком случае мировое значение России представляется только в том, что она оберегала западноевропейскую цивилизацию от азиатского «варварства». Сегодня же еще появилось мнение, что роль России была иной: спасти Азию от западной экспансии, идущей через территорию России. А как было на самом деле? На самом деле Россия решала задачу собственного выживания при давлении и с запада, и с юга. Но такая простая идея наукой не рассматривается.

«На Узмени, у Воронья камня...»

«За все время своего существования России приходилось отбиваться от двух врагов. Первый враг — враг восточный — приходил к нам из глубины азиатских степей... Второй враг — враг западный. Имя ему было и осталось — немец. Враг упорный и беспощадный, хитрый и бездушный, коварный и бесчестный. На протяжении семисот лет — от Ледового побоища до Брест-Литовска — враг традиционный, но не раз по капризу истории надевавший личину “традиционной дружбы”, всякий раз все к большей своей выгоде и все к большей беде России».

Так писал в конце 1930-х годов русский эмигрант, автор блистательной «Истории Русской армии» Антон Антонович Керсновский, еще не ведая, что совсем уже скоро немецкие орудия обрушат свои снаряды на форты и бастионы крепости, находящейся в том самом Бресте, начиная новую, небывалую по масштабам и ожесточенности битву между Германией и Россией.

Село с чудным названием Кобылье Городище, что в Гдовском районе Псковской области, совсем небольшое: десятка полтора дворов, да церковь Архангела Михаила. Жителей, половина из которых носит коренную российскую фамилию Петров, тут тоже, разумеется, немного. Стоит оно на берегу Чудского озера и если напрямую, то оказалось самым близким к предполагаемому месту Ледового побоища — острову Вороний Камень, ушедшему ныне под воду. Поэтому здесь, на въезде в Кобылье Городище, установлен Большой Памятный Крест дружинам Александра Невского, а напротив церкви — памятник святому благоверному князю. Это было сделано в 1992 году, когда страна и ее новое руководство жили совершенно иными заботами, а потому монументы создавались в Петербурге и устанавливались не за государственные, как следовало бы ожидать, а за жертвенные народные деньги... Здесь, в древнем псковском селе, воочию подтверждаются слова историка о семисотлетии противостоянии России и ее «традиционного врага». Рядом с памятником князю Невскому — братская могила советских воинов, павших в боях на этой священной земле ровно через семь веков после Ледового побоища... Кажется, что взгляд застывшего в бронзе полководца устремлен на тающий теперь лед Чудского озера. А может — на противоположный берег, до которого рукой подать, но так просто не доберешься.

— Когда-то на место Ледового побоища каждый день ходили «Ракеты», — рассказали нам в Псковском областном музее-заповеднике. — Теперь здесь проходит граница — по тому рубежу, который Александр Невский утвердил в XIII веке... Конечно, это затрудняет работу историков, проведение различных научных мероприятий, экспедиций, да и туристам сюда уже так просто не выбраться...

На противоположном берегу Чудского озера — Эстония. Столица республики — город Таллин, к окончанию которого в русском правописании тамошние грамотеи зачем-то прилепили двойное «эн». В русских летописях еще с 1154 года город этот именовался Колыванью, с 1219-го — Ревелем, и только после 1917 года, когда большевики-интернационалисты разрушили Российскую империю, объявив о «праве наций на самоопределение» («Паситесь, мирные народы!» — предвосхитил ситуацию Александр Сергеевич Пушкин), и Эстония получила официальную независимость, ее столица стала называться Таллином, с одним, разумеется, «эн» в окончании.

Средневековые нынешних прибалтийских государств — весьма мрачный, трагический период их истории. Германская экспансия на Восток началась еще в XII веке, в результате чего граница германского государства отодвинулась далеко за Эльбу, а территория удвоилась.

Агрессия осуществлялась под знаменем распространения христианства в славянских землях — Полабье, Поморье, Восточной Прибалтике, и потому крестовые походы благословлялись Римским папой... К 1202 году немецкие рыцари покорили и разделили между собой Ливонию — территорию по восточному побережью Балтийского моря, вся власть в которой отныне принадлежала епископу, начальствовавшему также и над войсками, орденскими рыцарями. Вслед за тем Ливонский орден пришел в Эстляндию, северную Эстонию. С «еретиками», как именовали «благородные рыцари» жителей завоеванных ими земель, не церемонились, «насаждая христианство» огнем, мечом и откровенным грабежом. В хронике того времени писалось, что крестоносцы, сжигая деревни и поголовно истребляя их население, затем «искали врагов и в темной чаще лесов, а вытащив оттуда, убивали».

Кровь пьянит, очередная победа зовет к новым подвигам... Остановиться в завоеванных пределах агрессивные орденские отряды уже не могли. В начале осени 1240 года немецкие рыцари выступили против Руси, нацеливая свои удары на богатые торговые города Новгород и Псков. Вместе с немцами в поход шли датские рыцари, а несколько раньше, в соответствии с договоренностью, в направлении Ладожского озера двинулись шведы. Нелишним будет заметить, что переговоры немецкого ордена и шведов вел традиционный «заклятый друг» России — римский папа. Папские имена менялись, но интерес главы «святейшего престола» к богатствам бескрайних наших просторов оставался неизменным...

Однако 15 июля 1240 года шведское войско было разгромлено первым же сокрушительным ударом — в той битве, за которую князь Александр Ярославович получил прозвание «Невский». Остатки неприятельского отряда едва спаслись бегством, и шведская агрессия была бесславно завершена.

Немецкое рыцарское войско поначалу действовало гораздо удачнее: взяло мощную крепость Изборск в тридцати верстах от Пскова, после чего осадило саму столицу феодальной республики. Безуспешный штурм продолжался неделю, затем противнику удалось найти изменников в

городском руководстве — среди них был даже бывший псковский князь. Как видно, традиции «руководящего предательства» имеют у нас глубочайшие корни. Потом немцы двинулись к Финскому заливу, укрепились в Копорье...

Нет смысла подробно пересказывать ход войны. В основе повествований о тех событиях лежат несколько летописных строк, а все остальное развивается за счет эрудиции и красноречия историка. Современная историческая литература заполнена версиями событий, и чем больше проходит времени, тем более расширенными и фантастическими эти предположения становятся.

Так что ограничимся информацией о том, что в 1241 году князь Александр Невский взял крепость Копорье, окружил и штурмовал Псков. Немецкий гарнизон был уничтожен, а все «лучшие немцы» — предатели из числа русских — повешены. Рыцари были оттеснены на земли нынешней Эстонии, и вскоре произошел финальный акт великой исторической драмы — битва на Чудском озере, «на Узмени у Воронья Камня», как называет это место летопись. В сражении с обеих сторон предположительно участвовало около 30 тысяч человек.

«Еще зима продолжалась тогда в апреле месяце, и войско могло безопасно действовать на твердом льду, — писал «последний русский летописец» Николай Михайлович Карамзин. — Немцы острою колонною врезались в наши ряды...»

Есть, очевидно, смысл уточнить, что для атаки «клином», или «свиньей», — этот термин встречается в описаниях Ледового побоища — рыцари выстроились глубокой колонной. Обычно в первой ее шеренге стояли четыре рыцаря, во второй — шесть, в третьей — восемь... Количество шеренг достигало четырнадцати, а то и более. За рыцарями стояли простые воины, но фланги опять-таки прикрывали рыцари, которые нередко также замыкали и тыл этого построения. Такая мощная «свинья» применялась для атаки пехоты противника...

Вернемся к описанию Карамзина: «Мужественный князь, ударив на неприятелей сбоку, замещал их; сломил, истреблял немцев и гнал чудь до самого темного вечера. 400 рыцарей пали от наших мечей; пятьдесят были взяты в плен, и в том числе один, который в надменности своей хотел пленить самого Александра; тела чуди лежали на семи верстах. Изумленный сим бедствием, магистр ордена ожидал Александра под стенами Риги... но храбрый князь, довольный ужасом немцев, вложил меч в ножны и возвратился во Псков. Немецкие пленники, потупив глаза в землю, шли в своей рыцарской одежде за нашими всадниками».

Ледовое побоище осталось в народной памяти как символ победы Востока — православной Руси над Западом — немецкими рыцарями, объединенными в католические ордена. Фактически, здесь была заложена традиция победоносной войны наших соотечественников против приходящих из Европы захватчиков...

Впрочем, не одним только Ледовым побоищем славно Кобылье Городище. Его история богата событиями и личностями, о чем нам рассказал настоятель церкви Архангела Михаила отец Дмитрий:

— Летопись гласит, что здесь был уездный город Кобылинск — двадцать тысяч населения. В начале XVII века на него напали лифляндцы, долго не могли взять... Когда же одолели, то многих жителей забрали в плен, а город полностью сожгли. После того он стал уменьшаться и уже в XVIII столетии утратил городской статус... Раньше здесь была деревянная церковь Архангела Михаила, которую лифляндцы разрушили. На «обидном месте» в 1462 году псковичи построили каменную церковь. Кстати, Архангел Михаил — это небесный покровитель Александра Невского и вообще всех православных воинств... Его лик был изображен на боевом шлеме Александра Невского.

Священник рассказал, что в 1763 году церковь посещала императрица Екатерина II, которая подарила храму двенадцать «Четьей-Миней» — сборников житий святых, составленных на каждый месяц... Приезжали сюда и другие государи, в том числе последний император Николай II, в память о посещении которого был построен в церкви мраморный престол.

Русским государям приезжать на берега Чудского озера особенного труда не составляло — оно находилось на территории сугубо внутренней губернии, и царю не было нужды появляться на краю Русской земли... Зато сегодня озеро оказалось в пограничной зоне, а Эстония вошла не только в Евросоюз, но и в НАТО. Непосредственное соседство с Североатлантическим блоком не вызывает у россиян большого энтузиазма. Скорее наоборот — большинство наших соотечественников видит в том очередное приближение «западного врага»...

В XIII веке Александр Невский сумел остановить немецкую агрессию, утвердив границу на псковских рубежах. Лишь после того, как Россия избавилась от ордынского ига, далекие венценосные наследники великого князя вновь устремились к утраченным берегам Балтийского моря... Первый этап Ливонской войны, которую вел Иван Грозный, завершился окончательным сокрушением Ливонского ордена. Если бы война и далее продолжалась с тем же успехом, то, несомненно, Иван IV вошел бы в историю государства Российского под именем «Великий» и память народная простила бы Грозному его многочисленные прегрешения. Так оказался реабилитированным Петр I, один из самых жестоких и кровавых в нашей истории тиранов — ведь он возвратил России балтийские берега, создал Армию и Флот, а потому — «победителей не судят». Так сказала императрица Екатерина II, также нареченная Великой и прощенная историей во всех своих грехах за то, что возвратила России берега Черного моря...

Известно, кстати, что Петр Великий особенно чтит святого благоверного князя Александра Невского. В память о нем в Петербурге была основана Александро-Невская лавра, куда в 1724 году из города Владимира перевезли мощи святого, а в 1725 году, уже после смерти императора, но в

соответствии с его волей, Екатерина I учредила орден св. Александра Невского — второй по значимости в Российской империи.

...Прошло немногим более двух столетий, и эта награда, единственная из всех орденов «царского режима», была вновь возрождена в годы Великой Отечественной войны — иного вида, в ином статуте — но все-таки. Орден этот получали наши офицеры, воевавшие, опять-таки, против «западного врага». Так князь Александр Невский, один из немногих правителей Русской земли, вошел в реалии советской жизни XX века. Имя его, связавшее различные события и эпохи нашей истории, никогда не изгладится из памяти народной.

Что знаем мы про «поле Куликово»?

Минувшее скрыто от нас веками и десятилетиями, и время это можно уподобить тому слою земли, который приходится поднимать археологам. Точно так же, как по отдельным найденным фрагментам они восстанавливают целостную картину бытия в веках ушедших, историки «реставрируют прошлое» по немногим сохранившимся документам и свидетельствам. Но заглянуть в прошлое еще не означает ответить на все вопросы. И появляются сомнения, возникают споры, и не угасает наш интерес к прошлому, к своей исторической биографии, к корням, питающим из глубины веков народное бытие, определяющим сознание нации. Дискуссионные материалы вызывают интерес к прошлому, заставляют больше читать и размышлять. Если непредвзято подходить к оценке событий XIII-XVI веков, то надо признать, что в работах Николая Морозова и Льва Гумилева есть рациональные зерна, хотя найдется и немало спорного. Главное, что привлекает в работах представителей «альтернативных взглядов», — это содержащиеся в них те фактические данные, которые отбрасываются «столпами науки», так как «не вписываются» в устоявшиеся исторические схемы.

Россия — великая страна, где многие века жили под одним небом славяне, тюрки, угро-финны. Она стала прародиной для большинства евразийских народов, а потому необходимо спокойно, без эмоций восстановить историческую картину прошлого, выяснить, где истоки нашей многонациональной цивилизации, ее духовной культуры. Хотя сегодня кому-то очень выгодно — по множеразличным причинам — принижать великое прошлое нашего Отечества, вбивать клин между народами, ссылаясь на «историю». Так, в общественное сознание из поколения в поколение внедряются мифы о древней Руси, о неполноценности государствообразующего русского народа. Налицо нежелание признать, что славяне и степняки, хоть и воевали между собой, но тесно взаимодействовали для отпора натиску западноевропейских рыцарских орденов.

Интересно было бы пролить и больше света на историю степных народов. Не могли же кануть в никуда половцы, печенег, торки, хазары, болгары? Откуда появились на Волге татары? Может быть, имеет право на существование гипотеза о том, что до XVIII века понятие «татары» имело другое содержание: под ними понимались воинские общины казаков, волжских мусульман, калмыков.

Если внимательно прочитать книгу Костомарова «Богдан Хмельницкий», то можно обратить внимание на то, что в приводимых им текстах договоров XVII века термин «татары» не присутствует, речь идет об Орде, под которой этот историк подразумевает не народ — татар, а воинские формирования запорожских и других казаков, представителей народов, исповедующих ислам, которые участвовали в военных действиях на Украине.

Лев Гумилев утверждал, что традиционная версия о татаро-монгольском иге не подтверждается ни отечественными, ни иностранными документами и что ее авторы — немецкие историки XVIII века, доказывавшие рабское происхождение русских, которые-де и государства сами создать не смогли, и перед восточными кочевниками не устояли.

Во времена Николая I Императорская Академия наук дважды пыталась организовать написание истории Золотой Орды. Но сведений, сохранившихся к тому времени в русских и иностранных летописях, ученым не хватило, а новых источников впоследствии обнаружено фактически не было. Поэтому удивительно, что ныне некоторые авторы берут на себя смелость подробно рассказывать о периоде татаро-монгольского ига, о сражениях того времени. Откуда эта информация? Не считать же первоисточниками книги XIX века, авторы которых в меру литературных способностей занимались художественным изложением версии. Тем более нельзя судить о Монгольской империи по трилогии Василия Яна «Нашествие монголов» и фильму Тарковского «Андрей Рублев».

Сохранилось немало исторических документов, где находишь интересные факты, пытаюсь объяснить которые приходишь к выводу о зыбкости традиционных трактовок многих исторических событий. Например, одно из первых европейских описаний «татарских войн» — письмо венгерского миссионера Юлиана. Из него следует, что татаро-монголы вышли из страны, которая «зывается Гота», их государя звали Гургута. Так если это готы, то их средневековое государство находилось в Европе, а не в пустыне Гоби! С готами отождествлял татар в XVI веке и Сигизмунд Герберштейн в своих знаменитых «Записках о Московии».

Удивление вызывает, почему в покоренной татаро-монголами Руси государственные акты писались на церковно-славянском языке? Где документы на монгольском? Огромная империя фактически не оставила письменных памятников — даже ярлыки ханов написаны по-русски! На «монгольском языке» есть только два ярлыка: Тохтамыш и Тимур-Кутлука, т. е. конца XIV века, которые найдены в Кракове в XIX веке. Написаны они, как признавал князь Оболенский, «несколько несхожим языком и буквами».

Неужто в течение десятилетия письменность завоевателей изменилась до неузнаваемости?

Более глубокого осмысления, как представляется, требует и отношение монгольских правителей к православию. В очень содержательной книге А. Гордеева «История казаков» обращается внимание на то, что в ставке хана с первых дней образования Орды был построен православный храм. Митрополит Кирилл из Новгорода переехал жить в Киев, где была восстановлена митрополия всяя Руси. Хан Батый сохранил у православного духовенства все церковное имущество и освободил от уплаты налогов. Карамзин признавал в «Истории государства Российско- 14)», что одним из следствий «татарского господства» стало «возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений...».

Странно это: на Русь приходят дикие и жестокие орды степных кочевников, но почему-то усиленно поддерживают религию порабощенного народа, при них

строятся новые православные храмы, даже среди ханов и их приближенных немало христиан. Между тем западноевропейские крестоносцы — христиане! — вели себя по отношению к православию куда непримиримее, чем «язычники».

Гумилев обратил внимание на то, что татаро-монголы, согласно летописным сведениям, захватили 14 русских городов, а всего городов на Руси было около 200. Подавляющее большинство населенных пунктов не были тронуты, словно и не бушевала война. Почему? Есть над чем задуматься. Может быть, к покорности приводились те князья, которые противились образованию единого централизованного государства? Возможно, прав Лев Гумилев, который утверждал в книге «От Руси до России», что «русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность». По его мнению, «Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно».

На чем основана традиционная концепция истории Руси? Подлинных письменных источников до наших дней дошло крайне мало. Сохранились лишь новгородские грамоты князя Мстислава Владимировича, жившего в XII веке. Самих летописей нет, только их списки — копии, возникшие в результате многочисленных переписываний монахами, которые могли «подправить» историю в угоду политическим пристрастиям князей и настоятелей монастырей. В XVII веке, как писал Ключевский, дьяк Кудрявцев по повелению царя Алексея Михайловича безуспешно искал источники в царской и патриаршей библиотеке.

Официальная версия отечественной истории создана немецким ученым Миллером во второй половине XVIII века. Он не нашел исторических источников в Москве и Санкт-Петербурге и поехал за ними в Сибирь. Там летописи будто бы нашлись, но Миллер опять же привез с собой не сами

документы, а сделанные им рукописные копии, куда же делись первоисточники — неизвестно. Что касается известного исторического труда Татищева, то здесь тоже загадка. Незданная при жизни русского историка рукопись «История Российская с самых древнейших времен до царя Михаила» не то потерялась, не то сгорела после его смерти, но старательный Миллер будто бы нашел татищевские черновики и издал. Вносились ли Исправления в оригинал Татищева — неизвестно.

Сегодня нам приходится сталкиваться с массой фактов и гипотез, ставящих под вопрос безупречность общепринятых точек зрения на ключевые события в истории нашего Отечества. Одним из наиболее спорных вопросов вдруг оказались обстоятельства Куликовской битвы, произошедшей в 1380 году.

Одну из наиболее ярких и оригинальных альтернативных концепций предложила группа академика Анатолия Фоменко. В соответствии с гипотезой академика, во второй половине XIV века в Золотой Орде — Волжском царстве — началась большая смута, завершившаяся Куликовской битвой. Причиной ее, как следует из «Сказания и Мамаевом побоище», стал пограничный спор между князем Дмитрием, имевшим резиденцию в Костроме, и рязанским и литовским князьями Олегом и Ольгердом. Соперники Дмитрия считали, что Москва принадлежит Литве — западнорусскому княжеству со столицей в Смоленске, а города Владимир, Коломна и Муром — рязанскому княжеству. В их планы входило вытеснить Дмитрия «либо в Новгород Великий, или на Белоозеро, или на Двину».

Планы Олега и Ольгерда выглядят вполне логичными: они намеревались изгнать Дмитрия из спорных районов на восток, на признаваемую за ним территорию. По гипотезе Фоменко, Новгород Великий — нынешний Ярославль, а Белоозеро и Двина — это области, примыкающие к ярославской земле.

Битва между соперниками произошла на Куликовом поле в 1380 году примерно в 300 километрах к югу от Москвы. По официальной версии, поле Куликово расположено между реками Непрядва и Дон, ныне — Куркинский район Тульской области. Но ни старинного оружия, ни следов захоронений погибших воинов на тульском поле Куликовом до сих пор не обнаружено. Да, и размер поля явно мал для такой крупной битвы, на что, в частности, обратил внимание А. А. Гордеев в своей книге «История казаков».

Вместе с тем, некоторые летописи указывают на то, что и в Москве находилось свое Куликово поле. Так, архангелогородский летописец, описывая встречу иконы Владимирской Божьей Матери во время нашествия Тимура в 1402 году, сообщает: «И принесоша икону и сретоша Киприян митрополит со множеством народу, на поле на Куличкове, иде же ныне церкви каменна стоит во имя Сретенья Пречистыя, месяца августа, в 26 день». Эта церковь и сегодня стоит в Москве на Сретенке, а рядом с ней есть место, известное под своим древним названием — Кулишки, где расположена церковь Всех святых, которая по преданию была построена Дмитрием

Донским в память воинов, погибших на Куликовом поле. Однако в книгах по истории Москвы поле Куличково почему-то упорно называется авторами как поле Кучково. Забыто и то, что еще три-четыре столетия назад Покровские ворота имели второе название — Кулишские.

Академик Фоменко предполагает, что именно на территории московских Кулишек и произошла битва, в ходе которой костромской князь Дмитрий разбил войско темника Мамаю — фактического правителя Золотой Орды.

В состав войска Мамаю, финансировавшегося генуэзцами, входило немало воинов из западнорусских областей, рязанского княжества и Польши. О присутствии польских отрядов в «татаро-монгольском» войске рассказывает одна из русских летописей, а также повествует Карамзин. Лев Гумилев считал, что на стороне темника Мамаю сражались поляки, крымцы, генуэзцы, ясы, касоги, а волжских татар в его войске было немного. Союзником же костромского князя Дмитрия считались волжские и сибирские татары. Конница Дмитрия была сформирована, как сообщает Гумилев, «из крещеных татар, перебежавших литовцев и обученных в татарском конном строю русских».

Примечательно, что в летописях ордой называлось не только войско Мамаю, но и полки Дмитрия. «Задонщина» приводит такие слова в адрес Мамаю после его поражения: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю? То ты была орда Залеская». Залеская земля — это Владимиро-Суздальская Русь.

Древнерусские миниатюры, изображавшие битву на Куликовом поле — например, миниатюры из Лицевого свода XVI века, одинаково изображают русских и татар. Так что Куликовская битва была не битвой между русскими и татарами, а сражением славянских и тюркских воинов во главе с костромским князем Дмитрием против войска Мамаю, посягнувшего на трон хана Золотой Орды.

По мнению Фоменко, в пользу его гипотезы о месте расположения поля Куликова говорит и ряд старых московских названий. Известно, что во время битвы Мамай руководил своим войском с Красного Холма — прямо к Кулишкам, к Яузским воротам, спускается очень высокий холм, который москвичи в старину называли Красным Холмом. Рядом с этим местом до сих пор находятся Краснохолмская набережная Москва-реки и Краснохолмский мост.

«Сказание о Мамаевом побоище» неоднократно фактически «накладывает» Коломну, откуда по общепринятой версии Дмитрий выступил с войском на Мамаю, на Москву. Летопись повествует, что Дмитрий собирает полки в Коломне, и тут же утверждает: войско выступило на битву из Москвы. В летописи также говорится, что князь, узнав о готовящемся нападении Мамаю, приказал своим соратникам собраться в Москве, а через страницу ведет речь о сборе полков в Коломне. Это кажущееся противоречие снимается, если принять во внимание мнение о том, что под Коломной

(нынешняя Коломна находится примерно на удалении 100 километров от столицы) следует понимать село Коломенское близ Москвы.

По пути на поле битвы Дмитрий устроил смотр своему войску. В «Сказании о Мамаевом побоище» говорится: «Наутро же князь великий повелел выехать всем воинам на поле к девичьему монастырю». В излучине Москва-реки по сей день стоит Новодевичий монастырь, а поле около него называлось Девичье поле. Сохранилось и название «Проезд Девичьего поля».

Путанице с географическими названиями современное поколение ученых «обязано» трудностям с историческими источниками. Основным из них, с чем согласны представители всех научных школ, является «Задонщина», написанная еще при жизни князя Дмитрия. В первой четверти XV века появилось «Сказание о Мамаевом побоище», где были использованы фрагменты «Задонщины». Не раньше середины XV века появилась летописная «Повесть о Куликовской битве».

«Задонщина», как отмечает академик Фоменко, дошла до нас в шести списках. Самый ранний из них представляет собой сокращенную переработку только первой половины произведения. Более поздние списки, которые датируются XVI-XVII веками, — это сильно искаженный средневековыми переписчиками текст. Поэтому стало принято давать реконструкцию текста на основе сравнительного анализа всех списков «Задонщины». Реконструкции подверглись и многие исходные географические названия. Как следует из анализа современного фундаментального издания «Задонщины», ряд исходных географических имен из первичного текста произведения заменен при переписывании на другие. В некоторых местах вставлены названия «Дон» и «Непрядва», которые в первичном тексте отсутствовали.

Согласно летописи, войско Дмитрия при выдвижении на Куликово поле перешло через реку Дон. На это часто акцентируют внимание сторонники официальной версии. Но Дон в средние века чаще назывался Танаис, в Волга иногда как река Ра. Во времена Дмитрия Доном могли называть любую реку, в том числе и Москва-реку. В «Задонщине» рассказывается, как княжна «Марья рано поутру плакала на забралах стен московских, причитая: “О Дон, Дон, быстрая река... принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне”».

Интерес представляет и место захоронения павших воинов. Согласно летописям с обеих сторон погибло около 250 тысяч человек. И даже если это число было преувеличено, потери были огромны. Поэтому князь Дмитрий был вынужден восемь дней стоять на поле боя, «пока тела христиан в землю погребли, нечестивые тела брошены были зверям и птицам на растерзание».

По мнению Фоменко, тела погибших воинов были преданы земле в московском Симоновом монастыре. Герои Куликовской битвы инок Пересвет и Ослябя покоятся у стен церкви Рождества Пресвятой Богородицы, построенной на территории Симонова монастыря. Вряд ли бы погибших везли хоронить в теплое время года за 300 километров в небольшой городок

Москву, тем более что резиденцией Дмитрия была Кострома. Вся земля вокруг церкви Рождества Богородицы (около московского завода «Динамо») в радиусе около ста метров и на глубину нескольких метров заполнена человеческими костями.

Древнее каменное надгробие на могиле Пересвета и Осляби, о котором упоминал Карамзин, счастливо пережившее борьбу «с религиозным мракобесием» на заре Советской власти, было уничтожено по чьей-то команде уже в 1960-х годах. Не сохранились и сведения о содержании надписи на плите.

И еще один интересный исторический факт: «Великий князь, одержав победу над Мамаем, в день праздника Рождества Пресвятыя Богородицы, Рождественской, на Старом Симонове обители дал вкладу село Рождествено, находившееся на месте Мамаева побоища». Трудно представить, чтобы князь Дмитрий передал бы монастырю село, находившееся на расстоянии более 300 километров. От такого владения не было бы в те времена никакой пользы. В то же время известно, что Симонов монастырь имел «сельцо» недалеко от себя, где жили «ремесленные люди».

Такова интерпретация некоторых исторических фактов представителями одной из альтернативных школ. А теперь представим слово участникам «круглого стола», проведенного в Институте российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН). Нашими собеседниками стали представители различных исторических направлений: директор Института российской истории Российской Академии наук член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Андрей Сахаров; сотрудники ИРИ — доктора исторических наук профессор Александр Преображенский, Владимир Кучкин, Николай Рогожин, Антон Горский и первый проректор Коломенского пединститута кандидат исторических наук доцент Алексей Мазуров; академик РАН, доктор физико-математических наук Анатолий Фоменко и его соавтор Глеб Носовский, писатель Мурад Аджи, Сергей Валянский и Дмитрий Калюжный — авторы нескольких книг по русской и всемирной истории.

— *Откуда вообще известно о том, что была Куликовская битва? Сохранились ли документы, иные письменные свидетельства, безусловно подтверждающие этот факт?*

КУЧКИН: О Куликовской битве известно из памятников письменности летописного, иногда литературного происхождения. Это, прежде всего, Рогожский летописец, сохранившийся в списке 40-х годов XV века. Сходный рассказ имеется в Симеоновской летописи, список которой относится к первой половине XVI века. Рассказы в Софийской 1-й летописи и в Новгородской 4-й почти одинаковы и восходят к общему источнику, скорее всего, к так называемому «Своду митрополита Фотия», который надо датировать 1418 годом. Этот рассказ сохраняется и в других летописных сводах XVI-XVII веков. Есть также литературный памятник — «Задощина», написанная по образцу «Слова о полку Игореве». Скорее всего, она написана

в 80-е годы XIV века, но это именно литературный памятник, извлечь оттуда исторические реалии сложно. Очень популярно было и есть «Сказание о Мамаевом побоище», которое возникло в начале XVI столетия, но оказало большое воздействие на наше представление о Куликовской битве.

ФОМЕНКО: О битве известно и из жития Сергия Радонежского. На некоторых старых иконах преподобного Сергия даже изображена Куликовская битва, причем со многими очень важными подробностями — в том числе рельефом местности.

ГОРСКИЙ: Помимо основных источников, есть еще несколько кратких упоминаний. В договорах московских князей с рязанскими упоминается о «битве на Дону», синодики есть — списки погибших на Куликовом поле. Кроме того, три немецкие хроники. Все эти упоминания краткие, но о них следует сказать.

ВАЛЯНСКИЙ: Нужно также отметить компилятивный свод основных документов в Никоновской летописи 1526-1530 годов.

— *Уже по одним только перечисленным источникам ясно, что свидетельств существует довольно много. Но давайте объективно оценим их достоверность.*

КАЛЮЖНЫЙ: Все известные тексты были составлены как минимум спустя несколько десятилетий после события и содержат очень разные оценки. Псковская летопись упоминает сражение в одном ряду с утоплением в Чудском озере четырех лодий. Новгородская сообщает о нем как о сугубо московском приключении, ничего не говоря о всенародном русском подъеме. А вот в Хронике Литовской и Жмойтской под 1380 годом значится: «В Литве и Руси, Польше была вельми строгая зима, же быдло домовое и зверы в лесах, также и птатство от зимна выздыхало, и дерево в садах овощное все посохло». О битве — ни слова, хотя великий князь Литовский Ягайло тоже имеет к ней отношение.

КУЧКИН: Да, все названные источники дошли до нас уже не в подлинниках, а в списках, самые ранние из которых относятся к сороковым годам XV века. Естественно, соотношение между этими памятниками очень различно. В них имеются, например, «редакционные» добавления и исправления более позднего времени, которые могли делать переписчики или составители тех сводов, где сохранился рассказ. Например, ранние документы не говорят о молитвах перед походом, перед битвой, которые потом появляются в митрополичьем летописании XV века.

Сложность заключается еще и в том, что первые рассказы о битве в Рогожском летописце, Симеоновской летописи, новгородском летописании очень кратки. Новгородский список к тому же тенденциозен. С течением времени в эти тексты вносились дополнения — вполне возможно, что достоверные. Летописцы, например, могли опрашивать своих старших современников. Реальные отзвуки находятся даже в «Сказании о Мамаевом побоище». Хотя все требует самой тщательной проверки.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: Поздние источники любого происхождения ни в коем случае нельзя отвергать с порога. Они заслуживают самого тщательного исследования, в них подчас есть такие моменты, которые не отразились в более близких по хронологии памятниках.

Я принадлежу к немногим исследователям, считающим, что, возможно, были протографы «Сказания о Мамаевом побоище», которое сейчас датируется началом

XVI века. Во-первых, в одном из списков название звучит так: «Повесть полезна, со старого списания сложена». Что такое «старое списание»? Во-вторых, в нем встречается несколько имен участников сражения из простолюдинов. Ну, кто в XVI веке будет вспоминать Васюка-сухоборца, Гридю-кузнеца?

— *Существуют три редакции «Сказания», которые, как считается, возникли не позже первой половины XVI века.*

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: Думаю, был источник более ранний. Учтите, что нередко последующие дополнения носили характер того, что могло быть и эпохе не противоречило. Правда истории — это правда эпохи, которая может включать и такие элементы, которые могли иметь место в такой-то период. Почему «Сказание о Мамаевом побоище» пошло потом примерно в полуторастах списков? Потому что отражало эпоху. Наши предки этот памятник очень чтили.

ГОРСКИЙ: Хотя синодики и договоры сохранились в списках конца XV — начала XVI века, но подозревать, что здесь были какие-то редакционные изменения, не приходится. Потому что, например, те статьи, что есть в договоре Москвы с Рязанью 1381 года, повторяются в некоторых других тогдашних грамотах и отличаются от последующих московско-рязанских договоров XV века. Можно думать, что текст идентичен.

— *А какой смысл был эти договоры копировать?*

КУЧКИН: В то время произошли большие династические изменения в Рязанском княжестве. Замужем за князем была любимая сестра Ивана III, и когда ее муж умер, встал вопрос, какие земли должны быть под контролем Москвы. Поэтому возобновили старую документацию, которая фиксировала раздел территорий между Московским и Рязанским княжествами в XIV веке. В связи с тем и появились копии, которые можно оценить как абсолютно достоверные.

РОГОЖИН: В течение всей жизни средневекового человека сопровождали обычай и ритуал. А если это касалось великокняжеского или царского двора и событий таких, как рождение, свадьба, венчание на царство и тем более военный поход, церемониал тем более имел непременно участие.

Как таковой, церемониал похода имел довольно отработанную форму. Его неизменные стадии: объявление похода, моление перед его началом, благословение, торжественный выезд из кремля, сбор войска и предварительный смотр. Церемониал продолжался даже на поле сражения и завершался потом целой серией различных действий, связанных с

возвращением государя и войска в столицу. Каждая из стадий церемониала имела свое место и в большей или меньшей степени описана практически во всех источниках. Мы можем говорить о позднейшем происхождении каких-то памятников, но описания действия во всех его качествах не могли быть поздними вставками. Это очень важный момент.

В Полном собрании русских летописей зафиксировано, что именно на Девичьем поле в Коломне великий князь Василий I Дмитриевич «ополчился» — собрал ополчение против Тамерлана, что Василий II Темный собирал здесь силы «на престолахощного» — похитившего у него престол — собственного дядю Юрия Дмитриевича, а Иван III Васильевич располагал здесь свой штаб перед знаменитым «стоянием на Угре». Можно продолжать вплоть до Ивана Грозного...

ФОМЕНКО: Согласно нашим исследованиям, почти все имеющиеся редакции русских летописей — в том виде, какими мы знаем их сегодня, — возникли в эпоху XVII-XVIII веков. Редактирование летописей и вообще старорусских текстов сопровождалось тогда значительной фальсификацией, подгонкой под ту ложную версию нашей истории, которая была создана в XVII веке при первых Романовых. Тем не менее в основу большинства летописей были положены подлинные старые тексты. Читая летописи, можно в принципе разглядеть подлинные события, но только через мутное стекло романовского редактирования... Все сказанное в полной мере относится к источникам по Куликовской битве.

АДЖИ: Нет никаких источников! Легенда о Дмитрии Донском сложилась в XVIII веке, когда в России переписывали историю. Начиналось время разгула «немецкой» науки, которую благословил Петр I. С позволения царя немцы, не стесняясь лжи, придумывали историю славянства и чернили историю Великой Степи и весь тюркский народ, составляя нелепицы одну хуже другой.

Сначала было два описания «Мамаева побоища». Первое — откровенно вымышленное, шокировавшее даже Карамзина, второе — более спокойное. Затем «русские немцы» переиначили своего историка Кранца, который в конце XV века написал книгу о Великой Степи, ссылаясь на Линденблатовую рукописную Немецкую хронику. В его «Вандалии» упомянута некая стычка русских и ордынцев осенью 1380 года на Синей Воде. Победили русские, они увели немало скота. Этот эпизод, каких были тысячи, и дал, видимо, начало легенде... Но там вовсе не о Московском «княжестве» шла речь — события происходили около Буга, на его притоке. За русских воевали не москвиты, а Белая Русь, которая враждовала и с Ордой, и с литовцами. У нее было свое войско. Но немцы не знали этих деталей.

— *Письменные свидетельства — только одно из составляющих информации. Должны были остаться материальные следы сражения, памятники...*

КУЧКИН: Ну, если бы мы имели ряд захоронений с вещами второй половины XIV века, то могли бы со всей очевидностью сказать, что битва

происходила здесь, и даже говорить о ее течении. Но я думаю, что на Куликовом поле вообще не было захоронений, хотя некоторые материальные остатки там были. Об этом свидетельствуют авторы конца XVIII — первой четверти XIX века. Тогда раскапывали кости, предметы оружия, и потом некоторые предметы хранились в частных коллекциях лиц, имевших поместья на Куликовом поле. В семье Олсуфьевых, например. Но это могли быть и так называемые «древности», которые не получили научную апробацию. Научно достоверных материальных остатков Куликовской битвы мы не имеем.

КАЛЮЖНЫЙ: Для столь грандиозного события, каким его представляют, до нас дошло удивительно мало. Нет ничего на том Куликовом поле, которое за таковое считается. Находки здесь вполне совпадают со средним археологическим фоном региона.

МАЗУРОВ: Это, кстати, общая закономерность: нет никаких следов и крупных западноевропейских сражений. Кстати, когда на документально известном месте Ледового побоища работала комплексная экспедиция, она ничего там не нашла. Почему? Да ведь оружие, снаряжение стоили очень дорого! Все — мечи, щиты, кольчуги, даже наконечники для стрел — тщательно собиралось. А умерших хоронили. Состоятельных людей даже везли хоронить по монастырям, у церквей, которые они основали, где их прародители лежат. Поэтому грандиозных следов сражений ожидать просто не приходится.

— *Кстати, сколько времени сохраняются в земле кости?*

КУЧКИН: При нормальных условиях — многие тысячелетия. Недалеко от Куликова поля, в Загорске, раскрыта палеолитическая стоянка глубокой древности — орудия труда и захоронения...

— *Можно считать, что на знаменитом поле захоронений вообще нет?*

ГОРСКИЙ: Так ведь раскопок-то там фактически не проводилось! Было несколько работ разведочного характера.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: Да, никто этим вплотную не занимался. Тот факт, что якобы нет захоронений, следов битвы, нужно очень основательно проверить. Археологические исследования еще предстоит провести, а поскольку там до сих пор располагаются сельхозугодья, то это не так просто.

ВАЛЯНСКИЙ: Захоронений павших на историческом поле вообще нет!

НОСОВСКИЙ: А ведь летописи четко говорят, что на месте Куликовской битвы были массовые захоронения павших воинов. И эти захоронения есть — в Москве. Земля вокруг церкви Рождества Пресвятой Богородицы Старо-Симонова монастыря — огромная братская могила XIV века, эпохи Куликовской битвы. Там и сегодня на пространстве всего в каких-нибудь 10-20 метров выкапывают кости и черепа мешками. Когда завод «Динамо», на территории которого оказался монастырь, проводил строительные работы, то выкопанные кости вывозились грузовиками. А в церкви Рождества Пресвятой Богородицы захоронены Пересвет и Ослябя, герои Куликовской битвы.

— Это вот откуда известно? Есть ли тому документальные подтверждения?

НОСОВСКИЙ: Этот факт известен по традиции, и, насколько знаю, он не оспаривается.

КАЛЮЖНЫЙ: По сообщению Ю. М. Лощица, С.К. Шамбинаго упоминает о рукописных святцах XVII века, в которых записано, что «воины Адриан Ослябя и Александр Пересвет, принесенные с битвы, были схоронены в Симоновом монастыре...». Вся история этого монастыря связана с Куликовской битвой, а сам он, считается, построен за два года до нее. В Симоновом монастыре хранилась икона, бывшая на Поле. Однако надо заметить, что В. Н. Татищев, основываясь на неизвестном источнике, сообщает, что Пересвет пал в бою, а не на поединке. Про Ослябя уже упомянутый Шамбинаго установил: он боярствовал и спустя 15-20 лет после битвы, а в 1397-1398 годах ездил в Царьград.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: Почему они именно там похоронены, — не знаю. И вообще был ли поединок Пересвета с Челубеем — большой вопрос. Но коль скоро в источниках это отразилось, к этому надо проявить должное внимание и не отвергать с порога. Например, в учебнике для 6-го класса я пишу по поводу этого факта: «согласно преданию», и ничего не утверждаю. Кто хочет — пусть верит, кто не хочет — пусть сомневается. Но это должно быть звеном в изучении Куликовской битвы. К преданиям тоже нужно относиться с большим вниманием — даже, может быть, если они не находят документального подтверждения.

КУЧКИН: Участие Пересвета и Осляби в Куликовской битве — факт вполне достоверный. Он фиксируется «Задонщиной», летописной повестью начала XV века. Описывая начало сражения, «Задонщина» говорит так: «Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены...». Но если согласиться с версией «Сказания о Мамаевом побоище», то он должен быть убит до начала сражения. По данным того же «Сказания», Пересвет и Ослябя были монахами Троице-Сергиева монастыря. И если Пересвет был убит на поле Куликовом, то Ослябя остался жить, у него было потомство. Поэтому несколько странно, что существует предание о захоронении их в московском Симоновом монастыре. Данные об этом появляются в очень поздних источниках — ни документы XV века Симонова монастыря, ни документы XVI века о том ничего не говорят. Такие сведения появляются при Екатерине II. С чем это связано? Пока что сказать трудно. И почему захоронение было совершено в Симоновом, а не Троицко-Сергиевом монастыре? Бесспорно одно: если они там и были захоронены, то в совершенно разное время.

— Думается, мы сейчас уже непосредственно подошли к самой битве. А что именно стало ее причиной?

КАЛЮЖНЫЙ: Очевидно, сражение произошло из-за препятствий, чинимых Мамаем торговле Москвы с Крымом. Здесь очень важной представляется история о десяти сурожских — т. е. крымских — купцах,

которые, по свидетельству «Сказания о Мамаевом побоище», пошли в поход с Дмитрием: если купцы финансируют войну, то, значит, они видят в Ней выгоду для себя. И они посылают с войском своих наблюдателей. В чем могла быть их выгода? В том, что победой над Мамаем освобождались торговые пути. Ведь Волга была перекрыта Ордой, Днепр контролировался Ягайлой, а теперь еще и мамаевские военные эскапады перекрыли Дон. Князь же имел с торговли налог, и нужно было защищать благополучие купцов. По-моему, всю историю России следует пересмотреть с точки зрения развития торговли.

АДЖИ: Какой торговли?! В ту пору товарно-денежные отношения еще не коснулись Московского княжества — там не было ни армии, ни торговли. Его нельзя именовать «великим»: это был городишко, даже не крепость, с прилетающими деревеньками. Западной заставой ему служил Данин — Звенигород, северной — Дмитров, восточной — Измайлово. Это «княжество» населяло от силы две-три тысячи человек, и здесь со времен Ивана Калиты жили сборщики дани «со всея Руси».

Городишко обрел лицо во времена Батыя, когда пришедшие в Великую Степь монголы стали уничтожать местную аристократию. Тогда часть знати степняков отселилась на север, в Москов, — на земли Владимирского княжества. С этих ордынцев, к слову, и началось российское дворянство. Московиты обязались собирать с Руси дань, и за это их не тронули. Более того, по договору с Ордой сборщикам дани полагался вооруженный отряд охраны, которую выделял хан, — других военных людей на Руси быть не могло, она не имела права иметь войско, и московиты отправляли свою молодежь на службу в ордынскую армию. Роль сборщика дани, дававшая доход и власть над соседями, была привлекательной. Она позволяла что-то собирать сверх меры, что-то утаивать и богатеть на этом. Так городишко Москов и стал признанным политическим и военным лидером на Руси — за счет разорения русских княжеств, за счет служения Орде.

ГОРСКИЙ: Однако до Куликовской битвы состояние войны между Московским великим княжеством и Ордой длилось уже около шести лет. Ведь в 1360-1370 годы в Орде началась междоусобица: между собой боролись несколько претендентов на ханский престол. А к середине 1360-х годов правителем западной части Орды, к западу от Волги, стал Мамай, который не принадлежал к династии Чингизидов и не носил ханского титула. Он правил от лица ханов, которых менял по своему усмотрению. Этот момент был очень важным для восприятия вообще власти на Руси, поскольку отношения зависимости во многом зиждились на том, что русские князья воспринимали правителя Орды как носителя более высокого титула — хан на Руси назывался «царем».

Таким образом, с точки зрения русских людей, ситуация сложилась ненормальная. У власти был правитель незаконный, которого можно было воспринимать как равного. Это — предпосылка конфликта. А конкретным

его поводом стало то, что Мамай стремился противопоставить Дмитрию Ивановичу тверского князя Михаила Александровича в качестве

великого князя Владимирского. Великое княжение Владимирское — это был главный княжеский стол Северо-Восточной Руси.

Совсем же конкретным поводом стал, видимо, экстраординарный денежный запрос к московскому князю в 1374 году. И вот тогда прекратилась выплата дани и, собственно говоря, начались военные действия. Поначалу они носили локальный характер. Московские войска с союзниками совершили поход на Тверь. Мамай нападал на союзников Москвы — новосильского князя, на Нижегородские земли. Потом были известные битвы на Пьяне и Воже. В первом случае было поражение русских войск, где собственно московских сил было немного, в основном нижегородские войска. Затем — победа на Воже в 1378 году. Это был уже непосредственно поход на Москву сил мамаевой Орды, хотя и не под руководством Мамаю.

— *Каким путем двигались к Москве ордынские войска в 1380 году?*

КУЧКИН: Чтобы дать исчерпывающий ответ на вопрос, историкам предстоит еще проделать сложную, очень трудоемкую работу. Абсолютно каждый факт, который встречается в источниках, должно подвергать всестороннему анализу.

В «Сказании о Мамаевом побоище» точно указывается место, где Мамай вступил на Русскую землю, — Кузьмина гать. Это примерно в 20 километрах от Тамбова. Оттуда начиналась дорога на восток, к ногаям. Но государство ногаев образовалось только в начале XVI столетия или во второй половине XV века.

Далее говорится, что лагерь Мамаю был разбит на реке Мечи. Это правый приток Дона, а Тамбов — восточнее Дона. Получается, что, встретив на Кузьминой гати русские поселения, Мамай должен был зачем-то форсировать Дон, уйдя на запад, а потом с запада идти на восток к Ненрядве.

ГОРСКИЙ: В начале похода Мамай направил послов к Дмитрию с требованием платить дань, как при Джанибеке-царе, то есть в 40-е — 50-е годы XIV века, до начала усобицы в Орде. Дмитрий соглашался возобновить выплату дани, но на тех условиях, о которых он договорился с Мамаем в 1371 году. Послы на компромисс не шли — у них, видимо, не было на то инструкций. Таким образом, возможность мирного разрешения конфликта была утрачена, и столкновение становилось неизбежным.

ВАЛЯНСКИЙ: Мамай, имея столицу на Волге, оказался на правом берегу Дона и собирался форсировать его еще раз, чтобы идти к Оке. Может быть, он ходил со всей своей силой нанимать дополнительных воинов в Крыму? Но ведь сами жители Крыма нанимали степняков для охраны. И зачем понадобилась Мамаю генуэзская пехота, ведь тактика татар совсем другая? Но в случае «торговой» причины войны можно предполагать, что это не Мамай нанимал себе воинов, а наоборот — сам был нанят генуэзцами для перекрытия торговых путей и ликвидации таким образом конкурента в лице русских купцов-сурожан. Если же Генуя финансировала всю эту аферу, то, естественно, дала Мамаю часть своих войск и своих стратегов.

— *А какие еще силы составляли Мамаево войско?*

ГОРСКИЙ: Не надеясь только на собственные силы, Мамай заключил союз с Ягайлом, великим князем Литовским, и с Олегом Ивановичем Рязанским, который, видимо, так и не послал своих войск на поддержку Мамаю.

КУЧКИН: Имеются свидетельства летописи, кого собрал Мамай. Самый ранний рассказ о Куликовской битве в Рогожском летописце сообщает, что Мамай «собрал всю землю половеческую и татарскую» — всю Степь, и «рати поинаимовав фрязи и черкасы, и ясы». В начале XV века было приписано, что он собрал ляхов. Совершенно невозможно! Уния между Литвой и Польшей заключена в 1385 году, и авторы XV века воспринимали ее как давным-давно существовавшую.

В состав войска вошли представители народов Северного Кавказа, и даже есть указания, что армяне там участвовали. Были итальянцы, но историки спорят, кто именно: генуэзцы или венецианцы? Раньше писали, что были генуэзцы, теперь склоняются к тому, что венецианцы.

— *Состав русских войск, пожалуй, очевиден. А их численность?*

КУЧКИН: Да, состав русских сил можно определить по косвенным признакам. В «Задонщине» говорится: «Нет, государь, у нас... двадцати пяти бояр костромских, тридцати четырех бояр ростовских, тридцати новгородских посадников...» и т. д. Эти цифры убитых фантастические. Им можно не верить. Но почему автор «Задонщины» называет именно этих бояр? Почему не говорит: «устюжских погибло столько-то, олонецких — столько»? Он называет, собственно говоря, центральные поселения — очевидно, те, население которых реально участвовало в Куликовской битве. То есть со стороны Москвы участие принимали почти все русские князья — за редким исключением.

КАЛЮЖНЫЙ: Но в численности, по разным источникам, полный произвол. Войска Дмитрия считают и в 500 тысяч, и в 20...

КУЧКИН: Отдельные списки «Сказания о Мамаевом побоище», памятника, который целиком не издан до сих пор, содержат сведения, что в сражении участвовали 1 миллион 460 тысяч человек! Вряд ли население всех русских земель того времени составляло полтора миллиона.

КАЛЮЖНЫЙ: Кстати, в летописях нет ни слова о пленных. После Ледового побоища летописцы о них специально сообщают. А здесь? Ведь за генуэзцев можно было взять выкуп! Вывод простой: о пленных не сообщали ввиду их малочисленности. А мало их могло быть, если и в битве участвовало немного людей. Скорее всего, с обеих сторон сражалось 10-12 тысяч, а погибло не более трех. Но это верхняя грань оценки, и все могло быть еще менее значительно: по 3 тысячи воевавших, 300-500 погибших, которых в таком случае могли захоронить на окрестных погостах.

ВАЛЯНСКИЙ: Возможно, в подсчете численности войск источники заблуждались из-за слова «тысяча», применявшегося в военном деле. Ведь это не число, а счетная военно-административная единица. В иной «тысяче» могло быть и сто человек. Известно, что полки составлялись из «стягов», а те

— из «копий», по 10 воинов в каждом. Данных по количеству и численности этих подразделений нет, тем более что они варьировались в зависимости от конкретных условий. Средние значения — от 20 до 100 воинов в «стяге», от 3 до 5 «стягов» в полку. На поле Куликовом было не то пять, не то шесть полков.

— *Как же был определен маршрут движения войск князя Дмитрия Ивановича, место их встречи с врагом?*

КУЧКИН: О большом походе, который предпринял ордынский хан, в Москве узнали заблаговременно, и, видимо, предупредил московского князя рязанский князь Олег. Источники дружно говорят, что русские войска собрались в Москве. Расчеты показывают, что войска из отдаленных мест — таких, как, например, Ростов, Ярославль, можно было собрать дней за 10-12. В распоряжении Донского было две недели. Было ясно, что держать в Москве все собранные войска смысла нет, поскольку возможен прорыв с юга. Но татарам при подходе с юга было нужно форсировать Оку. В средние века она называлась «поясом Пресвятой Богородицы», потому как была естественным заслоном для территории Московского княжества и центральных районов Руси. Сбрав войска где-то к 15 августа, Дмитрий отправил значительную часть их в Коломну — крепость, через которую на Русь шел еще Батый.

МАЗУРОВ: На протяжении последнего десятилетия и Коломне идут масштабные археологические изыскания, которые позволяют восстановить, что представляла она из себя в эпоху Куликовской битвы. Это был второй по значению город в Московском княжестве, вотчинные владения великого князя Московского. Дмитрий Донской любил Коломну паче всех городов.

Коломна готовилась к предстоящей схватке с ханом Мамаем. Примерно в 1376 году ее укрепления были поновлены, что нельзя расценивать иначе, как превентивное укрепление главного оборонительного форпоста Московского княжества на юго-востоке перед лицом будущего столкновения. При раскопках были изучены остатки оборонительных сооружений, очень мощных, охватывающих площадь примерно 20-22 гектара, — территорию, адекватную Московскому Кремлю и превосходящую кремль Твери и Рязани.

На 15 августа был назначен сбор в Коломну общеединого русского войска. Сбор осуществлялся в течение длительного времени — очевидно, были разосланы грамоты по тем городам, и войска приближались разными дорогами. Расположились они как в городе, так и под городом. Дошло, например, известие, что новгородцы стояли на поле близ града где-то в окрестностях.

РОГОЖИН: Археологи в Коломне обнаружили много косвенных и прямых свидетельств о сборе войска. В частности, сохранились отмели на Оке напротив Девичьего поля — река была специально засыпана, чтобы ее вброд могли перейти кони. Насыпи были настолько большими, что до сих пор их баржи обходят. В черте города находится Богородице-Рождественский Бобриневский монастырь, который, по преданию, в честь победы основал, согласно данному обету, прославленный воевода Боброк-Волынский —

известно, что битва на Куликовом поле происходила в праздник Рождества Пресвятой Богородицы.

Хотя современный монастырь и позднего времени, но, по данным, полученным археологами, его основание относится к XIV веку. Такие свидетельства с места существенно дополняют картину достоверности всех событий.

КАЛЮЖНЫЙ: Полагаю, что сообщение о выступлении Мамай достигло Москвы в конце июля — начале августа. 5 августа были разосланы грамоты «во все люди» о сборе войска. Сбор назначили в Коломне 15 августа, а выступили из Коломны 20-го. Чтобы объяснить быстрые сроки сбора, историки говорят, что мобилизованные «вой» проходили в сутки по 65-85 километров, что в два-три раза превышало норму дневного перехода. Зато, выйдя из Коломны, армия прошла 300 километров за 20 дней! Но еще более поразительно, что потом, после труднейшего боя, разбора и захоронения трупов, войско князя Дмитрия вернулось в Коломну через семь дней.

РОГОЖИН: Не надо думать, что ушли все русские войска. В Москве остался сильный гарнизон. Видимо, по Оке тоже были оставлены гарнизоны — и в Коломне, и в Серпухове — городе, который был основан за шесть лет до битвы.

— *Чем в это время был занят противник?*

КУЧКИН: Мамай должен был подождать литовские войска — у самих татар не было приспособлений для осады крепостей, а Московский Кремль был каменный. Соединяться надо было, когда кончались сельскохозяйственные работы, — это последняя декада сентября. Мамаю надо было выжидать. Он разбил лагерь на реке Мечи, это близко к литовским границам, но еще и не русская территория.

Выяснив, что в ближайшее время нападения ждать не приходится, Дмитрий, как это ни странно покажется, повел войска из Коломны на запад, к устью Лопасны, куда вызвал и часть собранных в Москве войск. Когда эти войска подошли, князь решился на очень важный шаг — переправиться через Оку. Никогда, собственно говоря, такого ранее не было. Так, в начале 70-х годов, когда Мамай напал на Рязанское княжество, московские князья стояли на Оке, не переходя ее, надеясь, что эта оборона не позволит татарам прорваться на территорию княжества. Так оно и получилось. А здесь сами московские князья перешли Оку, и двинулись они на юго-восток. Задача заключалась в том, чтобы не дать соединиться литовским и Татарским войскам.

АДЖИ: Сочинители «легенды о Дмитрии Донском» не наметили одного важного обстоятельства: граница между Ордой и так называемым Московским княжеством проходила по Москве-реке, рядом с Кремлем. От южного берега начиналась Орда! О том напоминает даже топонимика южного Подмосковья — едва ли не все идет от тюркского корня: Кашира, Коломна, Таганка, Кунцево, Балчуг... Десятки поселений, в которых русские не жили, многократно превосходили размерами Московское «княжество».

Так что пути на юг у «русского войска» не было даже теоретического. Его бы разбили по дороге на Дон.

ФОМЕНКО: На Дон никто и не шел. Согласно нашей реконструкции русской истории, Куликовская битва была междоусобным сражением в Великой — она же Монгольская, она же Русская — империи средних веков. Произошла она там, где сегодня расположен центр Москвы. Это место на слиянии Москвы-реки и Яузы, историческое название которого — Кулишки. Естественно, в конце XIV века никакого города здесь не было. На месте Кремля рос девственный лес, хотя отдельные поселения на территории современной Москвы уже были — например, Коломенское... Кстати, изображение Куликовской битвы на иконах, о чем говорилось ранее, подтверждает вывод, что она происходила именно на московских Кулишках.

ВАЛЯНСКИЙ: Если оставаться в плену традиционных толкований, то можно лишь удивляться: что за бездарь был этот Мамай!? Собрал войска летом. Долго сидел в низовьях Дона. Переходил через дон сначала на запад, затем собирался форсировать его вновь. Кажется, что уже все окрестные собаки знают о его тайных планах. В результате Дмитрий успевает собрать войско и застаёт Мамай врасплох. И вообще в 1378 году у Мамай поражение, в 1380-м — поражение и затем полный крах. А ведь он чуть ли не двадцать лет держал в руках всю Золотую Орду, менял правителей, разгромил нижегородского князя. Кстати, убежав с Куликова поля с малым количеством соратников, Мамай тут же собрал новую большую армию, чтобы помахаться с Тохтамышем. Чего же он не собрал сколько надо, чтобы достичь успеха в походе на Москву?

— *Очередной безответный вопрос... Однако вернемся к событиям сентября 1380 года. Что далее делал князь Дмитрий?*

КУЧКИН: Надо было выманить Мамай из его стоянки, из лагеря. Дмитрий продвигался на юг очень осторожно, шел левым берегом Дона, между тем как Мамай стоял в стороне от правого берега Дона, на Мечи, и не мог бы атаковать русское войско на марше. Русские двигались медленно, соблюдая все меры предосторожности от внезапного нападения... Подошли к устью Непрядвы и встретили крупную татарскую разведку. Разбили. Остановились, ожидая, когда Мамай нападет на русское войско. Это было 6 сентября, но 7-го ничего не произошло, и к вечеру стало понятно, что Мамай из своего лагеря не двигается. Тогда решили переходить Дон, и переправа заняла всю ночь с 7 на 8 сентября. А вот когда переправились и стали строиться в полки, то увидели татарскую конницу, которая приближалась. Все-таки Мамай не выдержал этого маневра.

КАЛЮЖНЫЙ: Я бы сказал, что здесь столько загадок, что пытаться восстановить картину боя — это решать уравнение со многими неизвестными. Несколько вариантов предложить можно, но точную картину никогда не получим.

ФОМЕНКО: По нашей версии, если на одной стороне сражались войска царя Дмитрия Донского, то на другой — войска его верховного воеводы, или,

как его называли, «тысяцкого», «темника» Ивана Вельяминова. Он же — Мамай...

КУЧКИН: Что касается самой тактики и стремлений второй на поле сражения — тут вопрос особый, который табу ждал к себе интерес примерно с середины позапрошлого столетия: как располагались войска? Впервые карту Куликова поля дал известный деятель первой половины XIX века Нечаев, который владел землями около «Красного холма» на Куликовом поле. Преподаватель Тульского Недетского корпуса Афремов дал уже расстановку сил на поле.

Совершенно оригинальную расстановку войск на Куликовом поле дал Голицын, автор учебника «Русская Поенная история» — Петербург, 1877 год. Он не только показал построение русских и ордынских войск в одну линию, но и изобразил динамику. Справа он поместил засадный полк, как и написано в летописях. Но ведь, с другой стороны, известно, что он был послан вверх по реке Дон. А справа никакого Дона нет.

Наиболее серьезно отнесся к этому вопросу полковник Генерального штаба Масловский. Когда он в 1881 году осмотрел Куликово поле, то пришел к заключению, что если следовать общепринятой схеме, то русские оказываются в «мешке». В тылу — Непрядва, наиболее крупный из притоков Дона в этом районе. Слева — Дон, справа — Буйца, приток Непрядвы. Если бы сражение было проиграно, то это закончилось бы гибелью всего русского войска или чрезвычайно крупными потерями. Поэтому Масловский предложил совершенно другую схему. Он просчитал, что, если действительно Дмитрий Донской стоял в этом районе, он должен был укрепить фланги, чтобы не дать противнику прорваться. И если удар придется на середину — остаются сильные фланги. Эта схема и укоренилась в нашей исторической науке.

Наши военные теоретики Строков и Разин увеличивают по своему разумению эшелонированность этих сил — сначала в два, потом и в три ряда. Но это все не очень хорошо согласуется со сведениями источников. Если засадный полк был послан выше по Дону, то он уходил выше устья Непрядвы, и, вступая в сражение, ему нужно было форсировать речку, которая, по поздним данным, имела такие параметры: ширина — около десяти саженей, глубина — сажень, т. е. люди могли при переправе утонуть.

КАЛЮЖНЫЙ: Дон ниже впадения в него Непрядвы увеличивается вдвое. Зачем князю Дмитрию было форсировать его в этом месте? Да и зачем вообще его было форсировать? В 1378 году князь одержал победу над Бегичем, военачальником Мамай, на Воже, ударив именно в момент форсирования им реки. Почему же было не повторить удачный прием?

КУЧКИН: А может, было несколько по-другому? Известно утверждение, что, поставив армию в такие условия и показав ее обреченность, Дмитрий заставил своих воинов сражаться изо всех сил. Думаю, разумный полководец так на авось не поступает, и предполагаю следующее. Имеются сведения, что татары гибли в реке. Ясно, что при таком расположении

забраться в тыл русского войска, а потом погибнуть в реке они не могли. Значит, войска были расположены как-то по-иному.

Дон целесообразно переходить до впадения Непрядвы, и он действительно был перейден таким образом, и русские войска построились к нему спиной. Тогда левый их фланг обеспечивался Непрядвой, впереди была Буйца, которая задерживала движение татарской конницы, а в случае чего уже по наведенным мостам можно было отступить на левый берег Дона. Тогда понятно, почему засадный полк был послан «по Дону выше» — он был действительно на Правом фланге. Не на левом фланге, поближе к Дону, как оказывается на последующих схемах, и не на правом, как у Голицына, но только очень далеко от Дона.

— *То есть Куликово поле находится с другой стороны Дона? Здесь могут крыться ответы на многие загадки. Но копайте в общих чертах восстановим ход боя...*

КУЧКИН: Построение русских войск, скорее всего, было обычным: сторожевой полк, передний, за ним стоял великий полк, центральный, полк правой руки и полк левой руки и затем — резервный полк в виде засады. В принципе понятны были тактические замыслы Мамае: татары пытались рассечь русские силы надвое. Левый фланг русских войск они должны были загнать в угол между Доном и Непрядвой, правый — отбросить к северу.

Первые два часа битвы протекали с преимуществом Мамае. Разбит был сторожевой полк, отступал великий. Ожесточенная битва продолжалась около трех часов, но, когда татары втянулись в атаку основных русских сил, был Нанесен удар из засады, который и решил исход сражения. Решил, правда, судя по всяким расчетам, не сразу, а через Час. Татары побежали. Они тонули в Непрядве, теряли Людей в воде, бежали в лагерь, к Мечи. Мамай вообще вынужден был бежать в свою Орду. Преследование продолжалось до вечера 8 сентября.

— *Исход боя решил ввод запасного полка. Применялся Ли раньше русскими такой тактический прием?*

КУЧКИН: Данных о неожиданном вводе резервов в других сражениях нет.

КАЛЮЖНЫЙ: Зато есть свидетельство некоторых историков, которые, дабы объяснить, почему не удается найти железо на историческом поле, «заставили» князя Дмитрия собрать доспехи и оружие убитых. Русских воинов похоронили, а что стало с останками противников? Историки молчат. Можно предположить, что захваченный обоз, в том числе и скот, был отдан купцам-сурожанам в уплату за финансирование похода. Тогда, значит, им отдали и весь металлолом, ибо не на себе же его тащить? А если армия возвращалась, груженная всем добром, то никак нельзя объяснить, что она столь быстро вернулась в Москву, — впрочем, этого вообще никак не объяснить.

— *А что делали союзники Мамае, не дошедшие тогда до Куликова поля?*

ГОРСКИЙ: В отношении рязанцев известно, что они грабили некоторые московские отряды, которые возвращались через рязанские земли. Есть свидетельства иностранных хроник, что после битвы литовцы напали на русские войска и отняли добычу. Маловероятно, что Ягайло решился напасть на основные силы — тем более находясь на чужой земле. Видимо, здесь могло отразиться в преувеличенной форме нападение на один из отрядов, возвращавшийся в Новосильско-Одоевское княжество.

— *Битва завершилась победой русских. Но почему продолжалось так называемое татаро-монгольское иго? Каковы же тогда были ее последствия?*

ГОРСКИЙ: Традиционно считается, что Дмитрий Донской, победив Мамай, сверг ордынское иго, а через два года Тохтамыш, захватив Москву, его восстановил на сто лет. Но, как говорилось, противостояние Мамаю не было сознательной борьбой за полное свержение иноземной власти: Мамай воспринимался как незаконный правитель. И когда Тохтамыш осенью того же 1380 года пришел к власти, добив Мамай, то Дмитрий Донской и другие русские князья признали его верховенство как верховного царя.

Единственно, что Дмитрий не спешил возобновить выплату дани, следствием чего стал поход 1382 года. Причем привел он не к капитуляции Москвы, как это обычно считают, а закончился весной 1383 года выгодным соглашением, по которому Тохтамыш в обмен на возобновление выплаты дани выдал Дмитрию ярлык на великое княжение Владимирское. Более того, дал санкцию на закрепление этого великого княжения за династией Московских князей — чего не делал ни один хан раньше. Таким образом произошло слияние Московского и Владимирского великого княжеств, что заложило основу будущего Российского государства. Разгром Орды Мамай нарушил то некоторое равновесие сил, которое установилось между ней и Ордой Заволжской, которую возглавлял Тохтамыш. Перевес получил Тохтамыш, и он сумел восстановить единство Золотой Орды. Поэтому, кстати, поход на Москву неправильно трактовать как месть за Куликово поле.

ФОМЕНКО: До Куликовской битвы власть царя и тысяцкого была почти равной. После верховным правителем Империи стал царь, он же — великий князь или великий хан. Похоже, что в этой битве русское ополчение, воевавшее за царя, разгромило русскую же гвардию, отборные Войска, воевавшие за тысяцкого.

КУЧКИН: Непосредственные последствия Куликовской битвы в нашей литературе раскрываются недостаточно. Что же происходит в эти два года — от победы на Куликовом поле до взятия Москвы Тохтамышем? Державе Мамай нанесен смертельный удар, в его стане начался разлад, и многие его темники перешли на сторону Тохтамыша. Мамай как политик, военачальник, полководец себя полностью дискредитировал этим поражением. Хотя запись в Троицком стихираре 1380 года гласит, что 21 сентября прошел слух, что татары с литовцами идут на Русь. Возможно, это была неудавшаяся попытка

Мамай собрать свои оставшиеся силы, объединиться с Ягайло, и с этим может быть связано взятие Одоева Литвой в 1380 году.

Зато исключительно возрос авторитет Москвы и московского князя. В руках Дмитрия Донского оказалось такое крупное княжество, как Белозерское, князья которого погибли на Куликовом поле, и оно перешло во владение Москвы.

А в ноябре 1380 года в Литве, которая возглавлялась враждебным Москве Ягайлом, произошел переворот и власть перешла к дяде Ягайло — великому князю Кийстуту, который был настроен уже по-другому в отношении Москвы, он уже выступал за сотрудничество с ней.

Сейчас также выясняется, что Дмитрий Донской восстановил полный контроль и над Рязанским княжеством. Он посадил там своих наместников, и княжество примерно год принадлежало Москве. Потом надо было снова вернуть Олега на рязанский стол. Таковы ближайшие последствия Куликовской битвы.

— Как же оценивать ее итоги и значение для России — как в XIV веке, так и в плане дальнейшего исторического развития?

НОСОВСКИЙ: Военно-политические итоги Куликовской битвы были, по-видимому, очень крупными, потому что она фактически привела к изменению государственного строя в Империи. Изменился даже порядок престолонаследия. Если до Дмитрия Донского верховная власть по обычаю переходила к старшему в роду — как правило, брату умершего царя, то теперь престол стал переходить от отца к сыну. Но в целом этот вопрос до конца не исследован.

ВАЛЯНСКИЙ: Битва не имела для России никаких исторических последствий. Согласно традиционной версии, иго пало через сто лет после нее, поэтому утверждать, что она предопределила его крах — то же самое, что сказать, будто прологом к краху ига стала защита Козельска или действия рязанца Коловрата.

Для историков же, обслуживающих идеологию, последствия таковы: появился чудесный миф, созданный на основании неких реальных событий, подкрепленных документами, который можно раздувать в любых политических целях. Например, одно время было очень модно выпячивать факт, что в войске князя Дмитрия было много простолюдинов. А о том, что неизученные воинскому делу московские ремесленники толпами бежали с поля боя, — умалчивали.

ГОРСКИЙ: Последствия для исторического сознания со временем возрастали. Это хорошо видно на памятниках Куликовского цикла. Пространная повесть о Куликовской битве, где на основе, видимо, расспросов участников было внесено много новых деталей, создавалась тогда, когда в Орде правил Едигей, который, подобно Мамаю, был правителем незаконным, узурпировавшим власть — именно в это время проявился интерес к победе над предыдущим правителем такого рода.

Следующий всплеск интереса — 70-е годы XV века, когда впервые возникла сознательная политическая линия на ликвидацию власти ордынского хана. Тогда были созданы две редакции «Задонщины», дошедшие до нас. Затем — начало XVI века — время после окончательной ликвидации ордынской власти, когда было создано «Сказание о Мамаевом побоище». Куликовская битва оказалась наиболее ярким событием борьбы за освобождение.

АДЖИ: Исторические последствия «битвы» общеизвестны: история Великой Степи оказалась оболганной. Россия долго жила с придуманной историей и, в конце Концов, потеряла ориентиры в историческом пространстве. Уступая позицию за позицией, она из могучей державы превратилась в страну с туманным будущим. Ведь история — это не красиво сочиненное прошлое, а модель будущего. Время неразрывно: «вчера» трансформируется в «завтра» через «сегодня». Нам как воздух нужна правда о себе, чтобы не превратиться в колонию и не придумывать новую историю — но уже не славянскую. Задумайтесь, случайно ли Дмитрия Донского канонизировали только в 1988 году?

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: Значение Куликовской битвы для патриотического развития русской идеи было исключительно велико. Мы знаем, что великий князь московский Дмитрий получил прозвание Донского. Но в свое время С. М. Соловьев, наш великий историк, отметил, что и Владимир Андреевич, командовавший засадным полком, тоже был назван Донским. Наша историография этого как бы не заметила, вероятно, потому, что Сергей Михайлович не сослался на какие-либо источники. Но если обратиться к путеводителю по Москве конца XVIII века, то там воспроизведены надписи на гробницах князей Дмитрия Ивановича, Владимира Андреевича и их детей в Архангельском соборе. Донскими названы не только сами князья, но и дети Дмитрия Ивановича, родившиеся уже позже Куликовской битвы, — Андрей и Петр и даже дети Владимира Андреевича. Возможно, отсечение данного материала произошло потому, что гробницы в дальнейшем не раз переделывались. Если же посмотреть на письменные источники, выясняется: Василий Дмитриевич, который стал великим князем московским после Дмитрия, тоже называется Донским. Это очень знаменательный момент, который показывает, сколь велико было значение этой битвы, если даже не имевшие к ней прямого отношения князья получили гордое прозвище своих отцов. Кстати, некоторые сыновья Александра Невского также писались Невскими.

Патриотическая традиция имела у нас исключительное значение. Когда в XV столетии во времена стояния на Угре ростовский архиепископ Вассиан Рыло призвал Ивана III твердо встать на защиту православия, то приводил ему в пример и Александра Невского, и Дмитрия Донского, который «сам бился наперед других и живота своего не щадил». В XVI столетии в одном из писем к князю Курбскому Иван Грозный указывал, что Александр Невский побил немцев на Неве, а Дмитрий Донской «ока- Вал великую победу на Дону»

над зловредною Мамаевой ордой». Даже Петр I, который словно бы отринул все старорусское, тем не менее очень ценил деяния и Александра Невского, и Дмитрия Донского.

КУЧКИН: Это событие было по-настоящему воспринято русским народом. Известный исследователь XIX века Д. А. Ровинский приходил в семьи простых людей, которые с громадным интересом читали «Сказание о Мамаевом побоище» и навзрыд плакали, потому что было жалко убитых князей.

Общеизвестно и то, что в середине XX века призыв следовать своим великим предкам прозвучал в осеннем Выступлении И. В. Сталина, назвавшего в числе наших Народных, национальных героев и князя Дмитрия Донского. Это — отголосок того многовекового восприятия, которое существовало в русском обществе несколько столетий.

КАЛЮЖНЫЙ: Любое государство имеет набор исторических примеров, важных для самосознания нации. В подавляющем большинстве это мифы. Так, Украина, создавая свою государственность, смело перекраивает историю. То же самое делают и в Прибалтике, и в других бывших советских республиках. Никуда не денешься, такова судьба истории, как части государственной идеологии.

Но есть история как наука, для которой важно понимание, как протекает сам исторический процесс. И для науки важно по-настоящему разобраться в таком событии, как Куликовская битва. Проблем здесь более чем достаточно! И ведь это далеко не единственный загадочный эпизод нашего прошлого. Решать проблему надо комплексно, увязывая большое количество фактов, истинность каждого из которых далеко не очевидна. Начинать нужно с отделения подлинной информации от мифа.

САХАРОВ: Попытки пересмотреть значение Куликовской битвы, ее хронологию и место не имеют под собой никаких исторических традиций, никакой источниковой базы и никаких исторических реалий вообще. Такие явления, как Куликовская битва, не возникают как черт из табакерки. Они вызревают десятилетиями и даже столетиями и оказывают огромное влияние на события последующих десятилетий и столетий в области международных связей и внутреннего развития страны, самосознания народа и многих других компонентов истории.

Мне кажется, Куликовская битва явилась средоточием очень многих тенденций как внешнего, так и внутреннего порядка, которые подтверждают достоверность данных, сохранившихся и в поэтических сведениях, и в летописных материалах. Она произошла в то время и при таком соотношении сил, при котором не могла не произойти.

Было бы противоестественно ставить вопросы кардинальной борьбы с татаро-монголами в конце XIII — начале XIV века, хотя и были попытки восстаний, и сопротивление было постоянным. Князья, которые в известной степени и помогали татарам порядок восстановить, внутренне поддерживали эти тенденции — тот же Александр Невский, который проявил себя очень

ярким, очень глубоким, очень хитрым политиком в отношении Орды. Но тогда не было сил, не было возможности, и все это было несвоевременно, исторически неоправданно.

Лишь после того, как в серии драматических противоборств Москвы с Тверью, с Нижним Новгородом, с другими князьями, после тех договоров, в результате которых русские земли уже были связаны, как обручами, с Москвой и были не только вынуждены идти за ней, но и желали этого союза, и подчинялись Москве, — только после этого появилась возможность собрать все русские силы для борьбы с врагом. Москва стала действительно центром объединения и лидером русских земель. Это первое, что необходимо учитывать, говоря о Куликовской битве. Кроме того, период Узбека, период Джанибека — время определенного расцвета и подъема Орды. Лишь после «замятни» в ней стала возможность этого вызова, этого противоборства.

И конце XIII — начале XIV века Москва была тесно связана с Ордой в борьбе с литовско-русским государством, и противоборстве с Ольгердом. Если бы не поддержка Золотой Орды, возможно, результаты противоборства Ольгерда и Дмитрия были бы совершенно другие. Стоял вопрос, кто возглавит объединение русских земель: Москва или Вильно?

Мы, я думаю, недооцениваем тот момент, что в течение десятилетий основным противником Орды была не Русь, а Литва, которая боролась на два фронта — с крестоносцами, с одной стороны, и с натиском Золотой Орды, с другой. Первые отвоевания у Орды земель, влияния и прочего начали литовские князья. Не на востоке, а на юго-западе были нанесены первые крупные поражения Ордынским войскам, именно отсюда началось падение влияния Золотой Орды. Однако Литва являлась и потенциальным противником единения Руси, противником Москвы в первую очередь. Поэтому в борьбе с Литвой Москва, надо признать, опиралась на силу, влияние и авторитет Орды.

И вот, когда Орда зашаталась после «замятни», когда Москва укрепилась в борьбе со своими противниками среди русских земель, а Литва стала эволюционировать в сторону католической Польши, уходить на Запад, в сторону католицизма, вот в это время и переменялась историческая ситуация. Ягайло, принявший вскоре католичество, объединивший, пока еще формально, Литву и Польшу, и Дмитрий становятся противоборствующими Силами в борьбе не только за русские земли, но и в отношениях с Ордой.

Сокрушив Орду, Москва становится самодостаточной политической единицей со своими геополитическими интересами. Именно в этом я вижу огромное значение Куликовской битвы, которая стала средоточием и выходом всех вышеназванных тенденций, платформой для создания определенного настроения в народе, роста национального самосознания, подъема культуры, искусства. Целая эпоха в истории нашей страны была определена как эпоха Куликовской и после Куликовской битвы...

Post scriptum

Забывшие могилы

Этот разговор мы дополним изложением нашей беседы с членом Русского географического общества Иваном Кольцовым, уже много лет и с большим энтузиазмом разгадывающего тайны прошлого, используя методы биолокации. У него на загадки поля Куликова свой взгляд.

Рассказ свой Иван Евсеевич начала с того, что большой загадкой этой битвы — как и в случае Ледового побоища 1242 года — является то, что остается неизвестным местоположение братских могил погибших воинов обеих сторон.

Шесть бурных столетий, смена мировоззрений, династических и социально-политических систем, многое изменили на карте нашей страны, выветрили из памяти народной ориентиры исторического прошлого. Так, до последнего времени было неизвестно местонахождение района «Березуй», что за 33 версты предстоящего пути до Дона, куда пришла помощь Дмитрию Донскому от Андрея Полоцкого, Дмитрия Брянского и других князей. Искажены сведения о маршруте войск Дмитрия Донского, вторгшегося в земли Золотой Орды после переправы

Через Оку. До сих пор продолжаются споры о том, где действительно происходила битва, так как официальная Точка зрения не подтверждается многолетними раскопками. Археологи не обнаружили ни братских могил, ни следов сражения...

В последние десятилетия поиском исторических следов битвы и мест захоронения погибших воинов занимались на общественных началах различные группы Московских краеведов — любителей древней истории Страны. Используя приборную аппаратуру и методы, применяемые в геологии и археологии, они выявили и нанесли на план местности зоны расположения братских могил Воинов обеих сторон, погибших в этой битве. Основные Места захоронений находятся на территории совхоза «Победа» Куркинского района Тульской области. Братские могилы по своим размерам в плане различны — 6 на 4 Метра, 4 на 5 и т. д.

Могилы предварительно известковались, после чего шло захоронение, а потому осенью на пахотном черноземе их контуры хорошо просматриваются визуально. Судя по расположению могил, битва происходила по фронту к западу от Дона до 7 километров и глубиной более 4 километров вдоль западного берега Дона — от южных окраин Донских Озерков до северного склона реки Курца. Это — значительно южнее реки Смолка. Еще в XVI веке над могилами сохранялись многочисленные часовни,obelisks, скульптуры, а сейчас рассыпаны во множестве Камни — следы разрушенных памятников.

На Красном холме Куликова поля встречаются также большие каменные глыбы от литых скульптурных изваяний. Здесь до новой эры и позднее находились златоглавы языческие храмы и поселения, следы

которых можно обнаружить у сел Сабурово, Степной, Кусты, Бегичево. Здесь можно видеть большие знаки из земляных валов в виде меча, букв «БМ», видимых с самолета. Любопытно то, что под Красным холмом в каменных пластах имеется густая сеть кольцевых и радиальных ходов-катакомб, откуда брали камень для строительства древних храмов и городов. К этим подземельям подходили глубинные ходы с юга от Лебедяни и с других сторон.

В этих местах дно Дона засыпано щебенкой, и река в этих местах является несудоходной на несколько километров. Через эти места в VI веке до н.э., как считает Кольцов, проходила конница персидского царя Дария Истаспа в погоне за неуловимыми скифами, столица которых находилась тогда на юге Курской области у реки Сейм. В те времена местное население в случае опасности уходило в подземные убежища.

В таком месте и состоялась кровавая бойня между нашим предкам из северных и южных земель. Не обошлось без подстрекательства западных правителей: Генуи, Византии, заинтересованных в распрях на наших пространствах.

Поход Дмитрия Донского на битву благословил, как известно, Сергей Радонежский; высшая духовная власть Московии занимала, видимо, выжидательную позицию. Рязанские князья также не одобряли этот поход и не разрешили войскам из Москвы пройти через свои земли. Это вынудило московского князя пойти из Коломны в западном направлении до реки Лопасня и там, переправившись через Оку, углубиться в земли Золотой Орды на 140 километров. Обходя Земли Рязанского княжества западнее рек Беспута и Дон, войска Дмитрия Донского сделали трехдневную остановку в местечке Березуй, что в 33 верстах пути к Дону. Сюда пришла помощь от литовского князя Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского. Возможно, здесь присоединилась и пешая рать тысяцкого Тимофея Вельяминова. С учетом сведений разведки войска Дмитрия Донского двинулись на Красный холм Куликова поля, перейдя мелководную Непрядву вброд.

7 сентября 1380 года войска Дмитрия Донского заняли позицию южнее реки Курца вдоль неглубоких оврагов, отходящих от Дона в западном направлении. На берегу Дона здесь находятся села Орловка и Донские Озерки. В оврагах у Дона была вода, корм для лошадей, а также имелась возможность скрытого перемещения войск. Позиция войск была выбрана удобной с точки зрения обороны. По левую руку простирался Дон, неудобный для судоходства, а также для передвижения пеших и конных. По правую руку пролегал безводная степь до рек Нижний Дубяк и Средний Дубяк, где располагался засадный полк, задачей которого было преградить путь князю Ягайло, не допустить его соединения с Мамаем. Впереди московских войск располагались три неглубоких оврага.

Руководство войсками осуществлялось воеводством, находившемся непосредственно в тылу войск, в 600 -800 метрах от первых рядов войск. Необходимо отметить, что Дмитрий Донской был контужен ударом меча или

сабли в самом начале битвы и руководство войсками осуществлялось воеводами сообща. Лобовой удар войск Мамаю был выдержан с трудом (были смяты два ряда линий обороны). Следующим ударом конница Мамаю смогла прорваться через полки левой руки вдоль Дона на 4 км до северных склонов реки Курца, встречая сильное сопротивление. К этому времени засадный полк, оставив без присмотра литовцев, ушел на помощь москвичам, помог окружить конницу Мамаю и этим решить исход битвы. Именно в зоне прорыва конницы Мамаю находится наибольшее количество захоронений. Здесь, по утверждению Кольцова, визуально видны контуры братских могил и осколки бывших каменных сооружений над могилами воинов. Это западнее сел Орловка и Донские Озерки.

Особо надо сказать о походе хана Мамаю. Известно, что князья Московского и других северных княжеств назначались на княжение ханами Золотой Орды, обязуясь платить дань по договору. Нарушение этого договора в течение многих лет приводило к организации военных походов по изъятию долгов. Летом 1380 года золотордынский хан Мамай, власть которого простиралась от Волги до Днепра и от Оки до Крыма и Северного Кавказа, начал формировать войска для очередного похода. На подвластной Мамаю территории жили предки тех народов, которые живут там же и сейчас. Поэтому, высказывает предположение Кольцов, в войске Мамаю в основном были русские, украинцы, татары, мордва, чуваша...

Формирование войск Мамай проводил на западном берегу Дона между реками Тихая Сосна и Воронеж. В этих местах были крупные культовые центры древней религии с камнями-останцами и подземными ходами, городища, на одном из которых жила сестра Мамаю (в селе Тытчиха, что северо-западнее г. Лиски). Из этих мест войска Мамаю в июле-августе начали продвижение в северном направлении вдоль западной стороны Дона. В первых числах сентября войска ордынцев с шатром Мамаю расположились на южном берегу реки Рыхотка, впадающей в Дон. Эта река является южной границей Красного холма Куликова поля и протекает по дну глубокого и широкого оврага.

Здесь Мамай ждал прихода литовских войск Ягайло и получил донесение о появлении на их пути московитов. Передовые полки московитов располагались в четырех километрах к северу от реки Рыхотка, а шатер Мамаю — на возвышенности южнее реки Рыхотка на 500 метров. Ордынские войска начали выдвигаться к северу от Рыхотки и строиться в боевые порядки за четыре километра от шатра Мамаю.

Битва началась с наступления ордынцев, которые значительно потеснили противника, но прорвать его оборону не смогли. После чего конница Мамаю прорвалась вдоль западного берега Дона до северного берега реки Курца на глубину более четырех километров и оказалась в окружении.

Мамай не смог оказать помощи своим резервам из-за запоздалых команд и большой удаленности ордынского полководца от театра битвы. Ордынцы просто не успевали вовремя прийти на помощь за семь километров

пути и преодоления глубокого (30-40 метров) оврага реки Рыхотка. Но даже после поражения своих основных сил ордынцы оказали очень упорное сопротивление у Рыхотки.

После окончания битвы войска северных княжеств еще восемь дней находились на Красном холме, приводя себя в порядок, залечивая раны, производя захоронения погибших воинов и лошадей. Захоронения воинов проводились на месте их гибели, разделяя противников могилами лошадей. Здесь же в долине реки Курца сохранился курган, который рассечен глубоким незасыпанным раскопом, что явно указывает на бездуховность раскапывавших.

Битва была на пахотных полях, и многие могилы не сохранились. Наиболее сохранившиеся могилы находятся на западных окраинах сел Орловка и Донские Озерки (у границ огородов).

По окончании всех работ воины Дмитрия Донского возвращались по Рязанской земле, переправившись через Дон у села Татинки. Население Рязанского княжества неоднозначно относилось к победителям, иногда дело доходило до нападений на отдельные их отряды.

В этой кровавой битве погибли и остались искалеченными десятки тысяч молодых мужчин, в том числе бояре, князья, воеводы северных княжеств. Московская рать оказалась более сохранившейся, что позволило небольшому московскому княжеству постепенно подчинять себе соседние земли союзников по битве. Где-то в XVI веке началось разрушение памятников над могилами, в которых покоятся наши предки из северных и южных областей, ставшие жертвами жестокого сражения Средневековья.

Часть 2 Русь Имперская

Возвращение на Балтику

Если перелистать страницы истории, то можно заметить, что каждое столетие начиналось для России громким военным поражением. 1905 год — Порт-Артур и Цусима, 1805 год -- Аустерлиц, а 1700 году была Нарва... Впрочем, обо всем по порядку.

Чем больше проходит времени, тем однозначнее, что ли, становятся в нашем представлении исторические персонажи. За толщей веков стираются случайные, отдельные черты, забываются благие намерения и совершенные ошибки, но остается самое главное — реальная польза, принесенная Отечеству.

Сложнейшая и противоречивая личность первого российского императора Петра Алексеевича сегодня получает положительную оценку — именно при нем Россия приобрела выход к Балтийскому морю, возвратила ранее утраченные земли, при нем создавались основы промышленности его стараниями возникли регулярная армия и военно-морской флот... А потому мало кто сейчас вспоминает, какую цену пришлось заплатить за это нашему народу — империя, в полном смысле слова, была выстроена на человеческих костях.

«В продолжение всей своей истории Россия стремилась к свободному морю, как лишенное света растение стремится к солнцу. Русь родилась на волнах — в варяжской ладье, ее политика не могла не быть политикой в первую очередь морской, — писал А. А. Керсновский. — “Морская традиция” была оставлена в упадочную пору русской государственности... Петр понимал, что лишь выходом к морю можно вернуть России ее великодержавность».

Из двух некогда принадлежавших России морей Черное закрывалось проливами, принадлежавшими туркам, и обеспечивало связь с латинскими странами, с которыми русский царь не желал устанавливать особенно тесных отношений. Более перспективным представлялось Балтийское - «окно в Европу», торговые пути к Англии, Франции, Голландии, Скандинавским государствам. Однако немцы и шведы начали вытеснять русских с берегов Финского залива еще в конце X — начале XI века, а в середине XVII столетия здесь утвердился шведский гегемонизм. Разумеется, такого современного понятия, как «страны Балтии» не было тогда и в помине... По количеству населения Швеция превосходила Россию.

Вступая в войну, царь Петр Алексеевич заручился союзниками — Данией и Польско-Саксонским королевством. Датский король Фридрих IV мечтал о возвращении шведской Голштинии, польский Август II ^ Лифляндии. К сожалению, России изначально не везло на союзников, которые в худшем случае нам изменяли, а в менее худшем - просто

оказывались биты. Достаточно вспомнить Альпийский поход войск Суворова, события, предшествовавшие Аустерлицу, предательство союзников в 1814 году, жертвы, понесенные Русской армией для Франции ровно его лет спустя...

Так получилось и в Северной войне. В марте 1700 года датчане дерзко вторглись на Голштинские земли, на что Карл XII тут же ответил сокрушительным ударом, высадив десант прямо у стен Копенгагена. В результате Дания бесславно вышла из войны за день до того, как Россия в нее вступила.

Не лучше обстояло дело и с Польшей. Король Август II храбро осадил столицу Лифляндии Ригу, но вскоре был весьма «смущен» достойным отпором гарнизона, равно как и известием о том, что приближается шведская армия... И поляки с саксонцами также спешно отступили.

Россия осталась с грозным противником один на один...

Споры о том, когда официально считать дату рождения Русской армии, идут не только между историками. Бытует мнение, что «царь-преобразователь» не был по своей сущности оригинален, а просто продолжил и развил преобразования, начатые его отцом, государем Алексеем Михайловичем. Но вот что писал про реформы «Тишайшего» известный историк В. О. Ключевский: «...показывали несколько тысяч иноземцев, офицеров, солдат и мастеров, с их помощью кое-как поставили значительную часть своей рати на регулярную ногу, и то плохую... и построили несколько фабрик и оружейных заводов». Военная реформа в XVII веке откровенно буксовала, о чем свидетельствовал и А. А. Керсновский: «Страна погрузилась в глубокий и полный маразм, раздираемая религиозными настроениями, внутренними смутами, придворными интригами и военными бунтами. Военное бессилие России было полным...»

Весной и в начале лета 1700 года Великим Петром было сформировано двадцать девять пехотных и три драгунских полка, однако реальную боевую силу составляли только четыре полка, существовавших ранее, — гвардейские Преображенский и Семеновский и «выборные», т. е. отборные по своему составу, Первомосковский полк Франца Лефорта и Бутырский Патрика Гордона.

А остальное была просто масса шестьдесят тысяч плохо обученных, слабо вооруженных солдат. К тому же, Петр I основательно укомплектовал свою новорожденную армию «военспецами» — иноземными офицерами. В большинстве это были истинные кондотьеры, не знающие ни языка, ни нравов, ни обычаев русского народа. Они не вызывали у подчиненных не только любви и уважения, но даже доверия... Зато Швеция имела могущественную современную армию и мощный флот — 42 линейных корабля и 12 фрегатов при тринадцати тысячах моряков, тогда как Российский флот почти весь состоял из гребных судов.

Начинать войну в таких условиях было безумием, но и не начинать было нельзя. Чтобы вернуть былую великодержавность, России следовало

возвратить утраченные земли, овладеть морем, пробиться к торговым путям... Русский царь решил овладеть Ингерманландией, тем самым разъединив шведские владения — Финляндию с одной стороны, Эстляндию и Лифляндию — с другой. Крепость Нарва считалась ключом к Ингрии, отсюда открывался путь на Ревель и Ригу. Вот и двинулись туда наобум — без реальной подготовки и продуманных планов.

... 19 августа 1700 года, обезопасив свой тыл со стороны Турции — мир с ней был подписан днем ранее — Россия объявила Швеции войну. Царь Петр Алексеевич сообщал шведскому королю; «...к новгородскому воеводе указ послали, дабы, как наискорее объявля войну, вступить в неприятельскую землю и удобные места занять, такожде и прочим войскам немедленно идтить повелим, где при оных в конце сего месяца и мы там обретаться будем».

Послание это звучит весьма самонадеянно.

Русская армия — двадцать пять пехотных и два кавалерийских полка почти со всей артиллерией двинулась к шведской крепости Нарве.

«Петр решился идти прямо к Нарве, — сказано в «Истории Петра Великого» А. С. Чистякова. — Известий о Карле XII не было, а между тем со всех сторон говорили, что Нарва плохо укреплена, и взять ее нетрудно».

Судя по этому описанию, не позаботились даже о разведке...

Сорок тысяч русских войск под командованием герцога Карла-Евгения де Круа при 145 орудиях подошли к крепости и обложили ее со всех сторон. Силы были значительные, однако воевать следовало не числом, а умением. Осада затянулась, гарнизон сдаваться не собирался, припасов в Нарве оказалось с избытком, зато осаждающая армия изрядно оголодала, и Петр I поспешил в Новгород, чтобы организовать доставку продовольствия и встретиться с саксонским королем Августом...

Во г тут-то под Нарву и подоспел Карл XII с отрядом в восемь тысяч человек при 37 орудиях. Шведский король разведкой не пренебрег и действовал по точному расчету. Русский укрепленный лагерь он атаковал внезапно — ночью, в тот самый момент, когда начавшаяся метель переметала все вокруг. Удар был очень силен, но его смогли отразить, де Круа даже успел перестроить войска, организовать оборону лагеря. При этом все свои силы он растянул в тонкую цепочку вокруг лагеря — и солдаты, разделенные снежной круговертью, потеряли друг друга! Каждый вдруг почувствовал себя покинутым, брошенным на произвол судьбы. Для большинства из них это был первый бой, а не дай Бог оказаться в первом бою в одиночестве! Петровское войско было тогда еще не армией, но скопищем вооруженных людей, потому как армию определяют не внешние атрибуты, а воинский дух. Ведь настоящий русский солдат и в одиночестве чувствует себя частицей несокрушимой силы, но тут и сообща люди себя таковой не чувствовали... Вот и зашелестело по рядам, пошло криком: «Немцы изменили!» В этот критический момент испуганные солдаты сразу списали все на иноземных командиров и принялись их избивать. Спасаясь от собственных солдат, офицеры стали сдаваться в плен шведам.

...Трагичной оказалась судьба герцога де Круа, плененного неприятелем. Пребывая в плену, фельдмаршал наделал предостаточно долгов, так что когда же он вдруг умер, займодавцы арестовали его... труп, который потом более ста лет пролежал непогребенным в церкви святого Николая в Ревеле!..

Разгромленная русская армия бежала, иноземные офицеры сдавались, а посреди этой вакханалии несокрушимо стояли каре Преображенского и Семеновского полков, уже прошедших школу Кожуховского и Азовского походов, закаленных в боях, ставших подлинной основой новой армии. Огороженные повозками и рогатками, они вели огонь по врагу и с наел и честь русского оружия, обеспечив отступление наших войск за реку Нарову...

«Нет никакого удовольствия биться с русскими, — заявил тогда восемнадцатилетний король Карл XII, — потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут». Шведы даже выбили медаль с изображением бегущего царя Петра в слезах, бросившего шпагу, потерявшего шапку...

Самое опасное на войне — презирать неприятеля и слишком рано праздновать победу. Хотя шведам казалось, что до нее остается всего лишь несколько шагов. «Ужас и смятение охватило Россию при известии о нарвском погроме. Армия лишилась начальников, задержанных в швейцарской неволе, — лишилась и всего своего “снаряда”. Дух войск, даже и не бывших в деле, был подорван, в продолжении войны отчаивались», — свидетельствовал Керсновский.

Сложно сказать, как бы происходило дальше формирование нашей армии и развивалась история Государства Российского, если бы многотысячное петровское войско взяло Нарву в результате первого приступа. Скорее всего, царь уверовал бы в свои силы, и далее русские воевали бы тем же манером — не умением, а числом, давя массой, ибо па Руси народу много.

Но тут стало ясно, что многолюдство на войне — не самое главное. Главное — это обученная, закаленная армия, это истинный воинский дух, способный творить чудеса. Царь Петр понял это со всей очевидностью.

«По глухим просекам дремучих ингерманландских и новгородских лесов шли, погибая от голода и стужи, толпами и поодиночке, остатки разоруженного шведами сермяжного воинства — первой регулярной русской армии... Тысячи из погибли в ту памятную зиму — из уцелевших же вышли полтавские победители», — писал А. А. Керсновский. Недаром же великий Суворов говаривал, что «за одного битого двух небитых дают».

Первым делом государь распорядился привести в порядок отходящие от Нарвы полки. Спешно укреплялись приграничные города Новгород, Псков, Печерский монастырь... В течение зимы 1700 1701 годов была полностью реорганизована вся армия: сформировано десять драгунских полков — по тысяче человек в каждом, из старых пушек и церковных колоколов отлито 270 орудий — вдвое больше, чем потеряли под Нарвой, был

укреплен командный состав армии, тщательно продуманы планы и принципы ее боевых действий...

Работы по укреплению границ контролировались самым жестким образом. Вот свидетельство С. М. Соловьева: «Пришедши в Печерский монастырь, Петр при себе велел заложить первый раскат у святых ворот и назначил быть на работе полуполковнику Шеншину. Пришедши потом на работу и не заставши там Шеншина, он велел бить его плетью нещадно у раската и послать в Смоленск в солдаты. В Москве... повешен Леонтий Кокошкин за то, что был он у приема подвод в Твери и взял пять рублей денег; в Новгороде повешен Елисей Поскочин за то, что брал деньги за подводы».

Такими радикальными методами боролся государь с коррупцией и недобросовестным отношением должностных лиц к служебным обязанностям. Зато и армию реформировали, и границы укрепили, и войну в конце концов, выиграл и. Да и великую империю сумели создать. Сохранилось, кстати, письмо капитана бомбардирской роты Яна Гуммерта, бежавшего после Нарвы к шведам, а потом раскаявшегося в своем предательстве: «Сила вашего величества неописана и так велика, что с тремя или четырьмя неприятелями вместе можно вести войну с пользою; люди сами по себе так хороши, что во всем свете нельзя найти лучше; но нет главного — прямого порядка и учения. Никто не хочет делать должного; думают только наполнить свое чрево и мешок, а там хоть все пропади».

Между прочим, словно бы вчера написано.

Царь Петр умел делать выводы... Этот мудрый государь не жалел сил и средств для укрепления армии, видя в ней главную опору возрождающегося, выходящего на европейскую и мировую арену государства. Петр сказал тогда провидческую фразу: «Ученики выучатся и отблагодарят своих учителей».

Волей государя «Нарвская конфузия», как нарекли современники это поражение, оказалась отнюдь не роковым генеральным сражением, но прологом длившейся два десятилетия Северной войны. Так что шведам следовало бы не возноситься после своей победы, а крепко призадуматься о том, что станут делать русские, которые не собирались складывать оружия. Но, к своему несчастью, Карл XII успел возомнить себя непобедимым полководцем. Если перед Нарвой хорошо работала шведская разведка, и «король Карлус» был прекрасно осведомлен о нашей войне, то после «конфузии» противник словно бы потерял к нам интерес. Последующие события просто не укладываются в логику предыдущего военного поражения. Казалось бы, «великому полководцу» Карлу XII самая пора навестить своего «царственного брата» в его территории. Например, стремительным маршем дойти до Москвы. Но нет — все летние бои происходили на шведской территории.

Русский царь навязывал свою инициативу. Было решено вторгнуться в шведские пределы, но далеко не углубляться, а в бой вступать только при значительном численном превосходстве, действовать осторожно и

осмотрительно... Таким образом, армия приучалась к войне, получала боевую закалку, переходя от выполнения менее сложных задач к более трудным.

Исключение было всего лишь одно: 12 (23) июня эскадра адмирала Шеблата попыталась подойти к Архангельску. Семь шведских кораблей шли к русским берегам под английскими и голландскими флагами, но были вовремя обнаружены и опознаны. В результате боя противник бежал, потеряв два судна, севших на мель. «Зело чудесно!» — отозвался по этому поводу наш государь.

Итак, в кампании 1701 года тактической инициативой владели русские. Перехват стратегической инициативы был еще впереди. «Решено было двинуться в шведские пределы, но далеко не зарываться, — писал Керсновский. — В бой вступать лишь при наличии подавляющего численного превосходства и, действуя осторожно и осмотрительно, постепенно приучать войска к полевой войне, закаливая их переходом от более легких к более трудным задачам».

Не стоит забывать, что в ту пору Швеция считалась первостепенным государством и обладала лучшим в Европе, а, следовательно, и в мире, воинством. Это Карл XII доказал самым убедительным образом, когда 9 июля 1701 года наголову разгромил под Ригой сильную саксонскую армию.

Однако, как сказано в «Истории Северной войны» Б. С. Тельпуховского, «Петр I настоятельно требовал от Шереметева посылки отдельных отрядов в пределы Лифляндии для уничтожения мелких отрядов Шлиппенбаха. В этих набегах прошел весь 1701 год».

Генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев — один из лучших русских полководцев того времени. Под Нарвой он командовал иррегулярной конницей и, по свидетельству Д. Н. Бантыша-Каменского, «советовал главнокомандовавшему обложить город малою только частию войска, а с остальною идти на встречу Карла XII, ожидать его на выгодном месте и дать сражение, в котором вся армия могла бы действовать против шведов соединенными силами, но герцог Крои отвергнул мнение опытного вождя...».

Царь Петр согласился тогда с правотой Бориса Петровича, но, к сожалению, уже постфактум... «Нарвская конфузил» оставила заметный след в душе генерала. Несколько медлительный, он стал еще и предельно осторожным, так что государю порой приходилось его буквально понукать.

Так произошло и в конце декабря 1701 года, когда отряд Шереметева, дойдя почти до Дерпта - Тарту, старинного русского города Юрьева, — обнаружил стоявший там восьмитысячный отряд генерала барона Шлиппенбаха, командовавшего шведскими войсками в Лифляндии. Шереметев превосходил противника по численности: у него было 4 тысячи драгун при трех конных орудиях, 6 тысяч иррегулярной — «нестройной» — конницы и 8 тысяч пехоты при 16 орудиях, однако все это было необстрелянное, неопытное войско. Генерал-аншеф доложил о своем открытии государю, Петр потребовал атаковать, Борис Петрович долго колебался - и решился!

Сражение началось буквально анекдотом. Шереметев послал на разведку «нестройную» конницу, которую противник... проигнорировал, приняв за мародеров. После этого в наступление перешел весь русский отряд.

28 декабря (8 января) передовой отряд нашей кавалерии столкнулся со шведской партией в триста человек и взял ее в плен! Это показалось чудом. От пленных стало известно, что барон П Шлиппенбах уже оповещен о приближении русских, а потому Шереметеву ничего не оставалось, как поспешить.

В морозный день 29 декабря, когда «нестройная» кавалерия уже схватилась со шведской конницей, Шереметев с драгунами подошел по глубокому снегу к мызе Эрестфер, спешил и развернул свои силы к атаке на крутой горе. Противник осыпал его пулями, атаковал и вскоре окружил. Казалось, поражение неминуемо, но русские стояли насмерть, ожидая подхода основных сил пехоты и артиллерии. Как сказано в «Русском биографическом словаре», «с большим трудом удалось Шереметеву удержаться до подхода артиллерии Чамберса (генерал-майор Иван Иванович Чамберс, первый командир гвардейского Семеновского полка), освободившей его тыл; почти все снаряды были уже расстреляны — оставалось по выстрелу на орудие и по два заряда на ружье».

Но тут, получив подкрепление, русские всей силой навалились на Шлиппенбаха, сбили его с позиции, обратили вспять и прогнали по глубокому снегу за три версты за Эрестфер.

Первая русская победа в Северной войне оказалась весьма убедительной: противник потерял до 3 тысяч человек убитыми, 400 — пленными, 8 знамен и 4 орудия. У Керсновского, впрочем, названо 16 знамен и 8 орудий, а в «Истории Петра Великого» А. С. Чистякова — 6 полевых орудий. Наши потери простирались до тысячи человек.

Обратимся вновь к «Истории Петра Великого»:

«Петр невыразимо обрадовался этой крупной победе над шведами; он воскликнул:

- Слава Богу, мы можем, наконец, бить шведов!

Шереметева возвел в генерал-фельдмаршалы и послал ему орден Андрея Первозванного и свой портрет, осыпанный брильянтами; всем офицерам дал следующий чин и денежную награду на солдат, по одному рублю».

Что ж, русский мужик долго запрягает, да быстро едет. «Конфузии» помогали, хотя и очень дорогой ценой, ускорить «запряжку» — подготовку армии к грядущим победоносным походам. Неудачный штурм Нарвы вообще сыграл исключительную роль, потому как ему Россия обязана созданием современной по тем временам регулярной армии. Недаром же обер-офицеры лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков до февраля 1917 года носили нагрудные знаки с датой «19 ноября 1700 года». Это, кстати, не мешало бы знать сторонникам определения начала «летоисчисления»

Русской армии по какой-нибудь громкой победе. Петр Великий начал свой отсчет с поражения...

Через девять лет после «Нарвской конфузии» последовала Полтавская победа — а через девять лет после Аустерлица русские войска вошли в Париж. И если бы не «известные события», то Первая мировая война могла закончиться полным разгромом кайзеровской Германии, к чему все уже шло...

Царь Петр самодержавно правил с 1689 по 1725 год. Война со Швецией, нареченная Северной, продолжалась с 1700 по 1721 год — большую половину его царствования. Начинаясь «Нарвской конфузией», она завершилась сокрушением шведской армии и вытеснением Шведского королевства на европейские задворки. В общем, «ученики выучились и отблагодарили своего учителя». А через два месяца после завершения войны русский царь принял титул Всероссийского императора. Россия вошла в число первостепенных европейских держав.

«Мятеж никогда не кончался удачей»

В 5 часов 15 минут пополуночи 28 января (есть версия — 29-го) 1725 года скончался Петр Великий, и в России началась «эпоха дворцовых переворотов».

Ты скажи, говори,
Как в России дари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят...

В этих строках, написанных Кондратием Рылеевым и Александром Бестужевым, — вся история XVIII века, когда российские государи и государыни сменялись исключительно насильственным путем, и царская кровь лилась рекой.

Подобный порядок вещей, сам того не желая, предопределил царь Петр, утвердив в 1722 году «Устав о наследии престола», признавший за государем право назначать себе наследника и тем нарушивший естественное развитие событий, когда трон оставался старшему сыну почившего монарха... Впрочем, сам Петр воспользоваться «Уставом» не сумел. Лишившись дара речи за 36 (а может — за 16) часов до смерти, он написал на аспидной доске: «Отдайте все...», и рука его бессильно упала. Хотя, возможно, что последнюю волю монарха стер кто-то из ближайших к государю людей... Но — кому отдать-то было?

В царевиче Алексее, сыне от первой своей жены Евдокии Лопухиной, заточенной в монастырь, император увидел угрозу реформам, и законный престолонаследник был тайком умерщвлен в Петропавловской крепости...

От второй жены, Екатерины, у Петра было три дочери. В 1725 году Анне Петровне исполнилось 16, Елизавете — 15, а Наталье — 8 лет. Еще оставались дети царевича Алексея — малолетние Петр и Наталья.

Ребенок на тропе ширма для стоящих у его подножия. Управлять будет регент или кто-то еще... К тому же, женское правление для России было тогда нехарактерно. Да и могла ли стать самодержицей безграмотная вдова шведского драбанта Марта Скавронская, красивая разбит-нал бабенка, доставшаяся в качестве военного трофея генералу Шереметеву, от него перешедшая к Меншикову, а от того — к царю? К тому же, хотя 7 мая 1724 года Екатерина была коронована как императрица, ибо, по словам Петра, «в наших трудах наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великой помощницею была», но через полгода, когда вскрылась ее любовная связь с камергером Вилимом Монсом, она оказалась в опале... Рога и корона мало сочетаемы: обвиненный в «лихоимстве» камергер был обезглавлен, а над «любезнейшей супругой» нависла угроза монастырского заточения.

Кому тогда — «отдайте все»? Быть может, одному из «птенцов гнезда Петрова» — помните, у Пушкина: «Шереметев благородный, и Брюс, и Боур, и Репнин...» Но, во-первых, не привело бы «назначение царя» к смуте, подобной той, что была в начале XVII века, когда на трон поднимались Борис Годунов и Василий Шуйский? Ведь первый из Романовых, Михаил Федорович, был избран царем на Великом Земском Соборе — так сказать, легитимно... Во-вторых, кого «назначить»? Вот характеристика историка: «Ментиков — вор. Головкин - круглый нуль. Толстому уже за семьдесят. Ягужинский — пьяница и фанфарон. Макаров — взяточник...» Таков оказался петровский подбор «руководящих кадров».

Было понятно, что если победит партия петровских «новых людей», то Россия продолжит ориентироваться на Запад. В ином случае происходит откат от реформ, возвращение к исторической самобытности. Так как победили петровцы, то считается, что был избран единственно верный путь. «Мятеж никогда не кончался удачей, иначе бы он назывался иначе», — писал Редьярд Киплинг.

Лишь только Петр I умер, как в комнату дворца, где совещались сторонники малолетнего Петра II — представители старинного дворянства князя Голицыны, Долгорукие, Репнин и другие, ворвались предводительствуемые Меншиковым гвардейцы, а на Дворцовой площади загрели барабаны Преображенского и Семеновского полков... Так, имея весьма призрачные права, на престол вступила Екатерина. Фактическим правителем России стал петровский фаворит светлейший князь Ментиков, давно путавший казну с собственными средствами.

Почему гвардия поддержала «партию светлейшего»? Не только потому, разумеется, что людям сразу выплатили жалованье, задерживавшееся шестнадцать месяцев. Главное, что в полках в подавляющем большинстве служили «новые люди». В петровское время открылась дорога наверх для представителей не только неродовитого дворянства, но и низших сословий. В России начала XVIII века, как позже в наполеоновской Франции, каждый солдат носил в ранце маршальский жезл. Отважные солдаты штыком добывали себе офицерский чин и дворянское достоинство, обходя представителей аристократии.

Правление Екатерины было недолгим и бесславным. После ее смерти в 1727 году Меншиков возвел на трон сына им же погубленного царевича Алексея. Посадить на престол одну из дочерей Петра Великого он считал для себя более опасным: девица могла завести собственного фаворита...

В день восшествия нового императора Меншиков сделал себя генералиссимусом; он намеревался вскоре женить Петра II на своей дочери Марии. Возникла реальная возможность появления «Меншиковской династии».

Однако уж слишком вознесся Данилыч, возгордился и незаметил, как «аристократическая партия» возмутила против него Петра. Вскоре он лишился всего и был сослан. В результате этого дворцового переворота юным императором стал руководить опытный интриган князь Алексей Григорьевич Долгоруков, который поспешил увезти Петра II в Москву и, в свою очередь, собрался женить его на собственной дочери княжне Екатерине...

Но и «династия Долгоруких» не сбылась, хотя к ней Россия оказалась очень близка. Когда в январе 1730 года 14-й летний император скончался от оспы, то несбывшийся тесть предложил возвести на престол его обрученную невесту. Однако тут возразили даже ближайшие родственники князя...

Со смертью Петра II пресеклась мужская линия рода Романовых. Когда же в 1761 году скончается Елизавета Петровна, фамилия исчезнет вообще. 300-летняя «история дома Романовых» на самом деле была раз в два короче.

Собравшийся после смерти Петра II Верховный тайный совет, составленный из представителей аристократии, решил вопрос престолонаследия по-келейному, предложив занять трон вдовствующей Курляндской герцогине Анне Иоанновне, племяннице Петра I — дочери его брата и соправителя Иоанна V, умершего в 1696 году. Она, в отличие от петровых дочерей, происходила не от гулящей чухонской женки, а от русской матери — Марии Милославской. «Верховники», как их нарекли, предложили Анне подписать «кондиции» — условия, весьма ограничивавшие самодержавие. В соответствии с ними императрица не могла начинать войну и заключать мир, раздавать вотчины и села, «употреблять в расход» государственные доходы и даже производить в генеральские и придворные чины... «Кондиции» заканчивались обязательством: «буде чего по этому обещанию не исполню, то лишена буду короны Российской».

Россия, подобно Англии, могла стать страной с ограниченным монархическим правлением. У этой идеи, однако, нашлись и противники, одни из которых видели и свою выгоду в близости ко двору, а другие не желали жить под властью аристократии. Гвардия также не поддержала «верховников».

Пока Анна Иоанновна добиралась от Митавы до Москвы, нашлись люди, сумевшие ее соответствующим образом настроить. В подмосковном селе Всесвятском государыню встречали батальон преображенцев и рота кавалергардов, к которым императрица отнеслась весьма милостиво и вопреки «кондициям» приняла на себя — подобно Петру I — чины полковника Преображенского полка и капитана Кавалергардии.

Дальше произошло то, что и должно было произойти: 25 февраля 1730 года гвардейцы потребовали от Анны Иоанновны стать полновластной самодержицей, что она и сделала, «изорвав» пресловутые «кондиции». Английский образец России не подошел... Герцогиня Курляндская притащила вслед за собой фаворита Бирона и огромное количество немцев, которые, подобно тараканам, заполонили все щели — хотя уже с петровских времен на Руси этих самых иноземцев было, хоть отбавляй. Хотя десятилетнее правление Анны и осталось в исторической памяти как «бироновщина», но между тем именно эта императрица стала реальным продолжателем Петровских дел и реформ... Анна Иоанновна первой же ввела в дело и петровский «Устав», назначив своим преемником сына племянницы Анны Леопольдовны и принца Антона Брауншвейгского - младенца Иоанна. Правительницей считалась мать императора, но вся власть отошла к герцогу Бирону, регенту.

А ведь в Петербурге жила цесаревна Елизавета, с именем которой многие связывали надежды на возвращение идеализируемых петровских времен — но без Петровых или, как потом, Аннинских строгостей. «Дочь Петрова» постоянно поддерживала свой имидж — бывала в гвардейских казармах, запросто общалась с солдатами и их женами, охотно крестила солдатских детей... Однако прошло более года регентства, прежде чем Елизавета взошла на отеческий престол.

В 2 часа пополудни 25 ноября 1741 года Елизавета в сопровождении близких лиц явилась в казарму гренадерской роты Преображенского полка, и гвардейцы на руках внесли ее в императорский дворец, а затем арестовали Бирона, Брауншвейгскую фамилию и прочих деятелей закончившегося царствования. Вскоре регент Бирон, канцлер Остерман и фельдмаршал Миних отправились в ссылку, а царственные особы — в заточение...

Это был последний дворцовый переворот, совершившийся без пролития крови... Л ведь в начале «осьмнадцатого» века нравы в обществе были гораздо грубее, нежели во второй, «просвещенной», «галантной» его половине.

28 июня 1762 года, свергнув с престола своего мужа — императора Петра III Федоровича, сына старшей дочери Петра I Анны Петровны и

герцога Голштинского, — на русский престол возшла Екатерина II, поддержанная худородными гвардейскими офицерами. Через десять дней после переворота низложенный император был убит в Ропше, а еще через два года, в Шлиссельбурге, убили и злосчастного Иоанна Антоновича... Таким кровавым путем Екатерина удерживала власть, законного права на которую не имела.

Эта «леди Макбет» на российском престоле, дружившая с Вольтером и Дидро, желала отделаться и от законного наследника трона — цесаревича Павла Петровича, собственного сына. Правда, точно неизвестно, кто являлся его отцом, ибо Екатерина была весьма любвеобильная... Сына она убивать не стала, но всячески его третировала и хотела в обход его назначить наследником старшего внука - Александра Павловича. Не получилось.

Зато то, чего не сделала бабушка, сделал внучек. 11 марта 1801 года, с молчаливого согласия своего сына, император Павел был убит в Михайловском замке. Александр I взошел на трон, обагренный отцовской кровью, и первые слова, с которыми он обратился к гвардии, были: «Все будет, как при бабушке!» Молодой царь сознательно лгал, прекрасно понимая, что невозможно дать дворянству прежнюю безграничную свободу, а крестьянство закабалить беспредельно, что время фаворитов, беззастенчиво наживавшихся за счет казны, миновало, что в государстве должен быть порядок...

Император Павел, которого, как и его отца, «верноподданные» историки безосновательно изображали идиотом, принял немало дельных законов — в том числе отменил пресловутый петровский «Устав». Отныне трон переходил к старшему сыну усопшего государя, что и происходило без всяких осложнений на протяжении XIX века, за исключением восшествия на престол императора Николая I но здесь были свои особенности. Таким образом, на грани XIX столетия «эпоха дворцовых переворотов» завершилась более, чем на сто лет, потому как последним переворотом можно считать события февраля 1917 года, когда люди из ближайшего окружения государя, имевшие свои корыстные интересы, заставили отречься от престола Николая II. Это уже потом заговор перерос в революцию.

Кстати, нелишне вспомнить, что первым из членов императорской фамилии изменил престолу великий князь Кирилл Владимирович, который привел Гвардейский экипаж к Государственной думе и заявил о своей преданности делу революции. «Прибытие члена императорского дома с красным бантом на груди во главе вверенной его командованию части войск, — писал председатель Думы Михаил Владимирович Родзянко, — знаменовало собою явное нарушение присяги государю императору и означало полное разложение идеи существующего государственного строя...»

А ведь ныне потомки этого «красного адмирала» считают себя законными наследниками Российского престола. Уж такова природа тех, кто именуются Романовыми, — история показала, что они готовы взойти на трон и через родную кровь, и через предательство.

Все решали солдаты...

«Имея шестьдесят тысяч штыков в кармане, можно говорить смело», - так в декабре 1825 года заявил генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович. Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор и популярнейший военачальник, он был уверен, что гвардия выполнит любой его приказ. Однако на Сенатской площади всё в общем-то решали ротные командиры. Этот исторический экскурс лучше всего иллюстрирует ошибочную уверенность далеких уже от нас правителей Российской империи в том, что армия - суть единое целое и, осыпая милостями нескольких любимцев, можно обеспечить послушание войска. «Эпоха дворцовых переворотов» доказала обратное: даже самые популярные на полях сражений фельдмаршалы оказывались совершенно беспомощными в минуты политических катаклизмов.

Обратимся к 1730-м годам. Перелистав записки князя Петра Владимировича Долгорукова — историка-диссидента, скандально известного в царствование Николая I, выберем несколько цитат, характеризующих эпоху:

«В то время, как вся Россия стонала в ужасных муках, придворные думали только о том, как бы набить себе карманы и блеснуть роскошью, которая стала обязанностью при дворе».

«Роскошь двора была особенно возмутительна наряду с всеобщими бедствиями и нищетой».

«При Бироне несколько немецких фамилий играли большую роль при дворе. Кроме Левенвольде, Бирон оказывал покровительство еще Мен где нам, Кейзерлингам, Корфам, Ливенам и Бевернам».

«Страдания, перенесенные русским народом, не поддаются описанию: на человеческом языке нет подходящих слов в, соответствующих выражений, чтобы передать весь их ужас, все их разнообразие...»

Императрица Анна Иоанновна — племянница Петра I, дочь его брата и соправителя, вдова герцога Курляндского — умерла 17 октября 1740 года «после десятилетнего славного царствования, в продолжение которого все ее предприятия, как внешние, так и внутренние, имели желанный успех». Утверждение эго принадлежит генералу Христофору-Герману фон Манштейну, автору «Записок о России», с честью павшему на поле брани. Действительно, при Анне Иоанновне было сделано немало хорошего; возрожден преданный забвению прямыми наследниками Петра I Санкт-Петербург, возрождался флот, были основаны кадетские корпуса, одержаны блистательные победы над турками, подвергнуто разорению Крымское ханство. Однако и сама Анна, и ее фаворит герцог Бирон, и прочие господа с иноземными фамилиями были настолько чужды русскому народу, что их добрые дела оказались напрочь позабыты потомками!

Анна Иоанновна избрала преемника — сына племянницы принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургской, дочери своей сестры Екатерины Иоанновны, и принца Антона-Ульриха Брауншвейгского. В момент вступления на престол Иоанну VI было два месяца, так что до его 17-летия регентом был назначен герцог Бирон и трон Российской империи фактически отошел к захудалому курляндскому дворянину, которого молва именovala бывшим конюхом. Хотя сама Анна Иоанновна очень этого не хотела — понимала, что Бирону на троне не усидеть.

«Оскорбительное регентство Бирона толкало к действию, — свидетельствует В. О. Ключевский. — Гвардия зашумела; офицеры, сходясь на улицах и солдатами, громко плакались им на то, что регентство дали Бирону мимо родителей императора, а солдаты бранили офицеров, зачем не зачинают».

Между тем, если обратиться к биографии Бирона в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, то можно узнать, что «мысль о его регентстве была выдвинута не немцами, а русскими вельможами (кабинет-министр князь Черкасский, генерал-прокурор князь Трубецкой, князь Куракин, граф Головин, граф М. Головкин и в особенности Бестужев-Рюмин)». Это еще раз свидетельствует о том, что лизоблюды, во все времена плотно окружавшие российский престол, внешненациональны и что интересы русского народа и государства их волнуют меньше всего.

Императрица как в воду глядела: в ночь на 9 ноября 1740 года Бирон был арестован по приказу фельдмаршала Миниха, а принцесса Анна Леопольдовна объявила себя великой княгиней и правительницей империи на время малолетства сына. Понятно, что русскому народу от такого переворота радости было мало и что коренных перемен в государстве не произошло. «Ах, эти русские свиньи!» - как-то воскликнула великая княжна Анна Леопольдовна посреди приемной залы. Уж ей-то, мекленбургской голодранке, следовало быть повежливее по отношению к великой нации. Хотя известно, что люди, внезапно поднявшиеся па вершины власти, нередко теряют ощущение реальности.

Между тем вокруг трона заплеталась крутая интрига, в которую были вовлечены граф М. Л. Воронцов, братья Шуваловы, хирург Лесток, французский посол маркиз де ла П1етарди и даже шведский двор - в ту пору Россия со Швецией воевала. «Шведский главнокомандующий граф Левенгаупт, — писал Керсновский, по совету хитроумных версальских политиков опубликовал манифест, в котором уговаривал “достохвальную российскую нацию” не сопротивляться шведам, идущим освобождать Россию от ига иноземных временщиков». Шведы за свою помощь хотели получить обратно Выборг, присоединенный к России в 1710 году, а французы желали корректировки русской внешней политики. Отметим, что ни те, ни другие желаемого не дождались.

Целью заговора было возведение на престол дочери Петра Великого Елизаветы, обладавшей на то гораздо большим правом, нежели

пребывающий в младенчестве правнук Петровского брата-соправителя по женской линии. Впрочем, это понимали наиболее умные люди в придворном кругу, а потому строили разнообразные планы относительно будущности императорской дочери — от монастырского заточения до замужества за рубеж. Вокруг нес старались создать вакуум, не дать ей опереться на какие-то реальные силы.

Особенное опасение вызывал граф Бурхард-Христофор Миних, явно обиженный правительницей, им же возведенной на престол. Фельдмаршал рассчитывал быть пожалованным в генералиссимусы, однако Анна Леопольдовна удостоила этой милости своего супруга. Граф был самолюбив и мог отомстить.

Но «Миних не сблизился с Елисаветой, — отмечал С. М. Соловьев. — Он понимал, что вступление на престол Елисаветы будет иметь следствием торжество национального дела, что при ней иностранцу не удастся играть первенствующей роли». Нужно еще учесть, что, по словам князя Долгорукова, «Миних был невероятно жесток к солдатам и к подчиненным ему офицерам».

В результате все и решила гренадерская рота Преображенского полка. Откроем страницы полковой истории — описание событий 25 ноября 1741 года:

«Окончив молитву и несколько успокоившись, Елисавета Петровна около двух часов пополудни надела под платье латы и, взяв в руки большой серебряный крест, села в сани и отправилась в съезжую избу гренадерской роты... Когда рота собралась вокруг цесаревны, то Елисавета обратилась к гренадерам со следующими сильно прочувствованными словами:

— Знаете ли, ребята, кто я и чья дочь? Родители мои трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами, а ныне все это растащено, сверх же того еще и моего живота ищут, но не столько мне себя жаль, как Отечество, управляемое чужими головами. Оно напрасно разоряется и людей столько неведомо за кого пропадает. Кому же хотите верно служить?.. Готовы ли вы идти за мною?

Рота закричала:

- Готовы, наша матушка! Да здравствует Лизавета Петровна!

И громкое Преображенское “ура” в несмолкаемых перекатах грянуло по фронту и своею могучею силою огласило темные и закопченные стены казарм питомцев Петра I... После... Елисавета села в сани и, окруженная гренадерами в составе 300 человек, отправилась в Зимний дворец».

Чтобы обойтись без лишнего шума, сани остановились, не доезжая дворца. Цесаревна пошла пешком, но преображенцы подхватили ее на руки.

«Войдя в комнату правительницы, которая спала вместе с фрейлиною Менгден, — пишет Соловьев, — Елисавета сказала ей: “Сестрица, пора вставать!...” Увидавши за Елисаветой гренадер, Анна Леопольдовна догадалась, в чем дело».

Тут же были арестованы и приверженцы низложенной Брауншвейгской фамилии - в том числе фельдмаршал Миних, которого, кстати, солдаты изрядно поколотили. Дальнейшая его судьба — равно как и судьбы Иоанна VI, его родителей и прочих упомянутых здесь персонажей - нас больше не интересуют.

Императрица Елизавета наградила гренадер по- царски. 13 последний день 1741 года состоялся именной указ государыни: «Понеже во время вступления Нашего на всероссийской родительский Наш престол полки Нашей лейб-гвардии, а особливо гренадерская рота Преображенского полка, Нам ревностную свою верность так показали, что, не можем остаться, не показав особливой Нашей императорской милости к ним». Рота получила странное наименование «лейб-кампании» или «лейб-компаний» - точно сказать невозможно, твердые правила правописания еще не существовали. Ее капитаном стала сама Елизавета Петровна, в состав роты капитан-поручиком был введен генерал-фельдцейхмейстер при и ц Гессен-Гомбургский, поручиками — в чине генерал-лейтенантов — действительные камергеры А. Г. Разумовский и М. Л. Воронцов, подпоручиками в чине генерал-майоров - действительные камергеры братья Шуваловы. Чин прапорщика лейб-кампании был сравнен с чином полковника, сержанта — подполковника, капрала — капитана. Все унтер-офицеры, капралы и рядовые были возведены в потомственное дворянство — на их гербах было начертано: «За ревность и верность». 258 рядовых получили в свое владение по деревне и по двадцати девяти крепостных душ. Начальники — гораздо больше.

Но дальше, к сожаленью, ничего хорошего не получилось. Есть такая поговорка: «Из грязи, да в князи» - история знает множество нечаянных возвышений, которые потом весьма печально оборачивались. В качестве яркого примера приводим маленький очерк про одного из наиболее известных лейб-кампанцев — Грюнштейна. Интересно, что этот человек принадлежал не к низам российского общества, а был сыном крещеного саксонского еврея. Он прибыл в Россию торговать, разорился и стал солдатом. Очерк этот вошел в книгу Георга фон Гельбига «Русские избранники», выпущенную в Тюбингене в 1809 году:

«Грюнштейн... трудился в своей роте вместе с Шварцем в пользу Елизаветы. По восшествии ее на престол Грюнштейн был назначен адъютантом с чином бригадира при вновь учрежденной лейб-кампании. Он получил большие поместья (927 душ крепостных) и скоро стал генерал-майором. У Грюнштейна не было ума и еще менее нравственности, чтобы вести себя сообразно своему положению. Он доказывал ежедневно, что рожден быть солдатом, которого может сдержать лишь строгая военная дисциплина. Наконец, он даже в публичных местах стал неприлично выражаться об императрице и ее возлюбленном. Он был арестован, наказан кнутом и сослан в Великий Устюг.

В 1762 году он был возвращен и отправился в дарованные ему некогда имения. Дальнейшая его судьба нам неизвестна».

Что ж тут говорить о выходцах из «российской глубинки», недавних крепостных мужиках? «История л.-гв. Преображенского полка» свидетельствует:

«Новое правительство, обязанное усердию и привязанности к императрице гвардейских солдат, первоначально дало страшную волю этим солдатам, которая дошла до того, что... солдаты, дотоле приученные к палке и кошкам — плети об нескольких концах, или хвостах, а теперь за свои услуги освобожденные от этих неприятностей, совершенно вышли из повиновения, особенно гренадерская рота Преображенского полка, или лейб-кампанцы, не хотевшие знать начальников, толпами врывались в дома именнейших сановников с угрозами, требовали у них денег, без церемонии брали в богатых домах все, что им нравилось.

Пьянство, разврат, драки, грабительства гвардейских солдат день ото дня принимали все большие размеры... Жители Петербурга были в большом страхе, многие оставили свои дома, и все ворота были заперты.

Лейб-кампанцы и гвардейцы, конечно, уже не знали истории московских стрельцов времен Софьи, но удачно подражали их буйствам... Правительство, помня их недавнюю услугу, не решалось принять надлежащих мер земской строгости; императрица как бы в наказание только перевела офицерами в другие полки некоторых лейб-кампанских солдат».

Впрочем, дело было не только в благодарности за «услугу». В «Истории Кавалергардского полка» сказано более откровенно: «Лейб-кампания была учреждена государыней с целью иметь всегда около себя отряд решительных и преданных ей лиц. Лучшего выбора она не могла сделать: Преображенские гренадеры доказали на деле, что вполне обладают и тем, и другим. Понятно, что команду над этими телохранителями Елизавета Петровна должна была поручить людям, безусловно ей преданным; но, к сожалению, все участники 25 ноября были люди, не только не имевшие никаких военных дарований, но и не имевшие понятия о воинской дисциплине...».

Лейб-кампания просуществовала два десятилетия, имея своей «прямой и единственной обязанностью» охрану государыни. Лейб-кампанцы ежедневно занимали внутренний караул в Петербурге, а также повсюду сопровождали императрицу. Впрочем, многие из них постарались выйти в отставку по состоянию здоровья и, «рассеявшись по деревням, им пожалованным, были самым неугомонным народом, особенно в дальних уездах, буйствовали над своими крестьянами и соседними помещиками, и во все царствование Елизаветы Петровны над ними не было ни суда, ни управы; одно имя лейб-кампанца приводило в трепет небогатых соседей-помещиков, да и богатые, но незнатные их побаивались; иные из лейб-кампанцев держали целые шайки головорезов, так что наводили ужас на целые уезды».

Петр III, вполне легитимным путем вступивший на престол после своей тетки, лейб-кампанию расформировал. А ведь если бы он имел при себе такое же «особое подразделение», то его судьба сложилась бы по-иному...

Кстати, пребывание Елизаветы Петровны «на отеческом престоле» принесло совсем не такие радикальные перемены, на которые надеялась патриотическая часть российского общества. В России всегда ждали «доброго царя», не понимая, что нее государи происходили из одной семьи, а потому во многом были схожи друге другом. «Гвардейские офицеры потребовали у новой императрицы, чтобы она избавила Россию от немецкого ига, — писал Ключевский. — Она дала отставку некоторым немцам. Гвардия осталась недовольна, требуя поголовного изгнания всех немцев за границу. В финляндском походе в лагере под Выборгом против немцев поднялся открытый бунт гвардии, усмирённый только благодаря энергии генерала Кейта...».

Кейт, Лесток, Грюнштейн, принц Гессен-Гомбургский и множество иных — это деятели нового, Елизаветинского царствования. По счастью, в то же царствование возрастали фельдмаршалы граф Петр Семенович Салтыков, граф Петр Александрович Румянцев и генералиссимус князь Александр Васильевич Суворов, которые, говоря словами последнего, «прусских завсегда бивали».

«Паденье третьего Петра» (Театральные размышления)

Мы изучаем историю по документам и книгам. Но чтобы почувствовать минувшее, этого порой недостаточно. И тогда нужно побывать в тех местах, где история разворачивалась - например, на руинах Ропшинского дворца или в музейных ныне залах Михайловского замка. А можно прийти в театр, где на сцене разворачивается действие, позволяющее прикоснуться к прошлому, как бы увидеть его изнутри. Таких театров маю, такие спектакли — редкость, но они есть... Наш следующий рассказ посвящён именно такому театральному событию, в первую очередь интересующему нас не с точки зрения драматургии, режиссуры и актерского мастерства, но как возможность понять Историю.

Черные кулисы, чёрный задник... Между уходящими в глубину сцены колоннами безмолвно стоят рослые Преображенские солдаты, огромная хрустальная люстра качается подобно маятнику Фуко и наползает дым. В истовой молитве обращается к Богу Екатерина Алексеевна, супруга русского императора — но тут внезапно появляется Петр III и заставляет ее петь немецкую песенку. Так начинается спектакль «Хроника дворцового переворота» в филиале Академического Малого театра.

Вскоре зрителям, хорошо знакомым с отечественной историей, становится скучно. Восшествие на престол императрицы Екатерины II, впоследствии наречённой «Великой», события, предшествовавшие перевороту 28 июня 1762 года, расписаны в мемуарах и романах, известны до мельчайших подробностей. Действие пьесы определённо шло по накатанной колее - царица, «русская душою, сама не зная почему», униженная и

оскорбленная мужем, презиравшим и ее, и русский народ, и страну, которой он правит, ищет и находит опору и помощь в окружающих ее благородных людях.

Но вдруг зазвучала скрипка. Чистая, печальная мелодия заставила замереть не только наивную княгиню Дашкову, но и, кажется, весь зал. Одна лишь Екатерина не поддавалась очарованию — документально известно, что она не любила любую музыку — и раздраженно сказала, что это пиликает на скрипке ея супруг. Пожалуй, именно с этого момента действие спектакля стало развиваться совершенно неожиданным образом...

Что знаем мы о правителях прошлого? Фактически лишь то, что захотели рассказать нам их последователи. Например, Елизавета Петровна, Екатерина II и Николай I говорили, что Петр I - великий преобразователь России, и все, что он делал, было хорошо, а потому они стремятся идти его путем — и все в это верили. Приспешники Александра I утверждали, что его венценосный папенька Павел Петрович был сумасшедшим, поэтому его просто следовало убить — и все в это тоже верили. Самое удивительное, что эти характеристики монархов сохранились и при последующей смене общественной формации — так что даже сегодня некоторые наши соотечественники воспринимают критику в адрес Петра I или Екатерины II как личную для себя обиду. Что ж, так называемый «черный пиар» не сейчас выдумали. Он, не имея такого названия, действовал во все века, обеспечивая самодостаточное функционирование государственной машины.

Так получилось, что в истории остался портрет императора Петра III, написанный окровавленными руками его убийц. Мол, это был идиот, погубитель России, сметенный с трона народным гневом. Примером тому может служить фрагмент из знаменитых лекций В. О. Ключевского: «Елизавета приходила в отчаяние от характера и поведения племянника и не могла провести с ним четверти часа без огорчения, гнева и даже отвращения. У себя в комнате, когда заходила о нем речь, императрица заливалась слезами и жаловалась, что Бог дал ей такого наследника...», писал историк об отношении императрицы Елизаветы Петровны к великому князю Петру Федоровичу. Добавив три строки «негатива», Ключевский вдруг словно бы перечеркивает все единственной фразой: «Так рассказывает Екатерина в своих записках».

Конечно, великая княгиня знала немало тайн русского двора, но даже само отношение к ней Елизаветы Петровны было далеко не столь доверительно, как может показаться из этого рассказа. Несколько дальше у Ключевского следует такое замечание: «Настоящей тиранкой Екатерины была “дорогая тетушка”. Елизавета держала ее, как дикую птицу в клетке...». Где уж тут доверительные рыдания на тему престолонаследия! Просто, нужно думать, Екатерине Алексеевне был выгоден именно такой рассказ — она ведь очень заботилась о том, что говорят о ней современники и что будут говорить потомки.

А вот, кстати, что в своих не предназначавшихся для печати «Некоторых исторических замечаниях» писал о Екатерине II Александр Сергеевич Пушкин: «Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила их на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство...»

Повторим: «заговор нескольких мятежников». Не всенародное восстание в поддержку бывшей Ангальт-Цербстской принцессы, внезапно возлюбившей русский народ, но заговор дворянской фронды. Пушкин, еще заставший в живых участников и свидетелей переворота, это знал. К тому же события 1762 года косвенно коснулись и его самого. Раскроем стихотворение «Моя биография»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Однако пересматривать, переоценивать исторические события — даже на основании документов и авторитетных свидетельств современников — дело неблагодарное. При ограниченных тиражах нынешней литературы переворот в историческом сознании нации не совершишь. «Ящик», предлагающий «жвачку для глаз», у мыслящего большинства нации доверием не пользуется. Зато театр, собирающий в своем зале людей далеко не самых бестолковых, может заставить зрителя не только смотреть и сопереживать, но и задумываться. Впечатление от хорошего спектакля остается надолго.

Петр III в спектакле совсем не похож на того истеричного идиота, каковым предстает он, например, в голливудском фильме «Молодая Екатерина». Нет, это великодушный, благородный, сдержанный по характеру, мягкий человек — слишком мягкий и совестливый для правителя великой державы.

Сценическая версия, режиссерская фантазия? Нет. В спектакле есть такая сцена, когда к уже свергнутому, но еще не арестованному Петру Федоровичу приходит только что возвратившийся из 22-летней ссылки герцог Бирон, фаворит императрицы Анны Иоанновны. Теперь это пуганый старик, в котором никак не признать прежнего тирана: даже самые грозные правители впоследствии быстро превращаются в добрых дедушек. Сцена придумана - герцог был возвращен из ссылки еще до переворота, но в ней звучат подлинные бироновские слова: «Если бы Петр III вешая, рубил головы и колесовал, он остался бы императором».

Действительно, Петр III не казнил. Более того, он упразднил пыточную «Тайную розыскных дел канцелярию», сразу же, кстати, возрожденную Екатериной II под названием «Чайной экспедиции».

И если внимательно почитать работы историков, документы, косвенные свидетельства мемуаристов, то возникает несколько иное, отличное от устоявшегося, впечатление о драматических событиях 1762 года. Именно этот внимательный взгляд и лег в основу пьесы.

Три часа напряженного действия. Два главных героя - две сюжетные линии. Благородный Петр, никак не решающийся разорвать узы, связавшие его с развратной, лживой, властолюбивой женой, но зато отважно решающий сложнейшие государственные проблемы. Каждое его решение должно оказать великую пользу России, хотя при этом оно оказывается во вред очередной влиятельной общественной силе: гвардии, высшему духовенству, промышленникам... Во вред людям, развращенным предыдущими «женскими правлениями» Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны.

Как известно, за свое недолгое царствование император Петр III принял ряд очень важных законов, в том числе знаменитый Указ о вольности дворянства, повелел прекратить преследование раскольников и учредил Государственный банк. Екатерина впоследствии приписала большинство его Указов себе...

Император трагически одинок. Рядом с ним лишь генерал-адъютанты — верный Гудович и коварный Измайлов и графиня Елизавета Воронцова — фаворитка, родная сестра княгини Дашковой.

Пожалуй, Елизавете Романовне Воронцовой в нашей истории повезло еще меньше, чем Петру III. Ее портрет нарисован даже не черными красками, но грязью. Между тем, вся вина графини состояла в том, что она была... русской. Заточив неверную Екатерину в монастырь, Петр женился бы на Воронцовой, что могло возродить на Российском престоле национальную династию. Не решился — это очень хорошо показано в спектакле, не успел... В итоге же после немки Екатерины русским царем стал ее сын Павел, имевший ровно 1/8 часть русской крови. Подсчет последующей «русскости» наших государей произвести несложно.

Воронцова в спектакле Малого театра никак не похожа па тот трафаретный образ, что сохранился в литературе — мягкая, женственная, совестливая, она не желает принимать троп ценой несчастья другой женщины и даже пытается примирить супругов. Когда же приходит роковой час, она вдруг проявляет железный воронцовский характер и остается с низверженным государем.

Что было дальше — известно даже из официальной истории. Правда, в «Хронике дворцового переворота» события оказались несколько уплотнены, и Екатерина, уже императрица, фактически сразу избавилась от своих недавних соратников, Орловых и прочих, возведших ее на трон. На самом деле на это ушло несколько больше времени — хотя сам факт так и остался фактом.

«А что народ?» — прозвучал вопрос в заключительной сцене. «Народ еще не понял, за что он пьет!» - последовал четкий ответ. Вот вам и «всенародное ликование по поводу свержения деспотического режима». Как знакомо!

...Качается хрустальная люстра, снова укутывает сцену дым. Только уже нет на престоле Петра III, а есть Екатерина II, и, значит, Россия вступила в новую полосу своей истории.

Русский Гамлет, или Легенда о безумном государе

Император Павел I остался в истории в роли сумасшедшего тирана, а царствование его помнится скверным анекдотом. Мол, пытался перекроить русскую жизнь на прусский манер, ввел вахтпарады, заставлял всех снимать шапки перед Зимним дворцом, возвысил Аракчеева и унизил Суворова, какой-то полк целиком сослал в Сибирь, а казаков отправил завоевывать Индию. В общем, слава Богу, что его убили! Эту версию цареубийц и их потомков подхватила и развила советская историография, у которой вообще цари были не в почете...

Действительно, анекдоты — так назывались в те времена примечательные истории, имевшие под собой реальную основу, — были. Например, такой...

Как-то гусарский эскадрон остановился в местечке близ западной границы. Солдаты расположились по избам, а офицеры были приглашены в усадьбу помещика.

Ужин, вино, карты... И надо же случиться, что в тот самый момент, когда эскадронный командир метал банк, к нему с докладом прибыл вахмистр: мол, корчмарь требует за сено немыслимые деньги. «Сено — забрать! Корчмаря — повесить!», — бросил через плечо поглощенный игрой ротмистр. Через час вахмистр доложил, что приказание исполнено: сено взяли, а корчмарь висит.

Вот тут-то ротмистр протрезвел. В мирное время вешать российских подданных не полагалось. Пришлось докладывать полковому командиру, тот доложил далее, а в результате все дошло до самого государя.

Император Павел Петрович издал примерно такой указ: «1. Ротмистра NN за отдачу дурацких приказаний разжаловать в рядовые; 2. Рядового NN за то, что навел в своем эскадроне такой образцовый порядок, что даже самые дурацкие его приказания исполняются неукоснительно, произвести в полковники».

На наш взгляд — умнейший приказ человека, понимающего, что военная служба коренным образом отличается от гражданской жизни и что штатскому никогда не следует провоцировать военного, исполняющего свои обязанности!

«Посмертная реабилитация» оклеветанного государя началась с вышедшей в 1982 году книги Натана Эйдельмана «Грань веков», читатели которой вдруг поняли, что Павел совсем не был безмозглым дураком, а время его правления — отнюдь не самый мрачный этап нашей истории. Пресловутые «павловские чудачества» в большинстве своем оказались либо легендами, либо результатами трудов бездарных исполнителей, во все времена окружавших российский престол плотными толпами. Ведь, кстати, А. С. Пушкин был официально «освобожден» от негласного полицейского надзора только в... 1875 году — при Александре II. Подумать только: почти сорок лет посмертно числился в списках неблагонадежных лиц не кто-то, а прославленный поэт, к тому же имевший придворный чин камер-юнкера! Куда уж тут «подпоручику К и же».

Вот, кстати, еще одна ситуация. Из целого ряда источников можно узнать, что павловский фаворит граф Аракчеев назвал боевые знамена одного гренадерского полка «екатерининскими юбками». Иные историк приписывают эти слова и самому Павлу. Но разве он не понимал важность и силу воинских традиций, не ценил былых подвигов? Понимал — и даже лучше, чем кто-либо другой. Откроем «Историю Русской армии» и прочитаем: «Император Павел поднял значение знамен (до той поры считавшихся амуничной принадлежностью). Он указал знаменам служить бессрочно (до того служили 5 лет)». То есть знамена-«юбки» превратились в ту святыню, за которую умирали в бою.

Это, кстати, только одно из мероприятий военной реформы Павла, о которой у нас практически ничего неизвестно, хотя она была очень своевременной. Вот характеристика конца Екатерининского царствования из «Истории л.-гв. Преображенского полка»: «За этот период приходится отметить некоторый упадок дисциплины и распущенность при исполнении служебных обязанностей. При полном равнодушии к подобному печальному состоянию со стороны начальствующих лиц неудивительно, что с каждым днем распущенность эта возрастала. Дело дошло до того, что нередко караульных офицеров можно было встречать на улице, свободно разгуливающих по-домашнему, в халатах, а их жен — надевавших мундир и исполнявших обязанности мужа. Кутежи и дебоши гвардейской молодежи начали принимать колоссальные размеры».

В армии было еще хуже. В биографическом очерке графа А. А. Аракчеева сказано: «В издержках на содержание войск не было надлежащей отчетности; не имелось верного счета наличному числу людей под ружьем; тысячи солдат, в особенности знавших ремесло, прямо с поступления на службу определялись по поместьям своих начальников; полки не имели однообразного устройства, обучение, содержание и даже обмундирование людей зависели от произвола полковых командиров».

Понимая, что армия — главная опора престола, Павел принялся искоренять этот разврат. За образец он взял прусскую армию — немцы всегда были храбрыми и очень дисциплинированными солдатами. Но, к сожалению,

вместе с полезным было взято и вредное: стала возвращаться фактически изжитая в России «линейная тактика», излишне много внимания уделялось строевой муштре и внешней, парадной стороне военного дела. «Фрунтова зараза», заведенная Павлом и заботливо культивируемая обоими Павловичами — Александром I и Николаем I, пустила в России очень глубокие корни — до конца XX столетия...

Была введена новая форма одежды, на прусский манер, и ее, как известно, всегда ругали — мол, неудобна, тяжела. По вот участники военно-исторических клубов, побывавшие в Швейцарии на праздновании 200-летия Суворовского похода, признали, что «павловская» форма в которой они разыгрывали там баталию, гораздо комфортнее, чем обмундирование 1812 года.

Вообще император Павел выказал немало заботы о солдате — начиная от строительства казарм, тогда как раньше войска располагались «постоем» на обывательских квартирах, и до введения первого знака отличия для нижних чинов. Это была Аннинская медаль, жалуемая за 20-летнюю беспорочную службу солдатам и унтер-офицерам. Награжденные ею не только получали прибавку к жалованью, но и освобождались от телесных наказаний.

В результате реформ существенно изменилась структура армии - вместо 10 егерских корпусов был и созданы

20 полков, увеличено количество кирасир, упразднены легкоконные, конно-егерские и карабинерные полки, восстановлены гусарские. Seriously улучшена была артиллерия, и не только в плане ее организации — «не было ни одного вида орудия, который не был бы по крайней мере в полтора раза легче соответствующей иностранной системы».

Военная реформа проводилась уже два с половиной года, когда началась наша первая война с Францией — на итальянской земле. Четыре месяца боев поставили противника, державшего в страхе всю Европу, на грань катастрофы, что можно считать лучшим доказательством эффективности павловских преобразований. Да, армию вел Суворов, но после иных реформ, которые позже познало российское воинство, даже и Суворов оказался бы бессильным.

Нет сомнения, что Россия могла бы благоденствовать под твердой павловской рукой, если бы не известные свойства его характера. Свойства эти роковым образом были привиты Павлу Петровичу его матерью ^ императрицей Екатериной II.

В Европе великого князя Павла по прямой аналогии нарекли «русским Гамлетом». Восшествие Екатерины на престол — тема особая и большая. Свергнув и убив императора Петра III руками своего любовника, бывшая Ангальт-Цербстская принцесса захватила трон при двух законных наследниках. Одним был Павел, другим — Иоанн Антонович, уже 20 лет содержавшийся в Шлиссельбургской крепости. Через два года Иоанн VI был убит во время так называемого бунта поручика Мировича. В 1775 году

погибла обманом вывезенная в Россию по приказанию Екатерины II «княжна Тараканова» — претендентка на русский трон, самозваная — очевидно - дочь Елизаветы Петровны, не оставившая истории своего подлинного имени.

Конечно, императрица не убивала сама, но была причастна ко всем смертям. Прямо леди Макбет какая-то...

Кстати, известный очерк Н. С. Лескова поначалу назывался «Леди Макбет нашего уезда», потом — Мценского уезда, хотя это сделало название менее выразительным. Почему? Наша версия такова: Мценский очень созвучно с Цербстский. Лесковскую злодейку звали Екатерина Измайлова — первым из гвардейских полков, куда примчалась свергнувшая мужа Екатерина, был лейб-гвардии Измайловский. Похоже, Лесков сделал намек, этакую литературную шалость, чего почему-то не заметил ни один из литературоведов.

Нелишне будет вспомнить и слова А. С. Пушкина: «История оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищаемую любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России». Вот такая была государыня...

Павел, родной сын, был ей ненавистен, и одна из причин крылась в том, что он был законным наследником незаконно занятого ею трона. Н. К. Шильдер, автор книги «Император Павел I», писал, что перед переворотом 1762 года камергер граф Н. И. Панин «высказывал убеждение, что по устранении Петра III все права на русский престол должны перейти прямо к цесаревичу Павлу Петровичу, а Екатерина, как его мать, может быть признана только правительницей до совершеннолетия сына».

Но Панина оттеснили новые фавориты. Перед совершеннолетием цесаревича уже другие вельможи заговорили о передаче ему престола — и опять напрасно. Екатерина не собиралась терять свою власть. Она бы и Павла отправила вслед за Петром III и прочими, но не имела такой возможности: лишившись сына, она перестала бы быть матерью наследника и превратилась бы в худородную немецкую принцессу, незаконно занявшую русский престол. Тогда бы ее уже не потерпели. Поэтому ей приходилось терпеть сына. Вот точка зрения французских историков Лависса и Рамбо, авторов «Истории XIX века»: «Павел I был, без сомнения, человеком неуравновешенным. Быть может, утрата Павлом душевного покоя объясняется всем тем, что он мог знать или угадывать о событиях 1762 г., связанных с восшествием на престол его матери. Многие объясняются также продолжавшейся тридцать четыре года узурпацией трона, которую Екатерина осуществила в ущерб наследнику престола, взаимной антипатией и недоверием между матерью и сыном и господством фаворитов, дерзких и надменных по отношению к Павлу».

Особенно гнусен был последний из них - Платон Зубов, в 22 года ставший любовником 60-летней государыни. Этот корыстный и наглый молодой человек не только сумел полностью оттеснить от трона выдающегося государственного мужа Г. А. Потемкина, но и получить от императрицы почти все титулы, чины и посты, которыми тот обладал. Он тоже стал светлейшим князем, Таврическим генерал-губернатором -- вот только в фельдмаршалы выйти не успел, остановился на генерале от инфантерии.

Великий князь Павел был старше его на тринадцать лет, он был наследником престола. Однако юный хам считал себя выше цесаревича. Как-то на балу, выслушав зубовские рассуждения, Павел заметил: «Я тоже так думаю». Фаворит обернулся на окружавших его царедворцев и воскликнул: «Развел сказал какую-нибудь глупость?»

Вслед за Платоном стремительно возвысилась его семья. Отец, отставной вице-губернатор из провинции, стал обер-прокурором Сенатского департамента, а затем и генерал-прокурором. «Умный человек, но злой и бесчестный, — говорится в «Русском биографическом словаре», — он прославился взяточничеством и лихоимством...

Будучи сенатором, он скупал или вынуждал уступать старые тяжёлые дела, добиваясь затем решения их в свою пользу». Но аппетиты, очевидно, превысили возможности: граф А. П. Зубов вдруг скончался в 1795 году.

«Гигант, обладавший большой физической силой, — указано в том же издании о старшем из братьев Зубовых, Николае, — он был пигмеем по своим нравственным качествам. В обращении был груб и высокомерен, охотно пускал в дело кулаки. Один раз на пути из Москвы он приказал высечь кнутьями видных чиновников Сената за то, что они не хотели уступить ранее занятого ими места ночлега». Николай вскоре стал обер-шталмейстером двора.

Даже Дмитрий, «из всех братьев наименее способный, он не проявил себя ни в какой отрасли правительственной деятельности», дослужился к 30 годам до чина генерал-майора и «стоял во главе комиссии о государственных долгах».

Самым толковым из братьев был Валериан, к которому Платон, кстати, ревновал государыню. Он оказался храбрым командиром, отличился в боях с турками и поляками, так что в 25 лет стал генерал-аншефом. Отмечу, что А. В. Суворов стал генерал-майором к 40 годам, а генерал-аншефом — в 56 лет.

В судьбе Павла I эта семья сыграла роковую роль.

В стремлении реформировать Россию, изрядно разоренную женским правлением XVIII века — Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II, — Павел Петрович взял за образец Петра Великого. Но если прадед стремился переустроить все по-новому, то правнуку следовало навести в державе должный порядок. Сложно сказать, что труднее.

У Петра были его «новые люди» — иностранцы, представители незнатных и небогатых дворянских родов, выходцы из низов. Их царь

противопоставлял старинной аристократии, стрелецкому воинству и откровенно им благоволил, прощая и казнокрадство, и злоупотребления. Тот же светлейший князь Меншиков столько воровал — и ничего, разве что дубиной по бокам получал.

У Павла своих «новых людей» фактически не было. Он не стал приглашать «кондотьеров» из-за рубежа, а верных «гатчинцев» -- офицеров, числившихся в Гатчинском гарнизоне в бытность его великим князем, было совсем немного. Да и путных-то из них раз-два и обчелся — Аракчеев, Ростопчин...

Но к своим любимцам государь предъявлял столь же строгие требования, как и ко всем прочим. Попытался, например, граф Аракчеев покрыть своего брата-генерала, подчиненные которого проштрафились в карауле, - и получил в 1799 году отставку. Ростопчин же попал в немилость в феврале 1801 года.

Как писали Лависс и Рамбо, Павел «был исполнен презрения к людям, по крайней мере к тем, которые его окружали; изменчив в своей милости, часто жесток, с легкостью подвергал опале. Однако ему нельзя отказать ни в благородных рыцарских чувствах, ни в искреннем желании облегчить участь низов — крестьян, солдат. Особенную суровость он проявлял по отношению к знати — к придворным, к любимцам Екатерины, к губернаторам, которые угнетали вверенные им области».

Известие о смерти императрицы Екатерины в Гатчину привез граф Николай Зубов, униженно повалившийся Павлу в ноги. Вскоре в ноги императору валился и светлейший князь Платон Зубов, которого Павел Петрович благодарил за верную службу своей покойной матушке и сделал генерал-адъютантом. Впрочем, через год, когда последствия этой «верной службы», принесшей России миллионные убытки, стали очевидны, семья Зубовых была удалена от двора.

Реформаторская деятельность Павла позабыта историками. А ведь государь не знал покоя, возрождая армию и флот, определяя приоритеты во внешней политике (что выгоднее для России — война или союз с Францией?), стремясь наладить государственное управление, искоренить воровство и злоупотребления, улучшить положение основного существовавшего тогда класса — земледельцев. Так, работа на барщине была ограничена тремя днями, и недаром аристократы презрительно называли Павла «мужицкий царь».

Но как мешали делу взрывной, экспрессивный характер государя, его максимализм и... рыцарское благородство его натуры. Павел Петрович не признавал полутонов: если виновен — то сразу с глаз долой, если честен — государево доверие во всем. К тому же император был строг, но отходчив. Его немилость обычно оказывалась недолгой. Всем этим умело пользовались опытные интриганы, всегда окружающие трон.

Вновь обратимся к «Истории XIX века»: «В заговор вошли сыновья тех, кто был в заговоре против его отца (среди них, как и в 1762 г., Панин и

Талызин), фавориты его матери (три брата Зубовы), лифляндский барон Пален и ганноверец генерал Беннигсен». Этой фразой дана полная характеристика всем «антипавловским» силам. Вернее, почти всем, ибо в заговор был посвящен и наследник престола цесаревич Александр.

А еще была Ольга Жеребцова, урожденная Зубова, сестра фаворита, которая, по справке «Русского биографического словаря», «принимала видное участие в организации заговора... благодаря влиянию лорда Витворда (английского посланника), с которым была в очень близких отношениях» (по другому свидетельству, «Жеребцова была действительно более чем легкого поведения, но не имела никакой любовной интриги с Витвордом»). Именно через нее поступали английские деньги на убийство русского царя, который своей независимой политикой угрожал интересам далекого островного государства.

Главное же, чем были до смерти напуганы в туманном Альбионе — это возможностью похода на Индию. Лависс и Рамбо писали: «Так как у обоих властелинов [Наполеона и Павла I] был один и тот же непримиримый враг, то, естественно, напрашивалась мысль о более тесном сближении между ними ради совместной борьбы с этим врагом, чтобы окончательно сокрушить индийскую державу Англии — главный источник ее богатства и мощи. Так возник тот великий план, первая мысль о котором, без сомнения, принадлежала Бонапарту, а средства к исполнению были изучены и предложены царем».

Значит план Индийского похода принадлежал гениальному полководцу Бонапарту? Откроем «Очерки истории Франции»: «19 мая 1798 года армия под командованием Бонапарта (300 кораблей, 10 тыс. человек и 35-тысячный экспедиционный корпус) покинула Тулон... и 30 июня начала высадку в Александрии». На вопрос, что именно было нужно французам в Египте, далее говорится: «После распада первой (антифранцузской) коалиции войну против Франции продолжала одна Англия. Директория намеревалась организовать высадку войск на Британских островах, но от этого пришлось отказаться из-за отсутствия необходимых сил и средств. Тогда появился план нанести удар по коммуникациям, связывающим Англию с Индией, план захвата Египта». Кстати, в первоначальном своем варианте идея французского десанта в Египет принадлежала еще герцогу Шуазелю, министру иностранных дел короля Людовика XV, правившего до 1774 года.

Таким образом начинает выстраиваться логическая цепь «наполеоновских» -- в прямом и переносном смысле — планов: сначала перерезать коммуникации, потом двинуть войска этими дорогами к «жемчужине Английской короны», как издавна именовали Индию. Об этих планах пишет и Дмитрий Мережковский в романе- биографии «Наполеон»: «Через Египет на Индию, чтобы там нанести смертельный удар мировому владычеству Англии, — таков исполинский план Бонапарта, «безумная химера, вышедшая из больного мозга».

Подтверждая эту версию, современный французский историк Жан Тюлар, автор книги «Наполеон, или Миф о “Спасителе”», гораздо менее экспрессивен: «Оккупация Египта позволяла решить сразу три стратегические задачи: захватить Суэцкий перешеек, блокировав тем самым один из путей, связывавший Индию с Англией, заполучить новую колонию... завладеть важным плацдармом, открывающим доступ к основному источнику процветания Англии — Индии, где Типпо-Сахиб вел освободительную войну с британскими колонизаторами».

Итак, план вторжения в Индию представляется объективной реальностью. Нужно ли это было России?

Война в Европе продолжалась добрый десяток лет и показывала примерное равенство сторон — Франции и Англии. Это противостояние с переменным успехом могло продолжаться еще довольно долго, если бы на континенте не существовало третье великое государство — наше Отечество. А русский царь понимал, что, во-первых, с победителем нужно дружить и, во-вторых, что победителя должна определить именно Россия.

Известный советский ученый А. З. Манфред так оценивал ситуацию: «Россия в то время экономически и политически значительно отставала от Англии и Франции. Но она намного превосходила их огромной территорией, населением, военной мощью. Сила России основывалась на ее военном могуществе».

Добавим, что так было до 1990-х годов, и потому с нашей державой всегда считались. Но вернемся к книге Манфреда «Наполеон»: «В 1799-1800 годах решающая роль России на сцене европейской политики была показана с полной наглядностью. Разве Итальянский поход Суворова за три месяца не перечеркнул все победы и завоевания прославленных французских полководцев? Разве он не поставил Францию на край поражения? И затем, когда Россия вышла из коалиции, разве чаша весов не склонилась снова в пользу Франции?»

Не так сложно понять, почему русский царь предпочел возрождающуюся французскую монархию своекорыстной Англии, во всяком деле стремящейся достичь своей выгоды в ущерб другим. Можно вспомнить и про то, что тесные русско-французские отношения существовали в определенные периоды царствований и Елизаветы Петровны, и Екатерины II.

Однако ошибаются те, кто считает, что Индийский поход был начат исключительно в угоду новым французским друзьям. «Чуть позже пойдут разговоры об умопомрачении Павла, отправившего казаков в поход на Индию, — пишет в книге «Александр I» А. Н. Архангельский* — О том же, что план разрабатывался совместно с Наполеоном, равно как о давних планах Екатерины воевать берега Ганга и Персидском походе Петра как-то забывалось».

Так значит, вести россиян походом на Индию русские цари придумали еще задолго до Павла? Убедиться в этом несложно — автор «Кавказской войны» генерал-лейтенант В. А. Потто свидетельствует на первых же

страницах своего многотомного труда: «Петр перенес свои любимые помыслы на Каспийское побережье и решился предпринять исследование восточных берегов этого моря, откуда предположил искать торговый путь в Индию. Исполнителем этой могучей мысли был избран им князь Бекович-Черкасский. В 1716 году Бекович отплыл из Астрахани и начал сосредоточивать сильный отряд близ самого устья Яика. С Кавказа назначены были в этот поход конный пятисотенный полк гребенских и часть терских казаков...» По, как известно, отряд князя Черкасского погиб в боях с хивинцами, а с командира его — живого - сняли кожу, из которой сделали чучело. И все равно русские торили путь на юго-восток...

Чем же вызваны резко отрицательные оценки большинством русских, а вслед за ними и советских историков «Индийского плана» Павла Петровича?

Вот, например, что пишет знаменитый русский историк Н. К. Шильдер, автор книг об императорах Павле I, Александре I и Николае I: «Павел не обошелся без обычных фантастических увлечений: был задуман поход в Индию. Хотя о совместном действии русских войск с французскими в этом направлении мечтал также и первый консул, замышляя окончательное поражение Англии, и с этой целью разработал проект похода в Индию, но император Павел вознамерился решить эту трудную задачу самостоятельно, при посредстве одних казаков».

Тяжела роль «придворного историка», ибо ему следует не только заглядывать в прошлое, но и постоянно оглядываться на настоящее. Писать об императоре, убитом с молчаливого согласия сына, можно только в строжайшем соответствии с высочайше утвержденной версией. А она гласит: «безумец, губивший Россию». И нет нужды, что наследник-отцеубийца заключал потом с тем же Наполеоном позорный для России Тильзитский мир, а другой сын убиенного императора позорно проиграл Восточную войну союзу французов и англичан.

Интересно, на какую ступень вознеслась бы Россия в союзе с наполеоновской Францией, и какое место досталось бы в том разделенном на две сферы влияния мире Англии, если бы не царевубийство?

Попробуем восстановить события. Итак, 12 (24) января 1801 года император Павел отправил атаману войска Донского генералу от кавалерии В. П. Орлову 1-му несколько рескриптов, поручая ему двигаться «прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, по ней лежащие».

Казаки — 22 507 сабель при 12 единорогах и стольких же пушках, сорок один полк и две конные роты, — пошли, преодолевая в день по 30-40 верст. Их путь оказался весьма нелегким из-за недостаточной подготовки, дурных дорог и погодных условий — в том числе непредвиденно раннего вскрытия рек. «Если... отряду пришлось преодолевать невероятные трудности при движении по собственной земле, то легко себе представить плачевную участь донцов при дальнейшем движении их, в особенности за Оренбургом!» — буквально восклицает в своей книге генерал Шильдер.

Если верить ему и другим «традиционным» историкам, то из похода получилась неимоверная глупость и ничего более. Однако в упомянутой уже книге «Грань веков» можно узнать о существовании следующего плана: «35 тысяч французской пехоты с артиллерией во главе с одним из лучших французских генералов, Массена, должны двинуться по Дунаю, через Черное море, Таганрог, Царицын, Астрахань... В устье Волги французы должны соединиться с 35-тысячной русской армией (понятно, не считая того казачьего войска, которое «своим путем» идет через Бухарию). Объединенный русско-французский корпус затем пересечет Каспийское море и высадится в Астрабаде».

Можно смеяться над попыткой захватить Индию двадцатитысячной казачьей ордой, но если к ней прибавить 70 Тысяч регулярной русской и французской пехоты, представлявших две лучшие армии мира — тут уже и улыбаться не захочется. А ведь в Египте еще оставались силы той армии, которую в 1798 году привел к пирамидам Наполеон! А с Камчатки в Индийский океан должны были подойти три русских фрегата, которые могли составить достойную конкуренцию находящимся там английским кораблям.

Кстати, с пресловутым казачьим походом дело тоже обстоит далеко не так просто. Ведь на Дону тогда было очень даже неспокойно. Одно только то, что осенью 1800 года в Черкасске были казнены «за мятежные замыслы» полковник лейб-гвардии Казачьего полка Евграф Грузинов - из бывших гатчинцев, и брат его Петр, отставной подполковник свидетельствует о многом. Император не раз высказывал желание «встряхнуть казачков» - вот и отправил их «своим путем», в целях «воинского воспитания». Не случайно, значит, возвратились к своим полкам генерал Платов и иные офицеры, выпущенные перед походом из крепости...

Верно, неуютно стало тогда на Британских островах - и пошли в Россию по тайным каналам деньги для братьев Зубовых и иже с ними...

Да, но откуда вновь появилась зубовская семейка? Так это государь их простил и вновь к себе приблизил, не понимая, что фавориты прошлого царствования, утратившие бывшее значение, всегда представляют потенциальную опасность. Вот и Зубовы оказались в числе цареубийц. Платон первым ворвался в цареву спальню, Николай первым ударил государя в висок золотой табакеркой, а Валериан приехал в Михайловский замок последним, когда все было кончено. Он попытался поздравить караульных солдат с новым государем, но «приветствие его было встречено как враждебно, что граф поспешил удалиться».

Так оборвалась жизнь «русского Гамлета», всю жизнь ожидавшего, что его убьют. Думал, что мать. Оказалось сын...

Зато царь Александр I все прекрасно понимал. Он быстро избавился от тех, кто помог ему занять престол, обогранный кровью отца, а затем и от деятелей Екатерининской эпохи, хотя первой его фразой как царя было: «Все будет, как при бабушке!» Фавориты и деятели прежних царствований помаячили у подножия трона и разъехались по своим поместьям. Остался

один Аракчеев — честный, умный, жестокий. На его гербе справедливо значилось «Без лести предан».

Рассказ об этой трагедии уместно закончить словами из «Истории Русской армии»: «Император Павел, несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата, и тот чувствовал это и платил царю тем же. Безмолвные шеренги плачущих гренадеров, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 12 марта 1801 года являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории Русской армии».

К сожалению, летопись Павловского царствования оказалась настолько скрыта или искажена, что к ней в таком виде просто привыкли. Между тем эти времена ждут еще своих исследователей, которые должны не только воскресить позабытые события прошлого, но и понять, как и для чего создаются легенды, кому выгодно подменять ими подлинные страницы нашей отечественной истории.

Год 1812-й — славный и... таинственный

Участники разговора за «круглым столом», проведенного в правлении Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) — писатель Алла Бегунова, председатель Военно-исторической секции Центрального совета ВООПИК и руководитель военно-исторического клуба (здесь и далее — ВИК) «Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк»; кандидат исторических наук Александр Беспалов, руководитель ВИК «Флигель-рота»; Алексей Васильев, научный редактор издательства «Изографус»; Александр Гапенко, руководитель ВИК «Лейб-гренадерский полк»; Пантелеймон Грюнберг, член Пушкинской комиссии Института мировой литературы РАН; доктор военных наук генерал армии Владимир Лобов; председатель Центрального совета ВООПИК Галина Маланичева; кандидат исторических наук Юрий Никифоров, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; кандидат исторических наук Александр Орлов, доцент Московского государственного открытого педагогического университета имени М. А. Шолохова и его студент Владимир Монаенков; Александр Петров, член редколлегии журналов «Император» и «Армии и битвы», член ВИК «Флигель-рота»; Владимир Петров, член ВИК «Павлоградский гусар»; Александр Шуринов, член Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года.

— *Казалось бы, Война 1812 года является одним из краеугольных камней нашего исторического знания. Между тем, наши реальные знания о ней весьма скудны, и даже то, что известно, рождает множество домыслов, предположений и загадок. И вот вопрос: могла ли она вообще не начаться? Ведь совсем еще недавно в Тильзите императоры говорили о нерушимой дружбе...*

ВАСИЛЬЕВ: Но уже после Эрфуртского свидания, наступивших в 1808 году охлаждений Александр I был решительным противником какого-либо мира с Наполеоном. В 1810 году Россия разработала план вторжения в Герцогство Варшавское ^ то есть однозначно был взят курс на антифранцузскую войну. Наполеон был властолюбивый император, и он не доверял России. Эти взаимные шаги и привели к событиям 1812 года.

БЕСПАЛОВ: Помимо всего, здесь была и неприязнь, замешанная на личных взаимоотношениях. Наполеон Бонапарт публично, па всю Европу, оскорбил русского императора, напомнив тому о его участии в убийстве собственного отца.

— *1804 год — расстрел французами герцога Энгиенского, нота Александра I и ответ Наполеона о том, что если бы нынешний царь знал о намерениях англичан убить Павла, неужели бы он не попытался захватить злоумышленников? По мнению академика Тарле, «более ясно назвать публично и официально Александра Павловича отцеубийцей было невозможно».*

ЛОБОВ: Можно сказать, что столкнулись два рода: французский наполеоновский род, который по сути дела овладел Европой, и представители русской династии Романовых, кровными узами связанные со многими правящими дворами. Наполеоновский род я бы вообще назвал авантюристическим — еще на Корсике вся его семья была связана с борьбой за власть: мать, отец, два брата — все. Когда Наполеон объявил себя консулом, он своих родственников везде расставил: в Нидерландах — брата Людовика, в Испании — Жозефа... Политика этого рода была не только авантюристическая, но и захватническая. Борясь за свое влияние в Европе, Бонапарты посылали солдат против Австрии, Пруссии, Италии, Испании... Естественно, в конце концов Наполеон пошел и на Россию.

— *То есть причины войны получаются сугубо личные?*

ШУРИНОВ: Думаю, Наполеона вряд ли интересовала собственно Россия — организовав континентальную блокаду Англии, он рассчитывал с помощью России выйти в подвластную Англии Индию...

ОРЛОВ: Наполеон боялся того, что Александр, испытывая трудности с экономикой, в конце концов вернется к идее о союзе с Англией — об этом он говорил неоднократно и постоянно упрекал русского посла в Париже Куракина, что Александр уходит от Тильзитского союза. Поэтому, мне кажется, вторжение в Россию было стремлением Наполеона поразить Англию и наказать Александра, но ни в коем случае не допустить, чтобы тот был свергнут с престола. Александра он рассматривал как своего будущего союзника. План совместного похода войск Наполеона и Павла I был вполне реальным — тем более, если мы говорим, что Наполеон был авантюристом, то почему ему не предпринять авантюристический план? Восточные грезы всегда тревожили мозг великого императора французов.

ЛОБОВ: Индия — это был блеф, как и тот, когда он собрал все свое войско, назвал его «Английской армией» и якобы готовил высадить в Англии.

На самом деле он готовил войска, которые потом назвал «Великой армией», против России.

ВАСИЛЬЕВ: Не совсем так. «Английской», чтобы обмануть англичан, первоначально называлась та армия, которая была сформирована в 1797 году. Готовилась экспедиция в Египет, и, чтобы отвлечь внимание британского флота от этой экспедиции, ее назвали «Английской». Когда армию погрузили на корабли, ее переименовали в «Восточную армию» — и она захватила Мальту, высадилась в Египте и т. д. «Великая армия» так и называлась с самого ее основания.

ОРЛОВ: Все же к войне с Россией Наполеона привела постоянная борьба с Англией, его идефикс о том, что необходимо громить Англию везде, во всех случаях... Это была самая главная, самая большая его ошибка. Если бы войны не было — попытаемся пофантазировать, мир сейчас имел бы совершенно другую конфигурацию, другие очертания. Причем, хотя и трудно сказать, что стало бы с Великобританией, но ясно, что ничего хорошего бы с ней не произошло.

ГРЮНБЕРГ: Наполеон шел в Россию вовсе не для того, чтобы сделать ее союзницей! Союзничество с Наполеоном - вообще вещь странная, у него были не союзники, а сателлиты. Термин «когда Наполеон и его союзники» совершенно несправедлив. Никто добровольно в союз с Наполеоном не вступал — ни Австрия, ни Пруссия...

ОРЛОВ: А где вы видели, что союзы заключаются на абсолютно равных началах? Всегда слабые страны стараются получить поддержку, прислонившись к каким-то более сильным странам. В 1807 году Александр пошел на союз с Наполеоном потому, что он был слаб. Потом он постепенно начал из-под этого влияния выходить. И тот решил его наказать, показать, что этого делать не надо.

ГРЮНБЕРГ: Вес же Наполеон пришел не за союзом, но совершенно ввести Россию в свою орбиту. Он сам говорил, что война для него — политическая. Индия и Англия — разговор потом, это была как бы пропагандистская модель для армии, которая шла в Россию. Мол, это промежуточный этап, потом пойдем дальше. Наполеон понимал, что с «византийцем» Александром так просто не справишься. Те силы, которые он ввел в Россию, он вел не на Индию или Англию, а именно против России, которую он рассматривая как своего идейного противника. Не идеологического — понятие «идеология» появилось только в XX столетии.

ОРЛОВ: Наполеон — великий государственный деятель, не надо его низводить до положения авантюриста. В чем тогда наша победа, наша заслуга, если мы поразили такого суетливого, неталантливого человека?

ШУРИНОВ: Ну, это я слышал многократно — что он великий, поэтому мы великие. Такая позиция мешает нашему изучению своего собственного народа, своей культуры. Мы привыкли все мерить на манер этого человека — а ведь можно привести немало примеров его крайней меркантильности, жестокости... Нам лучше бы разобраться в механизме той духовности,

которая была в русском народе, и понять этот механизм, отнести его к нашим дням. Если мы поймем этот механизм, то, наверное, сможем даже внести все это в нашу жизнь.

ЛОБОВ: Да, нам надо в первую очередь поднимать своих государей, которые сделали для России очень и очень многое. Почему восхваляют Наполеона, а не Александра? Не понимаю. Ведь Александр I — высокоинтеллектуальный человек, патриот России, высочайший политик, дипломат и полководец. Но про него мы ни одного доброго слова не написали! Нет ни одной фундаментальной книги про Александра и его царствование, про его реформаторскую жизнь, полководческие дела. Причина, мне кажется, одна: Западу невыгодно, чтобы Александр выглядел Александром. Им нужно, чтобы Наполеон выглядел Наполеоном.

ОРЛОВ: Мы совершенно оторвали выдающихся деятелей от исторической ситуации. Наполеона невозможно отделить от тех социальных слоев, которые его поддерживали. Борьба с Англией была важнейшей задачей, поставленной перед Наполеоном французским обществом. Россия нарушала условия континентальной блокады, значит, ее нужно было за это наказать. Это четко прослеживается во всех переговорах, которые вел Наполеон с Александром перед войной, во всей дальнейшей политике. Наполеон считал, что достаточно легкого нажима на Александра, и он опять эту политику поменяет.

— *Кстати, Александр Павлович сознавал неизбежность войны?*

ЛОБОВ: Александр I хорошо изучил Наполеона, поэтому в неизбежности нападения он не сомневался, а его стратегии противопоставил свою стратегию.

— *Разве? Насколько известно из курса истории, вся стратегия заключалась в долгом отступлении. Как у Лермонтова: «Мы долго молча отступали...»*

ГАПЕНКО: Не все так просто. Ведь буквально накануне войны с Наполеоном у России были конфликты с Турцией, с Персией, со Швецией. Их необходимо было разрешить к началу большой войны...

ЛОБОВ: Да, Александр понимал, что, если Наполеон пойдет вместе с турками и шведами, России конец! Наполеон действительно рассчитывал, что это будут его союзники. Но Александр I, тщательно все изучив, принимает решение и выводит из войны Турцию. Он делает ее нейтральной, отдав ей Валахию. Наполеон лишается первого союзника. Александр лишил его и других союзников — шведов, когда вошел в Финляндию; финнам он сказал: сохраняйте Сенат, свою государственность, мы вас трогать не будем... Таким образом, организовать войну против России «на два фронта» Наполеон не сумел.

— *Ну а если определить характер стратегии Наполеона...*

ЛОБОВ: Стратегия заключалась в том, чтобы разгромить армию, завладеть столицей и после этого овладеть государством. Собираясь в Россию-матушку, Наполеон сосредоточил свои войска исходя из такого же

расчета. Главные силы, около 300 тысяч, были сосредоточены на северо-востоке. На Смоленском направлении, чуть южнее, — около 150 тысяч. То есть направление было взято на Санкт-Петербург. Наполеон намеревался разгромить наши войска, овладеть столицей, ну а потом, рассчитывал он, Россия сама собой и развалится. То есть он решил разгромить Россию полностью.

— *Войну в России ждали. К ней готовились и государство, и армия. Но все же, как было воспринято ее начало в русском обществе?*

ОРЛОВ: Читая литературу, я убедился, что в Европе все панически боялись Наполеона. Это был какой-то давящий, парализующий страх — в том числе и в России. Да, не все, но огромное большинство и во всех слоях общества.

В. ПЕТРОВ: Да, население было в состоянии панического страха. Но военачальники и люди, которые знали, как воевать, в таком состоянии не были. В предыдущих кампаниях русские достойно противостояли Наполеону.

ОРЛОВ: Противостояли достойно, но побеждали ли? Для военачальника очень важно сознание: мы его побеждали, и мы не боимся. Наши воины готовы были сражаться — отдадим должное их смелости.

В. ПЕТРОВ: Наш солдат шал» что французы — такие же люди, с двумя руками и ногами, и им очень не нравится, когда их пыряют штыком в живот. К тому же, русские солдаты были профессионалы, а большую половину пришедших в Россию полков французской армии составляли новобранцы. Командир 7-го конно-егерского полка пишет, что из его 500 человек не более 30 могут ездить верхом! Лошадей боятся! Не надо говорить, что у русских был страх перед французами — боялись полководца Наполеона, это другое. Пиетет перед ним.

ОРЛОВ: Где Наполеон — там победа!

— *Если вспомнить известный дневник прапорщика Свиты по квартирмейстерской части Николая Дурново, то слово «уныние» в отношении настроений Главной квартиры встречается там довольно часто.*

ОРЛОВ: Когда войска отступают, в них неизбежно возникает бацилла под названием «измена». Зарождается осознание того, что мы хотим и можем сражаться, а полководцы наши почему-то не хотят этого делать. Почему?

ГАПЕНКО: Если добавить, что половина командирских фамилий нерусские...

ОРЛОВ: Вот и возникают вопросы: почему так происходит? боятся они? предали? их купили? Из-за того в начале войны было очень много дезертиров.

МОНАЕНКОВ: В своих мемуарах Ермолов рассказывает, как он изгонял солдат, грабивших церковь.

— *Из сказанного можно предположить, хотя бы гипотетически, что Наполеон имел какие-то возможности выиграть эту войну или хотя бы не*

подвергнуться тому сокрушительному разгрому. Каким образом это бы ему удалось?

ВАСИЛЬЕВ: Ему нужно было не углубляться в исконно русские губернии, но ограничиться ведением боевых действий в губерниях западных. Там не было патриотического антинаполеоновского движения, а местные жители - белорусы, литовцы, прибалты и т. Д. относились достаточно индифферентно как к русским, так и к французским войскам. Более того, там была часть территорий, недавно при соединенных к России, где российская власть рассматривалась еще как чужеродная. Здесь у него были бы шансы вести войну по своим правилам. Но, войдя в исконно русские губернии, которые со времен поляков, с XVII века, не знали вражеского сапога на своей территории, он столкнулся с народной войной.

ГРЮНБЕРГ: Соппротивление оказывало почти все население!

ВАСИЛЬЕВ: Кроме того, он до такой степени растянул коммуникации, что уже не мог поддерживать существование армии, и она таяла без всяких сражений.

— *Об этом уже после Смоленска докладывал флигель- адъютант Михаил Орлов, ездивший к французам для выяснения судьбы генерала Тучкова 3-го.*

ВАСИЛЬЕВ: Французская армия просто растаяла бы сама собой без всякого сопротивления с русской стороны, если бы Наполеон дошел, например, до Урала. Он приехал бы туда с горсткой своих офицеров и генералов и с личным эскортом.

ШУРИНОВ: Если вести разговор в сослагательном наклонении, то Наполеону после Бородинской битвы следовало бы оценить ситуацию и повернуть обратно. Если бы он был настолько дальновидным стратегом, как это принято считать, то, наверное, бы подумал о будущем своей армии, своей Франции, о себе... Ведь именно последующие события как раз и сплотили русский народ с армией.

- *Ну а в начале войны, когда для подавляющего большинства населения все было непонятно и страшно, на что надеялись тогда наши соотечественники?*

ОРЛОВ: В Москве, как это ни удивительно сейчас покажется, была идея, что нам помогут британские войска! Был даже случай, что вступающих в Москву французов встречали хлебом, помазанным маслом: «Вы англичане?..» Но это — частности. А величие русского народа в том-то и состоит, что боялись, трусили, дрожали, но знали, что воевать-то надо - и воевали. Не за Александра воевали, не за Кутузова, не за пушки или курганы — за свою страну, за Россию!

— *Была ли у царя возможность остановить эту войну в самом ее начале? Ну; как бы повторить Тильзит — понятно, что уже на менее выгодных условиях.*

БЕСПАЛОВ: Александр Павлович никогда бы не пошел на заключение неправомерного мирного договора с Наполеоном! Дело не только в личной

неприязни великих противников — просто, если бы император заключил мирный договор с Францией, на следующий день, я думаю, он бы перестал быть императором. Подавляющее большинство общества было настроено на проведение тотальной войны. Нашествие «двунадесяти языков» обратилось в народное и всенародное бедствие, почему и война была названа Отечественной, все сословия, вне зависимости от рангов и имущественного ценза, встали на защиту своей страны. Поэтому даже гипотетически нельзя представить, чтобы наш император тогда заключил мирный договор. Такого бы не было...

ВАСИЛЬЕВ: Хотя, конечно, если б Россия была разгромлена, то была б вынуждена заключить мир — но мир мог быть заключен только через труп русского царя. Хотя нашлись бы и предатели, возможно, «марионеточное правительство», но сопротивление русской нации продолжалось бы, и в том или ином вариантах повторилось бы «смутное время»... Теоретически у Наполеона были какие-то шансы, и если б он по-другому новел боевые действия, то мог хотя бы избежать катастрофы и на каком-то этапе добиться выгодного перемирия. Это могло быть, потому что силы России не были безграничны. Нельзя забывать, что ее финансы были не в лучшем состоянии, а разгром регулярных русских войск вообще поставил бы Россию на грань катастрофы.

— *Итак, Россия вступила в Отечественную войну одна, без союзников...*

ВАСИЛЬЕВ: Нет, уже сформировалась антинаполеоновская коалиция — Россия, Англия, Швеция, Испания. В начале 1813 года в нее пришла Пруссия.

ОРЛОВ: Коалиция документально была оформлена только в 1813 году, а в 1812-м у России был один союзник Швеция, с которой был подписан официальный договор о союзе.

ЛОБОВ: Вспомним, что еще весной 1812 года на переговорах о союзе наследный шведский принц Карл-Юханн, бывший маршал Бернадот, просил о возвращении Аландских островов. Что ответил, узнав об этом, Александр? «Русский царь завоеванными территориями не торгует!» Значит, он и тогда ощущал свою силу, и воля у Александра была железнейшая.

В. ПЕТРОВ: Вместо Финляндии или Аландских островов отдали Норвегию.

— *Это уже было после войны, и Норвегия объединилась со Швецией на правах унии.*

В. ПЕТРОВ: Да, конечно... Если учесть, что количество наполеоновских войск в Испании было сопоставимо с «Великой армией», то союз был вполне реальным.

— *То есть в союзе получался только один номинальный член «Англия»?*

ОРЛОВ: Вопрос гораздо сложнее. В июне-августе 1812 года в Лондоне почти никто не сомневался, что Россия проиграет войну. Она не сможет победить под грузом внутренних проблем, со своим недееспособным

государственным аппаратом, бездарными полководцами, с Александром, готовым в любую минуту повторить Тильзит — хотя он сам еще до начала войны неоднократно говорил, что будет сражаться с Наполеоном до конца. Быть может, он таким образом пытался опять привлечь интересы Англии на сторону России. Но только Каннинг, министр иностранных дел, и генерал Уэлсли, будущий герцог Веллингтон* считали, что Россия победит — если начнет вести войну по примеру испанской герильи. Все остальные, в том числе действующие политики, были убеждены, что Россия войну проиграет и Александр пойдет на новый сговор с Наполеоном. Они называли это «вторым изданием Тильзитского мира».

Поэтому, хотя сразу после начала войны Россия неоднократно обращалась за помощью, Англия выжидала, не знала, на кого ей ставить. Напрасно обвинять английских политиков в эгоизме, говорить, что они стремились лить русскую кровь или «континентальную» кровь, чтобы взаимно ослабить европейские державы... Они просто не хотели ставить на заранее проигравшую сторону.

ЛОБОВ: Англия знала, что Франция всегда будет ей угрожать. Почему же были эти раздумья?..

ОРЛОВ: Александр был вынужден пойти на два крупных шага, которые доказали, что его сторона не проигравшая, она еще поборется. В октябре-ноябре в Великобританию был отправлен отряд кораблей Балтийского флота — больше 20 вымпелов. Это был как бы залог того, что Россия не отступит от решения воевать с Наполеоном. Александр не просил у Англии ни войск, ни денег — только дайте оружие! Ведь русские арсеналы в 1812 году были значительно опустошены. Кстати, самые лучшие ружья в то время были французские, британские ставятся на второе место, наше тульское ружье образца 1808 года — на третье.

— *Когда же Русская армия получила английские ружья?*

ОРЛОВ: Британцы тянули до тех пор, пока наполеоновские войска не двинулись обратно из России...

ЛОБОВ: Скажите, а что, если бы англичане, когда Наполеон дошел до Москвы, высадили бы со своего острова десант на территорию Франции? Этот вопрос мы почему-то не задаем. Вот у России обязательства перед Англией, она перед пей в каком-то долгу. Хотя мы знаем,

что из-за Англии не одна война в мире была развязана. Да и к убийству нашего Павла I англичане тоже причастны. Государство это уж больно хитрое, как говорится.

— *Суворовская фраза — «англичанка гадит»...*

ГАПЕНКО: Между прочим, английский десант был высажен в Испании.

ЛОБОВ: Да, и 12 августа 1812 года англичане даже заняли Мадрид. Но только лишь французы перешли в контрнаступление, они отступили в Португалию. Ну а ружья-то когда к нам пришли? И сколько?

ОРЛОВ: Было поставлено 50 тысяч... негодных ружей. Такие ружья британцы обычно поставляли в Африку. Их там можно было купить за очень дешевую сумму, они быстро выходили из строя, и потом африканские князьки и царьки должны были покупать новые ружья... Александр стерпел он понял, что Русская армия должна доказать свою способность побеждать.

— *Какой же смысл был у этого долготерпения?*

ОРЛОВ: Последующая помощь А но и и была очень значительной. По моим подсчетам, за период 1812-1814 годов Россия получила из Великобритании 225 801 ружье — за вычетом тех 50 тысяч — исправных. Они поставлялись и сухопутным войскам, и на те корабли, которые находились в Англии. Эти ружья служили нашей армии до 30-х годов XIX века.

— *Английская помощь ограничилась только вооружением?*

ОРЛОВ: Нет, что касается субсидий, тут еще более поразительная картина. В 1812 году Британский парламент «расщедрился» на 200 тысяч фунтов стерлингов (-») целевая поставка для населения сгоревшей Москвы. Но деньги, естественно, были обращены на военные нужды. Как могло быть иначе в то время? Русское правительство выделяло деньги на помощь москвичам, но уже после того, как войска ушли за границу. Зато объем британских субсидий за 1813-1815 годы составляет почти 6 миллионов фунтов стерлингов серебром и почти 5 — в бумажных, так называемых федеративных деньгах. Это трудно перевести на русскую валюту, потому что курс рубля колебался очень сильно, примерно — 165 миллионов рублей ассигнациями. По отчету графа Канкрин, поданному после окончания войны, весь военный бюджет России составлял 155-157 миллионов. Так что Великобритания, как бы мы ее ни укоряли, ни называли нацией лавочников или эгоистической, в значительной степени оплатила нам эту войну.

— *Но ведь она так поступила отнюдь не из филантропических побуждений?*

ОРЛОВ: Естественно! Ее интересы в этой войне были очень значительными.

ЛОБОВ: Но почему Англия не высадила десант, не использовала эти 225 тысяч ружей в своих целях против Франции? Струсил, боялась французов?

— *Тут можно только догадываться. Потому вернемся к боевым действиям, столкновению армий Кутузова и Наполеона. Если сравнивать этих полководцев...*

ЛОБОВ: Мне кажется, мы Кутузову слишком многое приписываем. Он и главнокомандующий, он победитель Наполеона. Но сравнивать его с Наполеоном просто нетактично! Наполеона нужно сравнивать с Александром I — это два стратега, два политика, два человека, которые действительно вели войну! Я бы сказал — два ума, противостоящие друг другу. Они, эти два ума, использовали все, что у них есть, — и политику, и дипломатию, и экономику, и народ, и армии, и т. д.

ГРЮНБЕРГ: А почему Наполеона нельзя сравнивать с Кутузовым?

ЛОБОВ: Наполеон прежде всего был императором, и у него были свои такие же полководцы, как Кутузов, — Мюрат, Ней...

ГРЮНБЕРГ: Кстати, кого из выдающихся полководцев победил Наполеон? Кого?! Австрийцев — в Итальянскую кампанию?

ШУРИНОВ: Я сейчас был на коллоквиуме, где два француза, историк и литератор, проводили анализ боевых действий с участием Наполеона как полководца. Видно, что никакого пиетета перед Наполеоном они не испытывают, что во Франции к его имени относятся спокойно: да, политик — крупный, талантливый. Но то, что он сделал в Италии, например, подвел под свою юрисдикцию множество покоренных им государств, включая Ватикан, говорит о том, что он не считался с нравственными, духовными традициями областей и народов. Уклад, который он хотел распространить на всю Европу, был просто неприемлем — объяснять не надо, что каждая страна имеет свои традиции. И то, что он столкнулся в России с таким сопротивлением, естественно. Страна была совсем другая, чем известные ему европейские страны, он к этому был не готов.

ГРЮНБЕРГ: Хотя у него были очень интересные взгляды на церковь... Он даже пытался вести переговоры с Московским митрополитом, чтобы ввести церковный круг в свою орбиту.

ЛОБОВ: По сути дела, во Франции о Наполеоне заговорили только при его племяннике Наполеоне III. Когда племянник пришел к власти, надо было ему свой авторитет поднять, и он приказал — собрать все, что можно написать о его дяде. Тогда-то Наполеон начал обрастать легендами, стал национальным героем.

ВАСИЛЬЕВ: Сравнить Кутузова с Наполеоном вполне можно, поскольку они противостояли друг другу, командуя армиями. Хотя статус Наполеона был иной.

ГРЮНБЕРГ: Кстати, в 1805 году Кутузов маршем от Браунау до Ольмюца полностью переиграл Наполеона, который стал его бояться как мастера маневра.

БЕСПАЛОВ: Все ж не стоит забывать, что Кутузов прежде всего был царедворцем и политиком, а не полководцем. Блестящее его пребывание в Турции в качестве посла показало, насколько он выдающийся дипломат.

ОРЛОВ: Да, Кутузов был человек очень осторожный. Если перед ним стояла дилемма — сражение или милость государя, он выбирал милость. При этом он был талантливым полководцем — мог воевать, мог побеждать. Но для него лучше было сражение потерять, чем милость у двора. Это был его категорический императив.

ВАСИЛЬЕВ: Думаю, это произошло после того, как его сделали «козлом отпущения» за Аустерлиц — и в 12-м году он стал главнокомандующим вопреки первоначальной воле государя...

ОРЛОВ: В 1805 году, потеряв милость государя, он настолько переживал, что даже заболел...

ВАСИЛЬЕВ: Но это не помешало ему принять командование в 1812 году.

ОРЛОВ: А почему должно было помешать? Наоборот, это был для него сигнал, что милость возвращена, и он с удовольствием это воспринял.

ВАСИЛЬЕВ: Милость государя он собирался вернуть изгнанием французов!

ОРЛОВ: Думаю, что, становясь главнокомандующим, он не знал, сможет ли изгнать французов из России — но не считал это «подставой» со стороны императора. Есть письмо Кутузова дочери, что ему был страшный сон, как отступали перед лицом Наполеона.

ВАСИЛЬЕВ: Известны его переживания перед сдачей Москвы, но это не помешало ему выполнить свой стратегический замысел до конца...

В. ПЕТРОВ: Не надо забывать, что это был замысел Александра I, точнее, этот план разрабатывался личным штабом императора.

ШУРИНОВ: Роль Кутузова заключалась в том, что он сумел своим чутьем, своим талантом — политическим и полководческим - объединить и направить в одну сторону все силы народные, армейские, гвардейские.

ГАГТЕНКО: Из-за Кутузова за пределы России ушло не меньше 150 тысяч человек: практически вся Старая гвардия, все лучшие боеспособные части.

Тому, что у гили лучшие, удивляться не приходится — на то они и являются лучшими, чтобы уцелеть...

ГАПЕНКО: И все же надо смириться с тем фактом, что Кутузов отнюдь не был тем героем, которым его представляют. Если внимательно проследить всю его деятельность с момента принятия армии у Царева Займища, возникает больше вопросов, на которые ответы оказываются какие-то невнятные. Начиная от выбора места сражения у села Бородино, само ведение этого сражения...

ГРЮНБЕРГ: Позиция настолько хорошо была выбрана, что французам ни разу не удалось согласовать действия своего правого фланга с левым — позиция разрывалась поворотом Семеновского ручья.

ГАПЕНКО: Кутузов Бородинским сражением практически не руководил. Он его полностью угробил. Никто не обращает внимания далее на то, что ставка Кутузова находилась в 3 километрах от Семеновских флешей, где шел бой, а Наполеона - в 400 метрах. Кто мог в той обстановке командовать войсками?

Кутузов запретил Барклаю де Толли усиливать какие-либо воинские части, но Барклай — это действительно герой сражения — в нарушение приказа снимал части и усиливал их, особенно на фланге 2-й армии, который там раздолбили. Из-за Кутузова лучшие гвардейские части были разбиты, потому что один дрался против семерых. Наполеон все свои атаки делал с тем, что сосредоточивал трех-, четырехкратное превосходство в силе. Если армии были приблизительно одинаковые, то откуда бралось это превосходство? Он с одного участка снимал войска, на другие кидал. А Кутузов на это спокойно

смотрел: на Масловском кургане сидели, комаров давили, а на Семеновских высотах в это время умирали.

Наполеон выпустил 90 тысяч зарядов, в бою у него участвовало чуть больше 500 пушек, а всего было где-то 550. Русская артиллерия, официально имея 640 пушек, выпустила 60 тысяч зарядов. Потом, когда подсчитали, оказалось, что в бою не участвовало по крайней мере 200 пушек.

— *Историки объясняют это тем, что все расположение наших орудий было известно только погибшему начальнику артиллерии графу Кутайсову. Это, честно говоря, звучит несколько странно.*

ГРЮНБЕРГ: Даже у нас, которые профессионально занимаются военной историей, почему-то господствует такое расхожее представление, что победить — значит устроить грандиозную драку с колоссальным кровопролитием. Кстати, именно Наполеоновская концепция войны зиждется на том, что должно быть генеральное сражение и обязательно должны быть «спортивные показатели»: столько-то убитых, столько раненых, взятые знамена и т. д. На самом деле война построена на совершенно ином принципе. Особенно если сражается армия, численно значительно меньшая, чем армия атакующая, — как было при Бородине.

ГАПЕНКО: Силы были равны, нет ни одного доказательства, что армия Наполеона была больше...

ГРЮНБЕРГ: Кто же просчитал, что при Бородине был паритет? Недавно вышла книга Попова «Великая армия» в России, или Погоня за миражом». По мнению автора, границу перешли 545 тысяч человек — он приводит все документы, на основе которых считал, в том числе все трофейные и т. д. Но почему маркиз де Шамбре, участник Бородина, который работал с французскими документами, с которыми Попов не работал, еще в 1824 году опубликовал цифру 643 тысячи? Почему Попов ее не упоминает и с ней не дискутирует? Методологически он неправ. Почему? Потому что там есть лакуна, незаполненная документально. Не все документы сохранились, не всеми он пользовался...

Почему, например. «Великую армию» стали догонять резервы только с 8 сентября по новому стилю? Неужели Наполеон после Витебска и Смоленска шел дальше, не подкрепив себя ничем? Вы что, его за дурака принимаете?! Просто куда-то и одевались все документы по резервам с начала войны по 8 сентября.

— *Когда впервые познакомишься с событиями 1812 года, то кажется, что все известно, писано-переписано. А стоит углубиться в тему, и понимаешь: «Я знаю только то, что я ничего не знаю».*

ГРЮНБЕРГ: А вы знаете, что на поле сражения при Бородине ночевала именно Русская армия? То есть что поле все-таки осталось за ними? По воспоминаниям принца Вюртембергского, бригада генерала Росси ш Тобольский и Волынский полки — ушла на следующий день, в 11 часов, с того самого места, где сейчас памятник Волынскому полку. А Брандт, писавший в мемуарах, что он ночевал на батарее Раевского, почему-то пишет,

что на следующий день к их позиции прибыл Наполеон, и от них кто-то поскакал вперед, к батарее Раевского, чтобы узнать, что там делается. Версия, что Наполеоновская армия ночевала на тех местах, где она остановилась, совершенно неправдоподобна!

- Однако она утвердилась в литературе, равно как и утверждение, что при Бородине как бы победил Наполеон, тогда как Кутузов одержал некую «нравственную победу».

ГРЮНБЕРГ: Видите, говорят, что «Кутузов угробил Бородино», а при том Наполеону почему-то присваивают какую-то «неполную победу»... Скажите, пожалуйста, Русская армия, вся Россия — они что, ненормальные были? Почему у русских не было состояния проигравшей армии? Об этом свидетельствуют мемуары. Неужели у всех было моментальное неадекватное восприятие действительности? Они что, не имели опыта суворовских войн и 1805 -1807 годов, не побывали в Швеции и Турции? Что же тогда с ними случилось?

Сражение было оборонительное, оно не подразумевало лобовой драки, и как стратегическое сражение было, безусловно, в пользу русских!

ГАПЕНКО: И все же, даже если внимательно почитать Тарле, возникают вопросы, которые ни с какой точки зрения не показывают Кутузова военачальником. С оставлением Москвы, например. Если уж впустили Наполеона в Москву, то зачем его оттуда выпустили? Почему когда к Кутузову пришел Денис Давыдов с просьбой дать ему 300 гусар, чтобы организовать в тылу противника подвижные отряды, — 300 человек для тогдашней армии была ерунда, он ему дал 50 человек! Роту пехоты нельзя атаковать с таким количеством гусар!

А почему Кутузов отступал по Старой Смоленской дороге? Наоборот, ее надо было перерезать, перерезать все пути снабжения, атак получилось, что Наполеон собирал, но пути все гарнизоны, и его армия увеличивалась. Лично у меня сложилось впечатление, что Кутузов не хотел гибели Наполеона, и вся его деятельность была против того, чтобы разгромить Наполеона -- на то, чтобы дать ему свободно уйти из России.

ГРЮНБЕРГ: Насчет Москвы... Суворов писал еще в 1790 году: «Если вам нужно защищать какой-то пункт, и защита этого пункта обходится слишком дорого и вам дороже люди, которые его защищают, - бросайте этот пункт, переносите свои коммуникации и т. д., и сохраняйте, как сейчас говорят, живую силу». Чем и были вынуждены заниматься в 1812 году... Невозможно выиграть войну, проиграв все сражения! У нас почему-то считается, что войну, по Льву Толстому, выиграла то «дубина народной войны», то партизаны, то казаки. Регулярная армия с ее полководцами как бы и вообще не нужна!

— *Подобная точка зрения обычно дорого обходится любому государству... А все же, почему Русская армия не сумела досокрушить Наполеона на Березине?*

В. ПЕТРОВ: План изгнания Наполеона был разработан в Петербурге, в Главной квартире государя, и Кутузов, как главнокомандующий, выполнял этот план, и Чичагов, и Витгенштейн. Планировался полный разгром Наполеона, но исполнителям недоставало сноровки, и «клешнии», которые должны были сомкнуться на Березине, не удалось соединить до конца. Наполеону удалось уйти и вывести кадровое ядро своей армии. Потери у них были огромные, но как бы за счет отставших солдат, которые уже были небоеспособны и брели вслед за армией огромной многотысячной толпой, зачастую бросив свое оружие, но таща награбленное. Десятки тысяч таких солдат и оказывались жертвой. А боевые части героически оказывали сопротивление. Главное, Наполеону удалось вывести с собой две-три тысячи офицеров и генералов, которые потом составили кадры для той армии, которую он сформировал в 1813 году, и продолжал воевать.

— *Однако имел ли смысл выход Русской армии в Европу? Известно, что далеко не все в России были сторонниками переноса боевых действий за Неман.*

МОНАЕНКОВ: Самым активным и известным противником перехода Русской армии через границу был Кутузов. Хотя он не мог активно противодействовать императору, но высказывал свое мнение против перехода через Неман. Армия пришла к Неману в плачевном состоянии в процессе параллельного преследования было огромное количество отставших, обмороженных. Кутузов считал, что не стоит переходить границы Европы и лить там русскую кровь.

ВАСИЛЬЕВ: Нет, не было и тени возможности, чтобы, дойдя до Немана, Русская армия могла остановиться! А что Кутузов был якобы противником вторжения в Европу, — это утверждение того же Роберта Вильсона...

— *В своих «Записках» Вильсон пишет, что князь Кутузов утверждал, что в результате Заграничного похода выиграет не Россия или Пруссия, а «некое островное государство». Вряд ли англичанин мог просто приписать русскому полководцу такую точку зрения, весьма невыгодную для его соотечественников.*

ВАСИЛЬЕВ: Кутузов был противником перехода не через Неман, а через Эльбу. Он говорил, что мы вернемся оттуда «с окровавленным рылом». Русскими войсками при преследовании неприятеля Кутузов активно руководил до самой своей смерти. Он понимал, что недорубленный лес вырастает, надо его вырубать до конца, и поэтому, как и подавляющее большинство военных деятелей России, был сторонником продолжения войны.

— *Почему же в исторической литературе все-таки утвердилась мысль о возможности закончить войну 1812 году? Она ведь возникла не сегодня...*

ВАСИЛЬЕВ: Точка зрения, что была какая-то альтернатива Заграничному походу 1813-1814 годов, существует давно, но родилась она гораздо позже тех событий, уже в эпоху, когда очень сильное развитие

получила Германия, изменилось соотношение сил в Европе. Особенно после Первой мировой войны. Но надо исходить из реалий эпохи, существа событий начала XIX века, потому что тогда не было таких пророков, которые бы мыслили на 30 -50 лет вперед...

Заграничные походы на тридцать-сорок лет сделали Россию ведущей державой Европы, ее движущей силой. Пруссия была ближайшим союзником России, Австрия была вынуждена с ней считаться, Франция при Бурбонах тоже была теснейшим нашим союзником... Этого бы, конечно, не было, если бы не было заграничных походов.

Вплоть до Крымской войны Россия считалась мощнейшей, могущественной державой...

ГАПЕНКО: Кстати, если посмотреть всю хронику войны 1813 года, то увидим, что Наполеон проигрывал — либо сражения заканчивались не в его пользу - только в том случае, если в войне участвовала Россия.

ВАСИЛЬЕВ: К осени 1813 года в союзной армии русских было 170 тысяч, пруссаков — 160, австрийцев 110, шведов — 24 тысячи. Русские не составляли и половины союзных войск...

ОРЛОВ: Но они были во всех трех армиях — Северной, Богемской и Силезской. Александр I действительно был главной движущей силой кампании 1813 года, всей этой эпохи. Его политика доказала свою правильность, — и тогда начались активные поставки субсидий.

- *Субсидий на освобождение Европы! Золотом платить лучше, чем кровью...*

ОРЛОВ: Да, Англия не позволила бы России не рассчитаться по этим счетам. У России были международные обязательства, и она не могла их игнорировать.

ГАПЕНКО: Для меня лично нет никакого сомнения в том, что без России Наполеон поставил бы на колени всю эту так называемую коалицию и к середине 1813 года снова подошел бы к границам России.

— *А не побоялся бы император повторения «польского похода» — так сказать, новых встреч с «генералом Морозом» и «дубиной народной войны»?*

ЛОБОВ: Не нужно недооценивать Наполеона! Теперь бы он непременно учел все свои ошибки. И тут уже Турция стала бы союзником Франции, и шведы опять стали бы союзниками, и тогда нам стало бы тяжело!

ГАПЕНКО: Да, Карл-Юхан, он же Бернадот, вполне мог вновь перекинуться на другую сторону и по новой начать отвоевание Финляндии. То есть в 1813 году Россия вполне могла столкнуться с той ситуацией, в которой она оказалась во время Крымской кампании. Поэтому с чисто военной точки зрения я считаю, что альтернативы у России просто не было.

ШУРИНОВ: Если б Наполеона, скажем так, не беспокоили за пределами границы, он наверняка бы собрал еще 600-800 тысяч и ринулся в сторону России.

ЛОБОВ: Была оккупирована Европа — Италия, Испания, Австрия, Пруссия, с которой у русской монархии были родственные связи. Конечно, Александр делал все для того, чтобы через Наполеона нейтрализовать Францию, чтоб она не будоражила Европу и, главное, чтобы не было угрозы в будущем для самой России. Надо было эту угрозу снять!

НИКИФОРОВ: Кажется, мы несколько преувеличиваем роль «первых лиц». Хочется аналогию провести - - есть радикалы, которые по поводу Великой Отечественной войны заявляли: «Если бы Сталин был национально мыслящим политиком, он должен был не лезть в Европу, а остановить войска у границы». Мол, выгнали — и достаточно. Как будто у Сталина была возможность отдать стоп-приказ — и все бы покорно с этим согласились! То же самое надо учитывать и по поводу 1813 года. Любой правитель, если он не временщик, ищет единения со своим народом, с обществом. Войну ведет не один император, а народ, который, кстати, даже хотел мести за те бесчинства, которые неприятель творил в России.

ШУРИНОВ: Вспомним пожар Москвы, поругание французами российских святынь, взрыв Кремля, о котором, кстати, мы очень мало знаем. Мы ведь почти ничего не знаем и о тех многотысячных обозах, которые везли с собой солдаты, офицеры и генералы уже разложившейся армии; о 600 тысячах крепостных крестьян, также взятых французами, которые замерзли в амбарах у Березины.

ГРЮН БЕРГ: Почему Наполеон, бросив армию, уехал в Париж? Да чтобы мобилизовать все силы и брать реванш! Поэтому Кутузов был одного мнения с Александром в отношении продолжения войны. Возьмите его письмо, в котором он пишет семье, что в Тарутино свои действия он соизмерял со свободой Европы.

НИКИФОРОВ: Поэтому то, что наши войска вступили в Европу и разгромили Наполеона, — это такая же историческая неизбежность, как была и в 1945 году.

ГРЮНБЕРГ: Действительно, никто не задавался вопросом, почему в войне 1941-1945 годов мы не остановились на своих рубежах? Естественно, что война продолжалась дальше. Также никто и не прекращал войну 1812 года. Она продолжалась совершенно естественным образом, вопросов не возникало. Но почему-то потом сложилось мнение, что Кутузов был патриотом, а Александр преследовал интересы Европы.

Ничего подобного! Офицеры в своих мемуарах оставили воспоминания о том, что они пришли в Париж, чтобы завоевать достойный мир для России. Россия — это немаленькая страна, и ее покой и безопасность не могут быть вне системы европейской безопасности. Результатом Парижского мира был Венский конгресс, на котором приняли, в общем-то, условия европейской безопасности, которая при всех своих издержках действовала на протяжении почти ста лет.

ЛОБОВ: Было много попыток противопоставить Кутузова Александру, в том числе в советской литературе. Кого мы поднимаем? Кутузова, Барклая

де Толли и Багратиона — это полководцы. Потом еще Раевского, Дениса Давыдова... Александра словно бы и вообще не было, а Аракчеева просто, извините, смешали с дерьмом! Это грубо, но это точно. И кого — выдающегося государственного деятеля! Кому же это было выгодно?! Конечно, тем, кто превозносил Наполеона. А почему превозносился Наполеон, а не Александр? Ведь он после капитуляции Парижа возглавил Комитет общеевропейский, по сути дела, стал главой Европы. Желает ли «просвещенная Европа» вспоминать, что ею руководил русский царь? Конечно же, нет! К России и русским политикам на Западе всегда было весьма специфическое отношение.

ГРЮНБЕРГ: Между тем, когда Александр перенес войну на европейскую территорию, он в отличие от Наполеона не проводил экспансию, не занимался устройством своей империи.

И вот еще маленькое такое исследование. Была ли действительно та самая встреча, когда Кутузов перед смертью на вопрос Александра «Простишь ли ты меня, Михайло Ларионович?» отвечал: «Я-то тебя прощаю, но простит ли вас, государь, Россия?» Ничего подобного не было! Умирающий Кутузов и Александр в это время были просто в разных точках на карте... Все происходящее было абсолютно естественным процессом, и это понимали и Александр, и Кутузов.

А. ПЕТРОВ: Людей надо судить по их дарованиям. Александр Павлович был руководителем Российского государства, определял его стратегию и политику. Более того, он определял стратегию коалиции в 1813-1814 годах и здесь показал незаурядные полководческие дарования. Но, будучи человеком очень здравомыслящим, прекрасно зная свои хорошие и дурные стороны, он отказался от непосредственного командования войсками в 1812 году, передал управление в руки профессионалов, а сам взял ту область, в которой он был профессионал. По-моему, в этом смысле оба этих человека - Александр Павлович и Кутузов — равноправно являются победителями Наполеона.

Как Наполеона заяц испугал

«12 (24) июня 1812 года останется навсегда достопамятным в русских летописях, ибо в этот день Наполеон с собранным почти со всей Европы войском, прошедший Неман, вступил в пределы России», — написал в своих «Воспоминаниях о 1812 годе» Иван Сухецкий, учитель из города Борисова, и оказался абсолютно прав.

История человечества (а нашей страны в особенности) буквально строится на ошибках. Одна из них заключается в том, что Франция и Россия, которые на рубеже XVIII-XIX веков воистину тянулись друг к другу, имели массу общих интересов, так и не сумели стать настоящими друзьями и союзниками. Причина тому — амбиции и самолюбие двух государей и

активное противодействие ряда европейских государств («Англичанка гадит» — сформулировал великий Суворов). Достаточно вспомнить события, связанные с несбывшимся планом совместного похода в Индию в 1801 году, чтобы понять: Британия была готова на все, лишь бы не допустить столь угрожающего альянса.

Вариант противоположного развития событий указан в «Истории XIX века» Лависса и Рамбо: после Тильзита «Италия, Германия, Австрия, Пруссия и Польша всецело были подвластны Наполеону; он разделял с русским царем владычество над миром». Место для Англии в этой схеме во нее не обозначено.

«Темные силы толкали Россию и Францию на войну. И война началась. Она покрыла славой и русское, и французское оружие, но обескровила обе страны. Выгоду же из всего извлек третий...» — писал Керсновский, но ошибочно указывал не того «третьего», каковой был на самом деле. Зато несколько ниже следовало очень интересное замечание: «Лучшие государственные умы России противились этой совершенно бессмысленной для нее войне. Сперанского и канцлера Румянцева постигла опала, а одержавший блистательную победу над турками Кутузов был оставлен не у дел...»

«Войну 1812 года мы вели за чуждые нам интересы, война эта была величайшей дипломатической ошибкой...» — справедливо утверждал Н. Я. Данилевский к книге «Россия и Европа» и продолжал: «...превращенной русским народом в великое народное торжество».

История строится не только на ошибках, но и на парадоксах. В канун 190-й годовщины начала войны в Литве, неподалеку от Каунаса, в 1812 году именовавшегося Ковно, был открыт необычный памятник, похожий на придорожный столб. Он даже и вырезан из дерева: конская голова, знаменитая треугольная шляпа французского императора и щиток, информирующий о том, что перед переправой «Великой армии» через Неман здесь находился штаб Наполеона. А с тыльной стороны столба вырезан этаким весёлым заяц, вставший на дыбки и угрожающе поднявший мускулистые передние лапы.

Эх, косой! Ты вошел в историю, но, к сожалению, не смог повернуть ее ход — как сумел твой безымянный собрат, перебежавший Александру Сергеевичу Пушкину ту дорогу, что вела его из Михайловского на Сенатскую площадь.

Откроем «Мемуары» бывшего французского посла в России Армана де Коленкура, изданные в Москве в 1943 году. Генерал рассказывает, как Наполеон, прибыв 22 июня в штаб маршала Даву, «находившийся в расстоянии одного лье от Немана и Ковно», самолично проводил рекогносцировку на берегах реки — с рассвета и до вечера, а потом еще и ночью. «Когда император скакал галопом по полю, из-под ног его лошади выпрыгнул заяц, и она слегка отскочила вбок. Император, который очень плохо ездил верхом, упал наземь, но поднялся с такой быстротой, что был на

ногах прежде, чем я подросел... Я тогда же подумал, что это — дурное предзнаменование, и я, конечно, был не единственный, так как князь Невшательский тотчас же коснулся моей руки и сказал:

— Мы сделали бы гораздо лучше, если бы не переходили через Неман. Это падение — дурное предзнаменование.

...Каждый думал об этом падении, и на лицах некоторых членов штаба можно было прочесть, что римляне, верившие в предзнаменования, не перешли бы через Неман».

Первыми, кто дерзнул вступить на русскую землю, были переправившиеся на лодках солдаты трех рот французской легкой пехоты — заслон, под прикрытием которого понтонеры стали наводить мосты. На это у них ушло немногим более двух часов, и к рассвету 24 июня берега был и соединены тремя мостами, отдаленными друг от друга на сто сажень (порядка 200 метров).

Переправа «Великой армии» — свыше шестисот тысяч человек при тысяче четырехстах орудиях — длилась три дня. Но если бы вся армия пошла в районе Ковно, то для ее переправы не хватило бы и недели. Потому были еще наведены мосты в районе Тильзита, у Гродно. Из всей агрессивной силы четыреста пятьдесят тысяч французов, итальянцев, поляков, баварцев, саксонцев, пруссаков и прочей собранной со всей Европы сволочи — это слово, образованное от соответствующего глагола, вполне соответствует изначальному смыслу — перешли через Неман в последнюю неделю июня. Остальные вскоре их догнали. Русская земля еще не знала нашествий, подобных этому по своей многочисленности.

Так начиналась блистательная, самая романтическая война в Российской истории. Никогда — ни раньше, ни позже - не наблюдалось столь поразительного и самоотверженного единения всех сословий, всех слоев общества, поднявшихся на борьбу с иноземными захватчиками.

Неисчислимо войско, никем не встреченное, двинулось в глубь нашей территории. Противник шел тремя колоннами по трем расходящимся в стороны маршрутам. Главным направлением была Вильна, теперешний Вильнюс.

В русских штабах склонялись к мысли, что Наполеон традиционно изберет путь на столицу — в соответствии с этим располагались и наши войска. Непосредственно Петербургское направление прикрывал 1-й отдельный корпус графа П. Х. Витгенштейна. На центральном направлении находились Западные армии: ближе к северу, к Петербургу, — мощная 1-я, генерала М. Б. Барклая де Толли, южнее — 2-я, князя П. И. Багратиона, уступавшая 1-й по численности почти в три раза. На Киевском направлении стояла 3-я Резервная, Обсервационная генерала А. П. Тормасова, в Валахии — Дунайская армия адмирала П. В. Чичагова.

Между тем, в многотомнике генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах» можно найти свидетельство, что царь «велел готовить на

жертву свою великолепную столицу, увозить драгоценности и памятники, распоряжаться отбытием императорского семейства в Казань, особенно заботясь, чтобы ничто, принадлежавшее Петру Великому, не досталось врагам».

Что Наполеон избрал дорогу на Москву, объясняется политикой... Петра I. Именно царь-реформатор придумал разместить столицу империи «у нес под ногтем», как выразился некий остроумный современник. Придя, допустим, в Вену или в Берлин, французские войска оказывались в самом сердце государства, но, дойдя до Петербурга, они попали бы на окраину России, в тупик, откуда потом следовало вернуться обратно.

Кстати, с 1810 по 1812 год наша армия почти удвоилась и составляла, включая гарнизонные войска и силы, которые участвовали в войне с Персией, без малого миллион человек. Однако полевых войск из них было всего 480 тысяч, а реально Россия могла выставить лишь 317 тысяч человек — вполтину меньше того, что вел за собой император Франции. К тому же, как свидетельствует в книге «Гибель Наполеоновской армии в России» военный историк П. А. Жилин, «русские армии были растянуты кордоном от России до Луцка (более 600 километров), в то время как значительно превосходящие силы Наполеона были сосредоточены лишь на 300-километровом фронте». В этой ситуации следовало либо умереть со славой — но тем самым открыть агрессору беспрепятственный путь в глубь страны, либо отступать, помня, что «на зачинающего — Бог».

«План кампании, который мы приняли, был, я думаю, единственный, который мог удалиться против такого противника, каков Наполеон», - сказал Александр I. События первых же дней вторжения свидетельствовали о его правоте. «Передовые отряды кавалерии достигли литовской столицы в ночь с 27 на 28 июня... Проголодавшиеся солдаты принялись грабить предместья, что в значительной мере охладило энтузиазм обывателей. Наполеон не нашел здесь того воодушевления, с которым его встречали в коренной Польше», — написано у Лависса и Рамбо.

Идея «Война сама себя кормит» принадлежит Наполеону. К чему это привело, свидетельствует та же «История XIX века»: «В Литве обнаружилось то бедствие, которому суждено было погубить Великую армию. За отсутствием правильной организации интендантства, невозможной при таких огромных расстояниях и таких плохих дорогах, солдаты приучились более чем когда-либо жить за счет страны и рассеиваться по сторонам с целью мародерства. В Минске они в то самое время, когда в соборе служилось благодарственное молебствие по случаю восстановления Польши, ограбили военные склады. Так как большинство мародеров, особенно из числа солдат иностранных контингентов, превращались в дезертиров, то ряды войска стали редеть».

Можно добавить, что Наполеон «облагодетельствовал» литовцев и курляндцев тем, что распорядился создать из них и за их счет гвардейский полк и включить его в состав своего воинства. Это еще больше испортило

отношение литовцев к «освободителям» и, кстати, вновь обратило их к русским.

Нет сомнения, что уже в самые первые дни агрессии и Наполеон, и ближайшие его сподвижники не раз вспоминали того злополучного зайца, что сбросил с коня французского императора. Но было поздно...

Легенда о масонском заговоре

14(26) декабря 1825 года офицеры, члены тайного Северного общества, вывели на Сенатскую площадь роты лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков и Гвардейского флотского экипажа... Восстание декабристов до недавнего времени считалось одной из самых прекрасных и романтических страниц истории Российского государства. Однако все течет, все изменяется, и если раньше об этих людях однозначно говорилось как о «первенцах русской свободы» и «рыцарях, кованных из чистой стали», то ныне чаще звучат негативные оценки.

Неудивительно: вопреки распространенному мнению, история восстания известна весьма приблизительно. Вот что писал князь Сергей Трубецкой: «Суд произнес свой приговор. При всем том, однако же, многие обстоятельства остались неизвестными народу; они или не открыты следственной комиссией, или скрыты правительством с намерением». Далее корректировать историю событий 14 декабря стала историография царской России, а вслед за ней тем же самым и занялась советская историческая наука. В основу «декабристоведения» легли два афоризма В. И. Ленина: «Декабристы разбудили Герцена» и «Страшно далеки они от народа». Звучит красиво, но и только!

Во-первых, Герцена — богатейшего наследника, остролова, жуира и бонвивана — долго и упорно «будили» император Николай I с жандармскими начальниками: его дважды ни за что отправляли в ссылку, а затем буквально заставили остаться за границей, куда Александр Иванович отправился в увеселительную поездку. Тут-то он и вспомнил либеральные увлечения юности...

Во-вторых, разве дворянство, к которому принадлежали декабристы, не русский народ? А как тогда духовенство? А что купечество? С чего же следует народ считать — с мужика? Так ведь и среди крепостных крестьян миллионщики были, зато иных потомственных дворян называли «нищими в офицерских мундирах»... Нелепо думать, что своего народа не знал генерал Михаил Орлов, подписавший в 1814 году капитуляцию Парижа, или Матвей Муравьев-Апостол, унтер-офицером сражавшийся при Бородине и по выбору солдат, своих товарищей по роте, награжденный Георгиевским крестом. И разве составляла тайну крестьянская жизнь для отставных офицеров Ивана Якушкина или Андрея Борисова поселившихся в небогатых своих поместьях?

Думается, как раз декабристы и проникли в самую суть народных чаяний — им, в отличие от последующих поколений российских революционеров, многие из которых переживали за свое Отечество из «прекрасного далека», была нужна именно великая, процветающая Россия. Подтверждение тому можно найти в программных документах Общества.

Согласно идеям, изложенным в «Русской правде» Павла Пестеля, Россия становилась демократической республикой — единой и неделимой. В противном случае, считал предводитель южан, «она не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, свое бытие утратит».

В преамбуле «Конституции» Никиты Муравьева сказано: «Все народы европейские достигают Законов и Свободы. Более всех их народ русской заслуживает и то, и другое». «Муравьев очень далек от мысли построить союзное государство на договоре отдельных национальностей, — писал историк Н. М. Дружинин. — Принципиально он исходит из великодержавной точки зрения: Российская империя смешивает и ассимилирует в своем составе разнообразные подчиненные народности... Не федерация самостоятельных наций, а разделение страны на «естественные» хозяйственные комплексы — вот основа, существо построения Муравьева; при этом он руководится не идеей самоопределения национальностей, а задачей свободного экономического развития государства».

С термином «подчиненные народы» можно поспорить, ибо высших государственных постов достигали в России представители любых национальностей, дискриминации не было. Л вот идея «естественных хозяйственных комплексов» представляет для нас интерес и сегодня...

Разумеется, ни следствию, ни императору не выгодно было афишировать патриотические устремления восставших. Гораздо проще казалось представить случившееся попыткой переворота. Михаил Лунин писал: «Правительство уверили, что целью Тайного общества было цареубийство и безначалие. Эту мысль распространили в сословиях малообразованных, которые верят всему, что напечатано, и между духовенством, которое верит всему, что приказано».

России сообщили про неудавшийся «дворцовый переворот». Мятежники, мол, хотели возвести на престол цесаревича — и в том утверждении была доля истины. Восставшие солдаты кричали: «Ура, Константин!», а верноподданные «летописцы» дописали: «...и жена его, Конституция!» Имелось в виду, что офицеры обманом вывели на площадь ничего не соображающих солдат.

Разумеется, официально подать произошедшее как «проконстантиновский путч» было невозможно: цесаревич был старшим братом Николая Павловича и, в соответствии с законом, наследником престола. Нелепое сокрытие завещания Александром I обеспечило России междоусобицу и спровоцировало возмущение на Сенатской площади, дав заговорщикам возможность вывести свои подразделения на защиту «законного царя», которому они уже присягнули.

Потому утверждалось, что «злодеи» прикрывались именем цесаревича, мечтали истребить императорскую фамилию и ввергнуть Россию в пучину смуты, а «умысел на царевубийство» был определен следствием в качестве главной вины. Но мы уже знаем, что пролитие царской крови стало в России чуть ли не традиционным: убийство императора Павла, совершенное при фактическом согласии великого князя Александра Павловича; смерти императоров Петра Федоровича и Иоанна Антоновича, темным пятном лежащие на совести Екатерины II; таинственная смерть сына Петра I царевича Алексея... Так как ни в одном случае никто из царевубийц не пострадал — не считая нескольких вождей заговора, выборочно удаленных от престола Александром I, то возникает мысль, что на царевубийство нужно было получить высочайшее соизволение.

Впрочем, декабристы действительно хотели «порешить» Александра I и планы на этот счет строили весьма разнообразные. Пестель считал, что царя должны убить люди, формально стоящие вне общества. Лунин предлагал, чтобы царевубийство было совершено на Царскосельской дороге «партией в масках» — добровольцами или вытянувшими жребий, которые бы при этом скрывали свои лица. Якушкин вызвался застрелить царя во время высочайшего смотра и покончить с собой... Это лишь некоторые из известных царевубийственных планов.

Неужели всем так хотелось крови? Не т, тут скорее был Здравый расчет в сочетании с... романтизмом. Расчет заключался в понимании того, что русские монархи престол добровольно не отдавали. Царь был обязан перед Богом и своими подданными вынести все испытания, думая не о себе, но о державе. К тому же монарх в заточении или изгнании мог рассчитывать на помощь из-за рубежа, и для Европы был бы прекрасный повод вмешаться в российские дела.

Романтизм определялся разочарованием русского общества в своем государе. «Дней Александровых прекрасное начало», период надежд и обещаний, давно миновал. «Либеральные реформы» остались в прожектах. Победа в Отечественной войне не принесла России ничего, кроме кратковременной благодарности освобожденной Европы, реальными ее плодами воспользовались другие — царь не смог оказаться победителем на поле переговоров. Более того, он стал подчинять Россию интересам чуждых ей политиков и чужой политики...

Офицеры — те, кто воевал, терял товарищей, видел пожар Москвы, дошел до Парижа — чувствовали откровенное унижение России ее «первым дворянином». Но если споры в дворянском сословии было принято разрешать дуэлью, то вызвать государя не представлялось возможным. Оставался один исход: царевубийство как форма смертельного поединка без победителей.

26 сентября 1815 года русский царь, австрийский император и прусский король подписали некую мистическую декларацию, известную как «трактат Священного союза»: «Необходимо сообразовать политику держав с высокими истинами, преподанными нам вечной религией Бога-Спасителя, —

утверждали монархи. — Единственным принципом поведения должно быть: оказывать друг другу взаимные услуги, выказывать друг другу взаимные симпатии и неизменную благосклонность; считать друг друга членами одной и той же христианской нации ввиду того, что три государя сами смотрят на себя как на людей, которым провидение вручило для управления три отрасли одной семьи». Текст — словно бы из устава ложи «вольных каменщиков», масонов!

А между прочим, в определенной литературе, наводнившей ныне книжные прилавки, именно движение декабристов подается как «масонский заговор против России». Впрочем, идея эта не нова...

Конечно, нелепо отрицать, что, как сказал историк С. П. Мельгунов, «многие из будущих декабристов прошли масонскую школу». Исследователь декабризма В. И. Семеvский подсчитал, что в «Алфавите декабристов», перечне всех привлеченных к следствию, значится 51 масон, а из числа преданных Верховному уголовному суду масоном ранее был каждый пятый.

Назовем нескольких «активных франкмасонов»: полковник Федор Глинка, многолетний адъютант графа Милорадовича, в 1816 году состоял в ложе «Избранного Михаила»; полковник Сергей Трубецкой с 1816 по 1819 год был членом ложи «Трех добродетелей» и ее наместным мастером; полковник Александр Муравьев — член ложи «Елизаветы к добродетели» в конце 1810 года, одной из лож во Франции в 1814 году, а также ложи «Трех добродетелей» в 1816-1818 годах. Пожалуй, «рекорд» по продолжительности пребывания в масонах поставил полковник Павел Песгель, который на протяжении пяти лет был членом петербургских лож «Соединенных друзей» и «Трех добродетелей», и вышел оттуда в 1817 году. К числу тех самых «Соединенных друзей» принадлежал, кстати, и генерал Александр Бенкендорф, будущий шеф жандармов...

Для полноты картины можно добавить, что в масонах некогда состоял не только великий князь Константин, но и, есть такая версия, сам Александр I.

Можно заметить, что декабристы «отдали дань» масонству задолго до того, как рескриптом от 1 августа 1822 года император Александр запретил масонские ложи и тайные общества и даже распорядился отобрать у всех чиновников подписку «о неучастии» в делах оных. Поэтому неизбежен вывод, что масонство стало как бы ступенькой к тайному обществу, и все ее перешагнули достаточно быстро, не особенно задерживаясь. Почему? Да потому, что в России, как писал Н. М. Дружинин, «политические идеи эпохи не нашли себе непосредственного выражения в деятельности масонской организации, но участие в разнообразных ложах союза «Астреи» послужило предварительной школой, которая подготовила будущих деятелей политического движения».

Русское масонство XIX века - явление совершенно иного порядка, нежели нынешнее. Официально ложи появились в России в 1731 году, а реально — еще при императоре Петре I, после его возвращения из-за границы.

То есть явление это на нашей почве было уже давнее. А раз так, то под влиянием российской действительности оно не избежало во многом изменилось, трансформировалось и существенно отличалось от того, каковым пребывало в то же время на Западе. Таковы особенности русского бытия, что любые заимствованные из Европы движения и течения изменяются у нас практически до неузнаваемости.

«Масон должен быть покорным и верным подданным своему государю и Отечеству; должен повиноваться гражданским законам и в точности исполнять их; он не должен принимать участия ни в каких тайных или явных предприятиях, которые бы могли быть вредны Отечеству или государю... Каждый масон, узнавший о подобном предприятии, обязан точно извещать о том правительство, как законы повелевают», — значилось в основном кодексе союза «Астрей».

Даже в суровом Уставе КПСС не было столь откровенных требований! Недаром один из главных масонов - великий магистр ложи «Астрей» граф В. А. Мусин-Пушкин писал министру полиции С. К. Вязмитинову, что «франкмасонство делает людей вернейшими гражданами». Однако руководитель российской полиции отвечал, что петербургские ложи «более могут быть уподоблены клубам, нежели нравственным каким собраниям». Он-то знал, что в России все общества и партии изначально имеют благие намерения, да ничего хорошего не получается.

Впрочем, именно так, по-несерьезному, мы и представляли себе русское масонство начала XIX века, ибо все читали «Войну и мир»... Если же обратиться к труду А. Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I», то можно узнать, что «в ложах собирались люди самого различного свойства: и деятели библейского мистицизма, мрачные обскуранты из старых масонов и их учеников, и безобидные филантропы, и представители либерализма, и люди весьма сомнительных профессий, тогдашние или будущие доносчики и шпионы».

Быть масоном считалось модным, это давало возможность молодым людям, в особенности провинциалам, занять полезные связи, войти в общество, да и время вне службы чем-то занять — столь популярные тогда виды досуга, как карточная игра и кутежи, требовали немалых средств. А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Знатные люди у нас редко были масонами; ложи были обыкновенно наполнены людьми среднего состояния: офицерами, гражданскими чиновниками, весьма редко — купцами, а более всего литераторами».

Это «в Европах» масоны всерьез либеральничали, вели свои страны к грозным потрясениям, из которых потом пришлось выходить дорогой ценой пролитой крови, потихоньку готовили будущее «мировое правительство», а у нас в России все было по грибоедовскому принципу: «Шумим, братец, шумим!»

Какой уж тут «масонский заговор» против царя и Российской империи?

Нет, очевидно, смысла объяснять, что международная политика Александра I вызывала неприятие именно в

среде патриотически настроенного дворянства — она была ориентирована отнюдь не на российские интересы. Вполне объяснимо и возмущение, с которым граф Вуалькот из французского посольства сообщал в Париж 29 августа 1822 года: «В гвардии сумасбродство и злословие дошли до того, что один генерал недавно нам сказал: иногда думается, что только не хватает главаря, чтобы начался мятеж. В прошлом месяце в гвардии открыто распевалась пародия на известный мотив “Я долго скитался по свету», которая содержала в себе самые преступные выпады по адресу его величества лично и на его поездки и конгрессы: эта пародия распевалась многими офицерами...”

Чего удивляться? Даже в «Русском биографическом словаре», изданном в 1896 году, написано: «С 1816 года в жизни императора Александра войны сменились путешествиями и конгрессами».

«Кочующий деспот» — констатировал А. С. Пушкин.

А вот декабристы считали, что царю за границей делать абсолютно нечего. Обратимся к «Конституции» Никиты Михайловича Муравьева:

«103. Особы, составляющие семейство императора, не отличаются от частных лиц, подчинены тем же учреждениям и тому же влиянию правительства, как и все прочие, и не пользуются никакими особыми правами и преимуществами.

105. Правитель империи не может удалиться из оной без важных неудобств:

1. Ход дел в правлении замедляется;
2. Равновесие власти расстраивается;
3. Неприлично, чтобы первослужитель народа находился не среди оного;
4. Народ может претерпеть важные оскорбления в лице его от иностранцев;
5. Такое путешествие повлечет за собою издержки, возбраненные сим уставом;

Сверх того, в отдалении от Отечества император может скорее следовать внушениям иностранных завистников и сделаться орудием их злоумышления; а потому император ни в каком случае не имеет права выехать из пределов Отечества, даже в заморские владения Отечества.

106. Выезд императора из России не иначе поставляется, как оставлением оной и отречением от звания императорского...»

Мол, императору хватает дел в собственном Отечестве, его задача забота о подданных, международные дела должен вести канцлер или министр иностранных дел...

Не находила поддержки патриотического дворянства и внутренняя политика Александра I. Несмотря на свою маму-немку, бабу-немку и несколько темное происхождение отца, сына блудливой Екатерины,

«православный государь» считался русским — но по-настоящему благоволил только к народам неправославным. Польшу, например, он осчастливил конституцией. Весьма расположен был царь и к жителям прибалтийских губерний. 28 мая 1816 года было отменено личное крепостное право в Эстляндской губернии, затем — в Остзейском крае, в 1817 году — в Курляндии, в 1819-м — в Лифляндии...

Кстати, о крепостном праве. Наша историческая наука подавала восстание декабристов как бунт против одного, хотя следствие тут подменялось причиной.

Вспоминаются слова одного из персонажей булгаковской «Белой гвардии» — мол, решил Александр II: «Дайка я освобожу мужиков, чертей полосатых, вделаю им приятное!» Так же, получается, и декабристы хотели «сделать приятное».

В плену этой версии оказался даже интереснейший военный историк из белой эмиграции Владимир Звегинцов, писавший: «Одной из главных целей, которую себе ставили члены тайных обществ и осуществить которую мог каждый из них, не дожидаясь установления в России “представительного образа правления”, было уничтожение крепостного права. Но ни до 14 декабря, ни после, когда сосланные на каторгу получили прощение и вернулись в Европейскую Россию, никто из них никого из своих крепостных не освободил...»

Прямо-таки критическая марксистско-ленинская оценка! А потому уместно вспомнить классика, считавшего, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» Требовать от помещика, чтобы он освободил крестьян, источник своего существования, а сам стал люмпеном — наивно. Да и что станется с крестьянами небольшого отдельно взятого поместья, получившими вдруг свободу посреди крепостнической России? Не ждет ли их еще худшая кабала?

К тому же декабристы были воспитаны на воспоминаниях своих бабушек о «пугачевщине», на рассказах отцов о том, как им приходилось усмирять крестьянские волнения... А разве кровавый призрак Французской революции не тревожил их сердца? Умные, образованные молодые русские люди понимали, что причиной крушения французской монархии стали не мудрствования философов-энциклопедистов, но непомерные аппетиты Версаля, аристократии, дворянства — про «равенство и братство» на голодные желудок не вспоминают.

Французское дворянство жестоко поплатилось за свою наглую сытость. Теперь мог прийти черед российского дворянства... Будущим декабристам ясно было и то, что крепостное право морально устарело, является тормозом экономического развития России, стоит на пути ее превращения в истинно великое государство. Они видели, к какой пропасти ведет эта отсталая форма хозяйствования — так что им не просто хотелось мужиков «осчастливить», но спасти Родину от «бунта бессмысленного и беспощадного».

Кстати, если посмотреть гот же «Алфавит декабристов», можно узнать, что из более чем трехсот внесенных в него человек сто пятнадцать получили образование в кадетских корпусах. Больше всего декабристов вышло из Пажеского корпуса: 40 человек, и среди них полковник Пестель, генерал Пущин, сыновья прославленных героев Отечественной войны ротмистры граф Витгенштейн и Уваров, прапорщик Коновницын, корнет Депрерадович... Кстати, этого «не заметили» ни дореволюционная, ни советская историография — принято считать, что больше всего декабристов было воспитано в степях Морского кадетского корпуса. Но таковой представлен в «Алфавите» тридцатью одним человеком, 1-й Петербургский корпус - двадцатью четырьмя, 2-й — шестнадцатью.

Питомцы корпусов, особенно столичных, получали не только хорошее образование, но и воспитывались в духе патриотизма, государственниками. Почему вышли они на Сенатскую площадь?

Утром 13 (25) июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге был произведен обряд «гражданской казни» декабристов. Летели в костры мундиры и ордена, над головами коленопреклоненных офицеров ломались шпаги. После того здесь же были повешены руководители Северного и Южного обществ — Кондратий Рылеев и Павел Пестель, командовавшие возмутившимся на Украине Черниговским полком Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин, убийца графа М. А. Милорадовича Петр Каховский. Стоит уточнить, что полковник Пестель был арестован за день до восстания и казней только за свои политические убеждения и намерения. В то же время в Кронштадте? был проведен обряд «гражданской казни» над офицерами флота...

Однако ни жестокие приговоры, ни каторга, ни ссылка декабристов не сломили. Нели для многих из них события 14 декабря явились романтическим порывом, героической случайностью так, поручик А. Е. Розен, который членом тайного общества не был, просто остановил свой взвод на Исаакиевском мосту, перекрыв движение л.-гв. Финляндскому полку, - то их последующая жизнь стала каждодневным подвижническим трудом. Они немало способствовали развитию просвещения, культуры, сельского хозяйства, промышленности и торговли в Сибири и Забайкалье. Боевыми подвигами прославились многие из тех, кто воевал на Кавказе и в Персии, — как офицерами, так и нижними чинами...

...Через три десяти летая после восстания на Сенатской площади Россия проиграла Крымскую войну. Был сдан Севастополь и уничтожен Черноморский флот. Могущество империи оказалось мифическим. Николай I подвел итоги своего правления и, есть такая версия, принял яд. Думал ли он в тот момент о тех, кого именовал своими «друзьями 14-го декабря» и которые мечтали о Великой России? Может, не следовало потчевать их тогда карточью? Ведь, что ни говори, у императора Николая цель была та же — Великая Россия. Вот только стремился он к ней по собственному пути...

Что было бы, по какому пути пошла бы Россия, если бы 14 декабря власть взяли мятежные офицеры? Не знаем. Ведь революции задумывают романтики, осуществляют фанатики, а их плодами пользуются негодяи... Насыщенная революционными потрясениями жизнь России XX века — тому подтверждение.

Посмертная судьба «Северного Сфинкса», или Зачем убрали Федора Кузьмича?

В начале 1970-х годов, когда один из авторов книги учил* ся в теперь уже зарубежном городе Львове, ему довелось дружить с очень интересным человеком. Сергею Михайловичу Ограновичу ту старинную дворянскую малороссийскую фамилию можно найти в дореволюционных справочниках — было далеко за семьдесят. В традициях семьи были поздние браки, а потому оказалось, что его родной дед, пехотный обер-офицер, был участником Бородинского сражения (!) и даже двоюродным братом легендарной кавалерист-девицы Надежды Дуровой. Адвокат по профессии, Сергей Михайлович был увлеченным историком-любителем и знал много интересного о прошлых временах. Однажды зашел разговор о посмертной судьбе императора Александра I... Но прежде чем передать содержание этого разговора, надо бы рассказать о самом государе.

Александр I — самый загадочный из русских императоров, его еще при жизни именовали «Северным Сфинксом» (было в греческой мифологии такое существо, прославившееся своей загадкой). Хотя секретов у каждого из государей было более чем достаточно, но Александр Павлович — вообще сплошная тайна...

Как известно, Екатерина II, захватившая российский престол после убийства Петра III, ненавидела и боялась собственного сына — великого князя Павла, наследника трона. Подобное отношение, те условия, в которых пришлось жить цесаревичу, здорово испортили его характер. К тому же Павел знал, что императрица желала передать престол не ему, а любимому внуку — * Александру, старшему сыну цесаревича.

«Существует предание, — писал Н. К. Шильдер, — что, когда Павел с графом Безбородко совместно разбирали бумаги Екатерины, граф указал цесаревичу на пакет, перевязанный черной лентой. Павел вопросительно взглянул на Безбородко, который молча указал на топившийся камин». Александр Андреевич Безбородко, ставший вскоре светлейшим князем, в ту пору был канцлером Российской империи, а в конверте, как считается, было завещание государыни...

Сколь бы умной женщиной ни была Екатерина II, она совершила величайшую глупость, доверив воспитание внука швей царскому эмигранту Фредерику Сезару де Лагарпу. Понятно, что абсолютно во всех отношениях между Швейцарией и Россией была «дистанция огромного размера». В

результате «республиканского» воспитания будущий Александр I — неизбежный наследник престола то ли после бабушки, то ли после отца, мечтал не о том, как «обустроить Россию», а о том, чтобы жить «частным человеком» где-нибудь в Альпах или на берегах Рейна... Достойное желание для будущего царя!

Зато Павел долгие десятилетия готовился к управлению великой державой, очень критично относился к происходящему вокруг и, по словам из книги военного историка полковника Дмитрия Милютина, будущего генерал-фельдмаршала и военного министра при Александре II, «вступил на престол с твердым намерением исправить во всех отраслях управления вкравшиеся злоупотребления и недостатки...». Павел I — как и его покойный отец — просчитался: реформы, направленные во благо государства и народа, в России мало когда удавались, ибо противоречили материальным интересам власть имущих и состоятельных...

Именно по этой причине царствование Павла I, столь долго им ожидаемое, оказалось трагически кратким. Хотя в исторической литературе цареубийство преподносится как «всенародный выбор», есть и иные точки зрения.

«Заговор, правда, был выражением почти единодушных желаний высших классов и большей части офицеров, но не так дело обстояло с солдатами, — признавался князь Адам Чарторижский, один из ближайших сподвижников императора Александра I в начале его царствования. — Строгости, безрассудные неистовства императора Павла обрушивались обыкновенно на чиновников, на генералов и старших офицеров. Чем человек был выше рангом, тем сильнее он подвергался всему этому. Но только в очень редких случаях прихотливая строгость Павла касалась солдат».

«Император Павел, несмотря на всю свою строгость и вспыльчивость, любил солдата - и тот чувствовал это и платил царю тем же», **= писал А. А. Керсновский.

Так что преступление было совершено исключительно в интересах «верхушки» и на пользу, как мы знаем, Великобритании. Разочаровавшись в традиционных союзниках, Павел Петрович увидел, что Франция под рукой Бонапарта вновь превращается в монархию.

«Он склоняется единственно в сторону справедливости, а не к тому или другому правительству, к той или другой нации, и те, которые иначе судят о его политике, положительно ошибаются», уписал датский посланник в Петербурге.

Фактически, Павел I делал все очень правильно. Вот и в данном случае помните, что «в политике нет постоянных партнеров, но есть постоянные интересы»? Но он спешил, он был излишне горяч, рядом с ним оказались неверные, ненадежные люди и все закончилось цареубийством.

Истинная роль цесаревича Александра в дворцовом перевороте — одна из многочисленных загадок его биографии. Как минимум, он знал о заговоре, но сокрыл свое знание, преступив данную государю священную присягу и

нарушив долг верноподданного... Утверждают, что руководитель заговора граф Пален, петербургский генерал-губернатор, гарантировал великому князю, что с головы императора не упадет ни один волос — но кто мог знать это наверняка?

Александр вступил на престол, обгаренный кровью отца. Зачем ему это было нужно — большой вопрос. Мечтал же о домике в швейцарских Альпах...

«Хождение во власть» Александру Павловичу поначалу очень понравилось. Он занялся реформой системы государственного-управления, думал об отмене крепостного права и на сто восемьдесят градусов изменил внешнеполитический курс. Англия и Австрия вновь стали ближайшими друзьями России, и вскоре уже русский император отправился бить Наполеона — на поле Аустерлица.

«Аустерлицкая битва сделала великое влияние над характером Александра I - и ее можно назвать эпохой его правления: до того он был кроток, доверчив, ласков, а тогда сделался подозрителен, коварен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду», — писал генерал-майор Лев Николаевич Энгельгардт.

А еще, очевидно, Александру не давала покоя память об убиенном отце... Известно, что император был коварен, лицемерен, двуличен, но он был очень тонкой натурой, и человеческие чувства отнюдь не были ему чужды... Великого князя Павла Петровича в Европе нарекли «русским Гамлетом» — теперь тень этого «Гамлета» являлась его сыну

Избежим соблазна сделать краткий очерк событий первой четверти XIX века - эпохи Александра I. Думается, что именно они постепенно усилили в неверном сыне чувства раскаяния и вины. Кстати, этому способствовал даже преданнейший граф Аракчеев, носивший на мундире миниатюрный портрет убиенного государя. К тому же Александр Павлович был православным человеком, убежденным христианином, понятие греха было ему отнюдь не чуждо.

Хотя и здесь началось в конце концов «искривление». Как писал тайный советник Ф. Ф. Вигель, «источником мистицизма сделалась сама верховная власть, и он усиливался разлиться по всему лицу земли русской».

В разговорах государя вновь зазвучала прежняя мысль желание удалиться от государственных дел, уйти на покой. Мол, даже солдату дают отставку после 25 лет службы!

Николай I, младший брат Александра, записал, как в 1819 году в лагере под Красным Селом император зашел к нему пообедать. «Государь начал говорить, что он с радостью видит наше семейное блаженство <...>. Что он чувствует, что силы его ослабевают; что в нашем веке государям, кроме других качеств, нужна физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время...»

Русские цари от престола не отрекались — очень возможно, что даже отречение Петра III под страхом смерти — подложное. Александр I тему отречения официально никогда не поднимал.

«Наконец настала осень 1825 года, с нею и отъезд государя в Таганрог...», — говорится в «Записках» Николая Павловича. Как известно, Александр I сопровождал на юг свою больную супругу — императрицу Елизавету Алексеевну.

А вот о чем вспоминал генерал от кавалерии барон И. И. Велио: «Перед отъездом он посетил Невский монастырь, где долго беседовал с митрополитом, и прислал в тот же день в монастырь такое количество воску, что митрополит удивился и сказал:

— Это как будто на похороны государь прислал.

Уезжая из Петербурга в Царское Село, отъехав несколько верст, государь приказал остановиться, встал в коляске и долго смотрел на Петербург, затем сел и поехал.

Кучер его Илья сказал мне потом:

— Он как будто прощался с городом и крестился».

«Много слухов было тогда о причинах его путешествия, — вспоминал декабрист князь Е. П. Оболенский. — Между прочим, говорили, что он готовил себе место успокоения от царственных трудов в Таганроге, где ему приготавливали дворец и где он думал с добродетельной супругой Елизаветой Алексеевной после отречения от престола поселиться в глубоком уединении и посвятить остаток дней покою и тишине». Так это было или нет, сейчас уже не узнаешь...

И вот неожиданно Александр Павлович умирает в Таганроге. Был он здоров, было ему всего лишь 48 лет — и вдруг такая оказия!

Естественно, что по России поползли слухи, один другого невероятнее — мол, государя спрятали, или он сам куда за море уехал, и труп во гробе привезли не его. Подробное описание последних дней, кончины и вскрытия тела покойного царя оставил его лейб-медик баронет Виллие. В принципе этих документов было бы более чем достаточно, если бы Яков Васильевич в свое время не констатировал смерть государя Павла Петровича от апоплексического удара...

В 1836 году в районе города Красноуфимска, в Пермской губернии, был задержан беспаспортный старик благообразной наружности, назвавшийся Федором Кузьмичом. Факт этот известен, широко освещен в исторической литературе, и даже у Л. Н. Толстого есть рассказ, названный «Посмертные записки старца Федора Кузьмича». Так что не будем этого пересказывать, оговорив лишь, что до сих пор многие считают, будто под видом благообразного с виду бродяги и скрывался мучимый совестью самодержец-отцеубийца.

Хотя, когда-то один из нас спрашивал замечательного знатока и популяризатора российской истории Натана Яковлевича Эйдельмана о том, кто, по его мнению, прятался под личиной таинственного старца — и тот

назвал три «кандидатуры», по его мнению, подходящие: император Александр, декабрист Михаил Лунин, а также его бывший однополчанин-кавалергард и муж его сестры действительный статский советник Федор Уваров, в 1827 году вышедший из дома и бесследно исчезнувший.

В пользу каждого из них есть свои «за» и «против». В частности, по официальной версии Лунин скончался только в 1845 году, а об Уварове в «Сборнике биографий кавалергардов» говорится, что он мог быть «тем таинственным старцем Даниилом, которого знали в Сибири многие декабристы»...

А теперь, наконец, обратимся к рассказу Сергея Михайловича Ограновича, с чего мы и начали этот материал. К сожалению, за давностью лет не помнятся особые подробности разговора, но три основных факта были таковы.

Еще в царствование императора Николая I могила его венценосного брата была вскрыта. Солдаты — ветераны лейб-гвардии Преображенского полка — выполнили какую-то работу, после чего, получив по сколько-то тысяч рублей, были «уволены вчистую», возвратились в родные деревни, где безбедно дожили свои последние годы и унесли в могилы свое знание.

Когда после Октябрьской революции, в 1921 году, был основательно «подчищен» собор святых Петра и Павла в Петропавловской крепости — место упокоения российских монархов, и изъяты немалые ценности, то новые власти не обошли вниманием и захоронения. Могилы вскрыли и забрали все, представлявшее интерес. При этом, как рассказал Огранович, могила Александра I оказалась пустой. Об этом, вообще-то, пишут многие авторы, вот только документы, подтверждающие или отрицающие данный факт, неизвестны.

Точку во всей этой истории мог бы поставить знаменитый антрополог, археолог и скульптор, доктор исторических наук Михаил Герасимов. В свое время он потревожил прах многих известных людей, создавая скульптурные портреты на основе их костных останков. Могила таинственного старца, умершего в 1864 году — Александру Павловичу тогда могло бы быть 87 лет, — бережно сохранялась на одном из кладбищ в городе Томске, и за разрешением провести соответствующие работы ученый обратился к министру культуры СССР Екатерине Фурцевой. Ответа пришлось ждать долго. Точнее, ответа Михаил Михайлович не дождался.

Герасимов, человек в ту пору очень известный, не постеснялся вновь обратиться с запросом. Только его третье обращение возымело результат, но совершенно неожиданный: на месте кладбища вырыли котлован для нового дома. Точка в истории старца Федора Кузьмича была поставлена самым варварским образом. Зачем?! Почему советскому правительству нужно было скрывать тайны российской монархии? Нет ответа...

Вот о таких фактах рассказал мне внучатый племянник Надежды Дуровой. Не проливая окончательный свет ни на одну из имеющихся версий, они свидетельствуют, что в посмертной судьбе императора Александра I что-

то действительно было не так. Но что? Скончался ли он, как и все смертные, в Таганроге? Стал ли тем самым легендарным старцем, бродившим по Сибири? Или укрылся где-нибудь в отдаленном монастыре? А может, сбылась его давняя мечта, и исчезнувший российский император обосновался в домике в Альпах или на берегах Рейна?.. Этого мы не знаем и вряд ли когда-то сумеем узнать. Власть имущие умеют прятать свои тайны, обладая для этого большими возможностями.

Наследство «больного человека»

Осенью 1853-го началась девятая — считая с 1676 года — русско-турецкая война. Но если в результате первых восьми войн Россия, по чеканному определению Советской военной энциклопедии, «закрепила за собой Южную Украину, Крым, Бессарабию, часть Кавказа и прочно утвердилась на берегах Черного моря», то эта война, вошедшая в историю как Крымская, или Восточная, завершилась разорением Севастополя и уничтожением Черноморского флота. Россия оказалась отброшена на многие десятилетия назад, и в тот момент, очевидно, перевернулись в своих гробах фельдмаршал Миних, князь Долгоруков-Крымский, светлейший князь Потемкин-Таврический, граф Румянцев-Задунайский, генералиссимус Суворов, а также великие государи Петр I и Екатерина II — в общем, все те, кто, себя не жалея, своей прозорливостью, волей, энергией, кровью выводил Россию на берега Черного моря, кто завоевывал для нее бесценную жемчужину — Крым.

Хотя в середине XIX века ничто еще беды не предвещало, о ее приближении никто и не догадывался — за исключением разве что того самого Левши, что механическую блоху подковал. Побывав в Англии, он, как известно, вернулся оттуда с единой заботой: мол, «скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят». Не сказали... «А доведи они Левшины слова в свое время до государя, в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был», — констатировал Николай Семенович Лесков.

Впрочем, при чем здесь придуманный им тульский мастер Левша? Мы ведь ведем серьезный разговор о глобальных политических событиях, о судьбах Отечества. Да в том-то и дело, что на закате царствования императора Николая Павловича вся Россия разительным образом напоминала именно такое ружье — надраенное снаружи, но изнутри совершенно раздолбанное, фактически приведенное в негодность, к тому же еще с нарочито ослабленными гайками. Такое ружье нравилось начальству, приятным образом брякало при выполнении строевых приемов — однако воевать с ним было невозможно.

Каждый из царей был свято уверен, что именно в его царствие народу живется самым лучшим образом — или, по крайней мере, он этого «лучшего образа» вскорости достигнет. Причем сам государь действительно трудился для этой цели не покладая рук — известно, что среди русских царей

бездельников не было. Пушкинские слова «на троне первый был работник» применимы не к одному лишь Петру Великому. Вот только у каждого царя была своя точка зрения на пути достижения народного благосостояния.

Например, Николай Павлович, взойшедший на престол под гром пушек на Сенатской площади, четко усвоил, что все беды России, равно как и Европы, идут от вольномыслия. К сожалению, его* третьего сына императора Павла, к трону не готовили, а потому многих элементарных вопросов государственного управления и народного бытия этот командир гвардейской дивизии просто не понимал. Не понимал, например, того, что вольномыслие для русского человека потребность первостепенная, любимое времяпрепровождение. Дай русскому возможность вольным образом порассуждать о власти предрежащих и мировой политике — и тогда его хоть хлебом не корми, а он все равно своей участью доволен будет. Если же еще государь, как это делал покойный Александр I, сам либеральные речи поведет, то и вообще ему никакого труда управлять не составит.

Но, повторим, Николай этого не понимал, считая основой государственного управления принцип «держать и не пущать» — любые ростки свободной мысли вырывались самым тщательным образом. Вот только в результате прополки вся «клумба» напрочь вытаптывалась жандармскими сапогами. Ведь и петрашевцев тогдашние спецслужбы фактически создали своим неумным рвением, и Герцена в революционера буквально превратили. Это уж потом советские историки редактировали их биографии, чтобы вопросов у школьников не возникло.

Но это все были исключительно внутренние русские проблемы, которые Европу никоим образом не волновали. Известно ведь, что чем дела у нас шли хуже, тем спокойнее было Европе. Зато усиление России неизбежно вызывало на Западе чувство тревоги и неуверенности.

Когда в 1812 году Наполеон отправился сокрушать Российскую империю, в поход его снаряжали буквально все европейские монархи. Потом, по мере падения французского могущества, союзники Наполеона постепенно переходили под русские знамена, и в итоге к стенам Парижа Александр I привел буквально весь тот европейский сброд, что ходил с Бонапартом на Москву. Затем, на Венском конгрессе, недавние наши союзники озаботились тем, чтобы как можно больше урвать себе от победы русского оружия и соответственно, как можно меньше оставить России. Мол, «мавр сделал свое дело, мавр может уходить» — до тех пор, конечно, пока вновь не позовут на выручку. А звать могли только в самых критических ситуациях, потому как нас все всегда боялись.

Однако Николай I, неподготовленный к престолу, этого не понимал. Как и некоторые последующие советские правители, он считал, что «в европах» нас искренне любят, а потому только и ждут нашей помощи, поддержки и участия. По сей причине лишь только где-нибудь на континенте загорался революционный огонек, «Николай Палкин», как уважительно окрестили его подданные, стремился направить туда свои войска. А

европейцы-то от бескорыстной царской помощи отказывались — исключение составляет лишь австрийский император Франц-Иосиф, который в 1849 году обратился к Николаю с мольбой о спасении своего престола, на что Палыч даже гвардию двинул. Россия играла роль европейского жандарма — ту же роль в мировых масштабах сейчас пытаются разыгрывать слабо знакомые с уроками истории американцы.

В середине XIX столетия Россия имела немалые вооруженные силы. Пехота составляла 904 тысячи человек; кавалерия — 113 тысяч; артиллерия — 105; инженерные войска — 20 тысяч; около 80 тысяч числились в иррегулярных казачьих и «инородческих» полках. К этому следует добавить еще порядка 100 тысяч флотских чинов. Между тем население России было 42 миллиона человек.

В состав армии входило 110 полков пехоты — 10 гвардейских, 12 гренадерских, 42 пехотных, 4 карабинерных и 42 егерских и плюс к тому — 9 стрелковых и 84 линейных батальонов. Батальон — примерно тысяча человек, в большинстве полков было тогда по четыре батальона.

На вооружении в пехоте состояло безнадежно устаревшее гладкоствольное семилинейное кремневое ружье образца 1828 года (были варианты 1826 и 1839 гг., но все это практически одно и то же), заряжаемое с дула. Оно лишь немного отличалось от ружья образца 1808 года, стрелявшего примерно на 200 шагов. В 1845 году на вооружение взяли ударное капсюльное ружье, тоже гладкоствольное и заряжаемое с дула, которым успели вооружить только Гвардейский и 2-й армейский корпуса. Из него можно было прицельно стрелять на 350 шагов. Нарезной штуцер, пуля из которого летела на 600 шагов, имели по 24 человека в каждом пехотном и егерском батальоне. И это — в середине XIX столетия! Как не вспомнить суворовское: «пуля — дура, штык — молодец»! Теперь эта фраза звучала не гордо, а горько, потому как противник имел уже совершенно иное оружие.

Свидетельство тому можно найти в мемуарах русского офицера — участника грядущего тогда еще сражения на реке Альме 8 сентября 1854 года: «Грозная атака наших батальонов, эта стальная движущаяся масса храбрецов, через несколько шагов воображавшая исполнить свое назначение — всадить штык по самое дуло ружья, каждый раз была неожиданно встречаема убийственным батальным огнем... Схватиться с неприятелем нашим солдатам не удавалось».

Кавалерия состояла из 59 гвардейских и армейских полков: 12 кирасирских, 11 драгунских, 20 уланских и 16 гусарских. Огнестрельное вооружение конницы было сродни пехотному — гладкоствольные ружья и штуцера разных систем. Хотя Россия казалась страной богатой, но средств на содержание тяжелой конницы — кирасир и драгун, действовавших на поле боя крупными массами и решавших стратегические задачи, явно не хватало. Основной упор делался на легкую кавалерию и иррегулярные казачьи войска.

На вооружении в полевой артиллерии в мирное время состояло 1140 орудий, в военное их число должно было увеличиться до 1446. В основном

были системы 1838 года — пятнадцатилетней давности. Еще было 286 осадных орудий. Уточним, что в 1812 году русская полевая артиллерия, выведенная стараниями графа А. А. Аракчеева на первое место в Европе, состояла из 1620 орудий.

Явно не соответствовал духу технического прогресса и флот. Только в 1851 году пароходный комитет разработал программу строительства 14 винтовых кораблей: девяти — для Балтийского и пяти — для Черноморского флота, но к началу войны был готов лишь один винтовой фрегат. Правда, на Черном море было уже семь маломощных семипушечных пароходно-фрегатов, но все же основу флота составляли романтические парусники: 16 линейных кораблей, 8 фрегатов и корветов, 25 бригов и шхун. Для наглядности уточним, что если на всех пароходно-фрегатах суммарно было 49 пушек, то на парусных кораблях — 2012.

Зато потомкам на зависть Россия в то время имела профессиональную армию. Солдат для нее набирали путем рекрутского набора, впереди у них было 20 лет службы, если, разумеется, она была «беспорочной», иначе срок могли и продлить, были возможности отличиться в боях, чтобы получить Георгиевский крест, дававший определенные льготы, выйти в унтер-офицеры, а то и заслужить офицерский чин и прилагающееся к нему дворянское звание. Так что наши предки служили не за деньги, достаточно небольшие, а за совесть и перспективы.

Но вот система боевой подготовки не соответствовала ни «человеческому материалу», ни самому духу времени. Обратившись к «Истории Русской армии», можно узнать, что «на стрельбу отпускалось всего 6 патронов в год на человека. В иных полках не расстреливали и этих злополучных шести патронов из похвальной экономии пороха. Смысл армии видели не в войне, а в парадах, и на ружье смотрели не как на орудие стрельбы и укола, а прежде всего как на инструмент для охватывания приемов... Основой обучения войск являлось так называемое «линейное учение», принесшее Русской армии неисчислимый вред. Целью этого учения было приучить войска к стройному движению в массе... Боевая подготовка войск на маневрах сводилась к картинному наступлению длинными развернутыми линиями из нескольких батальонов, шедших в ногу, причем все заботы командиров... сводились к одному, самому главному: соблюдению равнения».

Подобная система пышным цветом расцвела при военном министре — генерале от кавалерии светлейшем князе Александре Чернышеве, друге государя. Успешный военный разведчик, работавший перед войной 1812 года во Франции, где он блистал в салонах и будуарах парижских красавиц и даже пользовался доверием Наполеона, лихой 27-летний генерал Отечественной войны, он с 1828 по август 1852 года управлял Военным министерством, в 1848 году принял должность председателя Государственного совета, а затем еще и председателя Комитета министров. За это время молодой реформатор превратился в 67-летнего старца, неизбежно отстающего от требований

времени, становившихся все более динамичными. Вместе с министром отставала и армия.

Однако император, также, разумеется, стареющий, был уверен, что держава процветает под его твердой рукой. Поэтому, когда незадолго до начала кампании кто-то сказал ему о трудностях грядущей борьбы с прекрасно оснащенными, хорошо вооруженными и обученными европейскими армиями, Николай Павлович преспокойно отвечал, что «численность войска будет такая, что оно всегда будет сильнее врагов». Про завет великого Суворова «воюй не числом, а умением» Николай I мог и не знать.

В своем заблуждении государь был искренен: после возвращения нашей армии из Парижа ей приходилось воевать лишь где-то на окраинах империи или на чужой территории, а потому казалось, что глобальные опасности России больше не угрожают. А ведь Европа глядела на Россию весьма неодобрительно, и на Востоке тоже стремительно сгущались тучи.

О причинах и предпосылках Крымской войны написано много и нет необходимости давать подробный обзор политических событий. Ограничимся определением из Военного энциклопедического словаря: «Усиление экспансии Великобритании и Франции с целью завоевания новых рынков и колоний наталкивалось на сопротивление России, стремившейся отстоять свои экономические и политические интересы на Черном море и укрепить влияние на Балканах. Турция вынашивала планы при помощи союзников отторгнуть от России Крым и Кавказ. В мае 1853 г. она разрешила вход в пролив Дарданеллы англо-французской эскадры. В ответ на это Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией и 21 июня (3 июля по нынешнему стилю. — Авт.) ввела войска в Молдавию и Валахию. 4 октября (16 октября) Турция объявила войну России, 20 октября (1 ноября) аналогичным заявлением ответила Россия».

Профессора Лависс и Рамбо трактуют события несколько по-иному. Они, в частности, рассказывают, что в январе 1853 года Николай I пригласил английского посланника, «и повел речь о турецком вопросе. Турция, по его словам, впала “в состояние такой дряхлости”, что этот “больной человек” может внезапно умереть и “остаться на руках” у держав. Царь полагал, что было бы неблагоприятно “довести дело до такого сюрприза”, не выработав заранее “какой-нибудь системы” и не установив “предварительного соглашения”. “Если мне удастся столкнуться с Англией по этому вопросу, — прибавил царь, — остальное мне неважно: я решительно не интересуюсь мнением и действиями других”».

В общем, Николай I претендовал на наследство «больного человека», тем самым продолжая политику своей бабушки Екатерины II, мечтавшей об освобождении Константинополя от магометан и превращении Черного моря во внутренний российский водоем. А эта политика, некогда усердно и рьяно проводившаяся блистательным Потемкиным, «в европах» очень не нравилась.

Союз с Россией Великобритании в данный момент был не нужен, потому как практического интереса для нее не представлял. То ли дело было в начале века, когда Бонни, как именовали англичане Бонапарта, готовил вторжение на Британские острова, взятые им в кольцо континентальной блокады...

Посему, хотя и понимая, что «больного человека» вряд ли реанимируешь, но усилению России помогать не след — Великобритания и Франция, а потом и Сардинское королевство, решили поддержать ту самую Турцию, которую никто в Европе никогда особенно не жаловал. В «Очерках истории Англии», изданных еще в 1959 году, по этому поводу сказано: «Английское правительство было главным организатором коалиции против России. Пальмерстон (министр иностранных дел. — Авт.), предвкушая победу над Россией и стремясь расширить коалицию против нее, составил даже план расчленения России и передачи ряда ее территорий Турции (Крым, Кавказ), Пруссии (Прибалтику), Австрии (Молдавию) и некоторым другим государствам».

Можно подумать, что англичане выступали в качестве бескорыстного спонсора. Нет, они просто не обозначили свои интересы, гораздо более серьезные, чем у других, зато бросили в качестве «кости» собственным друзьям- союзникам нищую Бесарабию, разбойничий Кавказ, Крым, который расцветет только в XX столетии, и Остзейские провинции, традиционно являвшиеся чьими-нибудь нахлебниками. Бриттам нужны были совсем не эти земли, а богатейшие Закавказье и Средняя Азия. Похоже, «больным человеком», который готовится «внезапно умереть» и оставить громадное наследство, для англичан была не Турция, а Россия Николая I.

Два взрыва на набережной

26 октября 1850 года путешествовавший по югу России наследник престола великий князь Александр Николаевич отправился из Воздвиженской крепости в Ачхай, сопровождаемый наместником на Кавказе князем М. С. Воронцовым и под прикрытием отряда пехоты, нескольких сотен казаков с артиллерией, местной милиции и толпы мирных чеченцев. Цесаревич ехал верхом, в авангарде. Между реками Рошня и Валерик он первым заметил показавшуюся партию неприятеля и тотчас поскакал к ней, увлекая за собой всю свиту. Чеченцы, выстрелив, бросились бежать, но казаки их преследовали, а конвой наследника заехал им в тыл. В схватке начальник разбойничьей партии был убит, труп его остался в руках казаков. По представлению князя Воронцова великий князь был награжден орденом св. Георгия IV степени.

Как видим, Александр Николаевич, был не из робкого десятка, что, к сожалению, в конце концов и сыграло в его судьбе трагическую роль...

Александр II взошел на престол не в лучшее для России время. Страна, скованная николаевским «застоем», проигрывала Восточную войну; все звенья государственного управления разъедала бюрократическая ржа; перемены, реформы были необходимы, но, как часто случалось в нашем Отечестве, некому было «возглавить процесс». И так получилось, что он в большей степени наследовал не своему отцу Николаю Павловичу, а царю-реформатору Петру.

Символично: Петр Первый — Александр Второй. Но как нельзя сказать, что у Великого преобразователя России все получилось блестяще, так и нельзя утверждать, что Царь-Освободитель достиг желаемого во всех своих планах. Оба они стремились вывести Россию из тупика, оба положили на то свои жизни.

Окинем мысленным взором общую картину царствования Александра Николаевича. В 1861 году он отменил крепостное право. Судебная реформа 1864 года даровала русскому народу независимый суд, равный для всех сословий, а земская — обеспечила широкую и либеральную децентрализацию страны...

«Преобразовательное движение, обнимавшее по воле императора Александра II все стороны государственной и общественной жизни России, нигде не проявилось столь решительно и наглядно, как в переустройстве финансового управления и в находящемся в прямой зависимости от него народном хозяйстве, — говорится в дореволюционной биографии Царя-Освободителя. — Во все продолжение царствования государство быстро и неуклонно шло вперед по пути экономического развития». Уточним, что если в 1857 году вся железнодорожная сеть страны насчитывала 979 верст, то в 1870-х годах ежегодно вводилось в эксплуатацию по 1400 верст.

5 мая 1856 года царь подписал указ, начинавшийся словами: «Признавая одною из самых важных государственных Наших забот образование народное, как залог будущего благоденствия Нашей возлюбленной России, Мы желаем, чтобы учебные заведения ведомства народного просвещения находились под ближайшим Нашим наблюдением и попечением...» Так отныне и было.

Особое внимание Александр II уделял армии, и военные его преобразования совершенно изменили облик русского воинства. Самое главное, что 1 января 1874 года в стране была введена всесословная воинская повинность, сменившая рекрутские наборы. О преобразовании армии можно говорить долго, поэтому ограничимся теми конкретными результатами, которых не могло бы достичь государство, бессильное в военном отношении: 1864 год — победное окончание полувековой Кавказской войны и усмирение польского мятежа, 1865-й — присоединение Казахстана, 1868-й — подчинение Бухары, 1873-й — усмирение Хивы, 1876-й — присоединение Ферганы, 1878-й — освобождение Болгарии от шестивекового турецкого ига. Кстати, осенью 1877 года государь сам выезжал на Балканы, бывал на передовых позициях, где испросил у военного министра генерала Д. А.

Милютин, старшего из присутствовавших георгиевских кавалеров, разрешения прикрепить на свою саблю георгиевский темляк.

А 1(13) марта 1881 года Александра II убили — в Санкт-Петербурге, на набережной Екатерининского канала. Он, по свидетельству Керсновского, «был убит в тот день, когда хотел подписать конституцию». Этот день всяко должен был войти в историю России как поворотный — но поворот произошел в иную сторону.

Цареубийством Россию, к сожалению, не удивишь. Чтобы возвести на русский трон урожденную ангальтцербстскую принцессу Софию-Фредерику-Августу, нареченную Екатериной II, дворянская «фронда» убила законного государя Петра III. Заговорщики убили сурового, неуравновешенного Павла I, чтобы заменить его либеральным Александром... Цареубийственные планы были у радикальной части декабристов, намеревавшихся сменить монархию демократической республикой — сделать это при живом царе было бы невозможно. Всех последовательнее оказались большевики, истребившие «под корень» царскую семью, дабы не осталось претендентов на вакантный престол...

Цель всех этих цареубийств — как удавшихся, так и планировавшихся — понятна. А чего хотели потенциальные убийцы Александра, с маниакальной настойчивостью преследовавшие его на протяжении пятнадцати лет?!

Вспомним лишь некоторые попытки: 4 апреля 1866 года — выстрел Дмитрия Каракозова; 25 мая 1867 года — выстрел Березовского; 2 апреля 1879 года — выстрел Александра Соловьева; 19 ноября 1879 года — попытка подрыва царского поезда; 5 февраля 1880 года — взрыв в Зимнем дворце... Одна только «Народная воля», созданная в августе 1879 года, предприняла за полтора года восемь попыток цареубийства, из которых последняя и завершилась успехом. Для чего?!

Из «Советского энциклопедического словаря» можно узнать, что в ее программу входило «уничтожение самодержавия, созыв Учредительного собрания, демократические свободы, передача земли крестьянам». Ничего из этой программы выполнено не было — народовольцы не могли не только взять власть на какой-то переходный период и должным образом ею распорядиться, но даже просто хоть что-то предпринять после вождельного для них цареубийства. Было очевидно, что царю наследует только цесаревич, и никто иной... Стоило ли, как говорится, менять шило на Мыло?

Конечно, претензий к Александру II можно предъявить немало. «Великая реформа», как называли освобождение крестьян, оказалась отнюдь не столь радикальной, как рассчитывали «широкие народные массы» и «демократическая интеллигенция». Это, как известно, вызвало волнения в деревне. Тогда для усмирения «крестьянских беспорядков» более двухсот раз пришлось вызывать воинские команды и прибегать к оружию. Счет убитым и раненым шел на сотни. Но, как показывает даже наш современный опыт,

принятие «земельного закона» дело очень сложное. Государь должен учитывать очень многие моменты и настроения.

Александра Николаевича можно упрекнуть и в том, что наряду с военными и дипломатическими победами Россия имела во внешней политике промахи и поражения. Чего, например, стоит одна продажа «за ненадобностью» Аляски в 1867 году! Но как бы Россия смогла ее защитить от потенциального агрессора? Если через сорок лет она не смогла победить на Дальнем Востоке японцев, а через сто сорок не может на том же Дальнем Востоке отогреть зимой своих же граждан — чего говорить об удержании заокеанских владений? Спасибо, хоть семь миллионов долларов дали! Хотя и обидно, конечно, за «Русскую Америку»...

В упрек Александру II можно поставить и то, что в процессе реформирования армии он слишком доверился кабинетному генералу Милютину, и это привело к угасанию в войсках истинного воинского духа, что впоследствии — уже при Николае II — имело очень печальные результаты.

Однако вряд ли цареубийство было «своеобразной» реакцией «передовой части общества» на ошибки императора, неприятие его политики и, как следствие, надежду замены его более мудрым царем. Хотя в России, заметим, всегда верили, что придет новый царь — и все рассудит, уладит, улучшит.

Нет, в то время по всей стране был развернут тотальный террор, направленный не только против главы государства, но и против высших сановников, полицейских чинов, военного командования, представителей местного управления, жандармов. Вот лишь несколько фамилий из огромного мартиролога: 24 мая 1878 года в Киеве убит кинжалом жандармский капитан барон Гейкинг; 4 августа того же года в Санкт-Петербурге смертельно ранен — опять-таки кинжалом — главный начальник III Отделения и шеф жандармов генерал-адъютант Мезенцев (его преемника генерал-адъютанта Дрентельна пытались застрелить 13 марта 1879 года), а 9 февраля 1879 года в Харькове был застрелен губернатор князь Крапоткин...

Цель террора всегда одна: дезорганизовать общество, запугать власти или людей, подчинить их своим интересам, добиться решения своих задач. Задач, разумеется, низменных — к высоким целям не ходят по залитым кровью путям. И еще. Обычно террористы стараются уничтожать лучших — наиболее честных, преданных, умных, смелых, кого нельзя купить, запугать, обхитрить. Хотя иные просто стремятся, чтобы жертв их террора оказалось как можно больше. Таков, кстати, был принцип «Народной воли» — «охотясь» за царем, «народовольцы» желали, чтобы он увел с собой в могилу как можно больше народу: вспомните взрыв в Зимнем дворце или крушение царского поезда. Цареубийство 1 марта 1881 года также не обошлось без лишних и случайных жертв. Вот фрагмент его описания из «Русского биографического словаря»: «Карета быстро неслась по набережной Екатерининского канала и уже миновала Рысакова, когда тот бросил под нее

бомбу. Последовал страшный взрыв. Несколько человек упали; в числе их несколько из казаков конвоя и мастеровой мальчик — тяжело раненные. Государь указал лейб-кучеру остановить экипаж и, выйдя из кареты, направился к месту- взрыва... На вопросы обступивших его офицеров, не ранен ли он, император отвечал: “Слава Богу, я уцелел, но вот...”, указывая при этом на лежавших на мостовой раненых».

Царь вел себя так, как следовало в минуту опасности офицеру, каковым он был с молодых ногтей. Вместо того чтобы спешно покинуть место трагедии, он побеспокоился о раненых. Этим и воспользовался Гриневицкий, стоявший у решетки набережной канала. Когда, возвращаясь к карете, Александр II с ним поравнялся, фанатик бросил бомбу под ноги царю и погиб вместе с ним сам.

Остается только предполагать, как развивалась бы наша история, если бы Царь-Освободитель не был убит в тот самый день, когда он намеревался подписать конституцию Государства Российского. Кому же все это было выгодно?

«Это казалось невероятным и чудовищным»

Русско-японская война, в отличие от последовавшей за ней Мировой, нареченной «Забытой», находится на слуху: подвиг «Варяга», гибель адмирала Макарова и художника Верещагина, Цусима, Порт-Артур, блистательный генерал Кондратенко, бездарные Куропаткин, Стессель, Алексеев...

Вот, однако, и все, что сразу вспомнишь. К сожалению, наши знания здесь ограничиваются песней про тот самый «Варяг», романами «Цусима» А. С. Новикова-Прибоя, «Порт-Артур» А. Н. Степанова, «Крейсера» и «Три возраста Окини-сан» В. С. Пикуля. Для более старшего поколения — еще и работой В. И. Ленина «Падение Порт-Артура». А кто бы сейчас сказал, почему эта война началась, кому и для чего она была нужна, почему именно так все получилось? Вопросы отнюдь не праздные, потому как отголоски событий тем или иным образом доходили до России на протяжении всего XX века. Да и сейчас аукается.

На первый взгляд, все началось внезапно и неожиданно. «Ко мне подошел полковой адъютант и молча передал депешу из штаба округа: “Сегодня ночью наша эскадра, стоящая на внешнем Порт-Артурском рейде, подверглась внезапному нападению японских миноносцев и понесла тяжелые потери”, — писал в замечательной книге «Пятьдесят лет в строю» генерал-лейтенант А. А. Игнатьев. — Этот официальный документ вызвал прежде всего споры и рассуждения о том, может ли иностранный флот атаковать нас без предварительного объявления войны? Это казалось столь невероятным и чудовищным, что некоторые склонны были принять происшедшее лишь как серьезный инцидент, не означающий, однако, начала войны. К тому же не

верилось, что какая-то маленькая Япония посмеет всерьез ввязаться в борьбу с таким исполином, как Россия».

В ту пору ротмистр граф Игнатьев командовал эскадром в л.-гв. Уланском полку, и Дальний Восток, где ему вскоре было суждено воевать, казался из Петергофа бесконечно далеким. Зато людям в более высоких чинах война с Японией представлялась не только реальной и даже неизбежной, но и, более того, они могли провидеть ее ход заранее!

«С января 1900 г. в Морской академии начались занятия военно-морской игры с целью проверки нашей боевой подготовки на Дальнем Востоке, — рассказывает в книге «На службе трех императоров» генерал от инфантерии Н. А. Епанчин. — Это было сделано по особому желанию государя; старшим посредником был назначен адмирал Рожественский (в мае 1905 г. он приведет к Цусиме Вторую Тихоокеанскую эскадру. — Авт.), я был назначен посредником по сухопутной части. Для участия в этих занятиях я пригласил нашего военного атташе в Японии полковника Генерального штаба Самойлова, находившегося временно в Петербурге; он основательно изучил японскую армию и был вполне в курсе японских военно-морских дел. Он считал, что при тех условиях, в которых находятся наши войска и наша эскадра на Дальнем Востоке, при слабой провозоспособности Сибирского пути, трудности сосредоточения достаточных сил и снабжения их нам крайне трудно будет вести успешно военные действия против японской армии и японского флота, которые он ценил как очень серьезного противника. Об этом он доносил Военному министерству, но его донесениям не давали должной оценки... Занятия проводились весьма серьезно и тщательно. Замечательно, что адмирал Вирениус, командовавший японской стороной, решил начать военные действия без объявления войны, как это и было сделано японцами в январе 1904 г., ровно через четыре года... После удачного “нападения” на русскую эскадру у Порт-Артура “японцы” высадились у Дальнего и обложили Порт-Артур...».

Все то, что разыгрывалось на картах в 1900-м, сбылось в 1904-1905 годах — противник поступал именно так, как и предполагалось! Хотя есть вариант, что подробный отчет об этой игре, выпущенный под грифом «весьма секретно», оказался в руках японской разведки и был использован японским командованием в качестве сценария грядущей войны.

Впрочем, уточним все-таки, из-за чего эта война случилась. «Ход естественного развития Русского государства издавна двигал его в сторону наименьшего сопротивления — на восток, к берегам Тихого океана, — говорится в книге инженер-полковника А. фон Шварца «Осада Порт-Артура», изданной перед Первой мировой войной в качестве пособия для слушателей Николаевской Инженерной академии. — В середине XIX столетия Россия приобрела Южно-Уссурийский край с гаванью, где был основан Владивосток. Но гавань эта замерзала и не могла служить хорошим портом для Сибирской магистрали, к постройке которой было приступлено в 1891 году. Необходимо было приобрести гавань незамерзающую, открытую

для судов круглый год. Таковую можно было найти только на юге: в Корее или на Китайском побережье Тихого океана».

Нашли — Порт-Артур и Дальний (Далянь), которые в 1898 году Россия арендовала у Китая на четверть века. И все было бы хорошо, если б на Дальнем Востоке не пересеклись интересы сразу многих государств — Англии,

Франции, Германии, да еще и Японии, которая воевала с Китаем в 1894-1895 годах и прибрала к своим рукам Ляодунский полуостров. Однако это не понравилось всем европейцам, и они вежливо попросили японцев убраться к себе на острова, ограничившись полученной с Китая контрибуцией.

Русские государи со времен Александра I, а то и раньше, почему-то были уверены, что в «Европах» Россию любят безумно и всячески пекутся о ее интересах. Вот и Николай II решил, что его дальневосточная политика будет и далее поддержана европейскими державами, а потому в 1900 году ввел свои войска в Маньчжурию. Однако поддержал его только германский кузен — Вильгельм II, и то лишь потому, что ему было очень выгодно, чтобы русские войска перетягивались с Запада на Восток. Прочие же государства Европы, да еще и США, которые, во-первых, сами хотели поживиться за счет китайских и корейских территорий и, во-вторых, опасались усиления России, не только выступили против «русской экспансии», но даже стали помогать Японии, увидев в ней единственно возможный «противовес».

Кажется, российскому правительству следовало бы немного успокоиться, но в дело вмешался частный капитал. Капиталиста ведь прежде всего беспокоит собственная прибыль. И хотя Ломоносов некогда говорил, что «богатство российское будет прирастать Сибирью», однако русскому капиталу было гораздо легче и проще осваивать чужие богатства — в своих, разумеется, интересах.

«К этому времени (1902 год) вполне оформился в Петербурге авантюристический кружок Безобразова (А. М. Безобразов — камергер и статс-секретарь; в кружок входили великий князь Александр Михайлович и ряд других весьма влиятельных личностей. — Авт.), который предложил царскому правительству купить у разорившегося русского купца принадлежащие ему лесные концессии в Северной Корее на реке Ялу, — говорится в выпущенной в 1938 году Воениздатом книге комбрига Н. А. Левицкого «Русско-японская война». — Это предложение давало возможность, во-первых, сосредоточить на- концессиях под видом рабочих войсковые части, на которые могла бы быть возложена задача по первоначальному удержанию японцев при завязке войны, во-вторых, захватить прилегающий к реке Ялу район, якобы богатый золотыми россыпями, которые могли бы быть обращены в собственность романовской фамилии».

Как продолжение этого текста можно принять слова генерала Игнатьева: «Не раз говаривал отец (граф А. П. Игнатьев, член Государственного совета. — Авт.) еще до войны, что не доведет Россию до

добра затеи этой компании и что когда-нибудь за их жажду наживы, за их лесные концессии, которые они взяли на Ялу, под самым носом у японцев, привыкших считать себя уже здесь хозяевами, придется дорого расплачиваться всему государству».

Возможность решить все миром еще была. «При благоразумном отношении к делу мы, конечно, могли бы избежать надвигавшейся войны, а последствия войны почти никогда нельзя предвидеть точно», — рассуждал в своих мемуарах генерал Епанчин. Японцы это также понимали, а потому в Петербург приехал маркиз Ито, предложивший от имени своего императора разделить сферы интересов: Япония обосновалась бы в Корее, Россия — в Маньчжурии. Предложение принято не было. «У нас господствовало, с одной стороны, пренебрежительное отношение к “япошкам”, а с другой — к делу присосались разные авантюристы», — вспоминал в эмиграции Николай Алексеевич Епанчин. В результате маркиз поспешил в Лондон, где было подписано англо-японское соглашение, направленное против России.

Можно добавить, что в то предреволюционное время Николай II, неумолимо терявший популярность у своих подданных, прекрасно понимал положительное значение «маленькой победоносной войны». Однако этот полковник — максимальное звание, до которого Николай Александрович сумел дослужиться в бытность свою великим князем, — отнюдь не являлся стратегом, хотя и принял на себя в 1915 году роль верховного главнокомандующего. Из Петербурга, столицы могущественной России, Япония казалось очень маленькой и весьма отсталой.

Но не только из Петербурга. Вот свидетельство генерала Гамильтона, главного представителя английской армии при нашем противнике. Его «Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны 1904-1905 гг.» вышла в Англии в 1906 году и в том же году (!) была переведена и переиздана в России: «Интересно отметить то наличие впечатлений, которое производил на Японию и Англию целый ряд опубликованных в то время небылиц про Россию и ее будущие успехи на Дальнем Востоке. Как часто и авторитетно уверяли нас в Англии, что Россия прочно утвердилась в Маньчжурии, что Маньчжурия уже стала Россией... Как же поступила Япония? Она вдумчиво, внимательно обсудила истинное положение вещей и пришла к совершенно обратному заключению... Как легко было привести Россию в состояние сладкого усыпления прессой и общественным мнением Запада! Удивительно, как Россия не могла разгадать истинного могущества Японии, выражавшегося хотя бы в той непреклонности, с которой Япония, несмотря на всю свою умеренность, настаивала на важнейших для ее будущности требованиях, или в той решимости ее при начале военных действий... С каким понятным пренебрежением должна была смотреть Япония на все эти уверения и убаюкивания! Я думаю даже, что все это входило в ее планы».

«История учит тому, что она ничему не учит», — кажется, более всего эта пословица касается наших соотечественников. Вспомним, насколько

были чутки все послесталинские правители советской державы к западной лести! Наши газеты постоянно перепечатывали «восторженные отклики» зарубежной прессы на их заявления и инициативы, а партийные идеологи с упоением талдычили о «международном авторитете» тогдашних вождей. К чему это привело — известно.

Однако речь теперь не о них, а потому вернемся к генералу Гамильтону, сообщавшему далее о встрече в Токио с одним весьма высокопоставленным лицом, которое «в виде доказательства особого расположения и доверия» передало генералу «подробный отчет о численности русской армии. Этот отчет, или, точнее, дислокация точно определяла как места расположения, так и боевой состав каждой из войсковых частей, расквартированных к востоку от озера Байкал... К ней были приложены документы, указывающие в подробностях число людей, орудий и лошадей, прибывших на театр военных действий... Я был поражен всем этим количеством точных цифр, а также и внушительной силой русской армии. Предполагалось, что имеется налицо 180 батальонов полного состава, а вместе с кавалерией, артиллерией и инженерами русские силы в Маньчжурии исчислялись до 200 000 человек. Я послал в Англию этот документ, однако... в нем не было ни слова правды».

Как видим, японские спецслужбы по всем направлениям работали классно! Они скрывали собственные знания даже от своих союзников и тем обеспечили грядущий успех. В частности, японский штаб отлично знал, что численность отмобилизованной русской армии к 1 мая едва достигала 80 000 человек. Думается, «штабс- капитаны Рыбниковы» (вспомним одноименный рассказ А. И. Куприна) имели полное представление и о качестве этой армии.

«Материальное обеспечение офицеров строевых частей было намного ниже уровня содержания средней прослойки чиновничества, — писал генерал-майор А. И. Сорокин в книге «Русско-японская война 1904-1905 гг.», выпущенной Воениздатом в 1956 году. — Это способствовало тому, что в армейские учебные заведения шла молодежь, часто непригодная для другой общественной деятельности. Куропаткин (военный министр. — Авт.) утверждал, что офицеры, наиболее подготовленные и развитые, бежали из строевых частей, устраивались в жандармы, земские начальники и даже надевали полицейский мундир».

Дополним опять-таки эту характеристику словами генерала Игнатьева: «Молодое поколение офицеров привыкло исполнять военную службу, как всякое другое ремесло мирного времени; в них больше воспитывали чувство верности престолу, чем чувство тяжелой военной ответственности перед Родиной...».

А ведь когда офицер перестает чувствовать себя именно офицером, когда начинает завидовать тому само-му статскому чиновнику, которого люди военные во все времена справедливо презирали, — армия заканчивается. Ведь служба — не только оружие, чины и мундиры, но прежде всего воинский дух, армейская романтика, презрение к смерти и, как

следствие перечисленного, ощущение собственного превосходства над любым, не имеющим чести принадлежать к военному сословию.

Дела с солдатами обстояли еще хуже. Генерал Епанчин свидетельствует, что со времени введения общей воинской повинности в 1874 году «армия уже не была, как прежде, кастой, когда солдат служил почти всю жизнь; настроение народных масс сильно изменилось даже и у нас, и появилась широкая подпольная пропаганда. А при таких условиях надо было основательно призадуматься — следует ли рисковать войной, а стало быть, и возможностью неудачи... Когда наши воины защищали родную землю, когда они шли защищать христиан от “бусурман”, они понимали необходимость войны. Не то было при войне с Японией: почти никто не понимал необходимости этой войны». Автор с горечью признается, что «этой войне в России никто не сочувствовал, народная масса совсем ее не понимала, а еще менее понимала эту войну наша армия».

Рекрут XVIII — первой половины XIX столетия, «военный профессионал», не имел обыкновения задумываться, почему его ведут, допустим, в Крым или в Альпы. Зато он знал, что своей храбростью в бою может заполучить отличия, которые скрасят ему четвертьвековую службу, может получить офицерский чин. А вот служащий по призыву солдат нередко имел весомый повод для раздумий, приводивших, скажем так, к нежелательным последствиям. Вспомним, как развалился фронт в 1917-м! Да и на Дальнем Востоке большинство наших солдат воевали совсем не с таким желанием, как их деды или прадеды.

Чтоб сделать картину еще более мрачной, точнее — реалистичной, скажем, что воюющая армия была связана с Россией одной лишь железнодорожной линией: от Харбина на Мукден, на Ляоян и на Порт-Артур, и по этой однокорейной дороге в течение двух лет осуществлялось все ее снабжение... Маньчжурскую армию возглавил генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, военный министр. Можно сказать, это было созвучно 1812 году, когда во главе 1-й Западной армии встал военный министр генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли. Однако если Михаил Богданович имел богатый боевой опыт, то Алексей Николаевич обратил на себя внимание под Плевной, когда был капитаном Генерального штаба и состоял при Скобелеве. Это дало возможность генералу М. И. Драгомирову так прокомментировать назначение генерала Куропаткина: «Может быть, это и хорошо, только вот кто там за Скобелева?» Скобелева не нашлось.

В ночь на 27 января 1904 года японцы внезапно напали на эскадру, стоявшую на рейде Порт-Артура. В результате минной атаки были подорваны два лучших броненосца и крейсер. Можно понять, что война была неожиданностью для стоявших в Петергофе уланов. Но почему нападение оказалось внезапным для моряков Артурской эскадры и русского командования на Дальнем Востоке?

XX век начался Русско-японской войной. За ней пришла Революция.

Имперское самоубийство

Из дневника императора Николая II:

«19 июля [1 августа]. Суббота. Утром были обычные доклады.

После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию. Поехал с Алике в Дивеевскую обитель.

Погоулял с детьми. В 6½ поехали ко всенощной. По возвращении оттуда узнали, что Германия нам объявила войну. Обедали: Ольга А[лександровна], Дмитрий и Иоанн (деж.)...»

Вот так... Верховного главнокомандующего государь назначил после завтрака; перед обедом узнал, что началась война. Как все обыденно, чтобы не сказать — легкомысленно! Уточним, что «Николаша» — это великий князь Николай Николаевич младший. По отзывам современников, «прекрасный кавалерист, но слабый стратег». «Сказать, чтобы он был умалишенный, нельзя, чтобы он был ненормальный в обыкновенном смысле этого слова — тоже нельзя, но сказать, чтобы он был здравый в уме — тоже нельзя; он был “тронут”, — такую характеристику дал цареву кузену председатель Совета министров С. Ю. Витте.

Но что тут поделать, если российские государи обычно считали главным качеством военного руководителя его личную преданность? А то, что «тронутый» и стратег «никакой», — так другой ведь может оказаться еще хуже.

В тот же день Николай Александрович обменялся телеграммами с другим своим кузеном — германским императором Вильгельмом II. Эти послания настолько милы, что, кажется, принадлежат галантному «осмнадцатому» веку: «Получил твою телеграмму. Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе... Наша долгая испытанная дружба должна с Божьей помощью предотвратить кровопролитие. Ники».

«Благодарю за твою телеграмму. Вчера я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны... Во всяком случае я должен просить тебя немедленно отдать приказ твоим войскам безусловно воздерживаться от малейшего нарушения наших границ. Вилли».

Николаю — 46 лет, Вильгельму — 55, они правят великими державами. Кажется, что детские имена в их переписке, которая, предполагается, решает судьбы мира — как в политическом, так и в географическом значении этого слова — не совсем уместны. Хотя, быть может, императоры и знали, что все их старания напрасны. Реальная власть, по крайней мере в Европе, уже стремительно переходила от монархических династий и наследственной аристократии к финансовым и промышленным магнатам.

Вот почему в промежуток между этими двумя телеграммами вошла не только третья — от английского короля Георга V к российскому царю: «Я

всеми силами стараюсь не упустить ни одной возможности предотвратить страшное бедствие, угрожающее ныне всему миру... Джорджи», но и нота германского посольства в Санкт-Петербурге, врученная министру иностранных дел России. Она заканчивалась словами: «Его величество император, мой августейший повелитель, от имени Империи, принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией».

Знал ли Вильгельм II о таком своем состоянии? Сомнительно, что он так уж хотел воевать с кузеном. Однако в войне были заинтересованы другие силы.

«Первая мировая война этот чудовищный и кровавый конфликт был подготовлен и развязан в интересах группировок осатаневшей от жадности империалистической буржуазии, — писал в книге «Масонство и глобализм. Невидимая империя» Лоллий Замойский. — Десятки миллионов людей оторвали от родных очагов, погнали на убой, под газы, калечили, заставляли убивать друг друга с единственной целью — обеспечить финансовой верхушке своей страны максимальные прибыли, возможность грабить другие народы».

«Думаю, что империалистические устремления Франции и Великобритании сыграли свою роль в разворачивании войны, — более мягко сформулировал мысль немецкий профессор Вильгельм Дайест. — Никто из них не хотел иметь в лице Германии мощного политического и экономического конкурента...»

Можно, конечно, вспомнить, как формировались военно-политические блоки, углубиться в хитросплетения политики. Но ограничимся упоминанием рекомендации кого-то из великих: «дружи с врагами своих соседей». Россия тогда граничила с Германией и Австро-Венгрией, и Франция с ней дружила.

Если же говорить о политических традициях, то, несмотря на многочисленные придворные и прочие симпатии к Германии, она почти всегда, за исключением разве что 1813-1814 годов, с нами враждовала. Историк писал, что это — «враг упорный и беспощадный, хитрый и бездушный, коварный и бесчестный. На протяжении семисот лет... враг традиционный, но не раз по капризу истории надевавший личину “традиционной дружбы” — всякий раз все к большей своей выгоде и все к большой беде России».

Уточним, что в 1914 году Россия, как это всегда было раньше и будет потом, к войне готовилась, но готова не была. А. А. Керсновский оценивал это так: «Уроки Японской войны, оздоровившие Русскую армию от взводных командиров до начальников дивизий, совершенно не пошли впрок нашему высшему командованию. Самоотверженная... боевая работа войск им профанировалась и пропадала даром».

Созвучно этому писал в книге «1 августа 1914» советский историк Николай Яковлев: «Русская армия вышла на войну с хорошими полками, посредственными дивизиями и плохими армиями. Иначе говоря, за

считанными исключениями вооруженная мощь оказалась в руках слабо подготовленного и малоспособного высшего командования».

Великий Суворов завещал: «Воюй не числом, но умением». Умения не было, а потому воевали именно числом... Не задумываясь о завтрашнем дне, на фронт буквально сразу бросили все, что имели, что было у государя под рукой.

В книге «Пятьдесят лет в строю» А. А. Игнатьев вспоминает свою службу в 1-й гвардейской кирасирской бригаде, стоявшей в центре Петербурга: «Большую часть года мы не могли даже выехать в поле, но заслужили прозвище — “бюро похоронных процессий”, так как были обязаны участвовать в конном строю на похоронах бесчисленного генералитета, проживавшего и умиравшего в столице».

Однако лишь только «раздался звук трубы военной», вся гвардия — в том числе Кавалергардский и лейб- гвардии Конный полки отправились на фронт. По штату военного времени у кирасир всего-то было по 685 человек.

Довольно скоро им, как и всей армии, пришлось зарываться в землю, сражаться гю-пехотному. А ведь в пехотных полках одних только строевых нижних чинов было свыше четырех тысяч! Думается, что, оставшись в Петербурге, вымуштрованные гвардейские кирасиры принесли бы гораздо больше пользы и армии, и престолу.

Вдруг вспомнилась фраза, некогда услышанная в театральном спектакле: «Она была, Троянская война — и нет теперь ни Трои, ни троянцев...» Летом 1914 года в войну в Европе вступили три империи: Россия, Германия и Австрия. Первая из них рухнула в 1917 году, две другие — в 1918-м. Впереди у народов этих стран оказались огромные испытания. Судьба российского царя известна; свергнутый с престола австрийский император Карл I был сослан на остров Мадейру, где скончался в 1922 году в возрасте 35 лет; кайзер Вильгельм II лишь две с половиной недели не дожидаясь нападения Гитлера на СССР.

Конечно, не эти слабые монархи развязывали войну, но все ли возможное сделали они для того, чтобы остановить имперское самоубийство?

Дилетант в голубом мундире, или «третий путь» генерала Джунковского

Наш собеседник — ветеран спецслужб и писатель Борис Георгиевич Колоколов.

В апреле 1827 года по указу императора Николая I в России был образован Отдельный корпус жандармов (ОКЖ), перед которым была поставлена следующая триединая задача: жандармские дивизионы и команды выполняют обязанности исполнительной полиции; жандармско-полицейские управления железных дорог и их отделения занимаются охраной порядка и благочиния в районе железных дорог и визированием паспортов на границе; все остальные жандармские части выполняют обязанности по

обнаружению и исследованию государственных преступлений и надзору за государственными преступниками, содержащимися под стражей. Возможности наблюдательной полиции и агентуры ОКЖ использовались и для контрразведывательной деятельности.

К числу наиболее ярких, противоречивых и нестандартных фигур на тусклом фоне политического сыска России начала XX века относился Владимир Федорович Джунковский (1865-1938) — московский вице-губернатор и губернатор с 1905 года, назначенный в январе 1913 года товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов.

— Это назначение определялось личным выбором Николая II?

— Не совсем так. В феврале 1913 года государь назначил министром внутренних дел Николая Александровича Маклакова, выпускника историко-филологического факультета Московского университета. Он служил по ведомству министерства финансов в качестве управляющего Полтавской казенной палаты, отличился во время торжеств по случаю 200-летия Полтавской битвы и был затем выдвинут на пост черниговского губернатора, В первых числах января 1913 года Маклаков — тогда еще управляющий МВД — позвонил в Москву Джунковскому и предложил ему занять должность своего товарища, курирующего работу Департамента полиции, намекнув, что его кандидатура уже согласована с царем.

— В таких случаях отказываться не полагалось?

— Да, хотя предложение это Владимир Федорович принял на определенных условиях. В своих мемуарах он вспоминал: «Я решился на предстоящий мне тяжелый труд прежде всего из чувства долга, не считая себя вправе отказываться, тем более что мне казалось, что именно

в этой области — охране порядка в империи — я сумею принести некоторую пользу, упорядочить полицейское дело, так как очень хорошо знал отрицательные стороны в деле розыска, провокационные способы, к коим прибегала охрана...» Для осуществления своих грандиозных планов Джунковский потребовал для себя и должность командира ОКЖ, что в первоначальные планы министра не входило. Тем не менее он принял это условие, и ему с большим трудом и при прямом содействии государя удалось перевести на другую должность в МВД тогдашнего командира корпуса генерал-лейтенанта В. А. Толмачева. Также безоговорочно Маклаков принял и другие условия Джунковского: избавить его от обязанности выступать в Думе на общих собраниях, предоставить полную самостоятельность в действиях и распоряжениях по Департаменту полиции с одновременной прямой ответственностью по всем делам полиции и охраны.

— Можно понять, что Джунковский был хорошо осведомлен об особенностях полицейской деятельности. Откуда? Опыт губернаторской службы?

— В мемуарах он писал, что эта деятельность не входила в круг служебных обязанностей московского губернатора. По его признанию, он

был совершенно незнаком с техникой розыскного дела — т. е. абсолютно некомпетентен в вопросах крайне важного политического сыска, за который брался с благими намерениями его улучшения... Маклаков и Джунковский были, как говорится, два сапога пара, и из тандема этих двух дилетантов ничего путного выйти не могло. А ведь до Февральской революции оставалось только четыре года.

— *То время в России характеризовалось, скажем по-современному, резкой политизацией общества. Кому симпатизировал Джунковский?*

— Перед ним стоял выбор: быть то ли на стороне либеральной общественности, стремившейся свергнуть самодержавие и ненавидевшей его охранные органы, то ли на стороне возглавленного им ведомства, ведущего борьбу с «революционной заразой». Владимир Федорович избрал «третий путь» — и нашим, и вашим, пытаясь совместить высокие общечеловеческие моральные принципы с агентурно-оперативной деятельностью политического розыска. Попытка эта завершилась тем, что своей дилетантской реформаторской деятельностью Джунковский нанес непоправимый урон вверенному ему ведомству, разоружив его и обескровив в самый канун революционной бури.

— *С чего же он начал в качестве «новой метлы»?*

— Ну, первые же шаги показали, что он склонен отдавать приоритет вопросам внешней формы, а не глубокому содержанию сложных проблем, перед ним стоящих. Он сразу облачился в голубой жандармский мундир, хотя мог бы носить и мундир генерал-майора свиты, объясняя это тем, что поставил своей целью поднять престиж этого мундира. Носить исключительно жандармскую форму, а не так называемый общегенеральский мундир, Джунковский обязал и всех генералов, числящихся в ОКЖ. Он так же всерьез ополчился против права ношения офицерами розыска статского платья и «злоупотребления этим правом», подписав по этому поводу приказ № 181. Однако одеть оперативников и агентуристов в жандармскую форму означало не только серьезно осложнить их работу, но и подставить их самих под бомбы и револьверные пули террористов всех мастей. Поступить так мог только человек, абсолютно не знакомый с исходными азами розыскной деятельности. Но и этого мало! Джунковский вскоре добрался и до унтеров, составлявших, основной костяк ОКЖ. Достаточно сказать, что в октябре 1916 года в составе общего числа чинов корпуса — 15 718 человек — было 11 957 унтер-офицеров и 671 вахмистр. Наряду с выполнением чисто административных обязанностей они активно привлекались не только к проведению арестов и обысков, но и к наружному наблюдению, выполнению других оперативных задач.

— *Очень знакомо — начальник-дилетант сразу берется за решение формальных, простите за каламбур, вопросов... Ну а как конкретно Джунковский реформировал систему политического розыска России?*

— В апреле 1913 года директор Департамента полиции Степан Петрович Белецкий представил Джунковскому по его требованию материалы

ликвидированной Петербургским охранным отделением подпольной организации «Учредительная группа Революционного союза», в состав которой входили два участника разогнанного полицией собрания общеученических организаций, происходившего в декабре 1912 года в частной гимназии Витмера. Вот, смотрите, как вспоминал об этом сам Джунковский: «Я потребовал к себе для ознакомления дело Витмеровской гимназии. Просмотрев это дело и выслушав доклад директора Департамента полиции, я пришел в ужас от преступных, с моей точки зрения, приемов со стороны лиц, ведавших розыском, выразившихся в пользовании сотрудниками из числа учащихся средних учебных заведений. Мне показалось чудовищным такое заведомое развращение учащейся молодежи, и как мне Белецкий ни доказывал необходимость этого, я не мог с ним согласиться. Я приказал тотчас же составить самый строжайший циркуляр, воспрещающий пользоваться сотрудниками из учащихся средних и низших учебных заведений». Два нарушителя этого циркуляра были отстранены от своих должностей. Издавая этот циркуляр,

Владимир Федорович руководствовался своими доморощенными представлениями об этике розыскной работы. В данном случае он как раз и пытался служить и нашим, и вашим...

— *Но правда, стоило ли превращать школьников в полицейских агентов?*

— С точки зрения общечеловеческой морали было неблагородно втягивать неоперившихся юнцов во взрослые игры, заканчивавшиеся ссылкой или тюрьмой. Но тот же «Революционный союз», в который входили эти зеленые юнцы, призывал к свержению царского правительства, готовил забастовки рабочих и уличные демонстрации, то есть нарушал законы Российского государства. Так что на преступный путь их толкали не охранники... Вспомните биографии любого из революционеров: путь в революцию для большинства начинался именно в старших классах гимназии. Поэтому с оперативной точки зрения первый бастион против проникновения революционной пропаганды в ряды молодежи надо было возводить как раз в старших классах, вербуя секретных сотрудников именно из ученической среды. Что же касается принципов морали, то конкретное воплощение для спецслужб всех государств мира они должны находить в принятых там законах, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность.

— *Да, революционеры получили хороший «подарок»...*

— Затем Джунковский решил осчастливить своим высоконравственным подходом Российское воинство. Как истый неопит, вступивший в «terra incognita», он с превеликим удивлением открывал для себя все новые и новые ужасы столь непонятной для него системы политического розыска. Вот что писал Владимир Федорович: «По всей России, с согласия военного министра Сухомлинова и большинства командующих войсками округов, существовала войсковая агентура под руководством офицеров Корпуса жандармов, а иногда даже и унтер-

офицеров. Секретные сотрудники выбирались из нижних чинов офицерами Корпуса жандармов случайно или по рекомендации ротных командиров. На их обязанности было являться к офицеру, заагентуирившему его, и докладывать о всем, что делается в его части, о чем говорят между собой нижние чины, каково настроение и т. д. Бывали случаи, что в части все было тихо и спокойно, настроение хорошее, между тем жандармскому офицеру очень хотелось сделать карьеру, и для этого он начинал что-нибудь выдумывать, начинал угрожать своему сотруднику, что лишит его содержания, если он не будет давать ему сведений. Этого было достаточно, чтобы сотрудник, не имевший нравственных устоев, начинал сообщать сведения заведомо ложные, на основании которых производились обыски и даже аресты. Потом, конечно, из этого ничего не выходило... Другой офицер, не получая сведений, прибегал к другому способу — он давал сотруднику пачку прокламаций, чтобы тот раздал у себя в роте и затем сообщил бы фамилии тех нижних чинов, которые набросятся на эти прокламации, проявят к ним сочувствие, другими словами — провокация в полном смысле...» Как видно, положение с использованием агентуры в армии из числа нижних чинов действительно складывалось тревожное и требовало принятия немедленных и решительных мер по его коренному улучшению.

— *Хотя в ту пору и обстановку в войсках благостной назвать было нельзя. Вспомним недавние волнения в Преображенском полку, бунт на броненосце «Потемкин»... Из строя оказались выведены самые боеспособные формирования.*

— Нет, и в этих условиях об использовании агентуры из числа офицеров речи не могло быть: офицерству были чужды предательство и спекуляция на товариществе... Как бы на месте Джунковского поступил любой профессионал? Он бы тщательно проанализировал сложившееся положение, выявил бы болевые точки, осложняющие работу с агентурой из числа нижних чинов, и наметил бы практические меры по их устранению в максимально сжатые сроки. Джунковский же впадает в панику и поступает совершенно по-другому: «Когда я столкнулся со всем этим ужасом, то решил немедленно упразднить всякую агентуру в войсках... Я очень надеялся на поддержку великого князя Николая Николаевича, бывшего тогда главнокомандующим войсками гвардии и Петроградского военного округа, и не ошибся... Его высочество мне сказал, что у него всегда в душе оставался омерзительный осадок, когда он соприкасался с этой стороной дела в войсках, но ему так настойчиво доказывали о необходимости такой агентуры, что он и дал согласие. Теперь же, после моего доклада, вполне мне доверяя, он с легкой душой дает свое согласие на упразднение этой агентуры. Ободренный таким сочувственным отношением великого князя и доложив министру результат моих переговоров, я сделал распоряжение по Департаменту полиции об упразднении агентуры в войсках и составлении проекта инструкций по наблюдению за настроением в войсках на совершенно новых началах».

— *Еще один «подарок» революционерам?*

— Не только им. Ведь эти действия Джунковского были поддержаны всеми командующими войсками округов, за исключением старого служаки генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова, командующего войсками Киевского военного округа, у которого хватило ума и опыта, чтобы понять, к каким пагубным последствиям может привести эта скоропалительная «реформа». Военное командование исходило не из государственных интересов, но своих личных корыстных устремлений.

Захлопывая двери казарм для политического розыска, высокие воинские начальники стремились не выносить сор из избы, наивно полагая, что они сами будут в состоянии контролировать настроения солдатской массы... Таким образом Джунковский фактически вывел из-под контроля органов империи учащуюся молодежь и рядовой состав армии, почти полностью состоявший из крестьян и рабочих, тем самым предоставив революционерам всех мастей — в особенности социал-демократам и эсерам — прекрасную возможность для практически безнаказанной революционной агитации в их среде... Вследствие этого и произошло то, что неминуемо должно было произойти: революционная агитация и пропаганда разложили армию, превратив ее из оплота самодержавия в генератор антимонархической революции, вылившейся в военный мятеж запасных полков Петроградского гарнизона в феврале 1917 года.

— *Как же Владимир Федорович оценил эти события?*

— Не знаю. В то время, когда вооруженные солдаты захватывали в Петрограде тюрьмы, суды, жандармские казармы и полицейские участки, а безусые юнцы в гимназических мундирах с красными бантами на груди устраивали дикую, безжалостную охоту на городских и других полицейских, генерал был в действующей армии. Его мемуары обрываются на моменте его увольнения от должности в августе 1915 года... Но вряд ли Джунковский был способен в принципе осознать свою прямую к ним причастность — таким непоколебимым убеждением в своей правоте «реформатора» дышат страницы его воспоминаний. Это, к сожалению, свидетельствует о его небольшом уме и отсутствии способности реально оценивать обстановку.

— *Что же еще сумел совершить он в своей должности?*

— Джунковский обратил свой острый взгляд на структуру органов политического розыска в империи. Благодаря стараниям его предшественников, империя приобрела довольно стройную, но громоздкую систему. Так, в 1907 году на территории России функционировали 27 охранных отделений и 14 районных охранных отделений, руководивших работой местных охранных отделений. Все они были учреждены циркуляром министра внутренних дел по Департаменту полиции и субсидировались из секретных сумм, находившихся в распоряжении товарища министра, заведовавшего полицией, а в случае нехватки этих средств — из 10-миллионного государственного фонда, с особенного разрешения царя. Кроме того, существовало еще 72 губернских жандармских управления, 3

областных, 4 городских и 30 уездных жандармских управлений. А также — 32 жандармско-полицейских управления железных дорог. Начальники местных охранных отделений непосредственно подчинялись начальнику районного охранного отделения. Губернские и уездные жандармские управления и жандармско-полицейские управления железных дорог в вопросах розыска также должны были руководствоваться указаниями начальника районного охранного отделения. Офицеры районных охранных отделений могли пользоваться всеми агентурными и следственными материалами жандармских управлений и местных охранных отделений... Хотя система эта выглядела довольно громоздкой, в период активизации революционных проявлений в империи в 1902-1907 годах она сыграла свою положительную роль в разгроме подпольных революционных партийных организаций и комитетов всего политического спектра и особенно в пресечении их террористической деятельности.

— *Наступил некоторый спад революционного движения — было ли использовано это время для «перегруппировки сил» жандармского ведомства?*

— К 1909 году наступило явное затишье в деятельности всех революционных организаций, зато обострились внутренние противоречия между возглавлявшими районные охранные отделения молодыми жандармскими офицерами, которые не всегда даже имели штаб-офицерский чин, и генералами, возглавлявшими губернские жандармские управления и жандармско-полицейские управления железных дорог. Деятельность районных охранных отделений постепенно начинает ослабевать, а в некоторых районах даже фактически сходит на нет. Назрела реальная необходимость приведения структуры политического розыска в соответствие с фактически складывавшейся агентурно-оперативной обстановкой. Зададимся все тем же сакраментальным вопросом: как поступил бы любой профессионал, решая эту насущную проблему? Прежде всего он бы попытался найти наиболее оптимальный вариант реформирования системы — вариант, который, с одной стороны, отвечал бы требованиям ее разумного сокращения и придания ей большей гибкости, а с другой — не наносил бы ущерба активности и работоспособности всех органов политического розыска. Задача в принципе сложная, чем-то напоминающая проход между Сциллой и Харибдой, но вполне разрешимая при вдумчивом и профессиональном подходе, на который, к сожалению, Джунковский по определению был неспособен.

— *Как же поступил Владимир Федорович?*

— Об этом, опять-таки, можно узнать из его мемуаров: «Я всегда отрицательно относился к этим, возникавшим на моих глазах, районным охранным отделениям, в частности, к таковому Московского центрального района... В состав района входил ряд губерний, примыкавших к

Московской. Все начальники губернских жандармских управлений по делам розыска подчинялись, таким образом, начальнику охранного отделения

в Москве, получая от него все приказания и распоряжения. Между тем начальником этим при мне был подполковник Мартынов, совсем молодой офицер, начальниками же управлений были уже немолодые полковники, генерал-майоры, а в самой Москве — почтенный генерал-лейтенант Черкасов. Все это были люди, может быть и не всегда безупречные, но с известным стажем. Естественно, что никому из них не было никакого удовольствия подчиняться молодому офицеру, выскочке, неизвестно почему выдвинувшемуся, самолюбие их было этим невольно задето. Кроме того, это не подходило и с точки зрения военной дисциплины. Все это не могло не отражаться и на делах, <...> все чаще и чаще происходили трения во взаимных отношениях и т. д. Эти все районные и самостоятельные охранные отделения были только рассадниками провокации; та небольшая польза, которую они, быть может, смогли бы принести, совершенно затушевывалась тем колоссальным вредом, который они сеяли в течение этих нескольких лет существования». Невооруженным взглядом виден его односторонний подход к реально возникшей проблеме взаимоотношений районных и местных охранных отделений с губернскими жандармскими управлениями. Все симпатии командира корпуса на стороне последних, как будто отдельные проявления провокации были только в охранных отделениях, вынесших на своих плечах основную тяжесть борьбы с революционной крамолой. Просматривается порочный подход к разрешению конфликта между ними только с точки зрения проформы — военной дисциплины, а не глубинного содержания реальных вкладов конфликтующих сторон в конкретную агентурно-оперативную работу в данном районе империи.

— Конечно, тут последовали решительные «реформаторские» действия?

— Да, 10 июня 1913 года Джунковский подписывает циркуляр об упразднении охранных отделений. На всю Россию охранные отделения остались только в Петербурге, Москве и Варшаве; дела всех прочих отделений были переданы по принадлежности в местные жандармские управления. Ликвидация районных и самостоятельных охранных отделений и замена их на губернские жандармские управления была явным шагом назад, возвращением к старой структуре, существовавшей в начале 1890-х годов и отвергнутой практикой развития борьбы политического розыска с революционными проявлениями в империи. Этими своими действиями Джунковский безапелляционно стал на сторону ретроградов из губернских жандармских управлений, не питавших никакого желания заниматься активной розыскной деятельностью и тем более вербовочной работой в рядах революционных организаций, и подчинил им молодую, перспективную поросль офицеров-розыскников, несших на своих плечах основную тяжесть агентурно-оперативной работы, чем нанес непоправимый вред всей системе политического розыска, лишив ее какой-либо качественной кадровой перспективы. Предпринятые им меры на практике не укрепили позиций политической полиции и не внесли мира в ее кадровые ряды.

— *Чего же в конечном итоге добился Владимир Федорович?*

— Скажу так: всего лишь за первых полгода пребывания в должности, Джунковский своими «этическими реформами» в сущности дезорганизовал всю работу политического розыска империи, нанеся прежде всего огромный ущерб ее главной составляющей — вербовочной работе.

— *Как известно, в России, выбирая между нелояльным и некомпетентным, всегда отдавали предпочтение последнему...*

— Да, а потому судьба генерал-лейтенанта Джунковского имела совершенно неожиданное развитие. В июне 1915 года он представил Николаю II подробный доклад о похождениях «святого старца» Григория Распутина, и именно это привело к отстранению Владимира Федоровича от всех занимаемых постов. В октябре того же года бывший командир Отдельного корпуса жандармов по собственной просьбе отправился на Западный фронт — командиром бригады. Затем, до конца 1917 года, Джунковский командовал 1-м Сибирским армейским корпусом. Выйдя в отставку и поселившись в Москве, Владимир Федорович не только работал над своими мемуарами, но и выступал консультантом при разработке планов знаменитой операции «Трест», которая проводилась чекистами с ноября 1921 по апрель 1927 года. Однако, несмотря на лояльность к новой власти, Джунковский был репрессирован и расстрелян в 1938 году.

Часть 3 Русь таинственная — история в другом измерении

«Ночь Сварога» уже прошла

Наш собеседник — офицер запаса, представитель альтернативного направления в изучении истории Николай Викторович Левашов.

— Сейчас я работаю над книгой «Россия в кривых зеркалах». Первая ее часть — происхождение человека. В ней я разбираю все версии, начиная от религии и кончая наукой. Так вот, в Библии, в Ветхом Завете, никакой речи о происхождении человека в результате Божественного творения нет — нужно читать внимательно, и разбирать, и думать ... Не было ни черных, ни желтых, ни красных — была только белая раса. Наши славянские предки, как белая раса, колонизировали эту планету. Есть чисто объективные факты, которые просто невозможно опровергнуть. Прочие расы появились на планете позднее одновременно — и в тех самых местах, где они обитают до сих пор. Потом шло только смешивание рас, а не наоборот.

— *Ну а вообще-то люди на Землю как попали?*

— Этого в двух словах не объяснишь. Первый раз наши предки пришли сюда примерно 600-800 тысяч лет назад...

— *Вы сказали о славянских предках белой расы. Правильно?*

— Да, и вот несколько фактов в подтверждение. Легендарный варяг Рюрик был из славян — из венедов. А от какого слова пошло название города Берлин? От «берлоги», потому там и медведь на гербе. Берлин, как и другие европейские города, был русским, принадлежавшим славянским племенам лютичей и венедов. Однако немецкие племена — кстати, наши родственники — натравливали лютичей и венедов друг на друга, поддерживали то одних, то других во время их постоянных трений. Лютичи и венеды основательно били друг друга и ослабели, и тогда пришли немцы и почти полностью всех вырезали. Не цацкались, хотя и были родственничками. Это были VII-IX века.

— *Времена, для большинства из нас совершенно неизвестные.*

— Конечно, ведь наша сегодняшняя официальная история начинается только с Киевской Руси. Тысяча лет — и все!

Учтите, история, как нам она преподается, — это вообще не наука, потому как каждый может интерпретировать ее как хочет. Почему это стало возможным? Потому что любой факт отражает событие, записанное в угоду кому-то и чему-то. Понимаете? Берется субъективное мнение, и на его основе создается еще одно субъективное мнение.

— *Но если есть конкретное событие — Отечественная война 1812 года или восстание Пугачева — никуда не деться. Вдумчивому читателю, несмотря на различные трактовки и фальсификации, не так уж сложно докопаться до истины.*

— К сожалению, это не так! Обратимся к «восстанию Пугачева». В истории оно изображается как бунт черни, но ведь когда Емельяна Пугачева

пытали, и он не сознался, что возглавлял восстание, просто говорил, мол, я делал свое дело...

— *Вы считаете, был другой руководитель? Или, может быть, даже реальный Петр III, под именем которого и выступал Пугачев?*

— Никакого восстания вообще не было! Это была война...

— *Формулировка не нова: «крестьянская война под предводительством Пугачева»...*

— Совсем не так! Вот это реальная голландская карта Евразии 1717 года. Я выделил территории — наследство Петра I, когда он очистил наши северо-западные земли от шведов. Посмотрите: Уральские горы, на востоке неполностью показано Каспийское море. Думаете, у Екатерины II больше земель было? Она получила в наследство точно такую же территорию. Здесь написано «Московия», а дальше к востоку, смотрите, лежит «Великая Тартария»...

— *Можно предположить, что на восток за пределы так называемой Московии голландцы тогда просто не выходили.*

— Согласен. Но вот первое издание Британской энциклопедии, 1772 год. Читаем: «Великая Тартария — самая большая, самая крупная страна мира. Лежит к востоку от Московии». Во втором издании энциклопедии, как ни странно, этого вы уже не увидите.

— *А что это за «Великая Тартария»? Остатки Золотой Орды, империи Чингисхана?*

— Самое смешное — почитайте Гумилева — монголы ни сном, ни духом не слышали о каком-то Чингисхане, о том, что они когда-то правили миром. У них в народной памяти не осталось ни одной былины, ни одного сказания — ни-че-го! Это все было для них приятной неожиданностью, с которой они согласились. Но это абсурд. «Могол» — по-гречески «великий», к Монголии это не имеет никакого отношения... Была «Великая Тартария», от которой сначала откололась Западная Европа, а затем — романовская территория.

— *Почему же сегодня этого практически никто не знает?*

— Когда западники посадили на престол Романовых, то их задача была уничтожить правду о реальной истории. Это была их плата за русский трон, на который они не имели права!

— *Ну, по официальной версии таковые права прослеживаются четко... А мы не слишком далеко ушли от Пугачева?*

— Нет, все взаимосвязано. Когда Екатерина II захватила власть, то вскоре развязала гражданскую войну против правителей «Великой Тартарии» — старой династии, ее также называли «ордынской династией». Существует рукописная книга родословных королевских и царских родов Европы. Там есть и правители Тартарии... Во главе «ордынской династии» в то время был Петр, и романовские историки на том сыграли: мол, это Петр III, за которого выдает себя самозванец.

— *То есть на самом деле разгром «Пугачевского восстания»...*

— ...это был проигрыш старой династии, которая бежала на восток и захватила, полностью его себе подчинив, Китай.

— *И новая династия, как вы сказали, стала «менять» историю?*

— Да, после того как в 1775 году разгромили старую династию, романовские власти стали вычищать архивы, сжигать огромнейшие объемы документов, летописей... Хотя все равно кое-что осталось! Кстати, они дали указания уничтожать и так называемые карты Создателя — одну из 200 таких ранее существовавших карт нашел профессор Уфимского университета Александр Чувывров. Это объемная карта — абсолютно точное рельефное изображение Западно-Сибирской местности. Создать подобную современная цивилизация не в состоянии: там не только уникальные данные, но и технология — фундамент гранитный, сама карта стеклообразная, потом третий, защитный, слой — это фарфор. Подобная технология сегодня вообще неизвестна. На карте было порядка 12 тысяч километров каналов, которые были по ширине по 300-500 метров, и дамбы по 2-3 километра длиной, по полкилометра шириной... Там были еще огромные треугольные, ромбовидные и прямоугольные площадки, назначения которых современные ученые не знают.

— *Получается, сами правители целенаправленно работали против России?*

— Да, я писал в статье «Ночь Сварога», что заговор против России существует очень давно. 1917 год — логическое завершение одного процесса.

— *Думается, вы излишний оптимист.*

— Нет, просто в природе, если существует угроза виду или популяции, возникает раскачка — т. е. большая потеря в одном месте компенсируется появлением очень большого числа тех, кто может компенсировать эту потерю.

— *«Ночь Сварога» — что это такое?*

— Это понятие определенного времени. Пространство ведь неоднородно, оно влияет не только на жизнь звезд, но и на любое живое существо, в том числе и даже в особенности — на человека, который особым образом выделился из остального живого мира. Зона неоднородности — это свидетельство того, что разные процессы по-разному влияют на нашу систему и вызывают деформацию... «Ночь Сварога» — это временной промежуток, когда наша Солнечная система входит в зону пространственной деформации. Это происходит периодически. Последняя «Ночь Сварога» завершилась в 1995-1996 годах.

— *Значит, мы выходим из Тьмы?*

— Да, и это вызывает определенный оптимизм. Россия, несмотря на все усилия ее недоброжелателей, живет и жить будет!

Откуда пошла Земля Русская?

Приверженцы самой древней веры наших предков — представители «Древнерусской Инглистической церкви православных староверов-инглингов», проживающие в Омской области и некоторых других регионах России, — располагают, по их утверждениям, руническими летописями, позволяющими им утверждать, что история нашего народа началась... более 460 тысяч лет назад!

Галактика Свати

Древнее название, гласит сибирское предание, — Мидгард-Земля. Она вращается, как говорили наши предки, вокруг Ярилы-Солнца, которое находится в галактической структуре звездной системы Свати, именуемой также Перунов Путь или Небесный Ирий. Эту звездную систему можно представить в виде левосторонней свастики (отсюда и многотысячелетнее поклонение наших предков этому дискредитированному германскими нацистами символу, который именовался в глубокой древности «Свасти Аста»). В нижней части одного из рукавов Свати и располагается Ярило-Солнце. Древние считали, что оно является «трисветлым», так как освещает три Мира: Явь (мир людей), Навь («мир духов и душ предков»), Правь («светлый мир богов»). Наше Солнце входит в созвездие Зимун (Небесная Корова, или Малая Медведица), являясь его восьмой звездой.

В нашем рукаве свастичной галактики находится также другая обитаемая солнечная система — система со Златым Солнцем. Роды белых людей, живущих на планетах данной солнечной системы, именуют свое светило Дажьбог-Солнце (современное название — Бета Льва). Вокруг Златого Солнца вращается Ингард-Земля с периодом обращения 576 суток. Ингард-Земля имеет две Луны (Большую Луну с периодом обращения 36 дней и Малую Луну — 9 дней). Эта планета, как считают староверы, является прародиной многих славяно-арийских родов.

Мидгард-Земля издревле находилась на пересечении восьми космических путей, которые связывали обжитые планеты в различных «Светлых Мирах» (звездных системах). Поэтому ее не могла миновать «Великая Асса» — Великая война светлых небесных богов из Мира Правы с темными силами, пришедшими из «мира пекла». Такие битвы Света и Тьмы, по преданиям староверов, происходят через определенные промежутки времени: «по истечению Сварожьего Круга и девяносто девяти кругов жизни», т. е. через 40 176 лет. Война охватила все три Мира — Явь, Навь и Правь.

Приблизительно 4605 столетий назад в одном из сражений межгалактический космический корабль («летающая небесная колесница» — вайтмара), перевозивший переселенцев на другие планеты и пролетавший мимо Ярилы-Солнца, потерпел крушение и был вынужден приземлиться на Мидгард-Земле на участок суши в районе нынешнего Северного полюса. На

нашей планете тогда обитали только животные. Звездные путешественники принадлежали к «роду да'Арийскому» (род Раи, расичи) из созвездия Малой Медведицы. Их солнце называлось Тара (Полярная звезда), а планета — Раи (в честь ее и была названа часть местности на северном материке — Раи). Многим понравилось на Мидгард-Земле. После ремонта вайтмары часть экипажа улетела, а часть осталась на Мидгард-Земле. Свой материк пришельцы называли Даария.

Страна Даария

Священная страна Даария находилась на материке, который покоится ныне под водами Северного Ледовитого океана, и была разделена на четыре части реками: Раи, Туле, Свага и х'Арра. Помимо да'арийцев несколько позднее там поселились другие народы союзных планет — «рассены» и «святорусы». Это были люди с белым цветом кожи и ростом более двух метров. Радужная оболочка глаз каждого из родов имела различный цвет: зеленый цвет — у х'арийцев, серебряный — да'арийцев, небесный — святорусов, огненный — рассенов.

Древние летописи сохранили и сведения о времени переселения инопланетян на нашу планету. Род х'арийский (рысичи) прибыл 2739 столетий назад из системы солнца Рады (созвездие Ориона), в которой была их прародина Земля Троара. Они заселили часть местности на Северном материке, назвав ее х'Арра. Голубоглазые святорусы (род Свага) прилетели на Мидгард из созвездия Лебедя (Макошь, или Ковш Большой Медведицы) 2116 столетий назад. Их прародиной была Земля Рутта в системе солнца Аркольны. 1857 столетий назад на Мидгард-Землю высадились кареглазые сыны рода рассенов из созвездия Расы (Белого Леопарда, или Пардуса). Они заселили часть Даарии напротив земли Свага и называли ее по цвету своих глаз Туле (тул — огонь). Расены прибыли из системы солнца Дажьбога (Бета Льва) с земли Ингард и величали себя как «Дажьбоговы внуки», т. е. потомки родов, живших под сиянием Дажьбога-Солнца.

Каждый род «расы великой» имел для проживания свою провинцию, ограниченную с двух сторон реками. Все четыре реки стекались во внутреннее море. В море был остров, на котором стояла гора Меру. На ней и был построен легендарный город Асгард Даарийский и великое капище (храм). До наших дней сохранилась карта Даарии, которая была скопирована самым знаменитым картографом XVI века Герардом Кремером, известным под именем Меркатора, со стены одной из пирамид в Гизе.

Представители этих четырех родов и составили основу, по выражению староверов, «святой белой расы», являясь потомками «рода небесного». К этому надо добавить, что до того, как высадиться на нашей Земле, они сначала заселили в нашей Солнечной системе землю Сварога (Дею — погибшая планета), а затем землю Орея (Марс).

Внешний облик планеты Земля в те времена был совсем иной. Согласно руническим летописям, пустыня Сахара была тогда морем. Индийский океан — сушей, где находился материк Му. Гибралтарского пролива не было. На Русской равнине, где располагается Москва, было море. На территории Омска — большой остров Буян. Священную страну Даарию с материком связывал горный перешеек Рипейские (Уральские) горы. Река Волга впадала в Черное море. Сахалин и Японские острова были частью Евразийского континента.

Общий враг

На Мидгард-землю в те древние времена вслед за белыми родами высаживались представители самых различных звездных систем (небесных чертогов, по терминологии староверов-инглингов), занимавших свободные территории. Из чертога Великого Дракона прибыли люди желтого цвета кожи (Юго-Восток, земли на восходе Солнца — современный Китай), из чертога Огненного Змея — красного цвета (земли в Атлантическом океане — Атлантида), чертога Мрачной Пустоши — черного цвета (Африканский континент, часть Индостана). Все они были союзниками белой расы в битве с «силами Тьмы».

С приходом на земли краснокожих родов белой расы во главе с вождем Антом эта территория стала называться Антлань, т. е. Земля Антов. Древние греки называли ее Атлантида. На этой земле вождь Ант построил капище (храм) трезубца бога морей и океанов — бога Ния, который защищал Антлань от стихий Зла. После гибели Антлани «праведных людей с цветом кожи Священного Огня» (краснокожих) «небесные колесницы» перенесли на восток в бескрайние земли, лежащие на заходе Солнца (Американский континент).

Согласно преданиям, в те незапамятные времена на Мидгард-Земле проживали также люди с зеленым цветом кожи — зеленокожие (люди-амфибии). Обитали они в Аланке (Шри-Ланка). Раньше там находился материк Му в Маренном (Индийском) океане, который наши предки называли Рамтха. Этот материк скрылся под водой, как и Антлань. Зеленокожие имели жаберную структуру легких и могли жить как на земле, так и в воде. Эту способность они обрели благодаря исследованиям в области генной инженерии и экспериментам по скрещиванию людей и животных. Что с ними стало в последующем — неясно. То ли зеленокожие вымерли, то ли скрылись в глубинах Мирового океана.

Общим врагом заселивших нашу планету родов были представители «Темных миров» (или «Пекельного Мира»), Перун — бог наших предков называл их «чужеземцами». Они обладали серой кожей и глазами цвета мрака, отсутствием совести в привычном нашим предкам представлении. Все их мысли, повествуют летописи и легенды, были подчинены стремлению к власти и обогащению за счет других людей, для манипулирования сознанием

которых чужеземцы создавали всевозможные ложные религиозные культы. Они объявляли себя не раз «посланцами божьими», но приносили землянам лишь распри и войны. Чужеземцы служили и подчинялись неким «кощеям» — князьям Тьмы. «Серокожие», хотя обладали некоторыми физиологическими особенностями, стремились захватывать себе женщин других рас и, смешиваясь с людьми, обретали внешний вид данного народа, сохраняя при этом свою психоструктуру.

Три Луны

Священные писания говорят, что изначально в древние времена Мидгард-Земля имела две Луны. Малую Луну — Леля, с периодом обращения вокруг Земли 7 дней, и Большую Луну — Месяц — 29,5 дней. Но затем «конструкция» нашей Солнечной системы изменилась.

Во время одной из «Великих Асс» между силами Света и Тьмы порубежные Земли (планеты) возле Мидгард-Земли были уничтожены. В ходе космических битв (эта война датируется временем, отстоящим от нашего более чем на 1533 столетий) Земля Дея — пятая планета нашей Солнечной системы была разрушена. Ныне остатки Земли Деи составляют пояс астероидов между орбитами Земли Орея (Марс) и Земли Перуна (Юпитер). «Силы Тьмы» погубили Дею, обрушив на нее один из ее двух спутников — Луну Летицу (Люцифер).

Второй спутник Деи — Фатта вместе со спасенными людьми с погибших земель (не только с Деи) был перемещен «силами небесными» на орбиту вокруг Мидгард-Земли. Фатта стала третьей Луной Мидгард-Земли и находилась на орбите с периодом вращения 13 суток. Часть населения Деи с «кожей цвета мрака» была размещена непосредственно на Мидгард-Земле — в Африке и Южной Америке, а также на части Индостана, что соответствовало климатическим условиям на их родной планете.

С тех пор у Мидгард-Земли стало три Луны. Это произошло примерно 1430 столетий назад. Но великое космическое противостояние продолжалось. Уничтожив пятую планету Солнечной системы (Дею), «темные силы» временно прекратили попытки проникнуть на ее другие планеты, пока не сумели тайно заселить ближнюю к нашей Земле Луну Лелю; основав там царство Кошеев («серокожих»). Затем «серокожие» попытались проникнуть на саму Землю.

Сын бога Перуна — Тарх-Даждьбог, как утверждают рунические летописи, 1118 столетий назад уничтожил оплот Кошеев, применив некий «Фаш-разрушитель» (видимо, некий аналог ядерного оружия). Осколки Лели и ее воды («50 морей») упали на Даарию, вызвав потоп. Даария погрузилась на дно нынешнего Северного Ледовитого океана. Так произошел первый великий потоп.

В память об этом событии появился своеобразный обряд с глубоким смыслом на великий весенний славянский праздник — «Пасхеть». Этот обряд всем хорошо знаком. На Пасхеть (у нынешних христиан — Пасха) крашеные яйца уже многие сотни веков ударяют друг о друга, проверяя, чье яйцо крепче. Разбитое яйцо называли «яйцо кощеева», т. е. разрушенной Луной Лелей, а целое яйцо — «силой Тарха Дажьбога». Пасхеть — это, кроме того, великий праздник в честь спасения потомков «рода небесного» от потопа, который последовал на нашей планете за гибелью Лели. Позднее, после возникновения и распространения христианства, новая религия переняла у приверженцев древней веры этот праздник, наполнив своим теологическим содержанием. Но так поступает каждая господствующая религия, аккумулируя в себе идеи и символы прежних верований. Отсюда, кстати, и само слово «православие», означавшее когда-то прославление (славие) мира Прави.

Великое переселение

Населившие Даарию роды были своевременно предупреждены Тархом—Дажьбогом через великого жреца Спаса о предстоящей катастрофе, изменившей не только внешний облик Земли, но и температурный режим на ее поверхности. Началось Великое переселение с обреченных земель в Рассению — на земли, лежащие южнее Даарии, по перешейку между Восточным и Западным морем (его остатки сохранились в виде острова Новая Земля, Каменного пояса, Рипейских, или Уральских, гор). «Великий исход», осуществленный в пятнадцать этапов, завершилось 1118 столетий назад. Материк на северной вершине Земли называют ныне по-разному: Арктида, Гиперборея, Северия.

С окончательным переселением родов «расы великой» на территорию Южного Урала начался второй период жизни на Мидгارد-Земле. Территория, которую заняли славяно-арийские роды, имела название Святая Рассения. Более позднее название — Великая Рассения. Это территория современной Западной и Восточной Сибири от Рипейских гор до озера Байкал. Ее называли также Белоречьем, Пятиречьем, Семиречьем. Отсюда началось расселение славяно-арийских родов по девяти сторонам света.

В первую очередь после эвакуации из Даарии наши предки заселили большой остров в Восточном Море, называемый Буян, ныне это территория Западной и Восточной Сибири. После отступления вод Западного и Восточных морей люди стали осваивать земли, бывшие ранее морским дном. Пятиречье и Беловодье — синонимы, указывающие на одну и ту же территорию. Пятиречье — земля, омываемая реками Ирий (Иртыш: Ирий Тишайший, Ир-тишь), Обь, Енисей, Ангара и Лена. Название Беловодье произошло от древнего названия реки Иртыш — Белая Вода. Позднее, когда

отступил ледник, люди расселились по рекам Ишим и Тобол. Таким образом, Пятиречье превратилось в Семиречье.

На новых территориях использовались и другие географические названия. Все земли от Рипейских гор до Тихого океана стали именоваться Асией (Азией). Название, видимо, возникло потому, что те, кто остался на Мидгард-Земле после аварии космического корабля, стали называть себя «Азь есмь». Азы, или асы, считали себя потомками небесных богов, оставшихся на Мидгард-Земле.

На севере Азии — в нижнем течении Оби, между Обью и Уральскими горами находилась Сибирь. Южнее, по берегам Иртыша, располагалось Беловодье. Восточнее Сибири, по другую сторону Оби — Лукоморье. Южнее Лукоморья располагается Югорье, которое доходило до Ирийских гор (Монгольского Алтая). Боги из Мира

Прави — Тарх Перунович (Дажьбог) и его младшая сестра богиня Тара, как считали наши предки, охраняют бескрайние земли Беловодья и все земли «Святой Расы». Эти территории на востоке от Уральского хребта до Тихого океана староверы называют Землями Тарха и Тары, т. е. Великой Тартарией.

Асгард Ирийский

Столицей Беловодья стал Асгард Ирийский (Асгард — город асов, богов). Он был построен приблизительно 1068 столетий назад, спустя 50 веков после Великого переселения, на реке Ирий (Иртыш), на ее слиянии с Обью, и надолго стал главным городом славяно-арийских родов. В Асгарде Ирийском наши предки воздвигли в честь своих богов из «Урал-камня» Алатырь-гору — Храмовый комплекс — громадное пирамидальное сооружение, состоящее из четырех капищ, расположенных одно над другим, общей высотой 1000 аршин (711,2 метра). Назывался этот комплекс великим капищем Инглии — «Храмом первичного Огня».

Инглией наши предки именовали «изначальную единую непознаваемую сущность», которая излучает «жизньрождающий первичный огонь мироздания». В этом «первозданном живом Свете» и появились живые существа. Отсюда и нынешнее название нынешних приверженцев древней веры — «Древнерусская Инглиистическая церковь православных староверов — инглингов». Великое капище имело внешние стены в форме девятиконечной звезды Инглии и являлось главным духовным центром наших предков на протяжении многих тысячелетий.

Наша справка

Асгард Ирийский был разрушен относительно недавно — в 1530 году н.э. ордами джунгаров — выходцев из северных провинций Аримии (нынешнего Китая). Старики, дети и женщины, сумевшие спрятаться в подземельях, ушли в таежные скиты. В 1598 году часть потомков славяно-арийских родов переселилась в городок, возникший на месте старого города

Тара (основан в 2006 г. до н.э. перед вторым Дравидским походом на слиянии рек Ирий и Тара), где объединились в единую родовую общину. При Петре I, выкорчевывавшем «железом и кровью» русскую старину, многие общинники были казнены, а оставшиеся в живых скрылись в Урманских скитах. Во времена Екатерины II староверы-инглинги переселились в город Омск, построенный в 1716 году на месте разрушенного Асгарда Ирийского.

В исторической литературе на тему предыстории человечества часто можно столкнуться с путаницей относительно месторасположения Асгарда. Все дело в том, что на нашей планете было построено четыре одноименных города: Асгард Даарийский, который находился на вершине горы Мира (Меру) в священной Даарии на за-тонувшем Северном материке, Асгард Ирийский (Омск), Асгард Согдийский, располагавшийся в Средней Азии около Ашхабада (где был дан в свое время достойный от-пор войскам Александра Македонского), и Асгард Свитьбордский на Скандинавском полуострове (после пожара, его уничтожившего, на том же месте был выстроен новый город, получивший название Упсала).

Гибель Атлант

Жизнь на Мидгард-Земле и после уничтожения «царства Кощеев» изобиловала многими драматическими событиями. В условиях материального изобилия человек оказался слаб перед многими соблазнами. Великий достаток отуманил головы вождей и жрецов Антлани. Лень и желание чужого, как повествуют рунические летописи, затмили разум их. И «начали они лгать богам и людям, стали жить по своим законам, нарушая заветы мудрых предков и законы природы». Жрецы попытались использовать силу стихии планеты для достижения своих своекорыстных целей. Началась война между государством атлантов и его «матерью» — славяно-арийской цивилизацией, расположенной на Евразийском континенте.

В ходе военных действий 130 столетий назад была уничтожена Луна Фатта. Громадный осколок Луны врезался в Землю, что привело к новому изменению материковых очертаний планеты и наклона земной оси на 30 градусов. Гигантская волна трижды обошла Землю и погубила Антлань со многими островами. Возросшая вулканическая активность вызвала загрязнение атмосферы, и на следующий год наступило великое похолодание. Прошло много столетий, прежде чем земная атмосфера стала очищаться, и ледники отступили к полюсам. Но такое явление, как зима, которого до того не знали наши предки, сохранилось.

После гибели Антлани «праведных людей из родов Антоных», как утверждают древние летописи, «небесные колесницы» перенесли на север Африканского континента. Там проживали племена с «кожей цвета мрака» и племена с «кожей цвета заходящего Солнца» — предки отдельных семитских

народов, в частности арабов. Эти племена за многие тысячелетия со времен высадки их предков на Земле утратили большинство знаний и технологий и влачили жалкое существование. Наши предки называли ту страну Та-Кеми. Появившихся белых людей, прибывших на египетскую землю на странных летательных аппаратах, аборигены приняли за богов.

Это подтверждают и древнеегипетские предания, из которых следует, что Египетское государство было основано «девятью белыми богами, пришедшими с Севера». Под ними в надо понимать, видимо, белокожих жрецов, посвященных в древние знания, что в глазах местного населения превращало их в богов. Первые четыре династии египетских фараонов были представителями четырех родов «расы великой». «Белые боги», хотя и правили они довольно жестоко, особенно IV династия, передали аборигенам шестнадцать полезных для них тайн: умение строить жилье и храмы, владение техникой земледелия, животноводство, орошение, ремесленное искусство, судовождение, военное искусство, музыка, астрономия, поэзия, медицина, секреты бальзамирования, тайные науки, институт жречества, институт фараона, использование полезных ископаемых.

Позднее потомки славяно-арийских родов переселились из Египта в район севернее Черного моря, между Доном и Днепром. Некоторыми исследователями высказывается предположение, что последняя — IV династия правителей древнего Египта была свергнута. Ее представители покинули страну после начавшихся восстаний, надолго приведших страну в состояние смуты. В память о своих предках из родов Антов переселенцы (на территорию нынешней Украины) сохранили родовой «жовто-блакитный» штандарт и трезубец — символ бога Ния. Позднее, из-за сильных засух, часть родов переселилась в нижнее течение Дуная.

Освоение Евразии

Потомки четырех славяно-арийских родов постепенно заселили все северное полушарие Земли. Жили они в мире, облагораживали земли своей новой родины, сажали сады и леса, строили города. Но в связи с изменением рельефа местности и понижением температуры Мирового океана климат в Северном полушарии становился все холоднее. С Севера в определенный период стал дуть «даарийский ветер», который на треть года укрывал земли снегом. Перестало хватать пищи людям и животным. Правителям пришлось начать новое великое переселение — на этот раз за Рипейские горы, которые веками защищали на западных рубежах Святую Рассению. Так на запад от Уральских гор — в Европе возникла Великая Венея.

Князь Сканд заселил северную часть Веней. Эта территория в дальнейшем стала называться Скандо Навья (современная Скандинавия), так как умирая князь сказал: «Дух мой вечно будет носиться над этой землей, защищая ее». Роды ванов поселились вначале в Закавказье (нынешняя

территория Армении, Азербайджана, Грузии и Турции). В память о них осталось озеро Ван. Но в дальнейшем, много позже, они покинули эти края из-за засухи и заселили территории южнее Скандинавии — северо-запад Веней (нынешней Европы). Сейчас там государство Нидерланды, и голландцы, сохраняя память о своем роде, оставили приставку к фамилии Ван. Роды англо-саксонские и франков стали жить в центре Веней. Там же расселились роды галлов. Роды бога Перуна заселили южную часть Азии — Персию и срединную Асию, роды х'арийские ушли на юго-запад на Аравийский полуостров.

Роды святорусов плотно заселили восточную и южную часть Веней и Прибалтику. Здесь было известно много земель: Русь новгородская (Словения), основанная князем Словеном со столицей Словенск, переименованный после пожара в Новгород, Русь Поморская, или Пруссия, Русь Красная — Польша и Литва, Русь Белая (Беларусь), Русь Срединная — Московия с градом Владимир, Русь Малая — Киевская Русь, Карпатская Русь, Серебряная Русь (населяли сербы).

Великая Венея

Численность племен славян и ариев, заселивших земли на запад от Уральских гор, быстро увеличивалась. Они вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и ремеслами, строительством городов. Их называли венедами, а сами они называли себя рассенами, руссами, русским народом. По сути, вся Европа стала тогда славяно-арийской.

Латиняне именовали переселенцев из Беловодья, поселившихся на освободившемся от ледника крайнем западе Европы и на Аппенинском полуострове, этрусками. На Апеннинах этруски (этрусы) основали государство, в состав которого вошли 12 родоплеменных городов-государств и примыкающие к ним территории. Столицей государства был город Тарквинии. Государство этрусков называлось Этрурия.

Основу хозяйства Руси-Этрурии составляли земледелие, скотоводство, многочисленные ремесла. Этруски умели добывать железную и медную руду, выплавляли металлы и делали разнообразные изделия из них. Обработка изделий из меди, бронзы, железа, золота и других металлов достигала столь высокой степени совершенства, что и сейчас вызывает удивление и восхищение посетителей музеев. Осваивая острова Средиземного моря, этруски создали мощный военный и торговый флот, что позволило им развернуть торговлю с приморскими странами и завоевать безраздельное господство на всем Средиземноморском побережье. Этрусы строили свои города на горных вершинах и в защищенных горами долинах. От морских портов прокладывались в глубь страны дороги. Высокого уровня развития достигло инженерное дело: пробивались туннели, строились мосты, спрямлялись реки, сооружались ирригационные системы, плотины и

водохранилища. Все это требовало точных инженерных расчетов и письменной документации.

Среди городов, основанных этрусками, был Рим. Соорудив ирригационную систему, этруски осушили малярийное болото между семью холмами, где ютились примитивные скотоводческие племена латинян и других италиков. Обустроив и укрепив мощными оборонительными стенами Рим, этруски господствовали на Аппенинском полуострове. Первым этрусским царем в Риме был Тарквиний Древний, затем Сервий Тулий, по прозвищу Мастерна, а последним — Тарквиний Гордый. Впоследствии этруски из-за ошибок своих правителей не сумели выстоять в борьбе с греками, латинянами и другими соседними народами. Это славянский народ Средиземноморья был истреблен и предан забвению.

Знания древних

Официальная история не содержит даже малейших упоминаний о том периоде европейской истории. А ведь цивилизация, созданная представителями славяно-арийских родов, еще десять тысяч лет назад являла собой огромную социальную систему. По сути это был единый сильный народ, заселивший громадные территории Европы и Азии и доминировавший на планете. Его земли омывались водами четырех океанов: Студеного — Северного Ледовитого океана, Восточного — Тихого океана, Западного — Атлантического океана, Маренного — Индийского океана. Цивилизация включала в себя множество известных и неизвестных государственных образований. Для жителей Рассении во всех созидательных деяниях, утверждают древние летописи, совесть и чистые помыслы были мерилом всего. Люди соблюдали два великих принципа: «Свято чтить Богов и Предков своих» и «Всегда жить по Совести».

Славяно-арийские народы имеют общую грамоту, включающую четыре вида письменности: да'арийские тьяраги, х'арийская каруна (руническое письмо), святорусские образы (буквица) и расенские молвицы (образно-зеркальное письмо). Наиболее сложными для изучения и написания являлись да'арийские тьяраги, которые использовались для написания текстов на пергаменте да'арийскими жрецами-хранителями древней мудрости.

Знания древних передавали из поколения в поколение записанными на камнях, дощечках, пластинах и изделиях из различных металлов, пергаменте. Харатьи — это свитки пергамента, а Саньтии — пластины из золота, на которых выдавлены рунические знаки, заполненные затем краской. Они были в дубовом окладе и обрамлялись красной материей.

Целостное изначальное знание древней веры предков удавалось сохранять многие тысячелетия, несмотря на неоднократные попытки недругов стереть ее из памяти народов. Но многие сведения в процессе исторического развития все же утрачивались. Так, погиб древнейший

памятник письменности славян «Авеста». Она была написана рунами на 12 тысячах воловьих шкур. Ее сжег возвеличенный западноевропейскими историками Александр Македонский.

Сохранившиеся в Сибири сведения подтверждаются исследованиями некоторых московских ученых. Так, председатель комиссии по истории культуры Древней Руси Совета по истории культуры при Президиуме Российской академии наук профессор Валерий Чудинов в своих монографиях «Загадки славянской письменности» (2002), «Руница и тайны археологии Руси» (2003), «Священные камни и языческие храмы древних славян» (2004) доказал наличие у славян высочайшей духовной культуры еще в глубокой древности. Изучая многочисленные священные камни и культовые сооружения, обнаруженные на территории современной России, Украины, Германии, Великобритании, Польши, Литвы, Греции, Италии, ученый нашел данные о присутствии славянской культуры на огромном пространстве начиная от Великобритании и кончая Аляской и во времени от неолита до первой половины XVII века. Это привело его к выводу: евразийская культура — это культура славян, а Евразия — это Русь. Славянский же язык был древним сакральным языком

Европы. Фактически мы, русские, сохранили тот самый древний, основной язык евразийцев.

Чудинов доказал наличие трех собственных видов письменности у славянских народов в древности (кириллицы, глаголицы и руницы). Ему удалось дешифровать славянское докирилловское слоговое письмо — руницу и прочитать уже более 2 тысяч надписей. Это позволило пролить свет на историю развития славянской культуры на протяжении последних 30 000 лет! Ученый также пришел к выводу, что этрусский язык — разновидность белорусского языка. Более того, на одном из найденных археологами зеркалец написано, что этрусски пришли от кривичей, а столица кривичей — город Смоленск. Другая группа этрусков — полочане из Полоцка.

«Сотворение мира»

С приближением наших времен жизнь на Земле становилась все сложнее. Сказывались не только негативные климатические изменения после гибели Луны Фатты. Война с атлантами не стала последним испытанием для Беловодья. Южнее Святой Рассении располагалась Аримия — великая страна желтых людей (Древний Китай). Древнее образное название своей страны — страна Поднебесная до сей поры используют жители современного Китая.

Искушенный богатством и просторами Беловодья правитель Аримии развязал войну против северного соседа. Она была очень кровопролитной и стоила обеим сторонам колоссальных жертв. По преданиям староверов, в войне «между Великой Расой и Великим Жёлтым Драконом» погибло 20 миллиардов жителей Земли (7 миллиардов — в сечах, 7 — умерло от ран и

болезней, 6 — от последствий экологической катастрофы). Верится с трудом в сохранившиеся в предании данные, но старейшины староверов утверждают, что на нашей планете в те «незапамятные времена» обитало именно столько людей. Северное полушарие тогда фактически обезлюдело на несколько тысячелетий.

В конце концов «Великий Дракон» был побежден, и это событие сохранилось в исторической памяти до наших дней. Битва великого князя Асура (князь «земли Свята Расы») и Аримана (правителя Аримии) описана в древнейшем памятнике письменности наших предков — «Авесте». Белый всадник (Бог-Витязь), поражающий копьем Дракона (древнего змея), изображен на фресках и барельефах древних храмов и на различных строениях Беловодья и других регионов, где обитали потомки славяно-арийских родов. Скульптуры с данным сюжетом высекались из камня, отливались из благородных металлов и вырезались из различных пород деревьев. Эта победа была запечатлена на образах (иконах) и отчеканена на монетах. В настоящее время этот сюжет известен под названием «Чудо Георгия Победоносца о змии».

В день осеннего равноденствия, когда наступало время древнего Нового года, правитель Аримии Ариман и великий князь Ас-ур заключили мирный договор. С той поры появилось летоисчисление от Сотворения Мира в Звездном Храме. Это произошло 7516 лет назад — Лето 7516 от сотворения мира в Звездном храме, 140-е Лето Морского коня в Даарийском Круголете Числобога, наступило 21 сентября 2007 года и продлится до 19 сентября 2008 года.

Чужеземцы

Ослаблением «святой расы» воспользовались серокожие». Войны, даже победоносные, дорого обходятся государствам и народам — это и материальные потери, и утрата лучшей части мужского населения. А после отражения агрессии Аримии, когда с обеих сторон применялись, судя по древним летописям, самые разрушительные виды оружия, обезлюдившие города и селения Северного полушария лежали в развалинах. В такой обстановке «серокожие» под руководством своих князей, не смирившихся с поражением на Леле, решили тайно проникнуть на Мидгард- Землю, пространства которой были уже поделены между другими народами. Территория их проживания не была согласована с кем-либо. Считается, что представители «темных миров» прилетели на нашу планету с галактического Востока — с Земель Эдем и Нод 5765 лет назад (30 сентября). Вначале они заняли малопригодные для обитания, а потому безлюдные земли на Шри-Ланке и на ряде континентов. Затем ложью и лестью захватили многие края. У царя Дравидов — самого многочисленного темнокожего народа Древней Индии была похищена жена и тем самым спровоцирована война.

Однако чужеземцев ждала неудача. Они были побеждены Хануманом и высланы в «Страну гор рукотворных» — возможно, имеется в виду Древний Египет, чтобы там научиться трудиться и зарабатывать честным трудом «пропитание для детей своих», выращивая злаки и овощи. Было это около 4 тысячелетий тому назад. «Серокожие» сочли такой труд рабством, отсутствие желания трудиться объединило их, и покинули они «Страну гор рукотворных», расселившись по всем краям Мидгард-Земли...

Поход в Индию

В истории древних ариев и славян было и немало военных испытаний. Наши предки предприняли два похода из Беловодья в Дравидию — так именовали Древнюю Индию по названию ее самого многочисленного народа — дравидов. Первый поход состоялся в 2692 году до н. э. и завершился спустя 76 лет. В Дравидии племена дравидов и нагов, принадлежавшие к негроидным народам, поклонялись Кали-Ма — Черной Матери. В их обряды входили человеческие жертвоприношения своей богине и «змеям-драконам из мира Нави». Военный поход носил, как бы сказали политологи, характер «гуманитарной интервенции».

С точки зрения древних летописей староверов, появление древнеиндийской цивилизации стало следствием именно первого х'арийского похода в Дравидию. Такая же точка зрения присутствует в индийских преданиях, в соответствии с которыми «семь белых учителей» (риши), пришедшие из-за северных высоких гор (Гималаи), принесли местному населению Веды и новую ведическую веру (индуизм), научили «мудрости мира сияний», дабы прекратили они приносить кровавые жертвы. От ариев узнали дравиды и наги об извечных небесных законах (закон Кармы, инкарнации, реинкарнации...). Священные изречения вошли в книгу под названием «Риг-Веда», которая сохранилась на территории современной Индии. Во время второго похода в Дравидию в 2006 году до н. э. хан Уман (верховный жрец светлого культа богини Тары) был назначен духовным советником царя «лесных людей» (дравидов).

Тарх Перунович и Тара

Разбираясь в хитросплетениях далеких времен, задумываешься: сохраняли ли наши предки связь со своими соплеменниками с далеких планет и почему братья по разуму лишили нас своей поддержки и опеки? Согласно древним рукописям, контакты с представителями иных планет имели место еще несколько десятков тысяч лет тому назад. На Мидгард-Землю неоднократно прибывали «боги», которые общались с потомками «рода небесного». Прошло уже 165 038 лет с тех пор, как Мидгард-Землю посетила богиня Тара, дочь бога Перуна. Она отличалась добротой и вниманием к

людям, а потому Полярная звезда у славяно-арийских народов именовалась в честь этой прекрасной богини — Тара.

На Земле родился ее старший брат — кареглазый Тарх, бог-хранитель древней Великой мудрости. После великого потопа Тарх Перунович вместе со своими сыновьями три года жил на Земле и был назван нашими предками Дажьбогом («Дающим Богом») за то, что дал им девять Саньтий (книг). Эти Саньтии были записаны древними рунами и содержат Священные Древние Веды, заповеди Тарха и его наставления. Саньтии в подлиннике лишь условно можно назвать книгой, так как это пластины из благородного металла, на которых начертаны древние х'арийские руны. Пластины скреплены кольцами, символизирующими три Мира: Явь (мир людей), Навь («мир духов и душ предков»), Правь («светлый мир богов»). Помимо Древних Вед, рассказывают летописи, Дажьбог привез на Землю кошек, до сих пор особо почитаемых в Египте и некоторых других странах.

Более 40 тысяч лет назад из Урай-Земли в чертоге (созвездии) Орла в третий раз посетил Мидгард-Землю сам бог Перун, чтобы оповестить людей о наступлении «темных времен», когда нашей рукав свастичной галактики будет проходить через пространства, подвластные силам из «миров пекла». В это время «Светлые Боги» перестают посещать свои народы, потому что они не властны проникать в чужие пространства. Бог Перун поведал потаенную мудрость жрецам и старейшинам родов, как пережить на протяжении 40 176 лет «темный период». В это страшное время люди, лишенные связи с другими обитаемыми планетами, «перестают чтить богов» и следовать небесным законам, а начинают жить по правилам, которые им навязывают представители «пекельного мира». Наши предки в Беловодье записали х'арийскими рунами священную мудрость Перуна для себя и своих потомков.

Следует заметить, что сами небесные покровители наших предков себя богами не считали и не называли.

Перун так говорил о себе: я Перун Громовержец, Сварога сын. Таким образом, он и себя, и своего отца Сварога не называет богом. Судя по преданиям староверов, и Перун, и его дети, как и другие так называемые боги и богини, воспринимались жрецами славяно-арийских родов не как требующие рабского поклонения божества, а как обладающие невероятными способностями братья по разуму и крови, эволюционно более продвинутые и просветленные знанием...

По расчетам приверженцев древней веры, выход нашей части галактики из пространств «темных миров» уже близок, и «Светлые Боги» вновь начнут посещать Землю. Считается, что светлые времена начинаются в «Священное Лето 7521 от сотворения мира в Звездном храме», или в 2012 году по ныне принятому летоисчислению. В тот год «всесокрушающий огонь возмездия» сожжет слуг «мира тьмы», которые пустотой бездуховной наполняли мир человеческий, неся на стягах своих ложь и пороки, лень и жестокость, желание чужого и похоть, страх и неуверенность в своих силах. Произойдет то, что в христианстве и ряде других религий называется «концом света», но,

скорее всего, речь идет не о гибели человечества как биологической популяции, а о конце нынешнего, привычного всем большого цикла цивилизационного развития, о смене доминант общественного развития. Его завершение и будет «концом света» или «концом мира сего».

Удивительно, что эти сведения из Сибири о дате конца «мира сего» совпадают с предупреждением жрецов индейцев майя. Они считали — и зафиксировали это в своем знаменитом календаре — что нынешний «Великий цикл», начавшийся 13 августа 3114 года до н.э., завертится посреди всеобщего разрушения 23 декабря 2012 года. Оговоримся, так считали древние майя, мудрецы которых предрекали «движение Земли, от которого все мы погибнем».

Заметим также, что предсказаний о «конце времен» в последнее время было более чем достаточно, однако давно уже обещанных смещения полюсов, повсеместных вулканических извержений и гибели части континентов до сих пор не произошло.

Все врут календари, или Так ли мы исчисляем время?

Не так давно группа депутатов Госдумы разработала законопроект о возвращении России на летосчисление по юлианскому календарю, который, по их мнению, более точен в сравнении с григорианским. Они считают, что этот календарь поможет сохранить Россию как цивилизацию, имеющую свои традиции и свой образ жизни.

В России летосчисление по юлианскому календарю велось до 14 февраля 1918 года. В соответствии с этим летосчислением средняя продолжительность года в интервале четырех лет равнялась 365,25 суток. В григорианском же календаре, перенятом первым советским правительством у Западной Европы и официально используемом ныне в большинстве стран, длина года — в среднем 365,2425 суток. Различие между юлианским и григорианским календарями в XVIII веке составило 11 суток, в XIX веке — 12, в XX веке — 13 суток.

Вопрос о летосчислении текущего времени, казалось бы, изъезжен вдоль и поперек историками и богословами, и потому вроде бы ничего нового о нем сказать нельзя. Это не совсем так. Многие из древних достижений наших предков по разным причинам утрачено, так что попробуем разобраться в этом вопросе с привлечением древних славянских летописных источников. Нужно оговорить, что эти летописи написаны не кириллицей, а гораздо более древним слогом — рунами. Вообще, до крещения Руси наши предки писали летописи и послания друг другу не только рунами, но и другими письменами. Среди них были буквица, глаголица, х'арийская руника, русский злат, ижица, славица, буки, сказка, черты и резы. Почему мы так мало знаем об этом? Ответ прост: сожжены крупнейшие книгохранилища древности —

Александрийская и Согдианская библиотеки, исчезли библиотеки Ярослава Мудрого и Ивана Грозного и многие, многие другие.

Какие же системы летосчисления мы знаем? Большинство ответит — христианскую, от Рождества Христова. А другие? Ведь на Земле, независимо друг от друга, существуют разные системы летосчисления: у мусульман, народов с желтой кожей, индейцев Центральной и Южной Америки и т. д.

Православная церковь ведет свой календарь от Сотворения мира, и в сентябре 2007 года началось 7516 Лето от этого события. Что это за событие? Богословы говорят: «Столько времени прошло от сотворения Богом Земли, Солнца, звезд и всего живого, включая первых людей Адама и Еву».

Ученые возражают: «Согласно радиоактивному анализу земных пород возраст нашей планеты исчисляется многими миллионами лет, а задолго до появления человека на Земле жили динозавры и другие живые существа». Богословы заявляют: «А знаете ли вы, что для Бога все едино, что день, что тысячелетие?» — и тут диалог теряет предметность.

Но все дело в том, что под «Сотворением мира» нужно понимать не Божественный акт Творения, а совсем другое событие — акт о капитуляции древнего государства, некогда существовавшее на территории современного Китая. Кем-то, возможно, очень умело была произведена подмена событий. «Сотворение мира» означает подписание мирного договора между предками народов, населявшими просторы Северо-Восточной Евразии, одержавшими верх в тяжелой и кровопролитной войне, и их противниками, жившими южнее. Во всяком случае, так считают приверженцы древней веры, именующие себя староверами-инглингами.

Использование древнего календаря прекратилось в Лето 7208, когда Петр I ввел юлианский календарь и повелел, чтобы Новолетие праздновалось зимой, а не осенью. Начало нового календаря стали отмечать с 1 «генваря» 1700 года.

Историки не отрицают, что вопрос о летосчислении и хронологии событий мировой истории остается одним из наиболее запутанных. Появление этой проблемы тесно связано с политическими событиями и борьбой различных мировоззренческих систем и религий. Можно даже сказать, что выбор календаря — вопрос политический.

В 988 году киевский князь Владимир принял решение о введении на Руси новой религии — христианства, являвшейся господствующей верой в Византийской империи. Поэтому считать года на Руси начали с помощью юлианского календаря (от имени римского правителя и по совместительству верховного жреца Гая Юлия Цезаря), пришедшего из Византии. Со временем на Руси стали привычными римские наименования месяцев и семидневная неделя. Стала применяться и византийская хронология мировых событий, в которой сотворение мира относилось к 5508 году до н.э. (до Рождества Христова).

Никто не может объяснить толком, как христианские монахи столь точно определили дату «сотворения мира» — очевидно, что вести календарь

с этого момента было просто некому. Так или иначе, но в VI веке в Византии стала использоваться мировая эра с началом 1 марта 5508 года до Рождества Христова. Счет дней в ней велся от появления Адама, который, исходя из ветхозаветной версии мировой истории, был создан в середине шестого дня творения в пятницу 1 марта 1 года. Именно эта схема летосчисления на много столетий заняла определяющее место в календарной системе Руси.

Не утомляя читателя обилием дат, укажем все же, что на заре христианства первые авторитеты новой религии не могли точно определить даже примерное время сотворения мира. Так, около 180 года антиохийский епископ Феофил каким-то неведомым нам образом подсчитал, что начало эры «от сотворения мира» должно было приходиться на 1 сентября 5969 года до рождества Христова (подругам древним источникам, — на 5515 или 5507 год). Появилось даже понятие «антиохийская эра». Климент Александрийский около 190 года возвел начало эры к 5472 году до Р. Х. (по другим сведениям, — к 5624 году). Епископ Римский Ипполит около 200 года нашей эры вел речь ровно о 5500 годах. В Византии вплоть до IX века н.э. многими историками использовалась в летосчислении так называемая эра Анниана, или александрийская, появившаяся в начале IV века. Сотворение мира в ней было изначально отнесено на 25 марта 5001 года до Р. Х.

Позднее в византийском Царьграде (Константинополе) год стали исчислять с 1 сентября. Древнеславянское же начало года по-прежнему приходилось на весну — 1 марта. В этом легко убедиться, ознакомившись с древними русскими летописями. Только в сентябре 1492 года Московский церковный собор решил перенести начало года на 1 сентября, как подобало греко-православным, и сентябрьский год в русских летописях полностью вытеснил мартовский.

19 декабря 7208 года от сотворения мира Петр I подписал указ «О писании впредь генваря с 1 числа 1700 года во всех бумагах лета от Рождества Христова, а не от сотворения мира». Но сам юлианский календарь царь-реформатор все же сохранил, из-за чего сохранилось и запаздывание календарных дат — в то время на 10 дней. Со временем расхождение увеличивалось, что связано с расстановкой високосных годов в обоих календарях, и теперь составляет 14 дней.

Дню, когда был издан петровский указ, в Европе соответствовало 29 декабря 1699 года по григорианскому календарю, принятому в 1582 году по воле римского понтифика Григория XIII. 20 декабря появился новый указ Петра «О праздновании нового года», в котором говори-лось: «Великий государь указал сказать... не только что во многих европейских христианских странах, но и в народах славенских... лета свои исчисляют от Рождества Христова... то есть генваря с 1 числа, а не от создания мира... А в знак того доброго начинания и нового столетия в царствующем граде Москве... по большим и проезжим улицам знатным людям и у домов нарочитых духовного и мирского чина перед вороты учинить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевелевых...»

В спешке многочисленных реформаторских начинаний царь допустил хронологическую погрешность: 1 января 1700 года не могло служить началом нового века, так как это был последний год XVII века, а не первый — XVIII века. Но на эту «мелочь» особого внимания не обращали и в последующем. Отмечали же многие начало нового тысячелетия в ночь на 1 января 2000 года.

В 1830 году Петербургская академия наук предложила ввести в России новый, григорианский, стиль, но император Николай I возразил — и проблема на долгое время была отложена. Ее решили лишь в 1918 году большевики, однако Русская православная церковь осталась при юлианском календаре.

К сказанному надо добавить, что вести отсчет эры от Рождества Христова придумал в VI веке римский монах и папский архивариус Дионисий Малый (скиф по происхождению). Впервые это летосчисление началось с года, который архивариус обозначил как 525 год от Рождества Христова.

Однако какой календарь мы ни попытались бы проанализировать и оценить, непременно столкнемся с условностями. Поэтому здесь будет уместно рассказать о системе измерения времени, которой пользовались наши предки более тысячелетия назад. Об этом нам рассказал Сергей Сергеевич Близниченко из Краснодара — человек, удивительный своими разносторонними и глубокими знаниями. Это он познакомил авторов данной книги с древней системой измерения временных промежутков, которая была проста, общедоступна и наглядна, так как основывалась на всем известных астрономических явлениях.

Год начинался в точке осеннего равноденствия (в современном сентябре), которая легко определялась на горизонте при периодическом наблюдении места восхода или захода Ярилы-Солнца. Точки осеннего и весеннего равноденствия на горизонте совпадают и лежат строго между точками летнего и зимнего солнцестояния. Поэтому, единожды определив зимнее и летнее солнцестояние и точку между ними, а затем поставив соответствующие три ориентира на горизонте (курганы, дольмены и т. п.), можно довольно точно фиксировать Новолетие, а также поворот дня на убывание и возрастание. Этот принцип вошел в основу пригоризонтных обсерваторий, которые наши предки строили в степных районах (Аркаим, Стоунхендж и др.). Современный же календарь был усложнен в угоду политическим интересам, а потому ныне Новый год начинается в день, который ничем не примечателен с точки зрения наблюдателя небесных явлений.

Новые сутки в древности начинались в момент захода Ярилы-Солнца в день равноденствия — очень просто и наглядно. Сейчас сутки начинаются ночью, когда все спят. Но даже если вы и не спали, то все равно зафиксировать начало новых суток нельзя.

Древнеславянский календарь был основан на 16-ричной системе счисления и делит продолжительные промежутки времени на Круги Жизни, каждый по 144 Лета (года), а Лето — на три сезона: Осень, Зима и Весна.

В современном же летоисчислении исторический счет ведется веками (периодами по 100 лет), а времен года — четыре (весна, лето, осень, зима). 1-е Лето нынешнего Круга Жизни началось в конце сентября 1868 года, а 144-е Лето закончится в конце сентября 2012 года.

Путь по звездному небу Ярилы-Солнца у славянских народов назывался Сварожий круг. Сам Сварожий круг делился на 16 частей, и они назывались хоромами или чертогами (созвездиями), которые в свою очередь делились на 9 «залов» каждый. Таким образом, Сварожий круг состоял из 144 частей, и каждой части соответствовала своя неповторимая небесная руна.

Для сведения: слово Сварга в древности обозначало все обжитые территории — Вселенные (обратим внимание на слово Вселенные — от глагола «вселиться») нашей Действительности. В древнеславянских Ведах о них сказано: «Великие Древа Миров, которые получают Светлую Силу из вод Небесного Ирия». Бог Сварог — Бог огня, кузнечного дела, семейного очага. Древние славяне считали его небесным кузнецом и великим воином. Предание гласит, что он, управляющий всем мироустройством нашей Вселенной в Явном мире (Мире Яви), подарил людям первый плуг и кузнечные клещи, научил выплавлять медь и железо. Само имя бога связывают с санскритским «свар» — сверкать, сиять, излучать, гореть. Бог Сварог, верили наши предки, является отцом для многих Светлых богов и богинь, которых обобщенно называли Сварожичами.

Прошедший год по календарю древних славян начался 21 сентября 2006 года и продлился по 20 сентября 2007 года. Это — 139-е Лето Морского дельфина в Даарийском Круголете Числобога (Лето 7515 от сотворения мира в Звездном храме, или Лето 13015 от Великого похолодания). По представлениям древних славян, основанных на тысячелетних наблюдениях, этот год в Круголете Числобога считался годом тяжелых испытаний общества вследствие непродуманных реформ, когда страдания и зовы о помощи не бывают услышаны. В Лето 139-е рождались люди с поэтическим мировоззрением, способные воспринимать все через розовые очки.

Следующее Лето — 140-е Морского коня — начнется, как уже отмечалось, 21 сентября 2007 года. Это год затухания военных конфликтов и междоусобиц, год активной деятельности органов правопорядка, их борьбы с преступными элементами и «гуляющими людьми», но какой-либо высокой идеи еще не выдвинуто. Замечено, что в такой год рождались люди, которые больше говорили, чем делали.

Течение «реки времени» для наших предков — это вращение колец Даарийского Круголета Числобога противосолонь (против движения часовой стрелки): вращение 16 часов в сутках, вращение 9 дней в неделе, вращение 9 месяцев в Лете (году), вращение 16 лет через 9 стихий («залов») в Круге Жизни, вращение череды лет через 16 чертогов (созвездий) Сварожьего Круга.

Одно Лето содержит 9 месяцев, месяц — 41 или 40 дней (в зависимости от того, нечетный он или четный), день — 16 часов, час — 144 части, часть

— 1296 долей, доля — 72 мгновения, мгновение — 760 мигов, миг — 160 сигов, сиг — 14 000 сантигов (1 сиг = 0,000000003305 секунды). Такая точность недостижима даже с помощью самых современных хронометров. Для чего она была нужна древним славянам, мы, их потомки, можем только догадываться.

В неделю входит 9 дней (понедельник, вторник, тритейник, четверг, пятница, шестница, седмица, осьмица, неделя). Все месяцы начинаются в строго определенные дни недели. Например, если первый месяц данного Лета начинается во вторник, то и все остальные нечетные месяцы в это Лето будут начинаться во вторник, а четные — в седмицу. Поэтому тот календарь, который мы сейчас носим в кармане и который содержит 12 разных табличек — месяцев, раньше включал в себя всего две таблички: одну — для нечетных месяцев, другую — для четных.

9 месяцев древних славян — это: Рамхат — месяц божественного начала (41 день), Айлет — месяц новых даров (40 дней), Бейлет — месяц белого сияния и покоя мира (41 день), Гэйлет — месяц выюг и стужи (40 дней), Дайлет — месяц пробуждения природы (41 день), Элет — месяц посева и наречения (40 дней), Вейлет — месяц ветров (41 день), Хейлет — месяц получения даров природы (40 дней), Тайлет — месяц завершения (41 день).

У каждого из 16 часов тоже было свое название. 1-й час — Паобед (начало нового дня) — 19.30-21.00 (зимнее время, соответственно 20.30-22.00 — летнее время; далее указывается только зимнее время). 2-й — Вечир (появление звездной росы на Небесах) — 21.00-22.30. 3-й — Ничь (нечетное время трех Лун) — 22.30-24.00. 4-й — Поличь (полный путь Лун) — 24.00-1.30. 5-й — Заутра (звездное утешение росы) — 1.30-3.00. 6-й — Заура (звездное сияние, заря) — 3.00-4.30. 7-й — Заурнице (окончание звездного сияния) — 4.30-6.00. 8-й — Настя (утренняя заря) — 6.00-7.30. 9-й — Сваор (восход Солнца) — 7.30-9.00. 10-й — Утрось (успокоение росы) — 9.00-10.30. 11-й — Поутрось (путь собирания успокоенной росы) — 10.30-12.00. 12-й — Обестина (обедня, совместное собрание) — 12.00-13.30. 13-й — Обед, или обесть (трапеза), 13.30-15.00. 14 — Подани (отдых после трапезы) — 15.00-16.30. 15-й — Утдайни (время окончания деяний) — 16.30-18.00. 16-й — Поудани (завершенный день) — 18.00-19.30. Новый день начинался с 16-го часа.

На первый взгляд, вышеперечисленные меры времени трудно запоминаемы и неудобны, а современная система мер более упорядочена и наглядна. Но на самом деле нынешняя система архаична, менее точна и хранит в себе отпечатки многих опять-таки политических переделок.

«Наше летоисчисление не связано ни с Солнцем,
ни с Землями, ни с Лунами, ни со Звездами,
а связано с Законами Творца Единого.
Ибо Солнца, Звезды и Луны
убыстряют и замедляют свой ход,

а Законы Творца Единого НЕЗЫБЛЕНЫ,
и за соблюдением их наблюдает Числобог,
который является хранителем Рек Времени».

Мудрость предков

В «Темные времена» неделя укоротилась до семи дней благодаря почитателям лунного культа. Количество месяцев в году возросло, и их названия изменились, так как некоторые древние властители захотели увековечить свое имя, придумав новые месяцы и дав им свое имя. Сначала изменили названия первых девяти месяцев и добавили десятый. Декабрь на латыни означает «десятый месяц» (лат. December — от decem — десять). Девятый месяц называли ноябрь (лат. November — от novem — девять), восьмой — октябрь (лат. October — от octo — восемь), седьмой — сентябрь (лат. September — от septem — семь).

Потом добавили по прихоти амбициозных и тщеславных правителей в середину года еще два месяца (июль — лат. Julius — в честь Юлия Цезаря; август — лат. Augustus — в честь императора Августа). И декабрь стал уже двенадцатым по порядку, хотя продолжал (и продолжает) означать десятый по смыслу своего корня. Это же касается слов «сентябрь», «октябрь» и «ноябрь», которые, вопреки значению своих корней, по порядку следования стали соответственно девятым, десятым и одиннадцатым месяцем.

Из-за увеличения количества месяцев наступила чехарда в их длительности. Она уменьшилась (точно как в известном мультфильме о пошиве из овчины: А семь можно? — Можно и семь!). Так как дней в году не стало больше, чем есть (365 или 366), то месяцы стали по 31, 30, 28 или 29 дней. В связи с этими перестройками месяцы и годы стали начинаться в различные дни недели. Порядок древнего летоисчисления разрушился.

Потом начало суток перенесли на полночь, совместив тем самым с началом праздника сатанисток, для которых «настоящий» день действительно должен начинаться с полуночного шабаша.

Количество часов в сутках увеличили до 24, изменив длительность часа и потеряв тем самым понятия о части, доле, миге, мгновении, сиге. И в завершение всего эти короткие промежутки времени римляне стали измерять по-своему — в 60-ричной системе счисления. Час разделили на 60 минут, а минуту на 60 секунд. Гораздо позже секунду стали делить на части уже в десятичной системе счисления на миллисекунды, микросекунды и т. д.

Многие элементы древнеславянского календаря (Даарийского Круголета Числобога) дошли до наших дней в виде поговорок и обычаев, истоки которых уже забылись. Например, Великая тризна, сиречь поминовение умершего, совершается через неделю и через месяц, т. е. на девятый и сороковой день. Седьмой день недели поминается, ибо в этот день был распят Дажьбог на Кавказских горах.

В древние времена девушка выходила замуж только после 16 лет, или 144 месяцев, что составляет один Круг Даарийского Круголета, до этого срока она вестовала, познавала Весть, а после — переставала вестовать и становилась невестой. Семь месяцев (в древнем времяисчислении) вынашивала мать чадо в чреве своем и сорок сороков (месяцев) потом кормит его грудным молоком. А через сорок сороков, или четыре года и четыре месяца, после рождения первого ребенка у женщин наступал период жизненного совершенствования, в результате чего она становится ведающей матерью (или ведьмой).

Через 369 недель после рождения человека начиналась эпоха его духовного обучения, ибо в девять лет происходило первое Великое приобщение к древней мудрости богов и предков. В 108 месяцев, или в 12 лет, наступало совершеннолетие человека, и он проходил обряды совершеннолетия и имянаречения, а еще через 108 месяцев он, принимая духовное освящение Священным огнем, должен был познать истинный смысл бытия своего Рода и истинное значение родового имени. В 33 года у каждого нашего предка наступало время духовного совершенствования. А в 369 месяцев, или в 41 год, начиналась эпоха духовного озарения.

400 тысячелетий русской истории

Наш собеседник — Иван Евсеевич Кольцов, участник Великой Отечественной войны, действительный таен Русского Географического общества.

К истории славяно-русов

— Историки отводят Руси как государству не более 12-13 столетий. Но разве наша государственность действительно пошла с IX века, от Рюрика?

— Народы, думающие о будущем, помнят о своем прошлом, видя в нем кладезь жизненного опыта сотен предшествующих поколений. Они заботливо сохраняют историческую память, не допускают забвения уроков побед и неудач предков. В Египте и Тибете историческая хроника имеет глубину в 34 тысячи лет! Многотысячелетняя история имеется и у славянских народов, но в ходе исторических испытаний память о прошлом во многом утрачена... Ныне мало кто знает, что о событиях на территории нынешней России не раз рассказывали древние историки и пророки. Так, древнегреческий историк Геродот 2,5 тысячи лет назад описал северные земли скифов и их соседей от Балкан до Сибири и Северного океана. По его словам, скифы являлись самым справедливым и сильным народом в мире, когда были едины. Скифы состояли тогда из 72 родов и народов. О северных народах сообщал и пророк Иезекииль, живший в V веке до н.э. В Ветхом

завете упоминаются Гог, Магог, Рошь, Мешех, Фуваль — враждебные земле Израилевой страны, но поддерживающие с ней отношения. В книге пророка Иезикииля (гл. 27) читаем: «Иаван, Фувал и Мешех торговали с тобою, выменивая товары твои на души человеческие и медную посуду» (27:13). В главе 32 вновь идет речь о Мешехе и Фувале: «Там Мешех и Фувал со всем множеством своим; вокруг него — гробы их, все необрезанные, пораженные мечом, потому что они распространяли ужас на земле живых* (32:26). О Гоге и Магоге писал и Гезений, подразумевая под ними северные народы, именуемые Геродотом скифами.

— *Однако древние авторы не упомянули ни славян, ни русое...*

— Не исключено, что в то время они именовались иначе или входили в состав названных выше северных народов. Согласно еще более ранним источникам — устным преданиям — древние северные народы, ставшие прародителями славян, некогда проживали на территории легендарной империи, в состав которой входила и северная часть современной России, омывшаяся некогда теплым течением. Ее принято именовать Атлантидой. После гибели священной столицы атлантов в Атлантическом океане, как повествует Традиция, вся полнота власти в империи перешла к административной столице, находившейся на северо-востоке Таймыра.

Еще 3,5 тысячи лет назад районы Таймыра, Ямала, Урала оставались культурно-административными и религиозными центрами мирового уровня. В этих местах родились и получили образование почти все выдающиеся личности того «доисторического» времени, известные ныне как боги и герои легенд Древней Греции. Именно здесь Прометей провел реформу письменности и счета, упрощая их, что привело, однако, к потере возможности получать знания о прошлом из первоисточников. Там же захоронены «бог» Крон, легендарный скифский врач Херон, Асклепий, боги гипербореев.

— *Звучит занимательно, но для науки важны факты, подкрепленные письменными источниками.*

— Источников, соглашусь, более чем маловато... Но имеются основания надеяться, что на севере России в подземных хранилищах сохранилась праславянские и гиперборейские письменные источники времен атлантов. Ведь праславянский язык, согласно традиции, являлся одним из трех официальных языков империи. Основу праславянского языка Атлантиды больше других сохранил язык славянской народности русинов, живущих ныне в Закарпатье. Они пришли сюда с территории Поморья в II—I веках до нашей эры.

— *А куда подевались атланты с наших ныне арктических земель?*

— Империя атлантов угасла из-за климатических перемен на планете. Холода сделали непригодными для проживания города на побережье Северного (тогда еще не Ледовитого) океана. Поэтому предки славянских народов (этруски, кривичи, скифы) ушли из-за Урала в западном

направлении, создавая на обретенных землях новые государственно-административные образования.

Из устных преданий известно, что в VII-VIII веках существовало 3 крупных славянских государства: Артания, Куявия и Славия. Их столицы (соответственно в дельте Волги, у современного Киева и на территории Словакии) находились на пути движения наиболее активной части славян в западном направлении. Так, в 409 году до нашей эры славяне-вандалы и свевы, перейдя Рейн, прошли Галлию, Испанию (через Андалузию) и в 409 году вошли в Северную Африку в поисках свободных земель, родственных народов и их поселений. В их памяти сохранились, видимо, сведения об этрусках, значительно раньше ушедших в западном направлении. В 429 году вождь варваров Гейзерих создал германское государство со столицей в районе развалин древнего этрусского Карфагена.

Интересные сведения о древних славянах хранят и отечественные хроники. При этом в «Повести временных лет» сообщается, что славяне отличаются от русов — последние при этом сближены, на мой взгляд, ошибочно, с варягами. Другие летописи также не отождествляли русов со славянами. И арабские авторы различают славян и русов по территории их проживания, одежде, жилищам, роду занятий, вооружению, обрядам, титулам правителей, погребальным обрядам.

Краткие сведения о славянах и русах первого тысячелетия новой эры даны нашим талантливым соотечественником Василием Алексеевичем Левшиным в шеститомной книге «Вечерние часы, или Сказки славян-древлян» (издана в 1787 году). В ее основе — сказания, которые слушал от своих воспитателей юный славянский князь Избор. Позднее они были записаны жрецами в особые книги, передаваемые из поколения в поколения и чудом сохранившиеся до наших дней. Древляне обитали во времена Избора у озера Имеры и имели два города — Овруч и Коростень в районе Днепра. Само наименование «славяне древлянские» возникло еще до Избора — от соединения славян с покоренным народом — древлянами-старожилами. В книге Левшина сообщается, что в начале IV века в пределы Европы пришел храбрый народ во главе с отцом великого славянского князя Вандала, который подчинил русов — победителей чудских народов (мари, мордвы и др.), живших здесь уже несколько веков. Впоследствии были подчинены финны, карелы, чухны, эсты, лопари, весы, беловесы у озера Белого.

— *От Вандала, наверное, и пошло: вандалы, вандализм?*

— Этим мы обязаны западноевропейским историкам, приложившим немало стараний, чтобы древние славяне вошли в мировую историю со знаком минус. Реальный славянин Вандал сумел объединить славян и русов в единый народ. Он восстановил правосудие, земледелие, ремесла, садоводство, торговлю, сухопутные и водные торговые пути. Даже в наше время можно обнаружить заросшую сеть древних водных каналов и волоков от Чудского до Ильмень-озера, которые использовались князем для объезда своих владений. Вандал захоронен у истока реки Ока, а его отец — северо-

западнее Будапешта у Вандских гор. До появления в Восточной Европе христианства город Краков назывался Вандал.

Своему 15-летнему сыну Избору великий князь Вандал оставил процветающее государство. Восточно-славянские народы в те времена включали несколько племенных образований: *поляне* и *древляне* — в среднем Приднепровье, *дулебы* (*волыняне, божане*) — на Волыне, *уличи* и *тиверцы* — на Днестре, *хорваты* — в Прикарпатье, *северяне* (*северы*) — на Десне и Сейме, *вятичи* — на Оке, *родимичи* — на Соже, *дреговичи* — между Припятью и Березиной, *кривичи* (*с поличанами*) — в верховьях Днепра, Волги и Западной Двины, *славяне новгородские* — самое северное восточно-славянское племя — у озера Ильмень. Кроме того, в центре Европе жили *западнополибские славяне* (у Одера и Лабы), *сербо-лужские* племена. В VII веке возник *союз чехов, словаков, зличан, хорватов, моравов*. В те времена славяне контролировали большую часть просторов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы.

В VII столетии государем славяно-русов стал князь Буревей, владевший многими славянскими землями. Правил он из своей столицы Хомоград, которая находилась в двадцати километрах к западу от озера Тигода. Златоглавая столица Хомоград (на сарматском языке означает «третий город») славилась своей величиной, величием зданий, размахом торговли, святилищем, находившимся на возвышенности. Сюда на торжества приезжали все северные государи от Чудского и Ладожского озер до Северных увалов и реки Камы.

Княжеские дворцы находились также в Старой Ладогге, Старой Русе, Броницах на реке Мета. Одним из городов славяно-русов был Старый Славянск, располагавшийся на северо-востоке современного Новгорода, на развилке между рекой Волхов и Малым Волховцом. После смерти Буревея править стал его сын Гардерик, который под влиянием своего варяжского окружения резко ухудшил отношения с южными славянскими государствами и соседними народами. Страна подверглась нападению войск готов и отрядов колхидского царя Савраазара. Гардерiku пришлось сражаться и против войск приднепровских славян под предводительством Таньганя в десяти километрах севернее города Шимска, что на реке Мшага, западнее озера Ильмень. В самом начале битвы Таньгань был убит, что и предредило разгром его войска. На месте сражения сохранились братские могилы. Вслед за этим войска Гардерика пошли на Днепр и захватила столицу Таньганя, переименовав ее в город Киев.

— Но ведь большинство сведений о древних славянских государствах утрачено?

— Да, сохранились лишь крупницы знания. Известно, например, что до избрания Гостомысла новгородским посадником на этих славянских землях правила династия князей славяно-русов в девяти поколениях. Славяно-русские государи, в том числе сын Вандала Избор, были захоронены в

подземных усыпальницах у озера Тигода (северо-западнее современного Новгорода).

Использование термина «славяно-русы» неслучайно — в древности развитие славян и русов, имевших одну арктическую прародину, шло параллельными путями. Далекими предками руссов были как раз легендарные этруски.

Мы родом с Чукотки?

— *Нашими предками считаются не только этруски. Кто еще?*

— По крупицам сохранившихся сведений можно составить лишь приблизительное представление об историческом прошлом прародителей народов России и выдвигать гипотезы. Это касается и кривичей — одного из предков русского народа. По традиционной версии историков, кривичи — союз восточно-славянских племен в VI-X вв. в верховьях Западной Двины, Днепра, Волги. Главные города — Смоленск, Полоцк, Изборск. С IX века — в составе Киевской Руси. В XI—XII вв. территория кривичей — в Смоленском и Полоцком княжествах, северо-западная часть — в Новгородских владениях... Но это — позже. Исследования неоднократных переселений народов на просторах Евразии позволяют предположить, что во временной промежуток 20-7 тысяч лет назад предки кривичей населяли район средней и южной части хребта Менделеева, ныне покрытый водами Северного Ледовитого океана. Согласно устным преданиям там существовало государство, входившее в одну из пятнадцати конфедераций империи легендарных атлантов.

— *Вы опять об Атлантиде...*

— Да, ведь без нее нельзя понять многие события долетописной истории. Современные люди относятся к рассказам об Атлантиде как к мифу, но жрецы Древнего Египта считали ее государством, погибшим в результате глобальной природной катастрофы, которая стоила жизни миллионам людей. Информация о древних цивилизациях трудно проникает в массовое сознание, так как противоречит догматам нынешних религий. А в средние века носители знаний о предыстории нашей цивилизации жестоко уничтожались по инициативе католической церкви, так что историкам приходилось подстраиваться под библейские каноны.

Против течения пытался идти Михаил Васильевич Ломоносов, написавший замечательный труд «Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого». По мнению русского академика, исходявшего из расчетов вавилонских астрономов и свидетельств египетских жрецов, сохранившихся благодаря древнегреческим ученым, история нашего Отечества насчитывает около 400 тысяч лет. В незапамятные времена произошел некий всепланетный катаклизм, изменивший климат на Земле и погубивший арктический

континент, который некоторые сейчас называют Гиперборей. Около 7 тысяч лет назад, вследствие значительного похолодания и постепенного погружения под воду прибрежных земель, кривичи переместились в южном направлении в район Чаунской губы Чукотского полуострова. Здесь к востоку от устья реки Поляваам была основана их новая столица — юго-восточнее современного города Певек.

Информация для размышления. В 1995 году в Санкт-Петербурге было осуществлено репринтное переиздание написанной в середине XIX века книги Егора Классена — «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов дорюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова». Его автор, доктор философии — немец по происхождению. И тем ценнее его признание о неблагоприятной роли ряда иностранных историков в искажении русской истории. «К этим недобросовестным лицам, — писал Классен, — принадлежат: Байер, Миллер, Шлецер, Гебгарди, Паррот, Галлинг, Георги и целая фаланга их последователей. Они все русское, характеристическое усвоили своему племени и даже покушались отнять у славяно-русов не только их славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но даже племенное имя их — имя руссов, известно исстари как славянское, не только всем племенам азийским, но и израильтянам, со времени пришествия их в обетованную землю. И у них руссы стоят во главе не только римлян, но и древних греков — как их прародители...».

Из-за продолжающегося перемещения северного географического полюса, на Чукотке произошло дальнейшее похолодание, и 5,5 тысяч лет назад правители кривичей перенесли столицу к востоку от устья реки Колымы на возвышенность, расположенную в 50 км южнее мыса Большой Баранов. Здесь она просуществовала более 100 лет, но была оставлена из-за ухудшения климатических условий, вынудившего кривичей навсегда покинуть свои земли и уйти в западном направлении — на берега Лены, а затем на Енисей и Урал.

Следы столицы кривичей в районе устья реки Поляваам сохранились до сих пор. Там же находятся усыпальницы их правителей, подземные тоннели большой протяженности, каменные изваяния (останцы) с древними надписями... Сохранились предания, подтверждающие наличие таинственных подземных сооружений древней цивилизации. К примеру, о том, что этими подземельями в свое время интересовалась христианские монахи. Рассказывают, что в XIX веке один из них с местными проводниками в районе города Охотска проник в пещеру, оказавшуюся входом в тоннель, и прошел под хребтом Джугджур около 500 километров. На поверхность он вышел недалеко от Удской губы Охотского моря.

— Как же они все там не задохнулись?

— Видимо, существует какая-то система вентиляции... Тем самым было доказано, что от некой древней цивилизации в этом районе сохранилась

большая сеть подземных тоннелей. К сожалению, схемы подземелий монах не оставил.

Информация для размышления. В мае 2007 года газета «Якутия» опубликовала материал, в котором речь шла о том, что местность, находящуюся в двухстах километрах от Мирного, вдоль поймы правого притока реки Вилуй, местные жители называют Долиной смерти. Именно через это место проходил в прошлые века кочевой торговый путь эвенков. Сохранились свидетельства, что там находится врытый в землю огромный медный «котел», или, как его называли, Железный дом. Охотники иногда ночевали в его помещениях, которые «хранили летнее тепло в лютые морозы», что почему-то неблагоприятным образом сказывалось на здоровье — после этого люди сильно болели или умирали.

В архиве Национальной библиотеки сохранено письмо местного жителя, утверждавшего, что за три приезда в эту местность (с 1933 по 1949 год) он нашел «восемь таких котлов, в одном из которых обнаружил половинку идеального шара диаметром 6 сантиметров из неизвестного металла, способного резать стекло, как масло». В 1971 году документально засвидетельствованы показания старого охотника-эвенка о том, что в районе междуречья Нюргун Боотур (Славный богатырь) и Атарадак («шибко большая трехгранная железная острога») есть железная нора, в которой «лежат худые, черные, одноглазые люди в железных одеждах».

— Этруски тоже проживали на тех землях...

— На востоке нынешней России когда-то проживало несколько легендарных народов. В частности, этруски, позднее перебравшиеся в Европу и положившие начало знаменитой Римской империи. Проведенные исследования дают основания утверждать, что столица древних этрусков располагалась восточнее реки Алдан, у современного города Аллах-Юнь.

Обнаружение столицы государства кривичей, других древних городов кривичей и этрусков могло бы по своему научному значению превзойти находки Шлимана, который претендовал на звание первооткрывателя легендарной Трои. Современные технические приборы и нетрадиционные методы позволяют указать места входов в подземные хранилища правителей древних цивилизаций.

— Жаль, что сейчас мало кто озабочен восстановлением исторической памяти народа.

— И все-таки, остается надеяться, что не за горами те времена, когда знание о великом прошлом нашего Отечества будет востребовано. Надеюсь, что и в мировой истории скоро грянут тектонические перемены.

Посланец небес

— Для этого, пожалуй, надо, чтобы какой-нибудь материк, как Арктида, погрузился бы на дно морское или появился новый узкоглазый Чингисхан...

— Чингисхан был узкоглазым только на рисунках китайских художников! Да и про созданную им империю мы мало что знаем.

— Что касается империи, спорить не будем. Вот ведь, во времена Николая I Императорская Академия наук дважды объявляла конкурс, предложив ученым написать историю Золотой Орды — но скудных сведений, содержащихся в русских и иностранных летописях, для решения этой задачи не хватило. А за прошедшие полтора столетия новых источников фактически не обнаружено.

— Между тем монгольская держава, которая сформировалась в Сибири, на Алтае и в Прибайкалье, в пределах Великого Турана в XIII веке, явилась по территории, численности населения, многонациональности и военной мощи самой крупной империей в мире за всю историю человечества. Ее образование пришлось на период, когда в Европе происходили крестовые походы, междоусобные войны, свершались казни тысяч людей, чья вина состояла в инакомыслии, разрушались древние храмы, культуры, многовековые традиции.

Возникновение империи в Восточной Евразии стало возможно благодаря политическому и военному гению Чингисхана. В созданном им государстве, как известно, существовало хорошо продуманное административное деление территорий, было налажено достаточно эффективное управление ими. На всей территории страны действовал единый Свод законов — Джасак (Яса) Чингисхана, на сегодняшний день сохранившийся лишь частично.

Империя обладала горнорудной и металлообрабатывающей промышленностью, что позволило оснастить многочисленную армию оружием. К научно-производственным достижениям державы Чингисхана можно отнести производство высокопрочной булатной стали, изделий из небьющегося фарфора, изготовление немагнитных компасов, ориентированных только на центр южного полюса, так называемых волшебных зеркал, позволяющих видеть на большом расстоянии — секреты их производства исчезли вместе с империей. На верфях Камы, Волги, Иртыша, Оби строились морские корабли. В короткое время вся территория покрылась сетью сухопутных дорог с ямскими станциями, постоянными дворами и пунктами питания. Кроме двух известных сухопутных шелковых путей, вплоть до XVI века функционировал водный торгово-шелковый путь из Азии в Западную Европу: от истока Иртыша по Оби, прибрежным водам Северного Ледовитого океана — его называли северным Скифским морем — в европейские порты и обратно. Шло строительство городов, здания возводились не только из дерева, но кирпича и камня. В разных районах империи устраивались спортивные состязания. Крупные соревнования, нечто подобное Олимпийским играм в Греции, проводились на юго-востоке хребта

Тарбагатай, к западу от озера Улюнчур, в районе истока Черного Иртыша. В этих местах находились дворцы Чингисхана и других монгольских правителей.

Западноевропейцев, современников Чингисхана, поражала монгольская армия, ее выучка, мобильность, отлаженная система управления войсками. Военные кампании тщательно планировались на картах специальными штабами на основе скрупулезно собранных разведкой сведений. Известно, что монгольские военачальники мастерски использовали нестандартные наступательные приемы. Так, в 1241 году в венгерской кампании полководец Сугидей прошел со своей армией 435 верст всего за несколько суток, используя сменных коней. В войсках была налажена ближняя и дальняя связь, к передаче информации привлекались волхвы, использовавшие методы, которые бы сегодня назвали нетрадиционными.

— *Чингисхана и его приемников, до принятия ханами ислама в начале XIV века, отличала большая веротерпимость.*

— Как писал Лев Гумилев, в соответствии с Ясой Чингисхана «хан не мог вмешиваться в вопросы веры, а свобода совести всегда понималась монголами как личная свобода человека». В империи благосклонно относились ко всем видам религий. В русских княжествах христианские церкви были освобождены от налогов. Северные русские княжества до 1260 года также не платили никакой дани. Сам же основатель могучей евразийской державы и его дети исповедовали древнюю тибетскую религию Бон, являющуюся ответвлением митраизма.

Между империей и европейскими странами (Византия, Англия, Франция и т. д.) были установлены дипломатические отношения на уровне послов. В страну, в том числе и в столицу Каракорум, направлялись многочисленные экспедиции Ватикана, купцов, путешественников. Но, конечно, нет оснований идеализировать Чингисхана и его империю — это государство возникло в жестокое время Средневековья, когда жизнь человека мало что стоила. Политические цели достигались монгольскими ханами самыми беспощадными методами.

А после развала империи в XVI веке для этого государства наступил период забвения. Западные европейские ученые в угоду своим правителям и католической церкви «переделали» его историю, были уничтожены многие летописи, архивы, книги, памятники. Кануло в небытие и знание о языке межнационального общения в империи, местоположении ее первоначальной столицы — Каракорума, месте захоронения Чингисхана. Современное человечество лишено подлинных знаний о том, кто такие моголы и откуда они пришли в Центральную Азию.

— *Так монголы или моголы?*

— Первые упоминания слова «могол» встречается в китайских источниках начиная с VIII века. В Ватикане и средневековой Европе до XV века территория империи Чингисхана именовалась «Великой Моголией», а ее разноплеменное население — словом «моголы». О стране далеких предков

моголов писал еще в III веке до нашей эры первый китайский император Цинь Ши-Хуанди, сообщая, что далеко на севере от Китая имеется очень большое и сильное государство с иной культурой, где люди ходят в штанах из-за холода. Кстати, в Китае мужчины до XX века ходили в юбках.

История моголов неразрывно связана со Скифией. Напомню, что Геродот именовал скифами народы, живущие за Уралом. Он называл их самым справедливым народом в мире, отмечая, что если они едины, то ни одна страна не сможет им противостоять. В свою очередь древний историк Тимонакт сообщал, что Скифия представляла собой семь царств и включала 55 народностей, в том числе масагетов, аримаспов, царственных скифов с Алтая и из бассейна рек Обь и Енисей. Согласно преданиям, верховные жрецы (волхвы) скифов у Енисея имели некие летательные аппараты — их устройства описаны в древней индийской книге «Виманикашастри», которая была издана в романовской России.

Под давлением холодов многие скифские роды начали уходить в более теплые земли, в том числе и в районы Забайкалья, Китая, Ирана, Египта. Позднее их стали называть в этих местах моголами, возможно по имени упомянутых в Библии земли Магог и князя Гог. Приверженцы Ветхого завета подразумевали под Гогом и Магом все северные скифские народы, от которых позднее произошли славяне, татары и ряд других народов.

— Кстати, ученый Гезений считал, что слова Магог и Гог обозначают тот же самый северный народ, который древние греки называли скифами.

— По сведениям Плиния, именами Магог и Гог некогда назывались цари Ассирии и соседних с ними стран. В состав народов этих стран входили и скифские роды, которые позднее ушли в Персию и далее в район Джунгарии и хребта Тарбагатай, в Прибайкалье. В библейской энциклопедии, изданной в Москве в 1891 году, скифы также отождествляются с библейскими народами Магог и Гог. Авторы энциклопедии отмечают, что в слове «Магог» первый слог — «ма» означает страну, а целиком это слово значит «страна Гога».

Сами же скифы предпочитали называть себя по родам — авхаты, катиары, паралаты и т. д. Легенды сообщают, что прародителями скифов были Таргатай и три его сына: Липоксай, Арпоксай и Калаксай. К почитаемым скифами богам принадлежали Гайтосар, Фигумасар, Аргимпас. Их прародина находилась в районе хребта Тарбагатай, Алтай и бассейна Оби. Обратите внимание: на картах Забайкалья сохранилась скифская топонимика. В Бурятии скифские названия имеют населенные пункты Тарбагатай, Загустай, Галгатай и др. В Читинской области по обе стороны реки Онон, на территории улуса Чингисхана, таких названий десятки — Чиндачатай, Чингильтуй, Бутунтай, Кургатай, Кулусутай и т. д. В районе Алтая, Саян, Байкала, а так же на территории Монголии обнаружены многочисленные скифские захоронения, что подтверждает связь Скифии и «Великой Моголии». После XVI века, когда Империя исчезла, в Европе в слово «могол»

не без умысла добавили букву «н», придав названию жителя некогда могучего государства иной эзотерический смысл. Так появились «монголы».

— *С татарами тоже не все так просто...*

— Происхождение слова «татары» является не менее загадочным. Китайские хронисты называли так все разноплеменные степные кочевые народы, обитавшие в Великой степи к северу от Китая. Сначала они назывались тартары, а с XVII века — татары. Среди них различались волжские, крымские, белые татары. На географических картах до XVII века территория по обе стороны Уральских гор именовалась как Тартария (Tartaria).

Из греческих легенд известно, что бог Зевс отправил своего отца Крона и непослушных титанов в Тартар, на далекие заброшенные острова Блаженных, расположенные к северу от Ямала. Согласно преданию, на одном из этих островов — острове Белый по-прежнему находится усыпальница Крона. Ключом для прочтения слова «Тартар» является, как мне представляется, Всеясветная грамота, являвшаяся в древней Руси азбукой наших предков, хранимая в славянских святилищах по сей день. Всеясветная грамота исходит из того, что каждая буква и слог несут информационный смысл. Так, в слове «Тартар» первое «тар» означает землю-родину для всех здравствующих арийских народов («ар»). Второе «тар» указывает на землю предков ариев.

После ухода арийских народов из Сибири, своей прародины, и заселения ее территории другими народами, название «Тартар» было заменено на «Татар» путем изъятия одной буквы «р». Тем самым это слово обозначает уже другой народ, поселившийся на прежней земле ариев, где от них остались только могилы предков, следы городов и памятников культуры. Предки современных татар с I века жили на Дальнем Востоке, переселившись туда с земель тихоокеанского побережья, постепенно ушедших под воду. В конце первого тысячелетия татарские народы стали перемещаться в западном направлении, в Сибирь. С образованием империи Чингисхана они переместились к западу от Урала, вплоть до Северного Кавказа и Крыма.

— *Лев Гумилев объясняет наличие русских поселений в азиатских районах империи тем, что на Руси, вследствие распространения христианства, стать дружинником у князя можно было только после крещения. Приверженцы древней славянской веры предпочитали перейти на службу к монгольским ханам, которые охотно принимали русских воинов — и крещенных, и нет.*

— Да, так около Пекина возникли целые русские слободы, просуществовавшие до конца XIV века, пока не были уничтожены китайцами в ходе антимонгольских восстаний. В 1370 году Каракорум вновь стал имперской столицей. Но спустя десять лет, в год Куликовской битвы, он был сильно разрушен войсками китайской династии Мин. Однако, как населенный пункт он был известен вплоть до XIX века. На его месте и сегодня должны сохраняться под культурным слоем вековых напластований земли

фундаменты зданий, катакомбные ходы. Можно обнаружить прежние некрополи с усыпальницами, храмы, обелиски с надписями на каменных плитах, сокровища великого хана... По праву полководца Чингисхан получал немало ценностей, захваченных в военных походах. Их значительную часть он преподносил в дар богам и духам предков в культово-духовных центрах. Эти центры находились в различных районах империи (от Кавказа до Забайкалья). Дары правителя уносились в глубокие хранилища. Археологов ожидает еще много интересных находок, в том числе и между реками Куэнга и Курлыч, впадающих в Шилку. К северу от этого района за нынешним городом Чернышевском находится легендарная гора Бурхан-Халдун...

«Здесь все до магмы славянское!..»

Официальная наука отсчитывает начало российской государственности с осени 862 года, так как считается, что «залетный» предводитель варягов Рюрик вззошел на княжеский престол 21 сентября. Эту версию мы хорошо усвоили еще из школьных учебников. Она незамысловата и привнесена в общественное сознание немецкими историками, прибывшими в Россию при Екатерине II. Дескать, еще в IX веке на территории нынешней России жили отдельные славянские и финские племена, постоянно враждовали между собой и, устав от распрей, обратили с надеждой свои взоры на Запад. Впрочем, и Карамзин утверждал, что новгородцы обратились к варягу по имени Рюрик со словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет — идите княжить и владеть нами». «Цивилизованный» Рюрик пожалел неразумных славян и пришел управлять Русью.

Все это объяснимо: оказавшаяся на русском престоле София Ангальт-Цербстская нуждалась в «легитимизации». Так возник социальный заказ на такую «историю Руси», которая бы обосновывала норманнскую версию происхождения государства. Дескать, был уже прецедент, когда для ведения порядка на Руси призывали иноземного правителя.

Между тем, имеется немало исторических свидетельств, позволяющих утверждать, что Рюрик был не основателем новой династии, а продолжателем старой. Его дед по материнской линии — князь Гостомysl правил Новгородом в IX веке. Летописи древнего Новгорода, в том числе летопись новгородского епископа Иоакима, позволяют утверждать, что Гостомysl вел свой род — в одиннадцатом колене — от Славена. Видимо, имелся в виду антский князь, живший в начале V века (для сведения: анты — объединение славянских племен, занимавшее в V-VI веках земли между Днестром и Днепром). У Гостомysла было семеро детей: четверо сыновей и три дочери, которых он по традиции выдал замуж за правителей соседних славянских земель. Одна из этих дочерей — Умила, по сведениям Иоакимовской летописи, и была матерью Рюрика.

В начале IX века земли Новгорода стали объектом притязаний датских викингов, которые стремились установить контроль над путем «из варяг в греки» — из Балтики в Черное море по рекам, протекавшим через славянские земли.

Этот исторический период, конец VIII — начало IX века, — время активизации военных походов викингов (виком называлось в Скандинавии военное поселение). Явление викингов было обусловлено возникновением избыточного мужского населения на территории Скандинавии и Дании. Младшие сыновья феодальных правителей, будучи не в праве рассчитывать на отцовское наследство, собирали дружины из искателей приключений и отправлялись в морские разбойничьи походы на юг в надежде на богатую добычу и воинскую славу. Среди этих «солдат удачи» были не только норвежцы, шведы, датчане, но и славяне, финны, балты. Немало наёмников из северных земель служило у византийского императора (вэринги — «принесшие клятву»), В Западной Европе скандинавских пиратов именовали норманнами — «людьми Севера» (от слова *Nordmann*).

С датскими искателями приключений пришлось столкнуться ещё отцу Гостомысла, князю Буривому, и удача не сопутствовала новгородскому правителю. Его войско было разбито, а город разграблен датчанами. Гостомыслу удалось вернуть княжеский престол, выбив викингов с новгородских земель. Но угроза новых набегов сохранялась.

К 862 году ни одного из четырёх сыновей Гостомысла уже не осталось в живых — не то умерли, не то погибли в схватках с недругами. Это и побудило постаревшего Гостомысла вспомнить о внуке — Рюрике.

Ещё в начале IX века Умила была выдана за князя рарогов Годолюба — его ещё именуют Годославом, а в западноевропейских хрониках он назывался Годлавом. Рароги были одной из ветвей прибалтийских славян с главным городом Рарогом (у германцев — Рерик) и входили в союз бодричей (ободритов), контролировавших южное побережье Балтийского моря. Славяне тогда занимали значительную часть нынешней восточной и северной Германии, включая Мекленбург и Гамбург, частично территорию земель Шлезвиг-Гольштейн и Нижняя Саксония. По преданию, свой род рароги вели от священного сокола Рарога — воплощения славянского Огнебога Семаргла. На балтийском острове Руяне (Рюген) в городе Арконе находилось одно из главных славянских святилищ — храм Святовита (Световита, Свентовита) — бога Белого света.

Княжество Годолюба, отца Рюрика, соседствовало с землями саксов, входивших в состав империи франков, на престоле которой находился тогда Людвик Благочестивый, сын Карла Великого. Датский король Готфрид, северный сосед славянского князя, находившийся, как говорится, в конфронтации с франкской империей Каролингов, стремился объединить в единое сильное государство земли датчан, норвежцев, шведов и прибалтийских славян. В 808 году он разгромил немногочисленное войско

Годолуба, земли которого были включены в датское королевство, а сам князь повешен.

Умила с малолетними детьми сумела скрыться где-то в соседних славянских землях. Спустя почти два десятилетия, в 826 году, согласно хронике одного из германских летописцев, Рюрик и его сводный брат Харальд объявились при дворе императора Людвига Благочестивого. Видимо, братья рассчитывали на его поддержку в борьбе с датчанами за возвращение отцовского княжества. Но реальной помощи славянин Рюрик от франков не получил — не помогло и то, что он отказался от славянских богов и был крещён самим императором.

Дальнейшая жизнь внука Гостомысла похожа на авантюрный роман. Собрав дружину таких же безземельных искателей приключений и забыв о крещении, обязывающем к благочестию, Рюрик начинает жизнь «настоящего» норманна. Вскоре он становится одним из самых удачливых предводителей морских разбойников. Западноевропейские хроники сообщают, как в 843 году его отряды сожгли Нант, затем направились на юг и разграбили Лиссабон и Севилью, достигнув в итоге побережья Северной Африки. В 850 году хроники вновь упоминают успешные набеги викингов на прибрежные английские города.

Но мысль вернуть отцовское княжество не покидала Рюрика. В 854 году он обращается к старшему сыну франкского императора — Лотарю с просьбой признать за ним права на захваченные датчанами земли отца. Лотарь вроде бы поначалу поддержал пирата, но затем передумал: воевать с датским королём ему не хотелось, а в одиночку противостоять датчанам Рюрику было нереально. Хотя в западноевропейских хрониках и есть упоминания о попытках Рюрика, получившего прозвище «Ютландский», бороться за отцовские земли, исход этого был очевиден. Ему светила незавидная участь: погибнуть в одной из стычек с датскими рыцарями или вновь отправиться в пиратский поход и рано или поздно сгинуть в морской пучине. Так завершало жизненный путь большинство викингов.

Поэтому неожиданное предложение уже почти забытого деда прийти княжить в землю Новгородскую было Рюрику весьма кстати. Какому отпрыску княжеского рода не хотелось провести остаток жизни в тепле в богатых землях предков? Кстати, Карамзин неточен при ссылке на древнерусские летописи, приписывая новгородцам слова: *«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет...»* В летописях говорится несколько иначе: *«наряда в ней нет»*, *«нарядника в ней нет»* — т. е. речь идёт об отсутствии правителя, а не порядка. Гостомысл был очень стар, и единственным способом не дать угаснуть княжеской династии было найти кого-то по линии одной из дочерей.

Решение «вопроса о преемнике» проходило коллективно, с участием правителей союзных Новгороду славянских и финских племенных союзов. То, что выбор пал на Рюрика, было весьма логично: он был опытным военачальником, прошедшим суровую школу жизни и известным при дворе

франкского императора. Немаловажно было и то, что Рюрик ненавидел противников Новгорода — датчан, убивших его отца и отобравших княжество. Никто лучше его защитить Новгородские земли в той обстановке вряд ли смог.

Правда, долгие десятилетия скитаний на чужбине «выветрили» из внука Гостомысла «славянский дух». Он был скорее норманн, чем славянин. Его жена Ефанда происходила, по некоторым сведениям, из рода норвежских королей. Но это не смутило славянских и финских вождей, решавших в Новгороде судьбу Северо-Западной Руси, ибо речь шла о национальном выживании: с северо-запада «наседали» датчане и шайки балтийских пиратов, с юга угрожало хазарское государство, стремившееся установить контроль над всеми землями восточных славян. Недружественную по отношению к славянам политическую игру вёл византийский император.

На историческую родину Рюрик прибыл с разноплеменной дружиной испытанных воинов. При нем находился брат жены — норвежец Одда, который в русскую историю вошёл как Олег Вещий — т. е. вождь. Именно Олег стал править в Северо-Западной Руси после смерти Рюрика, пока не повзрослел сын Рюрика Игорь. Под его командованием в 882 году «варягами» был захвачен Киев, а в 912 году после осады Царьграда подписан договор с Византией. Олег был женат на старшей дочери Гостомысла, родившей ему Прекрасу, переименованную позднее в Ольгу, которая-то и стала женой князя Игоря.

До сих пор бытует ошибочное мнение, что вместе с Рюриком прибыли два его брата Синеус (Синав, *Sinav*) и Трувор (*Truvor*). Об этом писал ещё в самом начале XVII века итальянец Мавро Орбини со ссылкой на Сигизмунда Герберштейна: Рюрик (*Rurich*) прибыл на Русь с двумя братьями из вандальской провинции Вагрии, славянской области на берегах Балтийского моря. Однако ни одна западноевропейская хроника не упоминает о Труворе и Синеусе. Есть версия, что по звучанию эти «имена» напоминают норвежское «его дом» и «свои воины», что представляется вполне логичным.

Существует и ряд других нетрадиционных гипотез происхождения Рюрика. В 1879 году русский фольклорист Елпидифор Барсов опубликовал устное сказание о князе Рюрике, не совпадающее с общепринятой концепцией призвания варягов. Северные же предания того времени гласили, что подлинное имя Рюрика Юрик и прибыл он в Северо-западную Русь из Приднепровья. Небалтийской версии происхождения Рюрика придерживается ныне и ряд других исследователей. На основании анализа основного списка «Повести временных лет» — Радзивиловской (или Кенигсбергской) летописи, они делают вывод о том, что лист с «норманнской» теорией, которая легла в основу школьного курса истории, был кем-то вклеен в летопись во времена первых царей из династии Романовых: «лишний» лист имеет церковнославянский номер 9 и арабский — 8.

Безусловно, нет оснований идеализировать последствия княжения Рюрика на Руси. Призвание в Новгород правителя, мировосприятие которого сформировалось в среде прибалтийских славян и германцев, имело не только положительные стороны. Известно, что под воздействием германских и балтийских религиозных культов у прибалтийских славян, в отличие от восточных, к VIII веку существенно были поколеблены устои древней ведической религии. На их мировоззрение сильное влияние оказало идолопоклонничество германцев, практиковавших человеческие жертвоприношения. У восточных славян издревле были добрые боги, и жестокие нравы Рюрика и его иноземной дружины вызывали неприятие. Однако с приходом внука Гостомысла в религиозный культ восточных славян вошли жертвоприношения, что в последующем способствовало утверждению новой, более доброй религии — христианства.

О жизни Рюрика в Новгороде известно немного. Правил он, подобно западноевропейским феодальным владыкам, жестоко. Первым делом был «срублен» новый укрепленный город Ладога, где и «сел» князь. Первая Ладога располагалась не на левом берегу Волхова недалеко от Ладожского озера, а посреди самой Ладоги на острове. Новгород, вопреки утверждениям Карамзина, никогда не был стольным градом Рюрика — во всяком случае, письменных свидетельств этому не сохранилось.

В 864 году новый правитель подавил восстание новгородцев во главе с Вадимом Храбрым — по предположению русского историка Татищева, сыном одной из дочерей Гостомысла, т. е. своим двоюродным братом. В 873-875 годах он совершил поездку в Западную Европу, вёл переговоры с кем-то из сыновей умершего императора Людовика Благочестивого, но об их содержании сведений не сохранилось. Быть может, князь пытался договориться о союзе против датчан, хотя это только предположение. В 879 году Рюрик скончался.

В наше непростое время споры о происхождении Рюрика и обстоятельствах его призвания на княжение могут показаться бессмысленными — прошло ведь более одиннадцати веков. Но будем помнить: восстановление исторической памяти — путь к возрождению духовного потенциала России, обретению народом веры в свои силы.

Завершая повествования о Рюрике, коротко расскажем о судьбе Арконы — святой земли балтийских славян. Некоторые исследователи вполне оправданно считают этот погибший город святым символом славянских племён, живших на южном побережье Балтики. Эта славянская святыня располагалась на Ругии, или Руяне, — острове в Балтийском море (современный Рюген). Аркона когда-то была очень влиятельным городом. Саксон Грамматик так описывал его: *«Город Аркона лежит на вершине высокой скалы; с севера, востока и юга ограждён природной защитой... с западной стороны защищает его высокая насыпь в 50 локтей... Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается деревянный храм, прекрасной работы, но почтенный не столько по великолепию*

зодчества, сколько по величию бога, которому здесь воздвигнут кумир. Вся внешняя сторона здания блистала искусно сделанными барельефами различных фигур, но безобразно и грубо раскрашенными. Только один вход был во внутренность храма, окружённого двойной оградой... В самом храме стоял большой, превосходящий рост человеческий кумир... Волосы и борода были подстрижены коротко, и в этом, казалось, художник сообразовывался с обыкновением руян. В правой руке кумир держал рог из различных металлов, который каждый год обыкновенно наполнялся вином из рук жреца для гадания о плодородии следующего года; левая рука уподоблялась луку. Верхняя одежда спускалась до берцов, которые составлены были из различных сортов деревьев и так искусно были соединены с коленами, что только при внимательном рассматривании можно было различить фуги. Ноги стояли наравне с землёй, их фундамент сделан был под полом. В небольшом отдалении видны были узда и седло кумира с другими принадлежностями. Рассматривающего более всего поражал меч огромной величины, ножны которого, помимо красивых резных форм, отличались серебряной отделкой... Кроме того, при нем был конь, совершенно белый, у которого выдернуть волос из гривы или хвоста почиталось нечестием... Святовита символизировали разные знаки, в частности, резные орлы и знамёна, главное из которых называлось Станица... Власть этого небольшого куска полотна была сильнее власти княжеской».

Западноевропейские хроники повествуют о её последних годах в XII веке:

1123-1124. Князь западных славян-бодричей (ободритов), живших по нижнему течению Лабы (Эльбы), Генрих попросил помощи у германского императора, чтобы выступить войной на Ругию. Мотив — месть за смерть своего сына, убитого руянами. Те, видя преимущество врага, выслали своего жреца для переговоров. Цена мирного договора была очень велика — 4400 серебряных марок выкупа. Руяне, не имевшие такой суммы, обращаются к жрецам храма Святовита, и отступные выплачиваются славянской святыней в Арконе из своей сокровищницы. Однако князь Генрих почувствовал себя обманутым при взвешивании серебра. Хотя он и часть получил денег, война все же разгорелась вновь, и руянам удалось одержать верх.

1128. Западные соседи, у которых католическое христианство уже стало государственной религией, продолжают военное давление на балтийских славян, остававшихся верными своей древней вере. Несмотря на военную помощь Ругии, был насильственно христианизирован Щецин. Противники руян умело использовали при этом внутриславянские междоусобицы.

1136. Датский король Эрик, поддерживаемый католическими епископами, развязал большую войну, выступив в крестовый поход на славян. Ругия была разорена. Эрику удалось захватить Аркону, перекрыв для её защитников доступ к питьевой воде. Когда надежда на помощь угасла, руяне спрятали святое изваяние Святовита. Ища спасения для своего народа, жрецы притворно поддались требованиям короля принять христианство и приняли

добровольно-принудительное крещение, омыли свои тела и утолили жажду в ближайшем пруду. Датчане, уходя, оставили в крепости католического священника, чтобы он надзирал за укоренением новой веры... Как только солдаты Эрика погрузились на корабли и отплыли в Данию, священник был вышвырнут за ворота Арконы. Руяне вновь стали поклоняться своим богам.

1147. Во время очередного крестового похода руяне спасли от поражения Никлота, князя бодричей, своих недавних противников, послав им на помощь свой флот. Но соотношение сил продолжало изменяться не в пользу славянских княжеств. Маленький остров в Балтийском море окружали не только бурные волны, но и враждебные католические государства.

1160. Князь Ругии Тетыслав начал переговоры с датским правителем Вальдемаром I Великим, а также с епископом Роскильда Абсалоном. Ему удалось заключить мирный договор, а в 1162 году руяне даже поддержали датчан при осаде Вологощи. Епископ Абсалон принял вскоре участие в совете руян, где высказал пожелание о принятии христианства жителями Ругии. Князь Тетыслав поддержал предложение, учитывая сложившуюся для острова неблагоприятную военную ситуацию. Тем более что принятие новой религии было в его собственных интересах, так как власть князя сильно ограничивали жрецы, а христианизация навсегда устранила бы жреческое сословие из «политического расклада». Но жители острова, поддержанные жрецами, выступили против. К тому времени Руян оставался единственным славянским княжеством в Европе, продолжавшим придерживаться старой веры.

19 мая 1168 г. Датские крестоносцы под предводительством короля Вальдемара и епископа Абсалона высадились на Ругии. Вместе с ними на остров прибыли отряды саксонского герцога Генриха Льва, которыми руководили княжичи Казимир и Богуслав, князь бодричей Прибыслав и епископ Мекленбургский Верно. Началась осада Арконы. Крестоносцы буквально залили её предместья реками крови жителей, не успевших укрыться за крепостными стенами. Укреплённый город взять было нелегко: высота стен с валом достигала 27 метров. Оставалась надежда на длительную осаду и на то, что у защитников закончатся запасы питьевой воды. Осаждённые, уверенные в своих силах, покрыли башню над воротами знамёнами и орлами. Среди них была и знаменитая Станица — военное знамя руян, которое они чтили как стяг всех богов.

12 июня 1168 г. Крестоносцам удалось поджечь башню и ворота, а нехватка воды не позволила осаждённым погасить пламя. Захватчики ворвались в город, началась резня. Некоторые жители, оказавшись в безвыходной ситуации, бросились в огонь, не желая стать рабами. Датский король, сидя на кресле, хладнокровно наблюдал за происходящим...

К сожалению, сегодня о славянских княжествах на территории современной Германии мало что известно. Археологические исследования почти не ведутся, а случайные находки не становятся достоянием научной общественности. Даже во времена Восточной Германии (ГДР) наша

официальная наука не проявляла интереса к археологическим исследованиям на Рюгене.

В 1996 году была издана книга российского художника Ильи Глазунова «Россия распятая», в которой он затрагивает и эту тему. Он написал: «Помню, как в Германии, точнее в ГДР, где я работал над воплощением сценических образов “Князя Игоря” и “Пиковой дамы”, меня неудержимо влекло на знаменитый остров Рюген, где находилась славная Аркона — древний религиозный центр, если хотите, Мекка наших предков — прибалтийских славян. Советские учебники по истории, равно как и сами наши ученые, очевидно, имея на то свои причины, словно забыли о тысячелетнем бытии наших предков на берегах Балтики <...>. Будучи на острове Рюген и узнав об археологических раскопках, я поспешил познакомиться с молодыми археологами, студентами Берлинского университета... Один из них, сокрушенно покачав головой, сказал: “Как жалко, что вы опоздали!..”

— Почему опоздал? — удивленно спросил я. Молодой человек рассказал мне, что несколько дней назад они откопали славянскую деревянную ладью IX века и за ненужностью вчера снова засыпали ее землей.

— Как?... Зачем вы это сделали?

Молодой археолог уклончиво ответил: “А кому она нужна?”

— Как кому? — я не мог прийти в себя от изумления, — ну, послали бы в Москву!

Посмотрев на меня серыми глазами викинга, немецкий юноша отвел взгляд: “Москва этим не интересуется”.

— Ну, как же, помилуйте, у нас есть знаменитый историк и археолог академик Рыбаков.

Викинг нахмурил загорелый лоб: “Мы знаем имя геноссе Рыбакова от нашего руководителя, ученого с мировым именем геноссе Германа. Наше дело копать, а результаты находок докладывать профессору”.

Будучи в глубоком волнении, я спросил у моего нового знакомого, какие же самые интересные находки были обнаружены немецкой экспедицией. Потомок тевтонов пожал плечами и произнес раздраженно фразу, которая врезалась в мою память на всю жизнь: “Здесь все до магмы славянское!..”»

Глазунов рассказал также о своем разговоре в Берлине с заместителем профессора Германа, который поведал советскому гостю: «Могу вам сказать, что у нас в ГДР существует огромный склад, набитый славянской археологией и древнейшими книгами, написанными по-старославянски. После окончания войны мы многое свезли в это хранилище, и до сих пор никто в нем не копался... <...> Никто из ваших советских или наших ученых не проявлял пока к этому интереса».

Увы, за прошедшее время в подходе к исследованию великого прошлого славян на территории Западной и Центральной Европы мало что изменилось к лучшему. Миллионы наших сограждан продолжают считать

княжича Рюрика из славянского Рарога скандинавским варягом, хищным викингом...

Часть 4 Несокрушимая армия великой державы

«Вспомним, братцы, россос славу!», или Когда на Руси армия родилась

Одной из актуальных проблем в рамках обретения исторической самоидентификации после распада СССР в постсоветской России стало создание новой системы общенациональных праздников. Предметом озабоченности стал, в частности, вопрос, о дне создания Вооруженных сил. Оживленное обсуждение этой даты велось в среде военнослужащих и историков в 1990-е годы, но к однозначному мнению, где ж она, отправная точка в создании регулярной армии в России, участники дискуссии не пришли. Хотя для всех очевидно, что 23 февраля следует оставить в качестве общенационального праздника вооруженных защитников Отечества. По крайней мере, пока живы люди, выросшие и сформировавшиеся в советское время, а потому в своем большинстве очень болезненно воспринимающие все, что связано с отказом от традиций.

Сама по себе дата эта, надо признать, весьма уязвима в историко-научном отношении. В тот день никаких решений о создании РККА — Рабоче-крестьянской красной армии — первое советское правительство во главе с Владимиром Ульяновым-Лениным не принимало. Как известно, такое решение было принято еще 15 января того года. Решение оформили декретом Совнаркома, положив в основу комплектования РККА принцип добровольчества.

Каких-либо успехов на фронтах 23 февраля 1918 года также достигнуто не было. Правда, в тот день в районе деревень Большое и Малое Лопатино под Псковым бойцы 2-го красноармейского полка под командованием А. И. Черепанова вступили в бой с передовым отрядом германских войск, наступавших на Петроград. Историческим это событие вряд ли можно было считать, хотя в 1968 году на том самом месте был сооружен памятник. В ходе боестолкновений 23 февраля 1918 года, происходивших в 10-25 километрах от Пскова, немецкие войска не были разгромлены, и вечером следующего дня они заняли станцию Псков-1, а 28 февраля захватили весь город. Более того, бои в 20-х числах февраля отмечены не только мужеством бойцов ряда подразделений Красной армии, но и трусливым бегством с поля боя отряда матросов во главе с Павлом Дыбенко, которого за сдачу немцам Нарвы исключили из Коммунистической партии и отдали под трибунал. От расстрела незадачливого председателя Центробалта спасли близкие отношения с Александрой Коллонтай, пользовавшейся уважением у Ленина и других большевистских лидеров.

Празднование в Советском Союзе годовщины Красной армии именно 23 февраля — дело господина случая, который всегда играл и будет играть большую роль в истории, судьбах народов и государств. На 16 февраля 1919 года, воскресенье, в Москве был объявлен сбор подарков для бойцов Красной

армии. Однако, как часто бывает, вовремя организовать мероприятие не успели и потому перенесли на следующий выходной, который волею случая выпадал на 23 февраля. День этой акции нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета республики Лев Троцкий объявил в своем выступлении праздником первой годовщины Красной армии.

После 1919 года с торжествами по случаю 23 февраля наступило затишье, и только лишь в 1923 году эту дату вновь стали отмечать как день рождения РККА, хотя для партийных и военных руководителей и была ясна случайность выбора. В 1934 году нарком по военным и морским делам Климент Ворошилов в газете «Правда», в материале, посвященном 15-летнему юбилею Красной армии, довольно смело по тому времени признал: «Кстати сказать, приурочивание празднества годовщины РККА к 23 февраля носит довольно случайный и трудно объяснимый характер и не совпадает с историческими датами».

Но что случилось, то случилось. В массовом сознании 23 февраля знаковая дата, праздник всего мужского населения, обязанностью которого издревле — в жизнеспособном обществе — является защита государства. Этот праздник и в дальнейшем целесообразно использовать в интересах военно-патриотического воспитания молодежи, передачи ей лучших традиций защитников Отечества.

А поиск корней Российской армии, как представляется, надо вести в глубине веков, ибо наше Отечество родилось не в 1917 году, и даже не в 1991-м. История создания на Руси единого централизованного государства имела тернистый путь, на котором и происходило рождение регулярной армии. Но так уж устроен наш жестокий мир, что основные события исторической значимости вершатся с помощью вооруженного насилия.

Не секрет, что Россия как централизованное государство сложилась в результате довольно случайного возвышения Московского княжества, сумевшего после распада империи Чингисхана и Золотой Орды последовательно нанести посредством успешных военных походов и искусной дипломатии поражение своим соперникам — Твери, Рязани, Ярославлю, Новгороду, Западной Руси, Казани, Астрахани. Впрочем, так образовывались все европейские государства: одни князья оказывались умнее, хитрее, удачливее других и подчиняли себе их земли. Власть никто добровольно не отдает, ее берут или силой, или хитростью.

Вполне возможно, что объединителем земель на просторах Северо-Западной Евразии могло бы стать другое княжество или ханство — та же Казань, но история распорядилась так, что победила Московская Русь, одна из ветвей Рюриковичей, пусть и не самая родовитая. Простой же люд в подчиненных землях только выиграл от создания централизованного государства, что уже давно и убедительно доказала сама жизнь.

Все предубеждения относительно московских государей — того же Ивана IV, прозванного Грозным, и их роли в создании регулярной армии, что говорится, от лукавого. Да, жесток был Иван Васильевич, зверствовал в

отношении и своих людишек, и соседей, и завоеванных земель. Разбил Новгород, устроил погром в Ярославле. Именно он окончательно подчинил Казань и Астрахань, что, кстати, позволило прекратить грабительские набеги с Востока и захват в плен десятков тысяч русских жителей. А разве правители из других государственных образований, до и после Московии, были бы лучше и добрее? Цари и короли, извините, бывают добренькими только в сказках и балладах.

Бесспорно, что именно великий князь Иван IV, объявивший себя в 1547 году «царем всея Руси», многое сделал для создания централизованного государства и постоянного национального войска. В середине XVI века оно уже имело отдельные элементы «регулярства», а 1 октября 1550 года был объявлен приговор (указ) Ивана IV «Об испомещении в Московском и окружающих уездах избранной тысячи служилых людей». В число этой тысячи вошли мелкопоместные дворяне, которые составили ядро командного состава постоянного войска. В том же 1550 году на основании специального указа государя было создано шесть стрелецких полков, по 500 воинов в каждом, служба которых была пожизненной и наследственной. Стрельцы набирались из вольных («охочих») людей, свободных крестьян и посадских, которые были на государственном обеспечении и жили в особых слободах. В истории сохранились имена первых начальников (голов) стрелецких полков (приказов): Григорий Пушечников, Дмитрий Ржевский, Иван Черемисинов, Василий Прончищев, Федор Дурасов, Яков Бундов.

К началу Смутного времени удельный вес этой «огнестрельной пехоты» существенно вырос, и ее численность превысила 20 тысяч воинов. Стрелецкое войско составляло костяк вооруженных сил Московского царства, которому приходилось немало воевать и с западными, и с южными, и с восточными соседями, которые не отличались миролюбием по отношению Москве. При Иване IV, осуществившем назревшие преобразования в военной сфере, на Руси появился и первый воинский устав — «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». Произошло также выделение «наряда» (артиллерии) в самостоятельный род войск, служба в котором стала постоянной.

Поэтому у историков, которые берут за точку отсчета 1550 год, есть весомые аргументы. Именно 1 октября этого года знаменует начало создания постоянной армии Московского царства — нового централизованного Русского государства со столицей в Москве, исторической преемницей которого является Российская Федерация — нравится это кому-то или нет.

Как известно, при отце Ивана IV — великом князе Василии Ивановиче — главной военной силой Московской Руси были помещики (от понятия «поместить на землю») — служилое дворянство. Поместное ополчение составляло тогда ядро московского войска. В случае военной опасности удельные князья также выделяли свои вооруженные отряды в состав войска, численность которого порой достигала 200 тысяч. Помимо того, в состав войск великого князя входили пушкари — артиллерийский «наряд», и

«пищальники» - пехота, вооружённая огнестрельным оружием, набираемые из городских ремесленников.

Искать дату создания Вооружённых сил России в более глубокой древности — чуть ли не со времен Рюрика и Вещего Олега, как делают некоторые общественные деятели, вряд ли оправданно. Создание армии как инструмента политики неразрывно связано с процессом создания централизованного Русского государства. Оно стало образовываться только XVI веке — при великом князе Василии Ивановиче, который включил в состав Московской Руси Псков (1510), Смоленск (1514), Рязанское княжество (1521).

Время от времени предпринимаются и попытки перенести дату создания регулярной армии на более поздний срок — период царствования Петра I, который в 1699 году распустил стрелецкое войско и приступил к созданию «полков нового строя» по системе рекрутского набора. 8 ноября 1699 года был объявлен указ «О приеме в службу в солдаты всяких вольных людей». В тот же месяц Петр Алексеевич издал еще несколько указов о формировании «прямого регулярного войска». Новобранцы набирались в пехотные и драгунские полки на пожизненную службу. В 1699 году было сформировано 27 таких полков, а ранее существовавшие дворянские, стрелецкие и «нового строя» полки упразднены.

Однако считать Петра I создателем регулярной армии — несмотря на его бесспорные заслуги в развитии военной организации государства — неправомерно. Он и сам не претендовал на пальму первенства в этой области, зная, что в 1647 году, при его отце, государе Алексее Михайловиче, были сформированы полки «нового строя» — солдатские, рейтарские и драгунские, которые комплектовались из числа крестьян и горожан. Тогда же для командного состава были введены офицерские и генеральские звания, заимствованные у западноевропейцев. А первые имевшие регулярное устройство полки, Московский и Бутырский, вообще были сформированы в 1642 году. Так что Петр Великий никак не может претендовать на роль создателя Русской армии. Его военные реформы — это лишь очень важный этап в процессе строительства национальных вооружённых сил. К тому же, после его смерти «новая армия» пришла в небоеспособное состояние, а флот сгнил. Кстати, заново все начинали при Анне Иоанновне...

В связи с этим есть достаточно весомые основания рассматривать дату 1 октября 1550 года как знаменующую зарождение в России постоянного национального войска, имевшего элементы регулярного устройства. Установление Дня создания Российской армии отнюдь не дезавуировало бы значение Дня защитников Отечества, который действительно стал общенародным праздником и потому должен быть сохранен.

Одна из трудностей в определении Дня создания Российской армии — недоброжелательное отношение ряда представителей общественности и историков к личности Ивана IV. Дескать, «неправильный царь» — покорил Казань в 1552 году, устроив после взятия крепости массовую резню, покончил

с вольностью казанской знати, интегрировав её в элиту единого централизованного государства. Но следуя этой логике, надо забыть и о победе на поле Куликовом, и о походе Ермака в Сибирь, о сражениях Александра Невского, боях князя Дмитрия Пожарского против поляков, которых пригласили в Москву наши же бояре... В войнах всегда кто-то побеждает, и кто-то терпит поражение.

Если уж стоять на почве конкретных исторических фактов, то первое боевое применение стрелецких полков связано не с походом на Казань, а с отражением набега крымского хана Девлет-Гирея на Тулу в июне 1552 года. Тогда стрельцы в составе «царева полка» Ивана IV выступили на помощь осаждённому гарнизону русской крепости. Лишь после этого состоялся Казанский поход с целью устранить угрозу для Москвы с Востока.

Кстати, в походе вместе с русским войском участвовали верные союзники Москвы — отряды касимовских татар. Это свидетельствует, во-первых, о том, что речь не шла ни о каком межконфессиональном и межнациональном конфликте. Во-вторых, что далеко не все татарское население Восточной Европы в то время ориентировалось на казанского хана. В середине XVI века имело место столкновение двух феодальных государств, в котором верх взял более сильный.

В общем, среди историков нет пока единой точки зрения на дату празднования Дня создания Российской армии, спектр их мнений довольно широк. В этом мы смогли убедиться в ходе разговора за «круглым столом», проведенного в правлении Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), в котором участвовали писатель Алла Бегунова — председатель Военно-исторической секции Центрального совета ВООПИК, президент Академии военных наук генерал армии Махмут Гареев, член Пушкинской комиссии Института мировой литературы РАН кандидат исторических наук Пантелеймон Грюнберг, член ВИК при ЦС ВООПИиК Александр Подмазо, член правления ВООПИиК Всеволод Синдеев, главный редактор издательства «Рейтар» Александр Таланов.

ПОДМАЗО: В литературе долгое время говорилось о том, что регулярная армия появилась у нас с Петром I. Приводится — дата 1699 г. — создание первых «потешных полков» и т. д.

— *Если точнее, то свою историю «потешные» ведут с 1683 года, а в 1699-м в России уже был объявлен первый рекрутский набор...*

ПОДМАЗО: Все равно утверждение о создании регулярной армии не укладывается ни в ту, ни в другую дату, потому, как и до этого, были полки выборные, гарнизонные, которые тоже являлись регулярными.

СИНДЕЕВ: Конечно, они были регулярными!

ПОДМАЗО: Даже Петр, создавая «Устав воинский» 1716 года, писал в статье 1-й: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш блаженный, вседостойный памяти, в 1647 году начал регулярное войско употреблять, и устав воинский издан был». То есть Петр I ссылается на Алексея

Михайловича и говорит, что регулярное войско началось при нем. Наверное, имеется в виду появление в России выборных полков — полков нового строя.

ГРЮНБЕРГ: Упоминание Петром I своего отца — это в первую очередь этикетная форма, которая связана законодательным творчеством. Когда приступают к великому делу, обязательно обращаются к традициям. Государь ссылается на своего отца, как на некое начало. Если бы писал Михаил Федорович, то он ссылался бы... ну, не на Годунова, это был изгой среди династической среды, а, допустим, на Ивана Грозного.

ПОДМАЗО: Все же при Тишайшем регулярные полки уже существовали. Первые два наемных полка появились в 1630 году, через год их разогнали, а в 1632-м создали уже российские полки под командой иностранных офицеров. Поэтому 1632 год долгое время считался датой создания регулярной армии.

СИНДЕЕВ: В 1632-1634 годах мы позорно проиграли Смоленскую войну с Польшей, за что трём воеводам отрубили головы! После того только и началось движение за организацию армии. Регулярная армия началась в 1647- 1651 годах, это совершенно четкие даты.

ГАРЕЕВ: Прочитав, что Петр I в уставе записал: «Отец мой... в 1647 году начал создавать регулярное войско», мы, собственно, вопрос закрыли. Начал Алексей Михайлович, причём через сто лет после Грозного. Могло ли быть, как это сейчас утверждается, регулярное войско при Иване IV?

ПОДМАЗО: Прежде надо разобраться, какая армия считается регулярной?

БЕГУНОВА: Необходимые элементы регулярной армии — пребывание на службе в мирное и военное время, постоянное жалованье, единообразное вооружение и одежда, боевая подготовка. Я бы к этому добавила еще наличие уставов — документов, по которым идёт образование и обучение войска.

ГАРЕЕВ: Чтобы армия была действительно регулярной, надо, чтобы эти подразделения или части располагались компактно. Казармы, что-то подобное.

ПОДМАЗО: Помимо централизованного снабжения, финансирования, постоянной структуры, унифицированного вооружения и обмундирования, обязательный критерий регулярности — централизованное управление.

— *Воениздат выпустил очень интересную книгу Владимира Амельченко «Древнерусские рати». Автор утверждает: «Важнейшей военной реформой Ивана IV было учреждение в 1550 году стрелецкого войска, вооруженного ручным огнестрельным оружием». О стрельцах говорят много, хотя для большинства знание темы заканчивается картиной Сурикова «Утро стрелецкой казни», оперой «Хованщина» и кинокомедией «Иван Васильевич меняет профессию».*

БЕГУНОВА: Само слово «стрелец» очень и очень старое. Вот что писалось в летописи, датированной 1219 годом: «Приступи Святослав ко граду со все страны, а наперед пешцы с огнем и топоры, а за ними стрелцы и копейники...»

ПОДМАЗО: Здесь под стрельцами понимаются вообще любые стрелки — т. е. нельзя говорить, что это те же самые стрельцы, которые были в XVI веке.

БЕГУНОВА: Да, в XVI столетии это слово приобрело иное значение — так стали называть воинов, вооруженных огнестрельным оружием, саблей и топором-бердышом... Первые отряды стрельцов были сформированы Иваном Грозным, это всего три тысячи человек. Они делились на «приказы» — полки по 500 человек, были поселены в окрестностях Москвы. Стрельцы стали первым постоянным войском в Русском государстве, получившим элементы регулярной армии.

ПОДМАЗО: Не совсем так, потому что они были набраны из пищальщиков, существовавших уже при Иване III — те появились лет на 70 раньше, чем стрельцы. Пищальщики имели ту же самую постоянную организацию, постоянные жалованье и униформу, однако всех критериев регулярства они не имели.

БЕГУНОВА: Вы считаете, что их вооружение сыграло самое большое значение для их организации?

ПОДМАЗО: Да, принципиальная разница между стрельцами и тем, что было до них, — это вооружение. До того армия, как правило, состояла из копейщиков и пищальщиков. Копейщики — обычная пехота, вооруженная копьями; в мирное время они занимались строительством дорог, охраной — в общем, несли гарнизонную службу. Пищальщики — люди, которые более-менее в технике разбираются, их определяли в оружейники... По мере уменьшения габаритов пищалей из них сделали легкое переносное вооружение. Из пищальщиков образовались стрельцы. Вооружив их по-другому, им дали и другое название.

ГАРЕЕВ: Это какое же появилось вооружение, которого ранее не было?

БЕГУНОВА: Ну, то, что сейчас называется мушкет...

ГАРЕЕВ: Нет, такое оружие уже было у дворянского, княжеского, помещного войска... Вообще, оружие не может появиться внезапно, оттого что издали указ — оно совершенствуется постепенно. Стрельцы оставались все с тем же оружием, которое совершенствовалось, так же как совершенствовалась организация тех, кто им владел. А вот что подтолкнуло Ивана Грозного к их созданию? По- моему, в 1549 году, во время похода под Нижний Новгород, когда он ехал со своей свитой, на дорогу вдруг вышли те самые пищальщики...

БЕГУНОВА: И преградили ему проезд!

ГАРЕЕВ: Да, стали жаловаться, что денег им не платят, кушать не дают... Кстати, Костомаров пишет, что они шли в оборванном обмундировании, рваные сапоги несли... Грозный распорядился разогнать жалобщиков, те стали сопротивляться, угрожать. Увидев, что недовольных больше, чем его окружения, царь ускакал. Государственный деятель он был значимый, но трусоватый... Тогда-то Иван Грозный понял, что если не иметь

войска, которое подчинено непосредственно ему, а не князьям, то государством управлять невозможно.

СИНДЕЕВ: Это было прекрасно известно и до него...

ГАРЕЕВ: Но это окончательно подтолкнуло его к такой мысли!

ПОДМАЗО: По-моему, это событие привело к созданию опричнины... Однако предлагаю соотнести стрельцов с критериями регулярной армии. Централизованное управление было — Разрядный приказ, затем — Стрелецкий.

ГАРЕЕВ: Разве дворянское войско не имело централизованного управления?

ПОДМАЗО: Нет, хотя Разрядный приказ заведовал армией ещё при Иване III. Боярам надо было выровнять свое местничество, и для выяснения, кто старше, кто младше, появился этот приказ. Так как бояре назначались на все высшие командные должности, то соответственно Разрядный приказ заведовал и всеми вооруженными силами — вплоть до того, что во время войны он был как Генеральный штаб. Потом из Разрядного приказа вычленились другие — Стрелецкий, Пушкарский и т. д. Но все равно во время военных действий Разрядный приказ играл роль военного министерства или Генштаба: ведал общим снабжением, довольствием, комплектованием и общей оперативной работой.

ГРЮНБЕРГ: Скажите, а были ли Стрелецкий или Разрядный приказы органом государственного управления всеми вооруженными силами?

ПОДМАЗО: Стрелецкий приказ занимался только московскими стрельцами, а Разрядный был над всеми вооруженными силами.

ГРЮНБЕРГ: Как же над всеми, если Стрелецкий приказ ему не подчинялся?

ПОДМАЗО: Действительно, от Разрядного приказа он отпочковался в 1571 году. Был еще и Пушкарский приказ, который ведал только пушкарями. И при том, учтите, любой приказ подчинялся царю.

ГРЮНБЕРГ: Централизованное государство обладает структурой управления, которая позволяет иметь в целом регулярные вооруженные силы, а не только их часть — если, конечно, признавать таковыми стрельцов. Стрельцы — достаточно автономная корпорация, которая подчиняется только Стрелецкому приказу, и никаких взаимоотношений ни с поместной конницей, ни с кем больше не имеют.

СИНДЕЕВ: В конце концов, это небольшой кусок армии...

— В упомянутой книге «Древнерусские рати» приводится выписка о стрелецком войске применительно к 1552 году, сделанная в архивах Александром Сергеевичем Пушкиным: «Впоследствии число их простиралось до 40 000».

ГРЮНБЕРГ: Сколько их было, это другое дело. Но когда начинались военные действия, поднималась дворянская поместная конница, без которой невозможно представить себе вооружённые силы Московского государства. Дворянское сословие было господствующим, и пока существовала поместная

конница, до тех пор мы не можем говорить о единых вооружённых силах, называемых армией.

ГАРЕЕВ: Кстати, все эти войска получали деньги и снабжение у своих князей и бояр, а не у государства.

ПОДМАЗО: Но Разрядный приказ расписывал князьям и боярам, сколько с собой привести ратников... Соответственно боярин или князь должен был финансировать приведенное с собой войско, на что ему и выделялась земля, поместье, которым он владел. Кстати, под разными видами и наименованиями поместная конница в России оставалась до XIX и даже до XX века. Вы хотите, чтобы вся-вся армия была регулярной? Такого у нас никогда не было! Ополчение было и в 1914 году, хотя регулярная армия давно уже существовала.

ГРЮНБЕРГ: Дворянское ополчение и то ополчение, которое было в 1812 или в 1914 годах, — совершенно разные категории.

— *Мы ещё даже не выяснили, можно ли называть регулярным войском стрельцов... Давайте вернёмся к критериям регулярства.*

БЕГУНОВА: Было точно определено, сколько стрельцам положено на жалованье — их оклады сохранились в летописях.

ГАРЕЕВ: Нельзя исходить из отдельных документов, даже официальных! Стрельцы должны были быть на полном довольствии государства, но если посмотреть источники, станет ясно, что было только частичное довольствие. Поэтому они с самого начала вынуждены были заниматься хозяйством, работать на земле, жить по поселениям...

БЕГУНОВА: Да, это все-таки было поселенное войско — они получали землю в качестве вознаграждения за свою службу.

ПОДМАЗО: Это относится к стрельцам после Литовской войны, после 1670 года, когда им вместо жалованья начали давать землю. Тогда и пошло разложение стрелецкого войска. До этого они служили за жалованье — были централизованное снабжение и финансирование от казны, и они были очень боеспособны, что отмечают не только русские, но и зарубежные источники. Российское стрелецкое войско было на очень высоком уровне!

ГРЮНБЕРГ: Жалованье получали только те полки, которые дислоцировались в Москве! Те же, которые на периферии...

ТАЛАНОВ: Они ведь менялись — была ротация полков на рубежах. Вообще московские стрельцы были неким сословием. Сын стрельца постигал воинскую науку с того момента, когда начинал ходить, потом сам становился стрельцом. Более того, даже смешанные браки здесь не приветствовались.

ГАРЕЕВ: В стрелецком войске каждый полк имел свой двор, где хранилось полковое имущество. А жили они по домам, как поселенное войско, среди населения — уже по этому признаку они никак не могли быть регулярным войском.

ПОДМАЗО: Нет, это были отдельные слободы типа казарм, только разделенные по разным домам.

— Даже петровская армия не имела казарм, гвардейские полки в Петербурге жили в своих слободах — Преображенской и Семеновской, к которым при Анне Иоанновне добавились Измайловская и Конногвардейская... Всецело на казармы Русская армия вообще перешла только в XIX веке.

ПОДМАЗО: Зато у стрельцов было наличие постоянной организационной структуры — сотни, приказы. Были постоянный состав и постоянное несение службы. В пределах полка однозначно прослеживается единообразие униформы и вооружения. Наконец, у стрельцов появился первый устав...

БЕГУНОВА: 1647 год, «Учения и хитрость ратного строения пехотных людей».

ПОДМАЗО: Разве?

ГАРЕЕВ: Это иностранный устав!

БЕГУНОВА: Да, переведенный, не наш... Но ещё существовал «Боярский приговор о поместной службе».

ПОДМАЗО: Его я и имею в виду — «Приговор» появился в 1555-м, при Иване Грозном. В общем, у стрельцов были налицо все критерии регулярной армии, поэтому мы вполне можем говорить, что они были регулярной армией. Точнее, это было зарождение регулярной армии.

ГАРЕЕВ: Регулярное войско должно заниматься систематической боевой подготовкой! А тогда было установлено, что если нет войны, то стрельцы должны собираться раз в год, в декабре, для смотров и боевой подготовки. Какая же это боевая подготовка? Можно добавить, что, например, при походе на Казань у Ивана Грозного было 150 тысяч войска. Стрельцов тогда было 20 тысяч, а в походе их участвовало около 10-15. Они никогда не составляли основу русского войска, и та организация, которая у них была — это не организация всей армии, но отдельного войска, отрядов, частей... Единая организация появилась попозже, когда появились полки нового строя. Окончательно она уложилась при Петре.

ПОДМАЗО: Позвольте не согласиться! В Русском государстве стрельцы в то время были все же основной боевой силой.

ГРЮНБЕРГ: Стрельцы — это нечто среднее между казачеством и поселенным войском! Не случайно, что во второй половине XVII века они играли такую негативную роль. Стрелецкий приказ имел совершенно четкое, почти независимое политическое значение в Московском государстве. Стрелецкие бунты привели Россию к известному кризису, который был разрешен только в эпоху Петра.

ТАЛАНОВ: И что? Сколько примеров, когда гвардия или армия играли «политическую роль»? Возьмите Византию — перевороты, совершенные там гвардией и при её участии. Но ведь нельзя сказать, что эта гвардия была небоеспособна. Да и наша русская гвардия участвовала во всех переворотах XVIII столетия. Так что это никак не говорит о небоеспособности — это говорит о другом.

ГАРЕЕВ: Да, о надежности... И все же, когда Николай I начал официально утверждать, когда какой полк зародился, он в своем указе писал: «В царствование царя Петра Алексеевича 1700 года июня 25-го при учреждении регулярной армии взамен уничтоженного своевольного стрелецкого войска создается такой-то полк». Историки Костомаров, Свечин пишут, что стрелецкое войско всегда было символом своеволия, бунтарства, необученности, разгильдяйства, недисциплинированности...

ПОДМАЗО: Стрельцы были созданы в 1540-х годах, а за своевольство их разогнали в 1690-х. И это оценка сторонников Петра I — стрельцы поддерживали его сводную сестру и соперницу, царевну Софью, в борьбе за трон. 150 лет держать бездарное войско никто б не стал — видимо, стрельцы не такие уж и плохие были.

ТАЛАНОВ: А поскольку они существовали достаточно долго, у них, скажем так, были и взлеты, и падения...

ГРЮНБЕРГ: Можно говорить, что к концу XVII века наблюдалась деградация вооруженных сил Московского государства... Сама идея существования стрельцов в рамках Московского государства также деградировала.

— *А разве государственная система не деградировала? Как свидетельствует история, вооружённые силы Российского государства разваливались только после развала государственной власти. Достаточно вспомнить события 1917 года...*

ПОДМАЗО: Да, деградация армии была еще большая, чем у стрельцов. А все-таки централизованное государство появилось не при Петре I, но во времена Ивана III — тогда уже Москва стала центром централизованного государства.

ГАРЕЕВ: Чтобы появилось регулярное войско, должно было появиться регулярное государство — централизованное многонациональное Российское государство. Но даже при Иване Грозном таковое не сложилось. Только при Петре произошло это... Поэтому, как по имеющимся документам проходит, в 1800 году Россия справила столетие Российской армии, в 1900-м — двухсотлетие.

ПОДМАЗО: Столетие не армии, а отдельных ее полков! Причем те пехотные полки, которые были старше Преображенского и Семеновского, разогнали для того, чтобы эти полки были в армии самые старые. А ведь были Бутырский, Лефорты, Ренцеля — очень много полков, которые зачеркнули, словно и не было.

ТАЛАНОВ: Хотя кавалерийские полки — гусарские Ахтырский, Сумской, Изюмский — остались от 1650-х годов и официально отметили свое 250-летие.

ГРЮНБЕРГ: Регулярные части как таковые действительно существовали до Петра. Но является ли наличие регулярных частей признаком наличия регулярной армии? Не забудем, что после той реформы,

так сказать, первого устава, у нас существовало и дворянское ополчение, и полки иноземного строя и наемники...

ПОДМАЗО: Любое событие продолжительно во времени. Потому нельзя сказать, что, мол, сегодня армия создана — вчера ее не было, а вот она уже есть. Это был длительный процесс. Регулярная армия начала создаваться со времен Ивана III, с появления пищальщиков — это были первые части на постоянной основе, имеющие постоянную организацию, государственное финансирование, государственное управление. То есть все признаки регулярной армии.

ГРЮНБЕРГ: Регулярных частей!

ПОДМАЗО: Опять-таки, армия не появляется вся сразу, целиком. Даже при Петре не появилась сразу вся армия — появились первые 27 полков... То же самое и здесь: появились пищальщики — это отдельные части, но уже регулярные, постоянные. Потом они выросли дальше — в стрельцов, потом — в пехотные полки.

ГАРЕЕВ: Иваном Грозным было положено начало созданию постоянной армии. Но постоянная армия не есть еще регулярная армия государства.

ГРЮНБЕРГ: Регулярными частями в известном смысле можно считать княжеские дружины... Но до Петра регулярной армии не существовало, наряду с регулярными частями было дворянское ополчение, была, извините, пересортица всевозможная, что привело к резкому отставанию именно в наличии национальных кадровых армейских сил... Противоборство с заурядными в общем-то полугерманскими силами в польскую войну при Алексее Михайловиче показало, что московское войско даже при наличии прекрасных командиров и прекрасных воинов достаточно нерегулярно и достаточно непрофессионально.

— *А чего еще ждать от армии «послесмутного», скажем так, времени? Ее же следовало возрождать — как и все государство...*

ГРЮНБЕРГ: Эту задачу с блеском выполнил именно Петр. Его армия начала формироваться не с того, что были созданы потешные полки — таких полков можно было создать сколько угодно. Настоящая Русская армия могла возникнуть только в контакте с лучшей национальной — по существу, единственной национальной армией, которая существовала в Европе — армией шведского короля Карла XII. Она была лучшей, потому что опиралась на нацию. Это были национальные кадровые силы. Великолепно снабженные, вымуштрованные профессионалы. Это была армия, преданная одному вождю, одной идее. И еще — шведская армия была сословием... Петру также удалось создать в России именно военное сословие.

— *Сейчас обсуждается вопрос, какую дату считать годовщиной образования Русской армии. 23 февраля для этого не подходит, 7 мая не прижилось...*

ПОДМАЗО: Это должно быть какое-то знаковое событие — крупная битва, указ — то есть та дата, за которую можно зацепиться в диапазоне

создания регулярной армии, который, как мы сейчас выяснили, достаточно широк.

БЕГУНОВА: Действительно, это очень важный вопрос — речь идёт о текущей политике, о патриотическом воспитании, о возвращении уважения к армии, пропаганде и популяризации военных знаний... Какая может быть выбрана дата? В 1581—1582 годах те же стрельцы участвовали в героической обороне Пскова от войск польского короля Стефана Батория: осаждавших было 50 тысяч, защитников — двенадцать. 1605 год — знаменитое для истории русской пехоты сражение у села Добрыничи — поражение войск Лжедмитрия I...

ГАРЕЕВ: А вы не забываете, что тогда были очень влиятельные силы в России, которые этих поляков к нам притащили, пригласили, выступили на их стороне. Внутреннюю смуту превращать в праздник мы никак не можем!

ПОДМАЗО: А может, взять дату создания стрелецких полков? Такая дата есть: 1 октября 1550 года. Государь учредил у себя трехтысячный полк — точнее, как мы уже говорили, он переделал его из пищальников.

ГАРЕЕВ: Нельзя, ухватившись за какой-нибудь документ, считать, что тут же появилась регулярная армия...

ПОДМАЗО: Дата праздника — это дата какого-то яркого общеизвестного события. А дата создания — вопрос совершенно другой...

БЕГУНОВА: Англичане, например, ведут отсчет от победы над Наполеоном при Ватерлоо 8 июня 1815 года. Но ведь королевские вооружённые силы появились гораздо раньше...

ГАРЕЕВ: По-моему, не обязательно искать день — это частный вопрос. Главное, что мы должны уважать свою историю и помнить о ней.

ГРЮНБЕРГ: И все же никакие допетровские эпохи не отложились в народном сознании, как эпохи военные. Именно с Петра Великого русский народ воспринимает армию, как свою национальную.

— *Считать, что все начиналось с Петра — заманчиво: «Когда Россия молодая, в бореньях силы набирая, мужала с Гением Петра...» Но не повторим ли мы в несколько ином варианте «все началось в Октябре 1917-го»? А если обратиться к Петровскому опыту, то мы знаем, что на нагрудных знаках обер-офицеров Преображенского и Семеновского полков в течение двух веков значилась не 27 июня 1709 года — дата блистательной «Полтавской виктории», но 19 ноября 1700 года — трагической «Нарвской конфузии». Наверное, есть смысл задуматься.*

«Я люблю кровавый бой — я рожден для службы царской!»

«СОЛДАТ (средневековое *soldatus*, получающий жалованье, от монеты *solidus*), нижний воинский чин. В России слово “солдат” вошло в употребление со времен Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, образовавших солдатские полки по образцу иноземных».

Давно ли идея контрактной службы принималась у нас в штыки? Мол, не было на Руси такого, чтоб солдат за деньги на службу нанимали! Но, между прочим, регулярная Русская армия начиналась именно как контрактная, и «контрактники» — пускай под иными наименованиями — были в ней при любых способах комплектования. А в том, что люди служат и получают за это деньги, чего же плохого? Любой труд надо достойно оплачивать, в том числе и ратный. Недаром необходимость этой оплаты заложена уже в самом слове — «солдат»! Мы же как-то привыкли, что раз у нас в армии служат патриоты, то они могут существовать на «голодном пайке». Потому, наверное, до сих пор не спешат определить военнослужащим достойного денежного содержания, вот и имеем то, что имеем. Если бы мы почаще обращались к своему историческому опыту, освященным веками и войнами боевым традициям нашего народа, то, возможно, многие из нынешних процессов были бы для большей части населения России гораздо менее болезненны и могли дать значительный положительный эффект. Итак, обратимся к истокам контрактной службы в Русской армии.

«Потешный полк Петра Титана»

БЫЛ 1683 год — следующий после усмирения стрелецкого бунта. Угли мятежа тлели под золой видимого смирения: царевна Софья мечтала отстранить своего сводного брата от престола, и юный Петр это хорошо понимал. На стрельцов, тогдашнюю армию Московского государства, у царя надежды было мало, и не только потому, что они уже бунтовали. В целях экономии, всегда пагубной для любой армии, стрельцы были «посажены на землю» и, занимаясь ремеслами и промыслами, постепенно омещались, утратили боевой дух и навыки. Вместе с тем, по словам Керсновского, государственные неурядицы превратили стрельцов в смутьянов и бунтарей, «каких-то янычар Московской России, представлявших своим существованием государственную опасность».

«России молодой» нужна была новая армия, и Петр решил создавать ее по европейским образцам. В качестве первых солдат он пригласил служителей придворного ведомства, которые до поры числились на своих штатных местах, но обучались военному делу и участвовали в военных играх под руководством юного царя — в его резиденции, селе Преображенском, под Москвой.

Первым на призыв царя откликнулся придворный конюх Сергей Леонтьев сын Бухвостов, 24 лет от роду. Таким образом, именно он официально стал первым российским солдатом. Уточним — первым российским военнослужащим контрактной службы. До потомков дошло не

только имя первого российского «контрактника», но и его изображение — на холсте, в гравюрах и даже в мраморе, исполненное по приказанию основателя Русской армии. Это свидетельствует о том, что государь Петр Алексеевич не только любил саму армию, но и ценил своих солдат. Большой карьеры Бухвостов не сделал — первый российский солдат скончался 69 лет от роду в чине майора артиллерии — однако в историю он вошел.

Писатели привыкли изображать «потешных» босоногими мальчишками, однако Сергей Леонтьевич таковым явно не был, тем более по меркам XVII столетия. Как видно, рано повзрослевший 11-летний Петр играл совсем не в детские игры — и, причем, не только с дворовыми мальчишками, каким являлся тогда будущий светлейший князь Александр Меншиков.

Бухвостов поступил на службу 30 ноября 1683 года, за месяц удалось набрать еще порядка пятидесяти человек. Набор 1684 года дал уже триста штыков. В 1687 году Петр предложил поступать в его «потешные» всем желающим, коих сразу же набралось свыше тысячи, почему часть народа была переведена в соседнее село Семеновское.

Подтверждение, что это была именно «контрактная служба», можно найти в «Истории лейб-гвардии Преображенского полка»: «Какое получали потешные содержание, каким способом продовольствовались, никакие источники не объясняют. Можно только предположить то, что они получали жалованье и прочее довольствие по личному распоряжению государя, который, пройдя постепенно все чины в действительной службе, хорошо знал потребности служащих и имел возможность безошибочно назначать содержание соразмерно их заслугам».

О солдатской службе Петра Великого мы распространяться не будем — тема эта требует особенного разговора. Ограничимся лишь тем, что еще раз подчеркнем сказанное: при начале формирования регулярной Русской армии люди поступали туда сугубо добровольно, только солдатами, «нижними чинами», и получали за это жалованье. Служба по контракту? Без сомнения!

Кстати, можно сказать, что «контрактная служба» русских дворян солдатами в гвардии продолжалась и потом, на протяжении всего XVIII столетия — до самого царствования императора Павла I, правнука царя-реформатора. Правда, с 26 февраля 1714 года этот «контракт» можно назвать «добровольно-принудительным», потому как тогда Петр I подписал указ, запретивший производить в офицеры дворян, не послуживших в гвардии. Однако уже в 1742 году император Петр III издал Манифест о вольности дворянству, и на солдатскую службу опять пошли лишь те дворяне, которые этого действительно хотели по тем или иным причинам... Хотели, кстати, многие.

Между тем на «контрактную службу» поступали не только дворяне, но и представители иных сословий, которые, как сказано в той же Преображенской истории, «при добровольном их поступлении пользовались некоторыми правами и преимуществами. Так, например, всем добровольцам, поступавшим из даточных семейств (т. е. представители сословий,

подлежащих рекрутскому набору — крестьяне и мещане) в Преображенский полк, давалось преимущество в том, что их вдовы, жены, дети и матери были освобождаемы из крепостного состояния и от оброка, а дети мужского пола более не подлежали рекрутской повинности. Кроме того, военная служба низшему сословию наравне с дворянами открывала дорогу в офицеры, а офицерский чин возводил их в высшее дворянское сословие».

Понятно, что при таких условиях людей не приходилось уговаривать — отбор кандидатов в гвардейцы был предельно строг. Достаточно сказать, что до 1710 года челобитные с просьбой о зачислении на службу передавались лично государю или представителям его ближайшего окружения. После челобитная также писалась на высочайшее имя, но отдавалась уже непосредственно в полк. Командир принимал решение, о котором докладывал царю, который это решение утверждал или же не утверждал. Напомним, что все это происходило в то время, когда Россия вела практически непрерывные войны и гвардия в них активно участвовала. Но люди шли служить, шли воевать — как, несомненно, из патриотических побуждений, так и понимая, что только добросовестная «контрактная служба» обеспечит им дальнейшую карьеру. Будущие фельдмаршалы и министры работали штыками на вражеских бастионах!

Можно, вспомнить, какие замечательные люди блистательного «осмнадцатого» столетия проходили солдатскую службу в гвардии во времена трех Петров, двух Екатерин и одной Елизаветы Петровны, но их перечисление со всеми последующими титулами заняло бы слишком много места. Ограничимся одним только «анекдотом», взятым из книги, название которой укажем позже.

«Поздним вечером принес он пакет прапорщику третьей роты кн. Козловскому, небезызвестному стихотворцу. У Козловского были гости — и неспроста: Василий Иванович Майков, будущий творец “Елисея”, изволил читать учиненный им перевод “Меропы” Вольтеровой. При появлении вестового чтение прервалось, затем снова возобновилось. Вручив пакет, он не спешил выйти; стал у дверей и заслушался. Тогда, обернувшись к нему, хозяин дома сказал спокойно: “Поди, братец служивый, с Богом; чего тебе попусту зевать? Ведь ты ничего не смыслишь...”»

Книга Владислава Ходасевича называется «Державин», а в роли вестового выступал Преображенский солдат Гаврила Державин — будущий знаменитый поэт, сенатор, президент коммерц-коллегии, министр... Но все это будет впереди, а пока, будучи «контрактником», он наравне с солдатами из «сдаточных» бегал по Санкт-Петербургу, разнося пакеты, стоял на часах и выполнял прочую службу.

Иначе было нельзя. Нерадивым, неумелым, ленивым солдатам дворянского звания зачастую так и не удавалось достичь офицерского чина, и они уходили в отставку какими-нибудь гвардейскими сержантами или вахмистрами. Впрочем, стоит подробнее рассказать о том, как проходила солдатская служба «контрактника» XVIII столетия.

Капрал Александр Суворов

Имя Александра Васильевича Суворова окружено легендами, а количество написанных о нем книг исчисляется м ногами сотнями. Одной из лучших книг среди любителей истории считается «Русский чудо-вождь: Граф Суворов- Рымникский, князь Италийский, его жизнь и подвиги», написанная в начале XX столетия А. И. Красницким. Вот как рассказывает автор о солдатской службе будущего генералиссимуса в лейб-гвардии Семеновском полку:

«В то самое время, когда других молодых дворян, служивших только по необходимости, или по прихоти, или ради быстрой карьеры, редко видали не только в казармах, но и в строю, Саша Суворов всегда был на своем месте, возбуждая своею ревностью к делу удивление не только своих начальников, но и товарищей-солдат...

Вот он, готовясь идти в караул, сидит в мрачной казарме и с необыкновенным старанием разбирает на части ружье, готовясь начать его чистку. Подходит солдат, сосед по шеренге:

— Охота вам, барин-батюшка, ручки портить, — говорит он юноше, — этакое грязное дело! Приказали бы, мигнули бы только: любой из нас за вашу милость все сделал бы.

Суворов с изумлением взглядывает на товарища- простолюдина:

— Как ты это говорить можешь? — даже с негодованием отвечает он.
— Ружье для солдата — жена, о нем, как о жене, солдат заботиться должен...

— Так-то оно так... Солдат действительно о ружье заботиться должен.

— Ну вот, видишь!.. А ты говоришь, чтобы я свое ружье другим отдал...

— Так ведь то солдат, то вы... Солдат — совсем особая статья...

Суворов хмурится:

— А я-то, по-твоему, кто? Не солдат разве?

— Нет... Какой же вы солдат... У вас «белая кость»... Вы барин...

— Неладно ты говоришь и думаешь, — укоризненно качает головой Александр Васильевич, — у отца моего в поместье я барин, а в казарме я такой же солдат, как и все... Понял, родимый? Что вы, то и я — одно и то же...

Солдат недоумевает. В его понятии никак не может сложиться представление о барине, богатом и знатном, сыне генерала, несущем тяготы солдатской жизни и отказывающемся даже от малейшей помощи в деле грязном и, по понятиям солдат, совсем не барском...»

Эта пространная цитата показывает не только преданность Суворова военному делу, но и то, что солдатская служба «контрактников» из дворян могла проходить и в достаточно сносных условиях. Возможно, что лишь Александр Васильевич был исключением из общего правила. Хотя, если обратиться к «Русскому биографическому словарю», представляется картина несколько иная:

«Положение тогдашних гвардейцев-солдат из дворян и в полку, и в обществе мало чем отличалось от офицерского. “Солдатская ляжка” оказалась для Суворова не тяжелой, тем более что в год его поступления в полк семеновцы были заняты обустройством Семеновской слободы: учений было мало, а от работ Суворов, как дворянин, был избавлен... Ни одна командировка, более или менее почетная, не миновала его... В Москве, во время первой командировки, он устроился чуть не на постоянное дежурство в “Генеральной сухопутной гофшпитали”, не сменяясь, вопреки правилам, по две и больше недель, а в последнее дежурство — даже 8 недель. Дежурства эти, при тяжелой караульной службе, которую весь полк нес в Москве, являлись отдыхом. Во вторую же московскую командировку Суворов значится в приказе по полку в числе провинившихся: сказался больным, чтобы избежать наряда...

Мало привлекательного могла представить Суворову служба тех лет, сводившаяся к караулам и редким строевым учениям, лишенным к тому же всякого боевого характера: “метания ружьем”, хитрые построения, церемониальный марш. Неудивительно поэтому, что особого рвения к службе он не проявлял. Он пользовался всеми привилегиями солдата-дворянина: жил не в казармах, а на квартире дяди, капитана Преображенского полка; имел при себе дворовых; при передвижениях полка... совершал их не с полком, а отдельно, на перекладных...».

Что ж, картина весьма показательная, дающая наглядный пример жизни дворянского солдата и свидетельствующая о том, что идея «контрактной» службы для дворян в полках давно уже не воюющей гвардии себя постепенно исчерпала. При том, если Суворов служил в «нижних чинах» семь лет, то иным гвардейцам дворянского чина приходилось ожидать производства более десяти... То есть становиться армейским прапорщиком или подпоручиком где-то к 30 годам, а то и после... И это в тех условиях, когда, например, Григорий Потемкин — тоже ведь «контрактник», не окончивший курс в Московском университете и определившийся вахмистром в Конную гвардию, — по капризу фортуны в 33 года стал генерал-майором. Хотя многих, очевидно, вполне устраивало и такое положение: не очень обремененная служебными обязанностями и ответственностью жизнь в Петербурге, близ двора. Оно все веселее, чем где-то в захолустной деревне. Но хорошо было тем, кто таковые деревни — родовые поместья — имел и получал с них оброк... Между тем именно с Петровских времен в России появилось так называемое «служилое дворянство», которое, выходя в чины из других сословий, получало дворянское достоинство, не имея ни поместий, ни земель, ни крестьян. Эти люди вынуждены были жить исключительно на жалованье.

Из книги Дмитрия Целорунго «Офицеры Русской армии — участники Бородинского сражения», можно узнать, что в 1812 году основная масса — 77% — офицеров не были владельцами крепостных и недвижимости. Если же от оставшихся 23% отбросить тех, кто еще только ожидал наследства, то

окажется, что помещиками были лишь 3,8% от общего числа. Но из них 20,8% имели не более 20 крепостных душ, а во владении 36,1% офицеров-помещиков было от 21 до 100 крепостных. Честно говоря, выглядит это весьма печально и сегодня представляется большой неожиданностью. Мы-то привыкли, что офицеры — это исключительно «белая кость и голубая кровь», богатеи, крепостники-помещики... Впрочем, за три четверти века до Бородина многое было несколько по-иному, тем более — в привилегированных полках гвардии.

«Обоз обычный, три кибитки»

Во времена Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны служил в лейб-гвардии Семеновском полку ротный командир поручик Александр Алексеевич Благово, который вел дневник, сохранившийся до наших дней. Туда он заносил каждодневные впечатления о погоде, а также заметки о различных своих делах. Все написано по законам старинной орфографии, в то время отрицавшей всякие правила, а потому знаки препинания расставим по собственному разумению.

Запись, датированная «1739 год Генварь 9», гласит:

«Вторник полная и добрая погода.

Запаса привезено: муки пшеничной — 2 мешка, 1 четверть, 4 четверика; муки ситной — 3 четверти, 3 четверика; муки ячной — мешок, четверть; овса — 7 четвертей, 2 четверика; ячменя — 6 четвертей; 4 легких свиньи. Водки персиковой бочонок — 2 ведра; анисовой — полведра бочонок; вина простого — 4 бочонка, 9 ведер. Свиного мяса свежего — 10 полтей; говядины свежей — целый бык; 4 печени свиных; говядины соленой кадка; целый бык посолен; ветчины 6 полот; козел соленный целый: сала 3 каравай; желудков — 5; гусей 12 с потрохами; уток — 8 с потрохами; кур индейских — 15; русских — 30; 3 головы свиных соленных; 3 — свежих; поросят — 20; 3 спинки свиных соленных; кур сухих — 34; 2 грудинки свиных соленных. Масла коровьего — 2 кадки, 5 пудов; масла орехового — 2 ведра; конопляного — 4 ведра».

Впечатляет? Особенно если учесть, что «четверть» — это старинная мера для измерения сыпучих тел, равная, в зависимости от конкретного продукта, от 5 до 10 пудов; четверик — одна восьмая четверти. Так вот, перечисленное выше — еще далеко не все, и потому, пропустив небольшой перечень хозяйственных товаров — сукна, кожи, холста, тканей, посуды, конской сбруи и прочего, вновь обратимся к списку продуктов, присланных из деревни поручику гвардии:

«Пуд сметаны; 2 пуда творогу; яиц — 600; 3 крынки рыжиков; крынка груздей; сала говяжьего пуд; капусты кадка; яблоков бочка большая; хрену полпуда сухого; соли — 5 пудов; солода — 3 мешка, четверть, 6 четвериков; солода ячного — 2 мешка, 2 четверти; мешок толокна 3 четверти; мешок гречневой муки; круп — 2 мешка; гречневых круп — 10 четвертей; 2 мешка

грибов; мешок ядер; мешок орехов; хмелю — мешок, 12 четвертей; мешок конопли — 3 четверти; мешок круп овсяных — 2 четверти; студней говяжьих и свиных — 5; рыбы свежей — 60; щук, голавлей, язей и линей — 100...»

Наверное, хватит, хотя можно было бы и продолжить. Ни по количеству, ни по ассортименту это не схоже с сегодняшними пайками, зато понятно, что при таком обеспечении можно было служить, ни о чем не заботясь и не задумываясь, где бы и как пообедать... Определенно, что тогда, в XVIII столетии, подобные — а порой и гораздо большие — обозы с продуктами приходили по зимнику, по санному пути не только офицерам, но и гвардейским солдатам дворянского звания.

В том нет ничего удивительного: поместья изначально давались служилым людям для того, чтобы они, находясь на государственной службе, могли себя прокормить. В стародавние времена вообще было так поставлено, что если дворянин уходил со службы, то лишался поместья, как лишается жалованья человек, отстраненный от работы. То есть поместья представляли собой форму материального вознаграждения, и такие «разовые выдачи» позволяли государям экономить казну. Думается, для всех это было удобно... Хотя и впоследствии в России практиковались награждения особо отличившихся военачальников и даже офицеров поместьями, землями и крепостными душами, однако большинство служащих престолу уже переходило на твердое жалование.

Изменялось все, а потому к началу XIX столетия дворянская служба «по контракту» фактически отошла в историю. Обычно уже было так, что если записывали в гвардию, то лишь представителей наиболее знатных и состоятельных фамилий, причем с малолетства, порой даже с самого рождения. Поэтому к возрасту действительной службы «дворянские недоросли» выходили в офицерские чины и в таковом качестве начинали службу. Военное образование дворяне стали получать в Пажеском и кадетских корпусах, а если и поступали в полк в качестве «нижних чинов», то исключительно юнкерами, как именовали «унтер-офицеров из дворян, готовившихся к получению обер-офицерского звания». Вспомните несчастного Грушницкого из «Героя нашего времени»! Однако контрактная служба в Русской армии все равно оставалась...

Как бурсак генералом стал

БЛИЗИЛСЯ К завершению 1792 год... Заплутав в метель, харьковский гражданский губернатор подполковник (в России и так бывало!) Иван Петрович Лазарев оказался в занесенном снегом домишке бедного сельского священника Котляревского. Он обратил внимание на не полетам смышленного десятилетнего поповского сына, учившегося уже в «духовном коллегиуме», то есть в бурсе, и пообещал, как написано в биографическом очерке, «сделать из него человека».

Действительно, через полгода к Котляревским приехал посыльный и увез мальчишку на Кавказ, где Иван Петрович теперь уже командовал полком, входившим в состав Суворовского корпуса. Так юный сын священника поступил на «контрактную службу», ибо ни по возрасту, ни по происхождению рекрутскому набору не подлежал и если бы не случайный поворот судьбы, то пошел бы по стопам отца. Однако уже через год Петр был сержантом, в 18 лет стал подпоручиком, через год — штабс-капитаном и кавалером ордена св. Иоанна Иерусалимского, самой престижной награды Павловской эпохи.

Так началась боевая биография одного из лучших наших «кавказских генералов» — Петра Степановича Котляревского, генерала от инфантерии, кавалера ордена св. Георгия II степени, оборвавшаяся в 1812 году при взятии Ленкорани, где герой был очень тяжело ранен и потом ушел в отставку.

Конечно, подобная биография является исключительной, до генералов дослуживались немногие, но все же.

«Наше времечко военное...»

С петровских времен Русская армия пополнялась за счет рекрутских наборов, проводившихся по мере необходимости и в количествах, определенных для каждого конкретного случая. Однако «система рекрутских наборов обеспечивала армию в основном выходцами из русской крепостной деревни, — говорится в книге Аллы Бегуновой «Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I». — Они составляли костяк нижних чинов в полках пехоты и артиллерии. Но в гусарах и в уланах в царствование Александра I крепостных было сравнительно мало. Сохранившиеся документы говорят о том, что в легкую кавалерию все-таки брали людей вольных». Кстати, по ряду позиций полки легкой кавалерии, в первую очередь предназначавшиеся для «диверсий в тыл противника», разведывательной и сторожевой службы, вполне правомерно сравнить с современными десантниками.

В общем, спрос рождал предложение. Вот что писала в своей книге «Кавалерист-девица. Происшествие в России» первая русская женщина-офицер штабс-ротмистр Надежда Андреевна Дурова, вспоминая, как в 1807 году она сама записалась в ряды Конно-польского (позднее это Польский уланский) полка:

«Гродно. Из окна моего вижу я проходящие мимо толпы улан с музыкою и пляскою; они дружелюбно приглашают всех молодых людей взять участие в их веселости. Пойду узнать, что это такое. Это называется вербунок. Спаси Боже, если нет другой дороги вступить в регулярный полк, как посредством вербунка! Это было бы до крайности неприятно. Когда я смотрела на эту пляшущую экспедицию, подошел ко мне управляющий ею

портупей- юнкер, или, по их, наместник. “Как вам нравится наша жизнь? Не правда ли, что она весела?”

Я отвечала, что правда, и ушла от него. На другой день я узнала, что это полк Коннопольский, что они вербуют для укомплектования своего полка, потерявшего много людей в сражении, и что ими начальствует ротмистр. Собрав эти сведения, я отыскала квартиру наместника, вчера со мною говорившего; он сказал мне, что если я хочу определиться в их полк на службу, то могу предложить просьбу об этом их ротмистру, и что мне вовсе нет надобности плясать с толпою всякого сброду, лезущего к ним в полк. Я очень обрадовалась возможности войти в службу, не подвергаясь ненавистному обряду, и сказала это наместнику; он не мог удержаться от смеха: “Да ведь это делается по доброй воле, и без этого легко можно обойтись всякому, кто не хочет брать участия в нашей вакханалии...”»

Люди действительно были нужны, а потому Надежду Андреевну тут же записали в полк «товарищем» — то есть рядовым дворянского звания. Обычно в «товарищи» поступала шляхта — небогатые польские и малороссийские дворяне. Дурову взяли на службу не только без документов, подтверждающих ее личность и происхождение, но даже и без какого бы то ни было медицинского осмотра — в ту пору так же обязательного при призыве, как и сейчас. Впрочем, понять это можно: Россия вела очередную войну с наполеоновской Францией, и убыль в полках легкой кавалерии, которые дрались отважно, была чрезвычайная. Так что вряд ли эскадронного командира волновало здоровье людей, которые вскорости могли отправиться на тот свет. Главное, что внешне Дурова никак не походила на представителей тех двух категорий рода человеческого, которых запрещено было принимать в число «контрактников»: крепостных и беглых помещичьих крестьян.

Если же вернуться к «Повседневной жизни...», то можно узнать, что на вербовку одного человека — то есть пьянку-гулянку, казна отпускала 8 рублей 40 копеек ассигнациями, или 6 рублей серебром. Так как в то время на полтинник вполне можно было пообедать в ресторане, такая сумма была достаточно большой. В результате «от желающих выпить на дармовщину не было отбоя, и гусары каждый день увозили с собой великое множество праздношатающихся».

Что ж, как тогда, так и сейчас основным контингентом, который стараются привлечь на службу, были люди, которым нечего делать... Конечно, у каждого из них были свои побудительные мотивы к тому, чтобы подписать контракт. Добровольное поступление на военную службу для многих открывало дорогу в совершенно иной мир. Особенно в военное время, которого с начала XIX столетия выдалось для России больше чем достаточно. Недаром же говорил знаменитый гусарский генерал Яков Петрович Кульнев: «Матушка-Россия уже тем хороша, что в каком-нибудь углу ее обязательно да дерутся». Ну а если война есть, то следовало очень стараться и свято надеяться на то, что повезет именно тебе.

Выслужиться можно было и в мирное время, если добросовестно тянуть солдатскую лямку и выйти в унтер-офицеры. Люди грамотные, которых, впрочем, было совсем немного, получали унтерский чин через четыре года беспорочной службы. А если потом удавалось безукоризненно прослужить еще двенадцать лет, то уже можно было держать экзамен на офицерский чин, обрести дворянское достоинство. Для тех «контрактников», кто ставил перед собой подобную цель, имел достаточно сил и настойчивости, это было вполне реальным вариантом. Недаром же среди гусар и улан таких «выслужившихся» офицеров были десятки.

Впрочем, не всем офицерам из дворян это нравилось. Пришлось читать рассуждения какого-то господина, говорившего, что, когда уже в штаб приходил приказ о производстве «нижнего чина» в офицеры, но это не было еще известно в подразделении, он обязательно находил повод придраться и приказывал всыпать новоявленному «благородию» розог — чтобы «впредь себя помнил»... Подлость!

Однако подавляющее большинство «контрактников» не стремилось ни к генеральским эполетам, ни даже к офицерскому званию. Трезво оценивая свои силы и имея элементарные запросы, эти люди довольствовались малым: праздником при зачислении, хорошими «подъемными» при поступлении в полк — на покупку лошади, обмундирования и амуниции, а затем довольно приличным по тому времени и для их состояния жалованьем. В уланском полку, например, «товарищ» получал в год 54 рубля 75 копеек, а «шеренговый» — солдат из простолюдинов, также поступавший «по вербунку», — 27 рублей 37 копеек. Кстати сказать, жалованье пехотного прапорщика на ту пору составляло 125 рублей...

«Принадлежу не Петру, а Богу!»

Время как бы шлифует исторические события. Спустя десятилетия они теряют подробности, лишаются славных имен своих участников и в результате занимают всего лишь несколько строк на страницах учебников или специальных изданий. Хорошо хоть, если это краткое изложение будет соответствовать истине.

Как-то в «Календаре знаменательных дат и событий» пришлось встретить утверждение: «11 октября 1702 года Петр I отбил г. Орешек у шведов и основал Шлиссельбургскую крепость». Между тем крепость на расположенном у истока Невы из Ладожского озера Ореховом острове (отсюда и название Орешек) основана не Петром I, а новгородцами в 1323 году — в ту пору здесь проходил легендарный «путь из варяг в греки». Но в период «смутного времени», в 1611 году, Орешек был захвачен шведами, переименовавшими его в Нотебург. Известно, что многие из ближайших наших соседей старались использовать всякие российские «смутные времена» для приращения новых территорий.

Шведская «аренда» русской территории длилась немногим меньше столетия. А потом, как сказано в «Истории Петра Великого», «чтобы овладеть Невую, Петру прежде всего нужно было овладеть крепостью Нотебургом, или старинным Новгородским Орешком. По Невским берегам государь намеревался выйти к Балтийскому морю, говоря пушкинскими словами, “в Европу прорубить окно”». В начале августа 1702 года царь и двинул свои полки к Ладожскому озеру.

Описания историков лаконичны. «По прибытии Шереметева Петр повел войско к Нотебургу, — писал в середине XIX века С. М. Соловьев. — То была маленькая крепость, обнесенная высокими каменными стенами, шведского гарнизона в ней было не более 450 человек, но около полутораста орудий; у осаждающих было десять тысяч войска. После отчаянного сопротивления 11 октября комендант принужден был сдать город».

В современной «Энциклопедии для детей» сказано и того меньше: «В 1702 году обновленная русская армия появилась под Нотебургом и предприняла генеральное наступление на охранявшие этот район шведские войска. Штурмом взяв эту считавшуюся неприступной крепость, русские войска, развивая успех, в следующем году взяли Ниеншанц...»

Честно говоря, не впечатляет и не вдохновляет. Потому, наверное, взятие Нотебурга остается в памяти каким-то проходным событием на пути к Лесной и Полтаве, славным победам Русской армии, решившим исход Северной войны. Впрочем, теперь и они нам также известны только в общих чертах. А между тем, о штурме Орешка можно вспомнить немало.

«1(12) октября преображенцы и семеновцы получили приказание переправиться на правый берег Невы и овладеть находившимся там редутот. Царь лично участвовал в этом предприятии, которое увенчалось полным успехом. Шведы, дав один залп, бежали, и редут был занят без боя и без потерь. В тот же день коменданту было послано письмо с предложением сдать крепость, так как она обложена со всех сторон...».

Это строки из «Истории лейб-гвардии Семеновского полка», выпущенной в 1883 году к двухсотлетию полков «Петровской бригады». В том же году, кстати, вышла и «История лейб-гвардии Преображенского полка».

Из Семеновской истории узнаешь, что на предложение русских комендант крепости дерзко ответил, что просит четыре дня отсрочки, чтобы испросить разрешения на капитуляцию у генерала Горна, находившегося в Нарве. Шведы еще ощущали себя «нарвскими победителями», хотя русские уже потрепали их флотилии и на Белом море, у Архангельска и на Ладоге, а дотоле непобедимые сухопутные силы были биты при Эрестфере, Гумельсгофе и на реке Ижоре.

Когда Петр I приказал начать бомбардировку крепости, осажденные поняли, что переоценили свои возможности, но обстрел непрерывно продолжался до самого штурма. Это весьма не нравилось женам шведских офицеров, и комендантша прислала просьбу выпустить из крепости женщин.

Письмо принял сам царь и разрешил уйти не только женщинам, но и «любезным их супружникам». Разумеется, шведы не приняли издевательского предложения, и на следующий день, 4 (15) октября, Петр во главе десанта из трехсот гвардейцев переправился на ближние к крепости острова. Штурм был назначен на 11 -е. Идти на приступ должны были охотники-добровольцы, большинство были выбраны от Семеновского полка. Им дали штурмовые лестницы, были приготовлены лодки, а через Неву навели «летучий», т. е. временный, мост. Стены крепости уже были пробиты в нескольких местах, а под утро в Нотебурге начался пожар.

«В ночь на 11-е сделаны 3 залпа из мортир, условленный знак для штурма. По этому сигналу охотники Семеновского полка в числе 40 человек под командою сержанта Мордвинова двинулись к крепости. Пробежав под градом пуль и картечи до рва, они спустились в него, бросились к бреши, но были отбиты. Тогда послан им на помощь отряд под командою подполковника Семеновского полка князя Михаила Голицына», — написано в «Истории Семеновского полка».

«Под градом картечи, ядер и ручных гранат преображенцы и семеновцы пристали к острову у подошвы проломов и начали приставлять лестницы для штурма, — говорится в Преображенской истории. — Лестницы оказались короткими на полторы сажени, но гвардейцы не отступали. Стесненные у проломов, между подошвой стены и рекой, они в течение нескольких часов выдерживали ужасный огонь гарнизона и напрасно истощали усилия взойти на стены».

Бой продолжался 13 часов, но за все это время русские не смогли продвинуться вперед ни на сажень! На стены было не взойти, сверху на головы штурмующих летели пули и картечь, раскаленные ядра, бревна и камни.

«Во время боя наступил один момент, когда несколько солдат бросились бежать к реке, — вновь обращаемся мы к Семеновской истории. — Тогда князь Голицын, чтобы отнять всякую мысль об отступлении, приказал все свободные лодки оттолкнуть от берега. Петр, не видя успеха, послал повеление отступить, но посланный получил следующий ответ: «Скажи государю, что теперь я принадлежу не Петру, а Богу».

Впоследствии князь Михаила Михайловича Голицын стал генерал-фельдмаршалом.

Тринадцать часов продолжался бой, и русские оставались на Ореховом острове. Тем временем через реку к ним спешило подкрепление, которое вел поручик Александр Данилович Меншиков — будущий генералиссимус. Оценив самоотверженную настойчивость русских и поняв, что из-под стен крепости они все равно не уйдут, комендант Нотебурга принял решение о капитуляции. Барабаны ударили сигнал «отбой».

Шведы покидали крепость под оркестр, с распущенными знаменами и с оружием в руках — они заслужили почетную капитуляцию. Но и русские заслужили эту победу — в одном только Семеновском полку погибли майор,

четыре обер-офицера и 116 нижних чинов, а пять обер-офицеров и 206 солдат были ранены.

Петр I распорядился переименовать Нотебург в Шлиссельбург — «Ключ-город», ключ к «воротам», закрывающим выход России к Балтийскому морю. Прошло всего полгода — и эти «ворота» оказались «распахнуты». Капитулировала крепость Ниеншанц, находящаяся близ устья Невы, и тогда в дельте этой реки был заложен Санкт-Петербург — будущая столица будущей Российской империи.

Военная реформа — век осмнадцатый

Пятилетнее царствование Павла I предварило более чем полувековое правление Павловичей — императоров Александра I и Николая I, связанных с отцом не только по крови, но и по духу, а претерпевшая Павловскую военную реформу армия освободила Европу в 1813-1814 году. Уже одно это заставляет более внимательно отнестись к делам и личности этого государя. Участники разговора за «круглым столом», проведенного в правлении Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК): Алла Бегунова — председатель ВИК ЦС ВООПИК, руководитель Военно-исторического клуба «Гродненский гусарский полк», член Союза писателей России; Александр Беспалов — кандидат исторических наук, член Военно-исторического клуба «2-й швейцарский полк»; Геннадий Готовцев — член Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года, член Союза писателей России; Пантелеймон Грюнберг — кандидат исторических наук, член Пушкинской комиссии Института мировой литературы РАН; Вячеслав Лопатин — историк; Александр Подмазо — член Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года; Алексей Поливанов, подполковник в отставке; Михаил Преснухин — член Военно-исторического клуба «Флигель-рота»; Анатолий Серегин — член Общества потомков участников Отечественной войны 1812 года.

БЕГУНОВА: В школьном учебнике истории Павел I четко обозначен как персонаж отрицательный: самодур, поклонник прусской системы... Царствование его было недолгим, но возникла армия Павла, именно она вышла на поля сражений с Наполеоном... А что это была за армия?

ЛОПАТИН: Мне кажется, с Павлом нет никакой проблемы, зато есть мода: вышел фильм «Бедный, бедный Павел», в филиале Малого театра показывали слезливую, абсолютно антиисторическую пьесу «Хроника дворцового переворота» — о том, какой был великий реформатор Петр III, кого Россия в нем потеряла. На этой почве вполне можно разводить фантазии.

БЕСПАЛОВ: Если так начинать, то скажем, что Екатерина II даже отдаленных прав на престол Российской империи не имела и пришла к нему на штыках пьяной гвардии, убив законного мужа — императора Петра III,

внука Петра Великого. А все плоды и реформы, им начатые, она присвоила себе.

ЛОПАТИН: Екатерину возвела на престол пьяная гвардия? Нет, гвардия просто перешла на сторону императрицы, произошел бескровный переворот — это потом уже народ петербургский выпивал по случаю. Фридрих II, кумир несостоявшегося императора, писал, что Петра III «выгнали спать, как нашалившего младенца». Самому же Петру он, кстати, еще раньше писал: «Слушайте Екатерину, Екатерину слушайте!»

— *Это естественно: София Ангальт-Цербстская была ставленницей прусского короля, хотя и не оправдала его ожиданий. Кстати, большинство воспоминаний о причинах и обстоятельствах переворота упирается в единственный источник — мемуары Екатерины II и созвучны с ее оценками. Но не секрет, что Петр III фактически заложил фундамент Екатерининских реформ, хотя этому факту историки находили самые оригинальные объяснения, вплоть до того, что государь убежал к любовнице, а запертый в кабинете секретарь сочинил указ о вольности дворянства. Однако давайте обратимся к реформам Павловским.*

БЕСПАЛОВ: Великий князь Павел Петрович, которого матушка отстранила от всех дел, был человек умнейший, прекрасно мог анализировать ситуацию. Уже в 1774 году он предложил систему реформ, направленных на наведение порядка в государственном управлении, сокращение бюджетных расходов на вооруженные силы и флот. Однако доклад был положен под красное сукно.

ЛОПАТИН: Вы читали? Павел предлагал завести в России наемную армию. Я полагаю, что это не реформа, а отступление от всех традиций, шаг в прошлое!

СЕРЕГИН: Маленький, но существенный штрих: офицеры и генералы должны были быть русские дворяне, а остальные — наемники. Кстати, в своих имениях Суворов проводил такую же политику, в миниатюре, конечно. Своих крестьян он не отдавал в рекруты, он рекрутов покупал. Чем одно не тождественно другому? Так что, думаю, это было бы благо для народа.

ГРЮНБЕРГ: Но когда Павел пришел на престол и царствовал — была ли наемная армия? Нет! Зачем его зря критиковать?

ЛОПАТИН: Зато у великого князя Павла Петровича были пресловутые «гатчинцы» — по примеру Петра III, в свое время набравшего так называемое Голштейнское войско.

БЕСПАЛОВ: Да, в 1783 году, когда представилась такая возможность, при попустительстве генерал-фельдмаршала Салтыкова в Гатчине начинает создаваться своя армия. О ней существует много суждений, в основном про «гатчинцев» говорят, что это были алкоголики, неудавшиеся офицеры, мелкопоместные дворяне, которые не прижились в армии.

БЕГУНОВА: Они армию просто засоряли!

БЕСПАЛОВ: Да, говорят, что это был сор армии. Действительно, великий князь подбирал себе в войска неродовитых и мелкопоместных, но

зато грамотных офицеров. Они знали службу, знали фрунт, прекрасно справлялись со своими обязанностями. Гатчинские войска наследника-цесаревича являли собой образец будущей Русской армии — настоящей! Не распушенной и разнузданной, а дисциплинированной силы. Хотя Екатерининская армия воевала много, но порядка в ней было мало.

ЛОПАТИН: Чем же, по-вашему, была плоха армия, которая шла от победы к победе? Русско-турецкая война была не просто войной против Османской империи, она была войной против мощной европейской коалиции. Воевали турки, за ними стояли Англия и Пруссия: Англия готова была послать флот в Балтику и на Черное море, Прусская армия сосредоточивалась на границе с Лифляндией. Русские выиграли войну, и в этих труднейших условиях — ни единого поражения!

ПОДМАЗО: Однако при всех ее победах Екатерининская армия была разгильдяйской, причем с большой буквы. Командиры полков могли выходить к своим полкам, даже являлись на парады, в халатах и ночных колпаках. Офицеры могли месяцами, даже годами жить в деревне. Все это считалось армией!

БЕСПАЛОВ: К концу царствования Екатерины II 50 тысяч солдат были растасканы по имениям, где работали на своих командиров, что подтверждено полковыми документами. Гвардия вообще была абсолютно небоеспособна.

ГРЮНБЕРГ: Можно говорить, что при Екатерине одновременно было несколько армий. Одна воевала, другая числилась на бумаге.

БЕСПАЛОВ: Законный наследник престола, ожидавший его почти сорок лет, Павел Петрович готовил в Гатчине свою военную реформу. Здесь была отработана тактика взаимодействия всех родов войск, создана великолепная артиллерия — командовал ею Аракчеев. Гатчинцев гоняли по плацу по восемь часов в день — они занимались строевой подготовкой, боевой подготовкой.

БЕГУНОВА: Восемь часов по тем временам — это очень много.

БЕСПАЛОВ: Это нормальное время! Солдат должен знать службу, офицер должен знать фрунт, не должен путаться ни при захождении, ни при развертывании, потому что любое промедление на поле боя стоит больших потерь. Это была нормальная дисциплинированная армия, которую, кстати, великий князь не боялся — для российских государей явление редкое. Казарм в Гатчине не было — солдаты жили в левом крыле дворца, рядом с великокняжеской фамилией.

БЕГУНОВА: Все две тысячи?

БЕСПАЛОВ: Да, представьте себе! Караульное помещение также находилось рядом с дворцом. Однажды в 1794 году Аракчеев, будучи караульным офицером, допустил мелкую оплошность, и цесаревич его выбрал — Павел Петрович был гневлив, но отходчив. Аракчеев выбежал в церковь, там никого не было, он стоял и плакал. Вдруг — шаги. Поворачивается — Павел Петрович:

— Что ты плачешь?

— Я боюсь лишиться милости вашего императорского высочества!

— Ты ее не лишишься! Служи честно, а за мной служба не пропадет!

Собственно, Аракчеев был образцовым офицером, как и многие другие. Тот же, кто недобросовестно выполнял свои обязанности, в Гатчине не приживался. Иностранные специалисты признавали, что гатчинская конная артиллерия стояла на первом месте в мире, что пехота не уступала ни одной европейской армии.

БЕГУНОВА: Но ведь Гатчинская армия в бою испытана не была.

ПРЕСНУХИН: Русский офицерский корпус во время правления Екатерины получал опыт и образование на полях сражений, а не на Гатчинских полях, где только маршировали взад и вперед, и больше ничего не могли делать.

БЕСПАЛОВ: Я бы так не сказал. Во время Русско-шведской войны на театр военных действий был послан батальон Гатчинского гренадерского полка. Он был распределен по флотским командам, принимал участие в сражении при Рочесальме, за что все его чины были удостоены медали, и второй — за заключение мира в 1790 году. Хотя Екатерина желала разогнать эту «батюшкину армию», как она ее называла, цесаревичу удалось вернуть своих гренадеров обратно. Боевой опыт был — другое дело, что сама по себе эта Гатчинская армия была невелика. К концу царствования Екатерины II она состояла из 2800 чинов — шести пехотных батальонов, роты егерей, артиллерийского полка, батареи конной артиллерии и трех полков кавалерии: гусарского, жандармского и казачьей сотни.

ЛОПАТИН: Но ведь это была эпоха массовых армий! Французская революция разогрела колоссальную энергию масс, на поля сражений выводились сотни тысяч людей, а вы про гатчинские батальоны рассказываете!

БЕСПАЛОВ: Эти батальоны должны были определить лицо будущей армии! Поэтому здесь существовал специальный тактический класс, где разбирались все премудрости и хитрости уставов, овладения военным делом. В Гатчине регулярно проводились маневры, чуть ли не по две-три недели в месяц — с мая по октябрь.

ЛОПАТИН: А разве Русская армия маневров не знала? Гильоманш-Дюбокаж, адъютант Суворова, описал маневры, которые проводил великий полководец. Это, по мнению опытного, просвещенного француза, был подлинный шедевр. Он писал, что рекрут, прошедший суворовскую школу, дрался на уровне ветеранов. Стал ли кто-то из гатчинцев знаменитым полководцем, прославленным героем?

БЕСПАЛОВ: Нет, никто не стал, и критики любят приводить такой пример: когда стали открывать в Гатчине доску офицерам, отличившимся в Отечественной войне 1812 года, не нашлось, кого из офицеров бывшей Гатчинской армии внести.

— Неудивительно. История Гатчинских войск завершена в 1796 году. Павел набирал в них в основном уже послуживших офицеров, и в 1812 году самым молодым из гатчинцев было за 40. Если обратиться к исследованию «Офицеры Русской армии — участники Бородинского сражения», можно узнать, что людей в возрасте 41-45 лет было среди них 3,2 процента и один процент — от 46 до 55. Все остальные были моложе! Такая же картина была по всей армии.

БЕСПАЛОВ: Гатчинцы были прекрасными администраторами. Это граф Аракчеев, который очень много сделал на посту военного министра, это московский губернатор граф Ростопчин, это генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич. Хотя, командир гренадерского батальона гатчинец подполковник Рощин отличился в Альпийском походе, за боевые отличия был удостоен командорского креста ордена Святого Иоанна Иерусалимского и ордена Святой Анны 2-го класса. Да и Капцевич был удостоен высших наград за боевые заслуги.

— Петр Михайлович Капцевич, впоследствии генерал от артиллерии, при Бородине командовал дивизией — награжден орденом св. Георгия 3-го класса, при Лейпциге корпусом — св. Георгия 2-го класса. Гатчинцы начали выдвигаться только при Павле I, а потому и перейдем к его царствованию и военным реформам.

ЛОПАТИН: Приговор Павловским реформам вынес Суворов: «Нерусские преобразования! Всемогуший Боже, даруй, чтобы зло для России не открылось прежде ста лет!..» Александр Васильевич говорил: «Нет вшивее пруссаков — лаузер, или вшивень, назывался их плащ. В цейхгаузе или возле будки без заразы не пройдешь, а головной их вонью вам подарят обморок. Мы от гадины были чисты...» Ранее в России была потемкинская форма — он отменил букли и косы, пудру и сало, которым волосы мазали. Потемкин считал: «Туалет солдатский должен быть таков — что встал, то и готов. У них камердинеров нет. Сколько храбрых душ из-за этих причуд пошли на тот свет». Павел Петрович сделал огромный шаг назад!

БЕСПАЛОВ: До 1783 года Российская армия носила такую же униформу, которую семьдесят лет с успехом носили все армии мира. Кстати, выдающийся русский полководец генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский был большим поклонником прусских уставов и Фридриха Великого. Он был большим поклонником прусской формы — солдаты его шефского полка и его армии не носили форму русского образца, она была им запрещена...

ЛОПАТИН: Есть воспоминания генерала Комаровского, адъютанта великого князя Константина Павловича. По возвращении из Швейцарского похода Павел спросил сына: «Говори откровенно, как форма?» Тот отвечает, что неважнецкая, мешает. Но все кончилось государевым криком: «А, потемкинскую вспомнили!»

ПОДМАЗО: Я предлагаю разделить два аспекта: реформу униформы и военную реформу, боевую подготовку армии. Реформа обмундирования

явилась злом для России, потому что Павловская форма была хуже Екатерининской. Но ведь хваленая Потемкинская форма не пережила своего создателя — это тоже надо признать. А после ухода Павла I форма стала еще менее удобной — короткие фалды, которые перестали греть солдата, слишком высокий воротник.

— *Участники военно-исторических клубов говорили, что павловские мундиры оказались гораздо удобнее тех, что были в 1812 году. Об этом мы разговаривали в Швейцарских Альпах во время празднования 200-летия Суворовского похода. Впрочем, обратимся непосредственно к военной реформе Павла I.*

ПРЕСНУХИН: А можно ли называть те изменения в армии, которые произвел Павел Петрович, реформами? Реформы, так раньше по крайней мере считалось, — это нечто положительное: развитие, модернизация, совершенствование. То же, что произвел Павел I, — это был полный регресс, забвение всех прежних заслуг Русской армии — Екатерининского и даже Петровского времени. Возвращение и прямое заимствование не только прусских тактики и униформы, но даже и взаимоотношений в армии очень удивляет.

ЛОПАТИН: Совершенно согласен! Настоящие реформы дают положительный результат, а в тех условиях все делалось по прусскому образцу. Но прусская армия — образец для подражания — вскоре была полностью разгромлена в сражениях при Иене и Ауэрштедте. На Пруссии был поставлен крест!

ГРЮНБЕРГ: Павел был предан памяти своего отца — до того, что он не разбирался, правильно тот делал или нет. А ведь во времена Петра III именно пруссаки были законодателями «военной моды» в Европе. Скажите, а Петр I опирался на национальный военный опыт или на западный?

ПРЕСНУХИН: Самое главное, что сделал Павел Петрович, — унизил Русскую армию, не только офицерский корпус, но и солдат, низвел их до положения не то что рабов, а скотов. При Екатерине армия состояла из бывших крепостных — это были рабы по определению, но офицерский корпус был свободным сословием, они могли служить или не служить в армии, шли на службу только по своему желанию. Унизив офицерский корпус, заслуженный в боях, Павел Петрович низвел и их до состояния рабов. Правда, рабов одного человека — императора.

ГРЮНБЕРГ: Простите! У нас в армии рабов никогда не было — была присяга, перед которой были равны и офицеры, и солдаты.

ГОТОВЦЕВ: Скажите, а что такое дворянство? Этот класс был создан как воины, служилые люди! Потому не случайно, что первый шаг в военной реформе, который сделал Павел, была отмена Манифеста о вольности дворянства.

— *Немножко не так: Павел не стал бы отменять Манифест, подписанный его отцом, Петром III. Зато уже 8 ноября 1796 года был*

оглашен его Указ о запрете дворянам, приписанным к гвардии, манкировать службой...

ГОТОВЦЕВ: Так что офицерам, которые жили в своих имениях, предаваясь праздности и увеселениям, развращались в безделии, приходится возвращаться в полки. Именно тогда, кстати, в Москве строятся Покровские казармы, Алешинские и другие казармы... То же самое и в Петербурге. Теперь уже офицеры и генералы живут при казармах и служат. Этот указ — определенная мобилизация сил.

ПОЛИВАНОВ: Историю России в период Наполеоновских войн я изучал, разбирая наш семейный архив. На основании документов моего прапрадеда Николая Петровича Поливанова, который служил во времена императора Павла, могу сказать, что в армии был абсолютный порядок, и что доблесть офицерского состава просто поражала! Поэтому считаю, что реформы были во благо!

— *Мы вообще-то до сих пор так и не сформулировали, что это такое — Павловские военные реформы...*

БЕСПАЛОВ: Император Павел делал все возможное, чтобы реорганизовать армию, привести ее в порядок. Первым делом он потребовал, чтобы о солдате думали как о солдате, — солдат должен служить. Впервые за многие царствования русского солдата стали вовремя кормить, одевать, обувать, вовремя выплачивать жалованье. Впервые были введены награды за выслугу лет для солдат: Анненская медаль и знак ордена св. Иоанна Иерусалимского, и награжденные ими не подвергались телесным наказаниям. Говорят про букли и косы, но ведь именно при Павле была введена и шинель, дошедшая почти до нашего дня; солдату была дана теплая цигейка под мундир. Можно и про то вспомнить, что всех унтер-офицеров, проделавших Швейцарский поход, государь произвел в офицеры, то есть возвел в дворянское достоинство. При Павле появились и коллективные награды — полки награждались знаменами, «гренадерским боем».

ПОДМАЗО: В Екатерининское время каждый командир воевал, как самому ему вздумается, потому военные успехи в большей части зависели от выдающейся личности. Если вычеркнуть из нашей армии XVIII века Румянцева, Потемкина, Суворова, что остается от среднего русского офицерства? Ни-че-го! Павел это дело регламентировал. В первый год своего правления он ввел уставы, по которым долго жила Русская армия. Теперь уже любой офицер знал, что, когда и где ему следует делать. Благодаря уставам поднялся уровень офицерства.

ЛОПАТИН: А разве Екатерининская армия не была образцом службы? Свое теоретическое наследство оставил Румянцев; Суворов написал «Науку побеждать» — боевое наставление; у Потемкина четыре огромных тома осталось: как воспитывать офицерский корпус, генералитет, какие надо учения проводить. Основная его установка была, что солдат должен быть готов к боевым действиям. Нельзя говорить, что в Екатерининской армии каждый делал, что хотел, были планы войны, было взаимодействие корпусов

и армий. К сожалению, весь этот опыт до сих пор не оценен русскими военными историками.

ПРЕСНУХИН: Зато при Павле Петровиче командир только и знал, что делать, чтобы отчитаться перед инспектором и затереть глаза императору, — мол, в полку все в порядке. Не было ни тактических инструкций, ни боевого устава, ни применения его для военных действий!

БЕГУНОВА: В нашем клубе — Гродненском гусарском полку — мы очень хорошо знаем устав 1797 года и приложение о полевой гусарской службе. Изучили его и столько деталей узнали! Пуговицы пересчитали, пряжки, застёжки, все узнали про седловку, как вынимать саблю, как ее держать и салютовать... А про бой — пять глав. Большая часть устава посвящена деталям гарнизонной службы. Введение Павловских уставов было благом для армии, но армии мирного времени.

ГРЮНБЕРГ: Действительно, устав под казарменную службу, но ведь Павел, сидя в своей гатчинской изоляции, иной и не знал, и требовать того от него нельзя: среда-то у него была невоенная! И аппарата, извините, у него не было. Это тоже понимать надо.

СЕРЕГИН: Букли, шаг, мундир — да, это все для парадов. Но ведь Павел Петрович в первое время был миротворцем, мы это забываем! Он предложил прекратить войны в Европе, а если уж монархам не удастся, то пусть они и вызывают друг друга на рыцарские турниры, а их верноподданные созерцают, как они сражаются. Так что упрекать не надо.

ПОДМАЗО: Что Павел I очень большое внимание уделял плацу, говорят много. Но ведь он вызывал в Петербург команды из полков и инспектировал их, показывал, как надо и сам смотрел, что в полку творится. Не то, что бумагой докладывал командир, а что в действительности. Мы забываем еще такой аспект, как быстрое омоложение комсостава. Если при Екатерине в полках был двойной, а то и тройной штат офицеров, и большая часть из них на службе вообще не появлялась, хотя чины им шли, то при Павле чины получали реально служившие. Это сказалось на боеспособности армии: кто службу знает, тот и продвигается.

ЛОПАТИН: Извините, но единственный человек, который прославил Павловское царствование, был Суворов. А кто выиграл войну с Наполеоном в 1812 году? Пушкин так сказал про князя Кутузова: «Сей остальной из стаи славных Екатерининских “орлов”». Ему и в голову не пришло сказать, что выиграли Павловские воспитанники, гатчинцы. У Багратиона, Раевского и многих тысяч офицеров с ними не было ничего общего.

— *Позвольте, «орлы»-то в большинстве своем были именно Павловские и Александровские. В «Российском архиве» был помещен обзор «Русские генералы в войнах с Наполеоновской Францией в 1812-1815 годов», куда включено 550 фамилий. Только 12 человек — в том числе князь Смоленский, Беннигсен, Тормасов, атаман Платов — получили генеральские чины от Екатерины II. Зато 117 — Багратион, Барклай де Толли,*

Витгенштейн, Коновницын, Милорадович, Остерман-Толстой, Дохтуров — получили генеральские чины от Павла Петровича.

ЛОПАТИН: Так они же при Екатерине офицерами были!

— Но ведь не она, а Павел остановил свой выбор на этих блистательных военачальниках, хотя было предостаточно претендентов. В книге Любомира Григорьевича Бескровного «Русская армия и флот в XIX веке» указано, что в 1826 году было 25919 офицеров и 506 генералов — времена несколько иные, но соотношение близкое. Ясно, что государь имел огромное поле для выбора. Кстати, Екатерина II предпочла перечисленным Павловским генералам не только своего фаворита Платона Зубова, но и его братьев. Платон был 1767 года рождения, Валериан — 1771-го, а вот Барклай де Толли — 1757-го, и генералом он стал в 41 год, что по тем временам поздновато.

ЛОПАТИН: Все же возглавить поход Русской армии для спасения гибнущей Австрии Павел Петрович поручает Суворову, которого вызывает из ссылки. Правда, командуя коалиционными войсками, Суворов был практически лишен полномочий главнокомандующего.

СЕРЕГИН: Согласимся, что у Суворова характер был очень неумный, Александр Васильевич знал себе цену и позволял себе немалые вольности, хотя по отношению к императору надо было бы соблюдать некоторую субординацию.

ГРЮНБЕРГ: Мне кажется, Суворов и Павел были просто созданы друг для друга — два абсолютных идеалиста, два горячих человека. Кстати, известно, что Суворов в Кончанском занимался шагистикой с мальчишками для своего удовольствия. Это факт! А доверие к Суворову Павел Петрович во время похода предъявил чрезвычайное: он ему доверил собственного сына, Константина.

СЕРЕГИН: Отпуская Суворова на европейский театр военных действий, государь говорит: «Воюй, как знаешь!» Обстановка изменилась — пройти по Европе с парадом, с миром не удалось, и с этим надо считаться.

ЛОПАТИН: Суворов был назначен после того, как англичане и австрийцы, наши союзники, сказали Павлу, что у него есть такой полководец. Тут-то и пришлось говорить: «Воюй, как умеешь»... И он воевал. А выдвигенец Павла генерал Герман капитулировал перед французами в Голландии; генерал Римский-Корсаков, имея значительные силы, подвергся разгрому в Цюрихе.

ГРЮНБЕРГ: Эти военные поражения — проигрыши политиков, а не армии. Генерал Герман был оправдан — он был великолепный генерал, вот только попал в ситуацию, где не военные решали. И Римский-Корсаков был не виноват! Вообще напрасно некоторые утверждают, что Швейцарская кампания была проиграна Суворовым. Недаром Массена сказал, что за этот поход он отдал бы все свои победы. И давайте помнить, что Павловская реформа — это не реформа в отношении тактики и стратегии, а совершенно другие вещи.

ПРЕСНУХИН: Главная антиреформа Павла I — уничтожение службы Генерального штаба и соответственно системы штабов вплоть до полкового, ротного уровня. Он ввел такое единоначалие, что командир роты должен был буквально о каждом своем движении сообщать напрямую императору и дожидаться высочайшего соизволения. Кампании в Италии и в Голландии были проиграны потому, что в армии не осталось ни одного штабного офицера — даже главнокомандующему не было разрешено иметь помощника. При Аустерлице осталась такая же система, поэтому всеми штабными делами — управлением войсками в бою, движением колонн и снабжением — заправляли австрийцы.

ЛОПАТИН: Павловские реформы привели к серии страшных поражений. После них были Аустерлиц, Фридланд и пожар Москвы. Александр I и Николай I были гатчинцами — они устраивали грандиозные парады и разводы, войска на парадах были хороши, офицеры красивы, но эпоха Павловичей закончилась катастрофой в Крымской войне.

ГРЮНБЕРГ: Разве Петр I не проигрывал Нарву, как Александр I Аустерлиц? Кстати, при Аустерлице наши взяли знамя и пушки, а французы никогда не проигрывали так, чтобы брать трофеи у победителей. И разве русские не были потом в Париже?

ПОДМАЗО: Говоря о Павле I, мы забываем, что на престоле он был всего-то пять лет. Какие реформы реально можно сделать, учитывая, что последние два года его окружение практически все делало в пику императору, передергивало его указы? Реформы были начаты, но не закончены — отсюда многие беды нашей последующей истории.

БЕСПАЛОВ: Оценивая личность и деятельность Павла Петровича, надо учитывать, что солдаты его любили, а офицеры ненавидели. Кто убивал государя? Генералы и штаб-офицеры! Солдаты стояли на улице и плакали, когда им сообщили, что императора убили.

ЛОПАТИН: Я считаю, что лучшие воспоминания о перевороте оставил генерал Николай Александрович Саблуков. Когда солдаты Конной гвардии убедились, что Павла нет, Саблуков у них спрашивает: «Ну что, присягнете?» — «А нам кто ни поп, тот и батька!» Вот и все отношение.

— *Не совсем так. Речь командира полка генерала Тормасова о вступлении на престол Александра I — по воспоминаниям Саблукова — не вызвала положенного крика «Ура!», а фраза насчет «попа и батьки» предварялась утверждением, что Александру «лучше покойного не быть». Для вымуштрованной гвардии это могло считаться непозволительным вольнодумством.*

В этом разговоре мы не ставили перед собой цели явить истину в последней инстанции — гораздо важнее заставить читателя задуматься, вызвать интерес к событиям прошлого, к истории Российского государства. Известно, что человек, богатый опытом минувшего, ориентируется в событиях современности гораздо лучше, чем тот, кто все происходящее воспринимает «с нуля».

«Виноватого Бог простит!»

«Для сохранения памяти в преиудущих веках великих дел генерал-фельдмаршала Нашего графа Суворова-Рымникского [...] и в знак признательности Нашей перед целым светом, жалуем ему [...] знаменитое достоинство князя Российской Империи с титулом Италийского...»

Из указа императора Павла I.

«Его Императорское Величество в благодарность подвигов князя Италийского графа Суворова-Рымникского повелевает гвардии и всем Российским войскам даже и в присутствии государя отдавать ему все воинские почести подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества».

Из Высочайшего приказа.

«Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов Отечества, не доставало вам еще одного рода славы: преодолеть самую природу; но вы и над нею одержали ныне верх. Поразив еще раз злодеев веры, попрали вместе с ними козни сообщников их, злобою и завистью против вас вооруженных. Ныне, награждая вас по мере признательности Моей и ставя на высшую степень, чести и героизму предоставленную, уверен, что возвожу на оную знаменитейшего полководца сего и других времен»

Из рескрипта императора Павла I о возведении Суворова в почетное достоинство генералиссимуса всех российских войск.

Был май 1800 года. В окраинной части Петербурга, именуемой Коломной, в небольшом двухэтажном доме на Крюковом канале умирал генералиссимус князь Италийский граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский. В невозвратном прошлом остались недавние победы на итальянской и швейцарской землях, восторг и благодарность Европы, небывалые милости русского императора. В настоящем были опала и ожидание близкого конца.

Почему? Да потому, что Россия вступала в очередную мирную полосу. По крайней мере, казалось, что именно так.

Думается, что утверждение это вызовет несогласие строгих знатоков, и они начнут говорить о противоречивом характере императора, об интригах, которые плелись его противниками, о том, что Суворов допустил некоторые тактические ошибки «на паркете», и о многом другом. Все это так, однако

главная причина была в том, что война закончилась и Россия воевать более не собиралась.

Самодержцы ценили Суворова. Елизавета Петровна заметила его еще гвардейским капралом и наградила серебряным рублем.

Вступив на престол, Екатерина II произвела Суворова в полковники Астраханского пехотного полка. В период коронации, когда гвардия ушла в Москву, этому полку было поручено содержать городские караулы в Санкт-Петербурге. Тридцать шесть лет службы Суворова под знаменами Екатерины прошли в непрерывных походах, боях и трудах по укреплению границ на юге, западе, северо-западе, и в 1794 году государыня произвела Александра Васильевича в генерал-фельдмаршалы. Известно, что полководец отличался своеобразным характером, его знаменитые чудачества порой были дерзки, но он мог себе это позволить, потому что был незаменим для вечно воюющей державы.

Однако период победоносных екатерининских войн завершился, а императрица ушла в небытие, оставив Россию в довольно плачевном состоянии. Ее сын, император Павел, принялся наводить в государстве порядок. Работа это была титаническая, к тому же затрагивала интересы высших слоев общества. Государь хотел, чтобы все подчинялось закону — вне зависимости от чинов, титулов и заслуг.

Вот и фельдмаршалу Суворову сказали, что его эскапады несовместимы с требованиями военной дисциплины. «Мне поздно переменяться, — ответил полководец. — Доложите императору, что матушка его, Екатерина, тридцать лет терпела мои причуды, и я шалил под Рымником и под Варшавою, а для новой дисциплины слишком стар!» Доложили, и Александр Васильевич отправился в сельцо Кончанское... Историки единодушно осуждают императора Павла за эту ссылку, но что ему было делать, если полководец намеренно утрировал требования воинской дисциплины, откровенно издевался над установленной формой одежды и новыми порядками? Суворов оказался невостребованным аккурат до начала следующей войны.

«Теперь нам не время рассчитывать. Виноватого Бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а ваше — спасти их! Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у Меня удовольствие вас видеть».

Из письма Павла I.

Дальнейшее известно. «Маститый старец» отправился к армии и в очередной раз прославил Русское оружие и само Русское имя. А в то самое время в России плелись сети коварной интриги.

Как мы сказали, реформы императора Павла, направленные на то, чтобы навести порядок во всех отраслях общества и улучшить жизнь низовых слоев населения, встречали ожесточенное сопротивление верхов. Ведь если,

например, улучшался солдатский быт, то командиры не могли уже бесконтрольно тратить казенные деньги. Регламентировалась барщинная работа крепостных — значит, ретивым помещикам не удавалось выжимать из них последние соки...

Стоит учесть, что государь норой перегибал палку, а вокруг трона хватало и дураков, которые излишним усердием могли извратить любое дельное начинание, и людей злонамеренных, которые реформы саботировали. Вот почему число лиц, недовольных императором Павлом, возрастало. Да тут еще и англичане не жалели золота, стараясь повернуть политику России в русло своих интересов.

Тайной оппозиции была нужна Личность, одно имя которой уже могло убедить народ в правоте заговорщиков. Суворов безусловно подходил на эту роль, а потому, говоря языком спецслужб, к нему был сделан подход — еще до Швейцарского похода. Не то Беннигсен, не то Пален предложил опальному полководцу вступить в заговор. Тот наотрез отказался: «Крови боюсь!»

Однако заговорщики Суворова в покое не оставили. Им было понятно, что возвратившийся из знаменитого похода полководец сделает царский трон незыблемым, а то подчеркнутое уважение, которое оказывает государь военачальнику, поднимает и авторитет Павла в народе и в войске. Значит, необходимо было поссорить монарха и генералиссимуса.

Можно долго рассказывать, как формировался характер Павла Петровича, откуда появились в нем подозрительность, недоверчивость и, одновременно, простодушие. Играя на этих качествах, интриганы смогли окружить престол, удалив от него таких верных слуг, как Аракчеев, Ростопчин... Как Суворов.

Можно только догадываться, что именно нашептывали монарху мнимые доброжелатели. Очевидно, говорили о том, что, получив воистину царские почести, полководец может войти во вкус и попытается сменить царя...

Известно, что и русские государи, и последующие советские правители боялись своих выдающихся полководцев. Схожими представляются судьбы князя Пожарского, фельдмаршала Барклая де Толли и маршала Жукова. В грозную годину каждый из них был наречен «спасителем Отечества», но после войны задвинут на второстепенные должности... А высшие военные посты занимали пусть не столь отличившиеся и даровитые, далеко не самые блистательные, зато во всем послушные властям военачальники. Такие, что слова поперек не скажут и свою точку зрения отстаивать не будут — за неимением оной. Такие, за кем войска не пойдут, если вдруг полководцу чего и заблагорассудится. В общем, военного переворота ни задумать, ни осуществить они не смогут.

Потом, правда, при открытии военных действий такая «селекция» оборачивалась большой кровью. Но в России народу много, так что государи того не боялись. Враг мог дойти до самого сердца империи — а к тому

времени бездарные военачальники уходили в небытие, и жизнь выдвигала новых полководцев, которые опять поднимали Россию на высоты славы.

К тому же, даже современная история убедительно доказала, что в России военачальник и политик — понятия отнюдь не равнозначные... По-настоящему талантливый военный человек по сути своей — не политик.

Нелепо было думать, что генералиссимус Суворов вознамерится стать царем Александром — да вот, убедили Павла в такой нелепице. Если б была война, то государь сразу отправил бы Суворова громить турок, французов, поляков или еще кого. Но войны не ожидалось, и потому царь мог себе позволить отменить торжественную встречу великого полководца, и распорядился, чтобы генералиссимус въехал в Санкт-Петербург по-тихому. Старик Суворов был тяжело болен после труднейшего похода, а незаслуженное оскорбление нанесло ему сильнейший удар. 6 (18) мая 1800 года Александр Васильевич скончался.

Вдень похорон, когда траурная процессия следовала не Невскому проспекту, на углу Садовой улицы ее встретил император Павел и молча склонил обнаженную голову. По лицу государя текли слезы. Современник свидетельствовал, что Павел «весь день был не весел, всю ночь не спал и беспрестанно повторял слово “жаль”». Но мог ли император предвидеть, что смерть Суворова стремительно приближает его собственную кончину?

Тайная миссия поручика Орлова

В школьные времена казалось, что мы знаем о войне 1812 года все: переход Наполеона через Неман, соединение 1 -й и 2-й армий у Смоленска, прибытие Кутузова, сражение при Бородино... Но это только казалось, потому как на самом деле история Отечественной войны гораздо обширнее, насыщеннее событиями, изобилует тайнами, загадками и секретами.

«13 (25) июня, в два часа ночи, государь, призвав к себе Балашова и прочтя ему свое письмо к Наполеону, приказал ему отвезти это письмо и лично передать французскому императору. Отправляя Балашова, государь вновь повторил ему слова о том, что он не помирится до тех пор, пока останется хотя один вооруженный неприятель на русской земле, и приказал непременно передать эти слова Наполеону», — писал в романе «Война и мир» граф Толстой.

Кажется, в чем тут загадка, если миссии генерал- адъютанта Александра Дмитриевича Балашова посвящены 18 страниц романа, и она фигурирует во многих воспоминаниях современников?

Вот что писал сенатор Евграф Федотович Комаровский: Наполеон, «не давши времени Балашову отвечать, спрашивает у Коленкура:

— Вы знаете Москву? Большая деревня, где видно множество церквей — к чему они? В теперешнем веке перестали быть набожными.

На сие Балашов отвечал:

— Я не знаю, Ваше Величество, набожных во Франции, но в Гишпании и в России много еще есть набожных».

А это — из воспоминаний самого Александра Дмитриевича Балашова: «Помолчав немного, Наполеон, оборотясь ко мне, спросил:

— Какая дорога в Москву?

Я отвечал ему:

— Ваше Величество, этот вопрос меня немного затрудняет: русские говорят так же, как и французы, что все дороги ведут в Рим. Дорогу на Москву выбирают по желанию: Карл XII шел через Полтаву».

Речь Балашова представляется весьма афористичной, что дало повод некоторым из его современников усомниться: а не придумал ли генерал все свои вызывающе-патриотические замечания на обратном пути? Но разговор у нас совсем не о том — ведь генерал Балашов не был главным действующим лицом в этой истории. Впрочем, уделим ему еще немного времени.

В ту пору Александру Дмитриевичу было почти 42, и уже четырнадцать лет он был генералом. Послужил в гвардии, в армии и даже в гарнизонных частях. При Павле был комендантом в Омске, где вскрыл мошенничество статских властей, за что сам и пострадал. Был генерал-губернатором в Ревеле, готовил город к обороне с моря против англичан, а когда политика переменялась — чуть ли не подружился с адмиралом Нельсоном. Зато с нечистоплотным гражданским губернатором ужиться не сумел.

Затем Балашов стал московским обер-полицмейстером, основательно подтянул полицию в первопрестольной и в награду был назначен генерал-кригскомиссаром. Но лишь вошел в курс дела, как император сделал его петербургским обер-полицмейстером. Понижение, однако высокое монаршее доверие. Зато через год генерал уже был столичным военным губернатором, потом — членом Государственного совета и, наконец, — министром полиции.

Толстой несколько неточен: 25 июня Александр I вызывал своего министра не в два часа ночи, а в 10 утра и приказал ему быть в готовности отправиться к императору французов. Он сказал:

— Я не ожидаю от этой посылки прекращения войны. Но пусть это будет известно Европе и послужит новым доказательством, что войну начинаем не мы.

Миссия, как видите, носила сугубо пропагандистский характер. Повторный вызов и чтение письма действительно были в 2 часа, но уже 14 (26) июня. Ранним утром того же дня генерал выехал из Вильно в западном направлении. Сопровождал его поручик Кавалергардского полка Михаил Федорович Орлов.

Через три часа они были остановлены неприятельским разъездом и препровождены к маршалу Даву, который потребовал отдать ему письмо, адресованное Александром I Наполеону. Балашов возражал, ссылаясь на указание передать пакет в собственные руки повелителя французов, но герцог недвусмысленно объяснил, что здесь распоряжается он, а не русский царь...

Два дня парламентар томился в ожидании и неведении — он не предполагал, что Бонапарт, давно уже получивший письмо, приказал не спешить с доставкой самого Балашова в императорскую квартиру... Зато не скучал Орлов, который быстро завел себе немалое количество знакомых среди неприятельских офицеров и проводил время в болтовне с ними.

Потом русскому посланнику сообщили, что его ждет Наполеон — причем там же, в Вильно, в том же дворце, откуда провожал его русский царь. Александр Дмитриевич уехал, оставив своего спутника в штабе Даву. О том, что было с генералом дальше, можно прочитать у Толстого, а мы останемся с Орловым.

Впрочем, за время всей этой поездки поручик лишь раз обратил на себя общее внимание — когда за обедом у маршала Даву принялся остроумно вышучивать своих собеседников, наполеоновских офицеров, тем самым вызвав их возмущение. Стол был длинный, народу много, и герцог долго не замечал происходящего. Узнав же, что русский насмехается над французами, он рассвирепел и, врезав кулаком по столу, заорал:

— Фи, господин офицер, что это вы там говорите?!

Орлов — родной племянник знаменитых Екатерининских Орловых — был, как и его дядя, мужик здоровый и самолюбивый. Он тоже шарахнул кулаком, от чего подпрыгнули все приборы на столе, и отвечал на великолепном французском:

— Фи, господин маршал! Я беседую с этими господами!

Столь дерзкий урок хорошего тона, данный поручиком маршалу, привел общество в изумление. Французы заговорили все разом, потом зашептались и умолкли. Обед завершился в гробовой тишине.

Вот и все, что можно рассказать про нахождение Михаила Орлова в рядах Наполеоновской армии, вторгшейся в Россию. На следующий день он уже сопровождал генерала, возвращавшегося к русскому царю.

А 22 июня (4 июля) в Главной квартире Русской армии было проведено экстренное совещание, на котором обсуждался вопрос обхода противником нашего левого фланга. Кроме самого государя, здесь присутствовали генералы граф А. А. Аракчеев, князь П. М. Волконский, барон Карл Фуль, полковник К. Ф. Толь, подполковник Карл Клаузевиц и... поручик Орлов. Когда совещание закончилось, Александр I приказал ему задержаться:

— Ты подготовил меморандум? — спросил царь.

— Так точно, ваше императорское величество! — отвечал кавалергард, протягивая государю конверт.

— «Бюллетень особых известий», — вслух произнес император по-французски и углубился в чтение.

Мы много говорим про секретную службу Наполеона, о том, как прекрасно была налажена французская разведка. При этом мы забываем о том, что русская спецслужба была совсем не хуже, и наша «Особенная канцелярия» — руководство военной разведки — имела в своем активе немало славных дел. Так вот, по мнению ряда историков, миссия Балашова,

кроме пропагандистской задачи, имела главной своей целью прикрытие секретной миссии Орлова. Кому бы пришло в голову: генерал-лейтенант и министр «прикрывает» поручика?!

Впрочем, кто он такой — поручик Орлов?

Родился он в 1788 году, семнадцатилетним эстандарт-юнкером Кавалергардского полка дрался при Аустерлице, за что получил офицерский чин, с 1810 года — адъютант князя Петра Михайловича Волконского, управляющий квартирмейстерской частью. Весной 1812 года его командируют в 1-ю Западную армию, уже стоящую близ границы, где он координирует работу агентуры. Теперь, с открытием боевых действий, Орлову удалось самому отправиться в расположение неприятельских войск.

«Я пытался познать дух, который царит во французской армии, — писал Михаил в своем «Бюллетене». — Можно смело сказать, что Наполеон один желает войны, что офицеры армии боятся ее и что она сама повинуетя общему побуждению, которое исходит от ее главнокомандующего...»

«По некоторым разговорам маршала Даву можно предположить, что имели намерение дать битву под Вильно, где объединенные силы на берегу Вилии должны были сдерживать нас, в то время как войска на правом берегу той же реки предназначались для того, чтобы отрезать нам отступление. Армия имела продовольствие на 20 дней...»

Вот они, результаты многочасовой «болтовни» обаятельного гвардейца с офицерами Великой армии! Вовремя этих разговоров он даже расширил круг своих агентов. Русским разведчиком были завербованы командир польского батальона Задер, землемеры лесного ведомства курляндцы Лейминг и Мюллер...

В своем меморандуме Орлов не только раскрыл планы Наполеона, выяснив, что корпус Удино, действующий против нашего правого фланга — на Петербургском направлении — играет отвлекающую роль, а основным направлением будет Москва, но и подробно расписал бедственное положение Великой армии на первых же ее шагах по русской земле.

Кстати, о том свидетельствуют и французские источники. «Беспорядки, производимые армией, немало увеличивали всеобщее недовольство, — вспоминал генерал Арман де Коленкур. — В Вильно ощущался недостаток во всем, и через четыре дня необходимое продовольствие надо было искать уже очень далеко. Число отставших от своих корпусов было довольно значительно...»

«С 29 по 30 (нов. стиль) июня разразились грозы, — свидетельствуют профессора Лависс и Рамбо в «Истории XIX века». — Они вызвали резкое понижение температуры, испортили дороги, погубили несколько тысяч лошадей и привели к тому, что не удалось настигнуть русских при их отступлении...»

Так армия Наполеона шла к своей скорой гибели. От разведчика Александр I получил столь необходимое ему подтверждение собственной своей правоты: путь к победе над грозным противником был в отступлении.

Михаил Орлов, блестяще выполнивший свою тайную миссию, был произведен в штабс-ротмистры и назначен флигель-адъютантом императора. Так началась его удивительная карьера — в марте 1814 года полковник Орлов подпишет акт о капитуляции Парижа и будет произведен в генерал-майоры.

Мятежная гвардия

«Но перед вами отличался
Семеновский прекрасный полк.
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его и толк...»

Так через тридцать шесть лет после произошедшего писал в «Стихах о бывшем Семеновском полку» Федор Глинка, участник войн с Наполеоном, историк и литератор, декабрист. А ведь казалось, последующие события — от далекого уже восстания на Сенатской площади до только что закончившейся Крымской войны — должны были напрочь стереть память о солдатском возмущении в одном из гвардейских полков... Но прошло еще два десятилетия, прежде чем стихотворение это наконец-то появилось в печати — в двенадцатом номере «Русского архива» за 1875 год.

История Российской императорской гвардии началась в 1700 году с Преображенского и Семеновского полков. Эти полки, впоследствии составившие так называемую Петровскую бригаду, занимали в гвардии особенное, привилегированное положение. В XVIII веке государи обязательно числились их полковниками, а в XIX веке — шефами.

Руководство лейб-гвардией, то есть своей стражей (немецкое «Leibgarde» дословно переводится как «охрана тела»), большинство русских императоров считало своей важнейшей задачей. Первый Высочайший приказ, отданный на вахтпараде только что вступившим на престол императором Павлом I, звучал так:

«1-е. Пароль Полтава.

2-е. Его императорское величество император Павел принимает на себя шефа и полковника всех гвардии полков.

3-е. Его императорское высочество великий князь Александр Павлович в Семеновский полк полковником...»

Цитировать далее необходимости нет. Так с 7 ноября 1796 года (все даты — ст.ст.) имя Александра оказалось связано с Семеновским полком. 12 марта 1801 года, после царевубийства — кстати, в этот день Преображенский караул в Михайловском замке не случайно был заменен на Семеновский — он примет звание шефа этого и Преображенского полков, а так же Лейб-

гренадерского и Лейб-кирасирского Его Величества, тогда еще в состав гвардии не введенных.

Существует элементарная житейская мудрость. Если у вас, например, есть собака, охраняющая ваш дом, то нужно о ней заботиться и относиться к ней по-человечески. Объяснять, что может случиться в противном случае, не надо. По-человечески нужно относиться и к людям, которые вас обслуживают, охраняют. Однако Павловичи — ни ставшие царями Александр и Николай, ни великие князья Константин и Михаил — этого почему-то не понимали. Хотя все они были по-настоящему военными людьми, участвовали в боях, но в армии видели только некий бездушный механизм, коим следовало управлять самым жестким образом. «Трех забей — одного выучи» было девизом тогдашнего военного обучения. Эти люди словно не понимали, что с войском, с гвардией можно обращаться по-иному. Впрочем, они и себя порой ставили в те же жесточайшие рамки.

Например, когда в 1805 году гвардейский отряд выступил в поход против французов, то для облегчения движения было высочайше разрешено сделать некоторые отступления от формы одежды — в частности, не пудрить, как было тогда заведено, прически. Единственный человек, который неукоснительно и в любую погоду соблюдал все правила, был командир отряда цесаревич Константин. От пыли, грязи дождя и пота его пудренная голова покрывалась к вечеру твердой коркой, но великий князь ни разу и не отступил от установленной формы! И ведь это не был необстрелянный юнец, стремившийся показать себя по-настоящему военным человеком — за плечами у Константина уже были Альпийский поход и слава боевого генерала.

В мемуарах адмирала А. С. Шишкова сохранилось описание, как великие князья Александр и Константин «с важным видом брали ружья и, как солдаты, при всех учились отрывисто и проворно делать ими на караул, на плечо, к ноге и проч.». Старшему брату было тогда двадцать, младшему — восемнадцать лет. Впрочем, Александр I не стеснялся отрабатывать ружейные приемы, даже будучи царем и победителем Наполеона.

И даже великая княгиня Александра Федоровна — жена будущего императора Николая I, — когда ее муж у себя в Аничковом дворце обучал гвардейцев шагистике, вставала на правый фланг шеренги и отрабатывала строевые приемы вместе с солдатами. Оригинальные супружеские утехы...

Парадные мелочи, любовь к «фрунту», как именовался тогда солдатский строй, страсть к муштре закрыли от государей истинный смысл службы, реальные проблемы людей, защищающих престол и Отечество. А может, эта система была обусловлена тем, что российские монархи боялись своего воинства, особенно — гвардии? Век XVIII остался «эпохой дворцовых переворотов», вершившихся гвардией — независимой, свободолюбивой, дерзкой. Эти качества из полковых рядов можно было выбить только отупляющей, одуряющей муштрой. Ведь если строгость и дисциплина армию укрепляют, то муштра и издевательства, напротив, ее разлагают. Вот и

старались, словно бы не видя, что из-за «плац-парадной эквилибристики» из войск уходили лучшие офицеры — наиболее образованные, подготовленные, умные. Впрочем, посредственностями в мирное время управлять легче. Будет война, лучшие возвратятся сами, защитят Россию и государя, а пока можно обойтись нетребовательными, исполнительными служаками. Пусть туповатыми, вороватыми — зато с ними спокойнее. Они лишнего не умствуют...

Цесаревич Константин говорил, что «война армию портит». Мол, люди забывают «фрунтовую» выучку и заражаются вредными идеями. Подтверждением его мыслей стали Отечественная война и последующие события.

Вот что писал бывший семеновский офицер декабрист Матвей Муравьев-Апостол: «1812, 1813 и 1814 годы нас познакомили и сблизили с нашими солдатами. Все мы были проникнуты долгом службы. Добропорядочность солдат зависела от порядочности поведения офицеров и соответствовала им. Каждый из нас чувствовал свое собственное достоинство, поэтому умел уважать его в других. Служба отнюдь не страдала от добрых отношений между солдатами и офицерами».

Другой декабрист, Иван Якушкин, вспоминал: «В 1811 году, когда я вступил в Семеновский полк, офицеры, сходявшиеся между собой, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую». В 1815 году, по возвращении из Заграничного похода, способы времяпрепровождения разительно изменились: «После обеда одни играли в шахматы, другие громко читали иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе...» Тогда возникла знаменитая «Семеновская артель», где офицеры не только вместе обедали, но и вели разговоры по всяким волнующим их вопросам...

Командиром полка был с декабря 1812 года генерал-майор Яков Алексеевич Потемкин. Именно он способствовал утверждению здесь новых, гуманных отношений и даже разрешил, как пожелали все ротные командиры, отменить телесные наказания, что было в ту пору явлением исключительным.

В общем, в любимом государевом полку все шло прекрасно, и семеновцы могли жить спокойно, благословляя имя своего державного шефа... Но тут-то и выявилось то самое «павловическое» недоверие к армии.

В 1819 году командиром Петровской бригады стал «рыжий Мишка», как уважительно именовали в гвардии самого младшего государева брата — двадцатилетнего великого князя Михаила Павловича.

«Он был возмущен, — вспоминал Муравьев-Апостол, — узнав, что мы своих солдат не бьем, и всячески старался уловить Семеновский полк в какой-нибудь неисправности ночными наездами в караул и на дежурство. Но все это ни к чему не послужило. Всегда и везде он находил полный порядок и строгое исполнение службы. Это еще более его бесило и восстанавливало против ненавистного полка».

Весной 1820 года генерал Потемкин был назначен командиром 2-й гвардейской дивизии, а полк, с заданием его «подтянуть», принял полковник Григорий Ефимович Шварц. В «Русском биографическом словаре» сказано: «Шварц был человек бескорыстный и трудолюбивый, но ограниченный; педантичная его строгость, доходившая иногда до жестокости и странно соединенная с нерешительностью, отсутствие всякого такта повели к тому, что, вступив в командование полком, он на первых же порах вооружил против себя всех, как офицеров, так и нижних чинов». В гвардии он ранее не служил, и офицеры видели в нем выскочку. К тому же был он «без образования, едва знал русскую грамоту, не имел дара слова». Однако Шварц был, как бы сейчас сказали, «человеком Аракчеева», а потому ему и прощались «отдельные недостатки»... Ситуация в российской действительности весьма нередкая.

Можно долго рассказывать, как рьяно разваливал он лучший полк российской гвардии. Полковник сам бил солдат, вырывал у них усы, плевал им в лицо; телесным наказаниям подвергались теперь даже заслуженные ветераны, награжденные Георгиевским крестом, что официально освобождало от наказаний. Солдаты были напрочь лишены свободного времени, не могли, как было заведено, ходить на вольные работы, что позволяло иметь нелишний дополнительный заработок... Офицеры пытались повлиять на командира, но бесполезно. Поэтому им оставалось только стараться как-то успокоить солдат.

Разумеется, о происходящем в Семеновском полку знали и в штабе гвардейского корпуса, и при дворе. Большинство генералов можно считать боевыми товарищами семеновцев — ведь вместе прошли Отечественную войну.

Барон Григорий Розен водил свою 1-ю гвардейскую дивизию в атаку под Кульмом, где Семеновский полк заслужил георгиевские знамена, а он — чин генерал-лейтенанта. Но когда 5 июня на строевом смотре барон спросил, доволен ли полк новым командиром, и не получил ответа, — то должным образом на то не отреагировал. А командир гвардейского корпуса генерал-лейтенант Илларион Васильчиков на параде 26 августа, в день битвы при Бородине, где он командовал 12-й пехотной дивизией, вообще пригрозил семеновцам суровым наказанием...

Государь же в ту пору находился в Австрии, ибо больше занимался делами Европы, нежели России. Впрочем, последующие события показали, что «на доброго царя» уповать было нельзя — а ведь как любили Александра в полку!

В конце концов терпение иссякло. В субботу 16 октября 1820 года 1-я гренадерская, так называемая Государева, рота самочинно выстроилась в коридоре казарм, чтобы высказать командованию свои претензии. Требования, если их точно сформулировать, были таковы:

1. Сократить изнурительные учения, отменить десяточные смотры и учения по праздничным дням.
2. Сменить жестокого полкового командира.

3. Улучшить материальное положение солдат в связи «с лишением их собственных достатков».

В общем, никаких «революционных ультиматумов», никакой анархии. И все могло бы закончиться достаточно тихо, если бы прибывшие вскоре в полк «рыжий Мишка» и начальник штаба гвардейского корпуса генерал Бенкендорф, лихой партизанский командир в 1812 году и будущий шеф жандармов, выслушали людей, а не стали сразу требовать «выдать зачинщиков». Не получив таковых, роту отвели в полковой манеж, где она внезапно была окружена солдатами л.-гв. Павловского полка, а позже — отконвоирована в Петропавловскую крепость.

Это вызвало возмущение всего полка, который стал требовать возвращения товарищей. Напрасно уже Михаил Павлович присылал к семеновцам самых популярных в гвардии генералов — графа Милорадовича, Бистрома и, наконец, самого Потемкина. Это следовало бы сделать в самом начале «смуты» и не дать ей разгореться, а теперь любимых генералов слушали, но приказы их не выполняли... Солдаты ждали лишь одного — возвращения Государевой роты. Между тем район расположения полка был окружен другими гвардейскими частями, а полковник Шварц спрятался в кучу навоза, надеясь, что там его искать не станут...

Возмущение завершилось тем, что 18 октября весь Семеновский полк — три тысячи человек, — соблюдая порядок и дисциплину, отправился в крепость.

Генералы, спровоцировавшие возмущение, наказания не понесли. Император Александр, получивший известие о бунте своего любимого полка, очень гневался и распорядился раскассировать, а вместо старого Семеновского набрать новый, из разных гренадерских полков.

Потом были следствие, суд и девять «зачинщиков» были приговорены к шести тысячам ударов палками, а затем — к ссылке в каторгу навечно. Прочие солдаты были разосланы по полкам Сибирского, Оренбургского, Кавказского корпусов и во 2-ю армию. Нескольких офицеров отрешили от службы, прочих перевели в армейские полки, сохранив гвардейские преимущества в два чина. Например, гвардии капитан Сергей Муравьев-Апостол, брат ушедшего в отставку Матвея, стал подполковником Черниговского пехотного полка.

Чего же добились император и его братья? Сгубили лучший российский полк — раз. Вызвали к себе негативное отношение не только всей гвардии, но и столичного общества — два, и тем самым начали активную подготовку будущего восстания декабристов — три. Ведь среди участников тайного Южного общества оказалось немало бывших офицеров-семеновцев, а бывшие их солдаты стали им верными и надежными помощниками. Достаточно вспомнить, что из пяти казненных в лейб-гвардии Семеновском полку ранее служили двое - Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин.

Полковник Шварц был приговорен к смертной казни, но в уважение к прежним заслугам помилован и «отставлен от службы с тем, чтобы впредь никуда не определять». Однако через два года он был опять «определен», дослужился до генерал-лейтенанта и командира дивизии, а в 1850 году «за злоупотребление властью, обнаруженное жестоким наказанием и истязанием нижних чинов» вновь отставлен с той же формулировкой, что и двадцать лет назад!

...Как мы сказали, Романовы плохо учились на своих ошибках. В июне 1906 года некоторые волнения случились в 1-м — Государевом — батальоне л.-гв. Преображенского полка, и этот отборный батальон постигла «семеновская» судьба: он тоже был раскассирован...

Последующие события российской истории известны. Она оказались вполне закономерны: режим, который не ценит своих защитников и разбрасывается своими верными солдатами, — обречен.

«Без лести предан»

Думается, вопрос этот мог бы украсить любую военно-историческую викторину: «Кто из русских военачальников в 1809 году упросил императора Александра I не награждать его высшим российским орденом св. Андрея Первозванного, а в 1814-м — отменить приказ о производстве его в чин генерал-фельдмаршала?» Можно добавить, что через год этот генерал встал на колени, умоляя царя не заводить в России военных поселений.

Тем, кто не узнал, уточняем — это граф А. А. Аракчеев, второй после генерала Вязьмитинова военный министр (1808-1810). Он считается одним из самых одиозных персонажей российской истории. Алексею Андреевичу отказывают буквально во всем — в воинском мужестве, уме, благородстве, честности, а его заслуги перед Отечеством напрочь забыты. Так, в недавно выпущенном «Военном энциклопедическом словаре», сказано:

«Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834), российский военный деятель, генерал от артиллерии (1807), временщик при Александре I. Занимал должность генерал-квартирмейстера армии, инспектора артиллерии, военного министра и др., насаждал в армии прусские военные порядки, палочную дисциплину, изжившую себя линейную тактику. В 1815-1825 гг. фактический руководитель государства, организатор и главный начальник военных поселений. Осуществлял реакционную политику крайне жестокими методами (отсюда порицательно — аракчеевщина)».

Прямо-таки созвучно А. И. Герцену: «Аракчеев, без сомнения, одно из самых гнусных лиц, всплывших после Петра I на вершины русского правительства». Неужели это современный научный взгляд на Алексея Андреевича?

Видно не даром «Аракчеев сказал однажды Ермолову: “Много ляжет на меня незаслуженных проклятий”», — что зафиксировано в «Военных

записках» Д. В. Давыдова. В книге поэта-партизана есть, кстати, и такое утверждение: «Граф Аракчеев находился с 1808 года в весьма хороших отношениях с Ермоловым...» Это важно отметить потому, что Алексей Петрович, «протектор Кавказа», известен как человек независимый, гордый, самолюбивый, так что наличие «весьма хороших» с ним отношений характеризует Алексея Андреевича положительно. Между тем всего за три года до того Ермолов надерзил графу, эта история получила огласку...

«Проходя из местечка Биржи, инспектор всей артиллерии граф Аракчеев делал в Вильне смотр моей роты, — написано в «Записках А. П. Ермолова». — Я, неблагоразумно и дерзко возражая на одно из его замечаний, умножил неблаговоление могущественного начальника, что и чувствовал впоследствии». Дело в том, что, получив замечание за состояние лошадей, подполковник Ермолов отвечал: «Жаль, ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицеров очень часто зависит от скотов».

Сколько карьер и судеб разрушено подобными «каламбурами»! Но Аракчеев — злопамятный и мстительный, как считается, через три года помогает Алексею Петровичу получить генеральский чин. Почему? Да потому, что деловые качества Ермолова казались ему гораздо важнее, чем вздорный характер оного... Граф всегда ставил на первый план интересы дела.

Тому в подтверждение — точка зрения А. А. Керсновского: с Графа Аракчеева по справедливости можно назвать создателем современной русской артиллерии. Она — плод его трудов, двадцатилетней упорной планомерной продуманной работы, как теоретической, так и практической. С этих времен у нас завелся тот артиллерийский дух, установились те артиллерийские традиции, носители которых на всех полях Европы отстаивали за русской артиллерией место, указанное ей суровым гатчинцем, — первой в мире. Из многотрудной аракчеевской школы вылетели орлы наполеоновских войн — Ермолов, Яшвиль, Никитин, Костенецкий, Железное...»

В советской историографии никто не рисковал именовать Ермолова «орлом из Аракчеевского гнезда»...

А вот, кстати, как считал отставной артиллерийский полковник В. А. Сухово-Кобылин, отец драматурга: «Неоспорно, что Аракчеева было бы странно назвать человеком добрым; неоспорно и то, что он был неумолим к иным проступкам, как, например, ко взяточничеству или нерадению по службе. Тому, кто пробовал его обмануть (а обмануть его было трудно, почти невозможно), он никогда не прощал; мало того: он вечно преследовал виновного, но и оказывал снисхождение к ошибкам, в которых ему признавались откровенно, и был человеком безукоризненно справедливым; в бесполезной жестокости его никто не вправе упрекнуть...» Вообще, если обратиться к мемуарам, то граф предстает в них отнюдь не в образе однозначного беспощадного чудовища.

«Трудолюбие его было беспримерное, он не знал усталости, и, отказавшись от удовольствий света и его рассеянностей, он исключительно жил для службы, чего и от подчиненных своих требовал... Отличительная

черта в характере Аракчеева состояла в железной воле; он не знал никаких препон своему упрямству, не взирав ни на какие светские приличия, и все должно было ему покоряться...» — так писал генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский.

Граф Аракчеев принадлежал к тем редким людям, которые всего для себя добились сами. Хотя справедливости ради следует сказать, что XVIII столетие в России оказалось на редкость богато такими именами — А. Д. Меншиков, А. Г. Орлов, г. А. Потемкин. И безусловно — Аракчеев.

Сын отставного майора, он семи лет от роду был привезен в Санкт-Петербург поступать в кадетский корпус. Немногие деньги у его отца закончились, а заявление о приеме все еще бродило по канцеляриям... «Я и теперь помню еще эту ступеньку, на которой, среди других нищих, заняли мы свое место», — признался под конец своей жизни всесильный граф, который, кстати, любое поступавшее к нему прошение рассматривал немедленно.

В конце концов Алексея приняли в корпус, где он не только быстро догнал в науках сверстников — до этого единственным его учителем был сельский дьячок, — но вскорости и превзошел их. А это, в сочетании с «мрачным и уединенным характером» и очень некрасивой внешностью, вызвало ненависть к нему однокашников. «Не было дня, чтобы они его не били и он не орошал слезами бедной подушки», — записал со слов графа генерал-майор С. И. Маевский.

Подобное «воспитание» вряд ли создает «человеколюбцев». Зато специалист из него получился настолько отменный, что еще до того, как Алексей закончил курс, директор корпуса генерал П. И. Мелиссино разрешил ему посещать классы и заниматься по собственному плану и разумению, а по выпуску оставил преподавателем математики и артиллерии. Вскоре Аракчеев возглавил особую гренадерскую команду, составленную из лучших строевиков корпуса; потом граф Н. И. Салтыков взял его адъютантом, а в октябре 1792 года он уже командовал артиллерийской ротой в Гатчинском гарнизоне великого князя Павла Петровича.

«Благодаря своему уму, строгости и неутомимой деятельности сделался самым необходимым человеком в гарнизоне, страшилищем всех живущих в Гатчине и приобрел неограниченное доверие великого князя... У него был большой организаторский талант, и во всякое дело он вносил строгий метод и порядок, которые он старался поддерживать строгостью, доходившей до тиранства», — вспоминал генерал-майор Н. А. Саблуков. Он свидетельствовал, что Аракчеев «был действительно беспристрастен в исполнении суда и крайне бережлив на казенные деньги».

«Страшилище всех живущих в Гатчине», — изрядно сказано! Но следовало бы учесть мнение графа Ф. В. Ростопчина, что самый честный из людей, окружавших в ту пору Павла Петровича, «заслуживал быть колесованным без суда». Стараниями матушки Екатерины, ненавидевшей сына, в Гатчинский гарнизон в основном попадали отбросы рода человеческого.

Однако, когда император Павел I вступил на престол, люди, его окружавшие, тут же взлетели на небывалую высоту. Аракчеев стал генерал-майором лейб-гвардии Преображенского полка и комендантом Петербурга. Но главное, государь соединил его руку с рукой своего старшего сына, великого князя Александра, сказав: «Будьте друзьями». Их дружба продолжалась всю жизнь.

Аракчеев в царствование Павла I — тема большого рассказа. Он был командиром первого полка русской гвардии, генерал-квартирмейстером Русской армии, инспектором всей артиллерии, бароном, графом — Павел Петрович прибавил к его гербу девиз «Без лести предан». Но были также и две опалы, причем обе за дело... Под конец своего царствования государь, понимая, что беззаветно преданный Аракчеев необходим у трона, вызвал его из ссылки, однако заговорщики сумели задержать графа чуть ли не на городской заставе.

Два года спустя — 26 апреля 1803 года — Александр I вновь пригласил Аракчеева на службу, и он опять занял должность инспектора артиллерии.

«Во время последней кампании против французов (1806-1807) император собственными глазами убедился во многих беспорядках по военному управлению... Одною артиллерией, доведенною до совершенства графом Аракчеевым, остался он доволен, — свидетельствовал известный мемуарист Ф. Ф. Вигель. — Зная, сколь имя сего человека... было уже ненавистно всем русским, но полагая, что известная его энергия одна лишь в состоянии будет восстановить дисциплину в войске и обуздать хищность комиссариатских и провиантских чиновников, он не поколебался назначить его военным министром».

13 января 1808 года граф встал во главе Военного министерства. 17 января он был также назначен генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии. Время было весьма напряженное: только что закончилась очередная война с Францией, и многие понимали, что Тильзитский мир долгим не будет; продолжалась война с Турцией, хотя боевые действия были приостановлены ввиду мирных переговоров; на пороге была война со Швецией... В этой обстановке военный министр не мог быть просто номинальной фигурой, «другом государя» — как порой занимали ключевые государственные посты иные из фаворитов Екатерины II. Он должен был взвалить на себя и исполнять огромный объем обязанностей.

Вновь обратимся к свидетельству Михайловского-Данилевского, к его многотомному труду «Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах». Это биографии генералов, участников боев, портреты которых помещены в Военной галерее Зимнего дворца. Есть там и портрет Аракчеева, хотя считается, что не по праву, так как граф в боевых действиях не участвовал. Ну, к этому мы еще вернемся. А пока строки из биографического очерка:

«Двухгодичное начальствование графа Аракчеева военным министерством ознаменовалось многими замечательными переменами и

улучшениями, особенно по части внутреннего устройства армии и ее управления. Между прочим, по его проектам были учреждены рекрутские депо, в которых получали фронтовое образование рекруты прежде поступления их в полки, и учреждены учебные гренадерские батальоны. Цель их — доставлять в армию сведущих унтер-офицеров...»

А вот — «История Русской армии»: «В бытность министром графа Аракчеева значительно сокращена переписка и упрощено делопроизводство... В 1809 году введено одание чести и вообще приняты строгие меры к упрочению субординации и дисциплины в войсках, в частности в офицерской среде, сильно было распутившейся после смерти императора Павла».

Министру Аракчееву пришлось побывать и на театре боевых действий, причем не впервые, потому как до того он был в сражении при Аустерлице, состоял при государе, который, как известно, тогда находился на поле боя. В феврале 1809 года Александр I направил графа в Финляндию «с неперменным повелением... двинуть войска в недра Швеции, через Ботнический залив». Дело в том, что, по словам Керсновского, «не веря в успех предприятия, генерал Кнорринг (главнокомандующий в Финляндии) и старшие начальники затягивали и откладывали его выполнение. К выступлению их побудил лишь посланный государем Аракчеев».

1 марта войска двинулись тремя колоннами через лед Ботнического залива в направлении Торнео, Умео и Аландских островов. Этот переход считался одной из славнейших страниц истории нашей армии. «Такова сила энергии графа Аракчеева, и ему одному принадлежит слава приведения в действие великой мысли Александра о перенесении русских знамен на шведский берег», — говорится в «Русском биографическом словаре». Александр I прислал графу свой орден св. Андрея Первозванного, но Аракчеев отказался от столь высокой чести.

5 сентября того же 1809 года между Швецией и Россией был заключен Фридрихсгамский мирный договор, а через год, с учреждением Государственного Совета, граф был назначен в этом Совете председателем Департамента военных дел, оставаясь при этом членом Комитета министров и сенатором. Его место в Военном министерстве занял генерал М. Б. Барклай де Толли...

Теперь вернемся к портрету Аракчеева в Военной галерее Зимнего дворца. Экскурсоводы утверждают, что помещен он здесь случайно, как бы «по благу». Но вот заметки графа о самых важнейших этапах его биографии, сделанные на прокладных листах принадлежавшего ему Евангелия. Верующий человек тут, как известно, душой кривить не станет: «Июня 17-го дня 1812 г. в городе Свенцянах призвал меня Государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с оного числа вся Французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора». Значит, участие в войне Аракчеев принимал, и немалое. К тому же в 1813 году он сопровождал государя,

находившегося в Действующей армии, участвовал в боях при Люцене и Бауцене... Недаром же его, одновременно с М. Б. Барклаем де Толли, Александр I хотел произвести в генерал-фельдмаршалы. Граф отказался.

Одна из «претензий» современников и потомков к Аракчееву заключена в том, что это якобы он придумал «военные поселения», которые так и вошли в историю «аракчеевскими». Между тем и здесь Алексей Андреевич явился всего лишь ревностным исполнителем монаршей воли.

«Императора Александра I весьма часто и болезненно смущала мысль, что солдат, выступая на защиту отечества, лишен даже утешения предоставить своей жене и детям особый кров, где он мог бы с уверенностью найти их по окончании службы... Его доброжелательной душе рисовались в будущем идиллии Геснера, садики и овечки, — писал сенатор Е. Ф. фон Брадке. — Но граф Аракчеев сначала был решительно против этого и был вынужден изъявить свое невольное согласие лишь из опасения, что тот, кто примет на себя выполнение этой любимой мечты, может сделаться его опасным соперником». (Можно ли упрекнуть графа в том, что он не желал иметь соперников? Кто из нас таковых иметь желает?)

Про «садики и овечек» — очень трогательно, но стоит учесть, что сенатор писал это в царствование императора Николая Павловича, брата Александра I, когда поселения еще существовали. Зато в «Истории Русской армии», написанной в 1930-х годах, тема раскрывается несколько шире: идею поселений государь позаимствовал у прусского ландвера и хотел претворить ее в жизнь еще до Отечественной войны. Не успел. Когда же предложение возникло вновь, то против него резко выступили фельдмаршал М. Б. Барклай де Толли, начальник штаба 1-й армии генерал-лейтенант И. И. Дибич и граф Аракчеев, «видевшие, что это повлечет за собой расстройство и ослабление боеспособности войск». Тогда-то и встал Алексей Андреевич на колени: «Государь, вы образуете стрелцов!» Тщетно. «Александр Благословенный» заявил, что «поселения будут устроены, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова».

Описаний военных поселений и быта поселенцев сохранилось немало. Одно из них принадлежит перу Н. И. Греча — журналиста, писателя и просветителя: «Вместо привольных, хотя и невзрачных, крестьянских изб возникли красивенькие домики, вовсе неудобные, холодные, в которых жильцы должны были ходить, сидеть, лежать по установленной форме... Эти учреждения возбудили общий ропот, общие проклятия. Но железная рука Аракчеева, Клейнмихеля сдерживала осчастливленных, по мнению Александра, крестьян в страхе и повиновении».

Известно, что российские правители народ за людей не считали — так, «расходный материал» для экспериментов и реформ, проводимых Иваном Грозным, Петром Великим, Иосифом Сталиным... Вот и граф Аракчеев знал, что настоящего солдата можно воспитать только «строгостью». Великий князь Константин сформулировал это четко: «девятерых забьем — десятого выучим».

Пишем это не в оправдание графа — мол, время было такое, по-иному было нельзя... Можно было, и свидетельства тому есть. Жестокость же порой вела к катастрофе, чему примером стали события в л.-гв. Семеновском полку, «подтянуть» который Аракчеев поставил полковника Шварца. Тот взялся за дело так рьяно, что за несколько месяцев замучил солдат издевательствами, муштрой и побоями, в результате чего любимый государев полк взбунтовался...

Такие вот штрихи к портрету — не только личности, но и эпохи, эту личность породившей. Недаром Денис Давыдов так характеризовал Аракчеева: «...Отлично умный, хотя грубый и кровожадный солдат...» И дальше с искренним и понятным уважением: «Найдя после смерти своей любовницы Настасьи много писем с подарками, он собрал их в одну комнату; пригласив к себе всех просителей, имена которых находились в конце писем, он сказал им: “Это ваши вещи, пусть каждый возьмет свое”». Понятно, что дары, которые разного рода просители присылали Настасье Минкиной, чтобы она «замолвила словечко», были очень недешевые. Кто после того может упрекать графа в мелочности? А какое позорище было для «взяточдателей»!

После кончины императора Александра Павловича граф Аракчеев отошел от дел и поселился в своем имении Грузино, где создавал образцовую усадьбу. На ее территории он установил памятники Павлу I, Александру I и павшим в Наполеоновских войнах офицерам гренадерского графа Аракчеева полка. Немалые средства передал он на создание в Новгороде кадетского корпуса. Когда же в 1834 году Аракчеев умер, то оказалось, что все свои средства он передает в распоряжение императора, и Николай I распорядился отдать этому корпусу все его имущество.

«Личность Аракчеева в свое время сильно волновала воображение его современников, но едва ли она будет долговечна в памяти потомков, — утверждали авторы «Русского биографического словаря». — Он был строгим исполнителем служебного долга, так, как он понимал его, но при этом его деятельность была чужда тех возвышенных стремлений, которые не утрачивают своего обаяния даже тогда, когда бывают соединены с заблуждениями и неудачами. Он олицетворял жизнь со службою и, подчиняясь всем ее суровым требованиям, того же, с неумолимою и неразборчивою взыскательностью, требовал и от других... Этот преданный слуга Александра остался верен прежде всего отличавшему его грубому презрению к человеческому достоинству, к тем струнам души, без которых немислимы верные слуги Царю и Отечеству».

Известно, однако, что никто в России в те времена человеческое достоинство в расчет не принимал и с людьми как таковыми не считался.

«В жизни моей я руководствовался всегда одними правилами, — говаривал Аракчеев. — Никогда не рассуждал по службе и исполнял приказания буквально, посвящая все время и все силы мои службе царской. Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут — да что делать?»

Под Новгородом мы побывали в одной воинской части — в военном городке, где во времена Аракчеева стоял гренадерский полк. Сохранившиеся здесь старинные казармы до сих пор зовутся «аракчеевскими».

— Сколько служу, никогда лучших казарм не видел, — сказал заместитель командира. — Построены добротно: зимой в них тепло, летом прохладно. Всегда сухо. Умел, значит, граф о солдатах заботиться...

«Смирись, Кавказ, — идет Ермолов!»

Генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов родился 4 июня 1777 года, а умер в марте 1861-го, последним из тех генералов Отечественной войны, портреты которых помещены в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. Ему довелось послужить пяти императорам — от Екатерины II, в царствование которой он получил офицерский чин, до Александра II, — потому как еще в начале Крымской войны генерал был избран начальником ополчения семи губерний. «Вся Москва, вспоминая избрание Кутузова начальником Петербургских дружин в 1812 году, выразила желание иметь начальником Московского ополчения Ермолова, — писал историк генерал-лейтенант Василий Алексеевич Потто. — Избрание состоялось торжественное, единодушное, потому что из многих тысяч голосов в избирательной урне оказалось только девять черных шаров...»

«Звездный час» службы Алексея Петровича пришелся на царствование императора Александра I — впрочем, в XIX веке это царствование явилось «звездным часом» для всей России.

«Начальник главного штаба генерал-майор Ермолов, видя неприятеля, овладевшего батареей, важнейшею во всей позиции, со свойственною ему храбростию и решительностию вместе с отличным генерал-майором Кутайсовым взял один только Уфимского пехотного полка батальон и, устроив сколько можно скорее бежавших, подавая собою пример, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко, но ничто не устояло противу русского штыка... Генерал-майор Ермолов переменял большую часть артиллерии, офицеры и прислуга при орудиях были перебиты и, наконец, употребляя Уфимского пехотного полка людей, удержал неприятеля сильные покушения во время полутора часов, после чего был ранен в шею и сдал батарею генерал-майору Лихачеву...»

Так после сражения при Бородине докладывал императору Александру I главнокомандующий князь Голенищев-Кутузов. Речь идет о бое за центр русской позиции — Курганную высоту, известную под именем батареи Раевского. Уточним также, что начальник артиллерии 28-летний генерал-майор граф Александр Иванович Кутайсов был в атаке убит, а командир пехотной дивизии генерал-майор Петр Гаврилович Лихачев держался на редуте до последней возможности и, израненный, бросился на французские штыки, но был пленен.

Ярких моментов в биографии Ермолова было немало. Она и начиналась-то блистательно: десяти лет от роду Алексей был записан в гвардию, четырнадцати — получил чин поручика и был переименован в капитаны Нижегородского драгунского полка. При этом он оставался в Петербурге адъютантом при генерал-прокуроре графе Самойлове, у которого его отец управлял канцелярией. Если добавить, что Самойлов приходился племянником светлейшему князю Потемкину, то никаких вопросов по поводу этой карьеры не возникает.

Впрочем, как известно, Потемкин, радевший о государственных интересах, старался в первую очередь выдвигать людей толковых. Вот и 16-летний Ермолов вполне смог выполнять обязанности преподавателя в Артиллерийском и Инженерном кадетских корпусах, а через год в качестве порядок в мятежной Польше. Он отличился при штурме Варшавской Праги и получил из рук великого полководца заветную для офицера награду—орден св. Георгия IV класса, с которым потом никогда не расставался. К двадцати годам он успел поучаствовать в Итальянской кампании против французов, брал Дербент, стал подполковником и Владимирским кавалером... Однако в жизни Ермолова было немало разного рода зигзагов. И недаром Александр Сергеевич Грибоедов назвал Алексея Петровича «сфинксом новейших времен». Кстати, императора Александра I прозвали «северным сфинксом»... Берем «Толковый словарь» и узнаем, что сфинкс — это не только «баснословное животное эллинов», но и «человек загадочный, неразгаданный».

И вот тому ярчайший пример: после блистательного подвига на поле Бородина Ермолов не лучшим образом повел себя на совете в Филях...

«Я со своей стороны, генерал-лейтенант граф Остерман, Раевский и Коновницын изъявили свое мнение к отступлению. Остерман и Раевский присовокупили еще, что Москва не составляла еще России, что наша цель не состояла еще в одном защищении Москвы, но всего Отечества», — вспоминал Барклай де Толли. Генералы, названные им, — храбрейшие из храбрых. Их поддержал и генерал-квартирмейстер полковник граф Толь. За то, чтобы дать сражение, высказались только антагонист Кутузова генерал от кавалерии барон Беннигсен, генерал-лейтенант Уваров — лихой командир 1-го кавалерийского корпуса (но не стратег), и... Ермолов.

«Как офицер весьма мало известный, я не смел дать согласия на оставление столицы, но, страшась упреков соотечественников, предложил атаковать неприятеля...», — объяснил он.

Думается, как и некоторые иные его современники, Алексей Петрович был напуган былой павловской опалой: два месяца в крепости, отставка и ссылка. Вот, верно, и осталось ощущение «дамоклова меча», который может обрушиться в любой момент: при государе Александре Павловиче опалы случались гораздо реже, но были куда более неожиданными. В этой ситуации лучше превратиться в «сфинкса». Впрочем, надо признать, и характер у генерала был не сахарный.

Обо всех зигзагах его биографии рассказывать долго. Ожидалось, что после Заграничного похода Русской армии Ермолов возглавит Военное министерство. Генерал граф Аракчеев сказал так: «Армия наша, изнуренная продолжительными войнами, нуждается в хорошем военном министре... Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно, потому что он начнет с того, что перегрызется со всеми; но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость вполне бы его оправдали».

Император предложил ему иное назначение — командиром отдельного Кавказского корпуса, главнокомандующим в Грузию и чрезвычайным посланником в Персию. Назначение подальше от Петербурга многими было воспринято как завуалированная опала. Зато, по словам Керсновского, «с прибытием героя Эйлау и Бородина в истории Кавказа началась “ермоловская эпоха” — бесспорно, самая блестящая ее страница».

Если обратиться к истории Кавказской войны, то можно узнать, что больше всего в ней мешали... указания из Петербурга. Высокопоставленные столичные чиновники, в любом смысле бесконечно далекие от войны, считали, что Кавказ можно успокоить мирными переговорами И «экономическими методами».

Генерал Потто писал: «Наши традиционные отношения к завоеванным ханствам и горским народам были фальшивы в самом своем основании... Все наши сношения с мелкими кавказскими владениями носили характер каких-то мирных переговоров и договоров, причем Россия являлась как бы данницей. Большею частью не только дагестанских и иных ханов, но даже чеченским старшинам, простым и грубым разбойникам, Россия платила жалованье... В столице считали полудиких горцев чем-то вроде воюющей державы, с которой можно было заключить мирный договор и успокоиться».

В «Истории Русской армии» рассказано, что Ермолов составил план действий исходя из того, что «установить мирные отношения при существующих условиях совершенно невозможно. Надо было заставить горцев уважать русское имя, дать им почувствовать мощь России, заставить себя бояться. А этого можно было добиться лишь силой, ибо горцы привыкли считаться только с силой». Поэтому он поставил за правило не спускать разбойникам ни одного грабежа, не прощать ни одного набега. «Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном... — сказал генерал. — Поведем же осаду!»

Ермоловские войска начали планомерное движение к сердцу этой «крепости». В непроходимых лесах прорубались просеки, основывались крепости, сжигались непокорные «немирные» аулы, а разбойники, не желавшие покориться, уничтожались в бою или вытеснялись в горы...

Воюя в горах, генерал Ермолов брал на вооружение методы, принятые здесь испокон веку. В частности, взятие аманатов, заложников, которые должны были быть казнены в случае обмана, нарушения или предательства со стороны своих соплеменников. Алексей Петрович считал, что «снисхождение в глазах азиатов — знак слабости, и я прямо из

человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены».

Однако не только огнем и мечом проходил генерал Ермолов по землям горцев, но и претворял в жизнь целую систему мер по благоустройству покоренного края, раз-витию в нем самоуправления, обеспечению нормальной мирной жизни. Его политика сводилась, в общем-то, к вполне понятному правилу: будь честен, уважай законную власть — и ты будешь жить хорошо, потому как великая Россия будет заботиться о тебе.

Тем временем жизнь в этой самой России шла своим чередом, императора Александра I сменил его брат император Николай I, что и возвестили картечные залпы на Сенатской площади Петербурга 14 декабря 1825 года. И тут в ходе следствия вдруг выяснилось, что многие декабристы очень рассчитывали на поддержку Кавказского корпуса и лично генерала Ермолова. А сам Алексей Петрович, между прочим, не поспешил привести свои войска к присяге новому государю. Вспомнились также отдельные его слова и замечания. К тому же Кавказский корпус резко отличался от всей прочей Русской армии, в которой тогда главенствовали муштра и шагистика. Здесь же сформировался особенный тип русского воина — самостоятельного, инициативного, отважного, предприимчивого. И вообще в России мирного времени правители не жаловали популярных военачальников, всегда подозревая в них какую-то потенциальную угрозу.

Так что в 1827 году Ермолов был уволен со службы «по домашним обстоятельствам».

Генерал оставил Кавказ, но там еще долго жила память о нем и славной «Ермоловской эпохе», отразившейся не только в солдатских преданиях, но и в стихах лучших наших поэтов.

«Но се, восток подъемлет вой!..
Поникни снежной головой,
Смирись, Кавказ, - идет Ермолов!»
— писал Пушкин.

Между прочим, «когда по окончании турецкой войны 1829 года перед отъездом с Кавказа графа Паскевича разнесся слух, что главнокомандующим опять будет Ермолов, горцы заблаговременно приготовили аманатов», — свидетельствует автор «Кавказской войны». Так что мог бы еще Алексей Петрович навести в горах должный порядок.

«Прибыв в Москву, Ермолов посетил во фраке дворянское собрание, — свидетельствует Денис Давыдов. — Приезд этого генерала, столь несправедливо и безрассудно удаленного со служебного поприща, произвел необыкновенное впечатление на публику; многие дамы и кавалеры вскочили на стулья и столы, чтобы лучше рассмотреть Ермолова, который остановился в смущении у входа в залу. Жандармские власти тотчас донесли в Петербург,

будто Ермолов, остановившись насупротив портрета государя, грозно посмотрел на него!!!»

Читаешь эти строки и видишь нечто созвучное с опалой маршала Г. К. Жукова: что сказал, как глянул... Впрочем, если в XX столетии опала провожала былых кумиров до самой могилы, то в веке XIX государи мыслили более рационально. Приехавший в 1831 году в Москву Николай I не только пригласил Ермолова к себе, беседовал с ним наедине, но даже самолично надел на него эполеты, так как генерал был в «отставном» мундире без эполет.

«Я хочу всех вас, стариков, собрать около себя и беречь, как старые знамена», — сказал Ермолову Николай Павлович. Между тем «старик» было всего 54 года. (Для сравнения: М. И. Кутузову, когда он принял армию в 1812 году, — почти 65). Но для 35-летнего императора Алексей Петрович представлял совершенно иную, чуждую его пониманию эпоху. Генерал был назначен членом Госсовета, стал членом совета по преобразованию... карантинного устава.

Вскоре, в 1833 году, Алексей Петрович был переименован из генералов от инфантерии в генералы от артиллерии. Чин того же уровня, но гораздо более редкий, а потому и более почетный. Он имел все российские ордена высших степеней, Св. Георгия II степени, две золотые шпаги «За храбрость» с алмазами.

«Государственная» деятельность Ермолова завершилась довольно скоро — в 1839 году. Почувствовав, что он является именно «старым знаменем», лишь украшающим заседания Госсовета, а не человеком, решающим жизненно важные вопросы, Алексей Петрович «просил увольнения от присутствия». Он возвратился в Москву, где вновь засел за свои «Записки», начатые еще в 1818 году и увидевшие свет только после смерти генерала. Это был очень интересный, но, скажем, достаточно сложный и противоречивый документ, что в первую очередь объясняется характером Алексея Петровича.

Но кто бы что ни писал о себе — его все-таки судят другие. Показательно, что когда плененный имам Шамиль — герой уже последующего этапа Кавказской войны — был привезен в Москву и его спросили, что он желает здесь увидеть, он отвечал: «Прежде всего — Ермолова». Они встретились и имели долгую беседу.

«Великодушие, бескорыстная храбрость и правосудие — вот три орудия, которыми можно покорить весь Кавказ, — писал Казем-Бек, мусульманский ученый, — одно без другого не может иметь успеха. Имя Ермолова было страшно и особенно памятно для здешнего края: он был великодушен и строг, иногда до жестокости, но он был правосуден, и меры, принятые им для удержания Кавказа в повиновении, были тогда современны и разумны».

У каждой войны — свои законы

Каждая война имеет свой почерк, свое лицо, свои законы. Кавказская война 1817-1864 годов коренным образом отличалась от всех прочих, которые в разные времена вела Русская армия. Это была самая продолжительная из всех войн, которые вела регулярная Русская армия — даже Северная война 1700-1721 годов, оказавшаяся по длительности второй, не идет с ней в сравнение.

«Пятидесятилетняя Кавказская война, — писал А. А. Керсновский, — была благодеянием для Русской армии. Благодаря этой войне ей удалось сохранить свои бессмертные суворовские традиции, возжечь ярким пламенем начавший было угасать светильник. Маленькая часть большой русской армии, заброшенная на далекую дикую окраину, совершила здесь великие дела... Горсть русских офицеров и русских солдат, не стесняемая тлетворным рационализмом доморощенной пруссачины, показала здесь, на что способен русский офицер, что может сделать русский солдат. Суворовское “Мы русские — с нами Бог!” огненным лучом пронизывает всю эпопею — от Иоры и Аскерани до Веденя и Гуниба».

Наши «кавказские солдаты» даже и внешне — формой одежды и вооружением — отличались от своих братьев, служивших в Центральной России. Щегольские кивера у них заменялись мохнатыми папахами, мундиры с высоким воротником — черкесками, кожаные заплечные ранцы — суконными мешками. Привычным оружием в бою были кинжал и короткий карабин.

На Кавказе нашей армии противостоял жестокий, вероломный и коварный противник. «Грабеж и разбой, доставлявшие горцу нередко обильные средства для жизни, становились тем же, чем была торговля для образованных народов, и отважный джигит, как почтенный купец средних веков, пользовался всеобщим уважением», — писал автор многотомной «Кавказской войны» генерал В. А. Потто. Ясно, что этот противник понимал исключительно язык силы, преклонялся перед жестокостью и почитал благородство и сострадательность за слабость.

Вот почему Кавказской войне были присущи особая тактика действий, свои правила и законы, подчас непостижимые для тех, кому никогда не доводилось сражаться в горах. Здесь не сходились в штыки пехотные колонны, не было блистательных кавалерийских атак, артиллерийских дуэлей и даже длительных перестрелок. Все происходило гораздо проще, жестче и жесточе: «В чащах чеченских лесов и на раскаленных дагестанских утесах, в молниеносных рукопашных схватках с отчаянно храбрым противником и в изнурительных напряжениях прокладки дорог и расчистки просек крепла воля, закалялись характеры, создавались легендарные боевые традиции, вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчиненных», — писал Керсновский.

«Лучше от Терека до Сунжи оставлю пустынные степи, нежели в тылу укреплений наших потерплю разбои», — говорил генерал Ермолов. Это не были громкие слова. В инструкции был, например, пункт, что если бандитские шайки прорывались через так называемые «мирные аулы» и не встречали достойного сопротивления, то «деревня истребляется огнем...» «Малейшее неповиновение или грабеж на линии, — предупреждал Алексей Петрович чеченцев, — и ваши аулы будут разрушены, семейства распроданы в горы, аманаты повешены».

Казалось, эта система должна вызывать возмущение и противодействие местного населения. Отнюдь! События на Кавказе нельзя судить по европейским меркам и законам. Там были свои правила, представления и понятия.

«Великодушие, бескорыстная храбрость и правосудие — вот три орудия, которыми можно покорить весь Кавказ, — писал известный мусульманский ученый Казем-Бек. — Одно без другого не может иметь успеха. Имя Ермолова было страшно и особенно памятно для здешнего края: он был великодушен и строг, иногда до жестокости, но он был правосуден, и меры, принятые им для удержания Кавказа в повиновении, были тогда современны и разумны».

Между тем, о событиях Кавказской войны мы знаем только из произведений ее участников — Льва Толстого, Бестужева-Марлинского, Лермонтова, потому как в курсе нашей истории ей посвящены очень немногие страницы. Так что опыт Кавказской войны всецело оставался достоянием Кавказского корпуса, а имена ее блистательных генералов — начиная от бесстрашного князя П. Д. Цицианова, П. С. Котляревского, которого Пушкин нарек «бичом Кавказа», «храбрейшего из храбрых» С. А. Портнягина и продолжая замечательными представителями «ермоловской школы» Д. Т. Лисаневичем, Н. В. Грековым, А. А. Вельяминовым — вплоть до «победителя Шамиля» генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского, неизвестны нашим соотечественникам.

А ведь история жестоким образом мстит тем, кто пренебрегает ее уроками!

Вот, например, один из уроков: в этой войне чаще побеждал не тот, кто был сильнее, а тот, кто оказывался хитрее, упорнее, проворнее.

«Однажды, — рассказывал ординарец генерала Ермолова Цылов, — когда привезли батарейные орудия для вооружения крепости, Ермолов приказал пятидесяти отборным казакам из своего конвоя ночью выехать за цепь на назначенное место и затем, подманив к себе чеченцев, бросить пушку, а самим уходить врассыпную... Пушка была отличной приманкой — и горные волки попались в ловушку. Чеченские караулы, заметив беспечно стоящую сотню, дали знать о том в-соседние аулы. Горцы вообразили, что могут отрезать казакам отступление, и тысячная партия их на рассвете вынеслась из леса... Казаки, проворно обрубив гужи, бросили пушку и поскакали в лагерь. Чеченцы их даже не преследовали. Обрадованные редким трофеем, они

столпились около пушки, спешили и стали прилаживаться, как бы ее увезти. В этот самый момент шесть батарейных орудий ударили по ним картечью, другие шесть — гранатами. Что произошло тогда в толпе чеченцев — описать невозможно: ни одна картечь, ни один осколок гранаты не миновал цели... Между тем орудия были заряжены вновь; опять грянул залп, и только тогда очнувшиеся чеченцы бросились бежать в разные стороны. Двести трупов и столько же раненых, оставшиеся на месте катастрофы, послужили для горцев хорошим уроком и надолго отбили охоту к ночным нападениям».

Или вот строки из донесения командира Грузинского гренадерского полка графа Симонича, который в июне 1825 года всего с одним батальоном заступил дорогу толпам мятежных лезгин, пытавшихся пробиться в Кахетию. Оценив, что противник занимает крепкие позиции на горах, граф принял решение перекрыть долину и стал спускаться в предгорье. «Но едва батальон повернул назад, — сообщается в донесении, — лезгины вообразили по своей глупости, что мы отступаем от страха и, стремительно бросившись занимать Кадор, очутились на ровной и безлесной местности». Уже через десять минут разбитая шеститысячная орава разбойников в страхе бежала от четырехсот русских штыков!

В чем, однако, русские войска никогда не могли — да и не стремились, разумеется, — превзойти своего противника, так это в жестокости. Генерал Потто в своей книге дал объяснение весьма известному термину «абрек»: «Дитя ли, женщина ли, дряхлый ли, бессильный старик — ему все равно, была бы жертва, была бы жизнь, которую он может отнять, хотя бы с опасностью потерять свою собственную. Жизнь, которой наслаждаются, для него смертельная обида... Слово “абрек” значит заклятый... И никакое слово так резко не высказывает назначения человека, разорвавшего узы дружбы, кровного родства, отказавшегося от любви, чести, совести, сострадания — словом, от всех чувств, которые могут отличить человека от зверя. И абрек поистине есть самый страшный зверь гор...»

Впрочем, горцы вообще не щадили ни женщин, ни детей, ни раненых, оказавшихся у них в руках. Они и друг к другу относились преподлейшим образом, не жалея крови своих соотечественников при разделе награбленной добычи, в борьбе за власть и прочие жизненные блага... Но в этом пусть судит их Аллах!

Вот случай, происшедший в декабре 1819 года при атаке мятежниками Чирагского укрепления, где стояли две роты Троицкого пехотного полка. К несчастью, многие солдаты жили по саклям и оказались отрезанными от крепости внезапным нападением. Юный прапорщик Щербина, недавно прибывший на Кавказ из кадетского корпуса, засел вместе с четырьмя стрелками в высоком минарете. Их выстрелы наносили противнику чувствительный урон, не позволяя подойти к осажденной крепости. Когда же мятежникам удалось ворваться в башню, отважный прапорщик занял позицию на самом верху винтовой лестницы и зарубил шашкой десяток

человек... В конце концов, разбойники сделали подкоп и свалили башню на землю. «К несчастью, Щербина не погиб под развалинами, — свидетельствует историк. — Горцы, вытащив полураздавленного юношу, предали его страшным мучениям: они нанесли ему множество смертельных ран и постепенно выматывая жилы, замучили до смерти».

Известные события конца XX — начала XXI века — Буденовск, «Норд-Ост», Беслан — свидетельствуют, что кровавые традиции горских разбойников не претерпели изменений. Почему же на их действия не ответили противодействием, испытанным десятилетиями Кавказской войны? Почему оказался забыт Ермоловский опыт? На Кавказе побеждал тот, кто умел взять над противником нравственное превосходство. Русский солдат пришел в этот дикий край для его умиротворения, для укрепления границ, представлявших постоянный источник опасности для империи. В сознании этого, всегда жившем в сердцах наших кавказских воинов, была их нравственная сила. Противник имел иные точки отсчета. Он дрался за «свободу» — свободу набегов, грабежа и убийства, ту «свободу», которой веками пользовались его предки.

Можно привести перевод текста древней песни чеченской девушки: рассказ о том, как ее суженый отправляется за реку Терек, к казачьей станице, где крадет маленького мальчика. Возвращаясь, он убегает от погони, получает рану:

*«Ах, какая радость,
какое счастье!
Я буду ухаживать
за моим молодцом-храбрецом,
перевязывать буду рану
моим шелковым рукавом.
Мой храбрец-молодец
продаст мальчика в Эндери,
в Дагестан, и привезет мне подарок.
То-то мы будем жить-поживать с ним!..»*

Вот она, народная психология! Клин надо было выбивать клином, общаться с мятежниками на том языке, который они лучше всего понимают. А это был язык силы. Поэтому, приехав в Чечню весной 1817 года, Ермолов собрал старшин и владельцев «мирных аулов», которые еще в XVIII веке расположились на казачьих землях между Терекком и Сунжей, обещая не только быть покорными по отношению к русским, но и составить передовые посты против разбойников.

Обещания чеченцы не сдержали. Обмануть «неверного» у них считалось такой же доблестью, как победить в бою. Ермолов понял это сразу. «Мне не нужны мирные мошенники, — заявил он. — Выбирайте: покорность или истребление ужасное». Было поставлено условие: если через «мирные

аулы» пройдет хотя бы один отряд разбойников, то все их жители будут загнаны в горы, где умрут от моровой язвы, а все аманаты будут повешены.

Решительные действия Ермолова поначалу не нашли понимания в Петербурге. Император Александр I требовал «кроткого обращения с соседями». «В столице, — писал историк того времени, — считали полудиких горцев чем-то вроде воюющей державы, с которой можно было заключить мирный договор и успокоиться. Но Ермолов, стоявший у самого дела, сознавал, что чеченцы совсем не держава, а просто шайка разбойников, и рядом представлений, разъясняя сущность дела, настойчиво добивался разрешения действовать наступательно». Такое разрешение он в конце концов получил...

Средством нравственного подавления противника были упомянутые выше аманаты. Откроем «Толковый словарь»: «Аманат — заложник; человек, взятый в залог, в обеспечение... верности племени или народа, подданства покоренных». Это не были пленные — это были добровольно отданные в залог сыновья «авторитетных людей», сами «авторитеты» и прочие уважаемые личности. В случае бунта или иной измены горцев этих аманатов — в лучшем для них случае — ссылали в Сибирь. Или вешали где-нибудь на валу крепости для всеобщего обозрения. Метод оказался очень действенным.

Так случилось в самом начале правления Ермолова, что чеченцы захватили в плен майора Грузинского гренадерского полка Павла Швецова, одного из лучших офицеров корпуса, увезли далеко в горы и потребовали громадный выкуп. Вzbешенный генерал приказал заключить в Кизлярскую крепость всех кумыкских князей и владельцев, через земли которых был провезен разбойниками майор, а если через десять дней они не изыщут средств к его вызволению — всех повесить... Долго будет рассказывать, что происходило дальше, поэтому ограничимся сведениями о том, что впоследствии полковник Швецов был командиром славного Куринского пехотного полка...

Не стоит думать, что горские заложники сидели в тюрьмах или ямах — как русские пленные в горах. Нет, они пользовались максимальной свободой, могли даже состоять на русской службе, а юноши — обучаться в военно-учебных заведениях, вплоть до привилегированного Пажеского корпуса в Петербурге. Кстати, отношение к представителям мятежных горских племен было в России весьма уважительным — более даже, чем к главным, скажем так, кавказским национальностям. Лермонтов, сказав: «Бежали робкие грузины», далее живописует боевую отвагу горских племен. Показателен диалог офицеров из «Поединка» Куприна:

«— Это правда, что он природный черкес? — спросил Ромашов у Веткина.

— Я думаю, правда. Иногда, действительно, армяшки выдают себя за черкесов и за лезгин, но Бек вообще, кажется, не врет...»

К сожалению, русские офицеры, воспитанные на незыблемых законах чести, порой переоценивали своих коварных противников. Можно привести

немало примеров, когда в конце концов с предателей, преступивших присягу российскому императору, срывали офицерские и даже генеральские эполеты. Ограничусь упоминанием лишь одной истории, получившей всероссийскую известность благодаря перу блистательного Александра Бестужева-Марлинского, кавказского солдата, бывшего штабс-капитана гвардии, декабриста. Его повесть «Аммалат-бек», опубликованная в 1832 году, потрясла читающую Россию.

В основу этой «кавказской были» легли реальные события, хотя Марлинский излишне романтизировал своего антигероя. На самом деле Аммалат-бек, племянник Тарковского шамхала, правителя одной из дагестанских областей, четыре года находился при полковнике Верховском. Офицер почитал его своим воспитанником и другом, но иные чувства гнездились в сердце горского юноши, ожидавшего, что русские помогут ему заполучить власть над земляками... Соплеменники подогревали честолюбие юноши и толкали его на подлое дело. Пришел час, и изменник направил пулю в сердце человеку, некогда спасшему его от неминуемой гибели...

...Идя в бой, русские солдаты сознавали, что на своих штыках они несут в этот дикий и суровый горный край мир и спокойствие, защищают людей от бесконечных кровавых набегов, воровства, убийств и разбоя... О результатах усилий многих и многих тысяч наших воинов можно прочесть в «Кавказской войне» В. А. Потто: «Самая физиономия края быстро изменилась. И там, где прежде путешественника поражали лишь голые степи, унылое безмолвие да непокрытая бедность, где подневольный труд закрепощенного народа обогащал лишь хищных и жадных Агаларов, там зазеленели теперь роскошные нивы и степи покрылись бесчисленными стадами скота, отарами овец и табунами коней, свидетельствующими о народном довольстве и благосостоянии».

...Прошло полтора с лишним столетия — и российскому солдату опять пришлось сражаться в тех краях, где дрались его далекие пращуры. Сражаться затем, чтобы вновь возвратить мир и благоденствие на исстрадавшуюся землю.

«Полкам обменяться знаменами...»

84-й пехотный ширванский Его Величества полк — один из прославленных «кавказских» полков. Перед Первой мировой войной только два полка армейской пехоты — Ширванский и 65-й Московский — считались «полками Его Величества», а в 80-м пехотном Кабардинском (запомните это имя!) генерал-фельдмаршала князя Барятинского полку император Николай II считался шефом. Всего армейских пехотных полков тогда было 208, и входили они в состав 52 пехотных дивизий.

Из подковой хроники

В 1726 году, в царствование императрицы Екатерины I, на Кавказе, у города Дербента, было сформировано пять пехотных полков для окончания войны с Персией. Первый из них назывался вначале по именам своих командиров фон Девица и фон Феникбира, потом — Ранокуцким, с 1732 года — Кабардинским.

В 1735 году полк был передвинут с Кавказа в Россию, сначала в Астрахань, потом — в станицы Островскую и Усть-Медведицкую, и с 1736 года его имя встречается в донесениях со всех театров военных действий: из-под Азова, с полей Финляндии, Пруссии и Турции. Особенно отличались кабардинцы в войне с турками 1769-1774 гг., когда проходили боевую школу под начальством графа П. А. Румянцева, принимали участие в боях под Ларгой и Кагулом. Но самую громкую славу они заслужили на Кавказе, куда полк возвратился в 1776 году...

7 ноября 1800 года он участвовал в битве с лезгинами при реке Иоре, положившей прочное основание завоеванию Кавказа. За это император Павел I наградил полк Мальтийскими знаменами. С того времени до 1816 года — до прибытия на Кавказ легендарного генерала А. П. Ермолова — жизнь Кабардинского полка протекает в непрерывной малой войне, постоянных стычках с лезгинами и защите границ Восточной Грузии. Полк был разбросан частями по селениям Кахетии. Как выдающееся событие той периода надо отметить поход в Хевсурию летом 1813 года. Историк Кавказской войны генерал-лейтенант В. А. Потто писал, что этот поход «по трудностям, перенесенным войсками в области вечных снегов, современники ставили выше Альпийского похода Суворова».

Ермолов сразу выделил Ширванский полк, полюбил его и впоследствии называл за подвиги «Десятым Римским легионом» — по имени не знавшего поражений и прославившегося своей храбростью 10-го легиона Юлия Цезаря. Ширванцы также крепко полюбили генерала, называя его между собой не иначе, как «наш дедушка Алексей Петрович». С ним совершали они почти все походы вплоть до 1826 года, переносясь из одного края Кавказа в другой и всюду одерживая блестящие победы.

Военная хитрость генерала Ермолова

По дислокации 1819 года Кабардинский полк должен был перейти из Закавказья на Северный Кавказ, а Ширванский — в свою очередь, передвинуться в Грузию. Однако Ермолов не хотел расставаться с кабардинцами, которые, как он считал, были необходимы ему для окончательного водворения спокойствия в Грузии и Дагестане. Поэтому, вопреки точному смыслу утвержденной Александром I дислокации,

«протектор Кавказа» решил, не перемещая полков, переменить их названия — в общем, проявил военную хитрость.

4 ноября 1819 года последовал приказ Ермолова по Кавказскому корпусу о переименовании полков. Вместе с именем бывший Кабардинский полк отдал свои Мальтийские знамена, полученные за сражение при Иоре, и получил Георгиевские — за сражение при французском городе Краоне 23 февраля 1814 года.

Из полковой хроники

В 1826-1828 годах теперь уже Ширванский полк участвовал в войне с Персией, особо отличившись в бою при Шамхоре, где 7 тысяч наших воинов сразились с 40-тысячной армией. За этот подвиг полк был награжден знаком на шапки с надписью «За отличие».

В 1828 году началась война с Турцией, и ширванцы сразу же показали чудеса храбрости при штурме крепостей Карс и Ахалкалаки, за что полковой командир Бородин был награжден орденом св. Георгия III степени — редким для полковника. Николай I писал генералу И. И. Дибичу: «Наш Паскевич опять одержал блестящие успехи. Ахалкалаки взяты штурмом одним батальоном Ширванского полка. Я даю Ширванский полк Паскевичу — они достойны друг друга».

После Заграничного похода 1813-1814 годов должность шефа в армейских полках была оставлена лишь в качестве почетной: ее получали отличившиеся генералы и члены царской фамилии. Разумеется, шефы назначались только в лучшие полки. 17 января 1828 года шефом Ширванского полка стал друг императора Николая Павловича, «отец-командир», как называл его сам государь, — будущий генерал-фельдмаршал князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский.

15 августа того же года, в день своего полкового праздника, ширванцы показали чудеса героизма при взятии крепости Ахалчих, за что полк был награжден Георгиевскими серебряными трубами. А вскоре — зимой 1829 года — ширванцам и двум ротам Херсонского полка пришлось 12 дней оборонять эту же крепость от 20-тысячной армии турок... Затем, летом, они сражались под Хартум и Бейбуртом, заслужив коллективную награду — «гренадерский бой» — то есть марш, положенный для отборных гренадерских полков...

В 1830 году «Графский полк», как его стали называть, вернулся из Турции и вновь заступил на защиту рубежей Кахетии. Тем временем в Дагестане начинал разгораться мятеж под предводительством имама Шамиля. Война эта растянулась более чем на двадцать лет, и, по словам современника, «ширванцев посылали всюду, где нужны были мужество, отвага и беззаветная преданность долгу». Недаром же горцы называли их «шайтан-солдат». Самыми яркими эпизодами этой борьбы стали штурмы

аулов Тилитль (1837) и Ахульго (1839), беспримерное «Зырянское сидение» (1843) — месяц, проведенный в горах, в окружении бесчисленных скопищ мятежников, защита укрепления Низовое (1843), штурм Гергебиля и осада Салтов (1847), защита укрепления Ахты (1848).

В 1850 году полку была пожалованы «Александровские ленты на знамена за 150-летнюю беспорочную службу». А впереди был еще ряд сражений, который завершился пленением Шамиля, — и награждение Георгиевскими знаменами с надписью «За штурм Гуниб-дага 25 августа 1859 года».

Боевая летопись Ширванского полка продолжилась затем покорением Западного Кавказа в 1860-1864 годах, участием в Хивинском походе 1873 года, усмирением мятежа в Дагестане в 1877 году, двумя Ахал-Текинскими экспедициями и взятием крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года...

Побывавший на Кавказе в 1888 году император Александр III назначил полку, в воздаяние славных его заслуг, полкового шефа — наследника-цесаревича великого князя Николая Александровича. Вступив на престол в 1894 году, Николай II повелел полку именоваться Ширванским Его Величества. Через год он перешел в Хасавюрт, ставший местом его последней дислокации.

В XX веке 84-й пехотный Ширванский полк — вместе с 81-м Апшеронским, 82-м Дагестанским и 83-м Самурским — входил в состав 21-й пехотной дивизии, которая в начале Первой мировой войны была направлена на Юго-Западный фронт в составе III Кавказского корпуса. Как писал А. А. Керсновский, корпус «покрывал себя славой всюду, где шел в бой. Суходол, Ивангород, Козеницы, Кельцы, выручка Осовца, отражение фаланги Макензена у Змиригорода и поражение ее под Сенявой, Холм и Брест — все эти дела принесли 21-й и 52-й пехотным дивизиям славу “стальных”. <...>. По окончании войны корпус отбыл из Галиции на Кавказ, где демобилизовался и впоследствии был целиком восстановлен в Добровольческой армии». Но это уже совсем другая история.

Герои и подвиги

«Быть на горе живым или мертвым!»

15 Ноября 1818 года отряд Ермолова подошел к высокому крутому хребту Аскарай, где ожидал его противник: все возвышенности кругом были перекопаны и усеяны лезгинами — порядка 15 тысяч. Едва войска подошли к подошве хребта, как горцы открыли огонь, а с горы Талгинской посыпались дерзкие ругательства. Солдаты рвались в бой, но генерал приказал остановить отряд и варить пищу. Горцы предположили, что русские не решаются атаковать...

Ермолов понимал, что при открытом штурме сильной позиции его отряд понесет большие потери, но об отступлении не было и речи: наши войска впервые появились в Дагестане, и малейшая их неудача могла надолго поколебать веру в силу русского оружия. Оставалось одно средство — обход. Верный проводник сказал Ермолову, что знает подходящую тропу, такую трудную, что ее забросили даже сами туземцы, но если русские смогут пройти по такой дороге, то он берется вывести их в самый тыл неприятеля. И русские солдаты прошли...

Ермолов приказал майору Шевцову взять 2-й батальон Кабардинского полка с двумя орудиями, без выстрела взобраться на гору, покрытую дремучим лесом, и на рассвете ударить по неприятелю. «Оттуда тебе нет дороги назад, — сказал он Шевцову. — Я должен найти тебя на горе живым или мертвым!»

Преодолев все препятствия, кабардинцы под покровом ночи пробрались в тыл противнику. На рассвете грянула пушка и батальон с криком «ура!» бросился на горцев в штыки. Те едва успели схватиться за оружие и, кто не пал под ударом штыка, в паническом страхе бежали врассыпную. 15-тысячного скопища не стало. Гора была занята одним батальоном.

Верный долгу до конца...

В апреле 1821 года порядка шестисот чеченцев атаковали Амир-Аджи-юртовский редут, гарнизон которого составляли двадцать пять ширванцев во главе с унтер-офицером Махониным. В течение пяти часов горсть храбрецов выдерживала отчаянные атаки противника. Сам Махонин был изрублен на валу укрепления, погибли еще тринадцать ширванцев, но остальные двенадцать отстояли редут, отбив все приступы и уложив на месте до полусотни чеченцев. Подоспевшая к вечеру помощь заставила остальных отступить...

В книге «Служба ширванца. 1726-1909» сказано: «Золотыми буквами должно быть начертано на страницах истории полка и в нашей памяти имя Махонина: верный долгу службы до конца, он сумел в надлежащую минуту воодушевить на подвиг и своих подчиненных».

«В бою выручай товарища!»

В октябре 1827 года наши войска заняли столицу Персии Тавриз (совр. Тебриз) и простояли там до конца 1828 года. Во время стоянки местные жители часто нападали на наших солдат и иногда уводили их в плен.

Однажды двое рядовых ширванцев — один по фамилии Куксенко — были отрезаны от своих и оказались в толпе персиян. Его товарищ, оступившись, упал в яму, успел из нее выскочить, но без ружья. Солдаты бросились в первый попавшийся дом, заперлись в нем. Персияне сломали дверь, но ширванцы не растерялись: выстрелив, Куксенко с криком «ура!»

поднял на штык ближайшего персиянина. Затем устремился в толпу и, прокладывая путь штыком, отбил от туземцев и провел сквозь остолбеневшую толпу своего товарища. За этот подвиг генерал И. Ф. Паскевич собственноручно надел на Куксенко Георгиевский крест.

По примеру командира

19 октября 1877 года в Дагестане ширванцы вступили в бой с мятежниками близ аула Цудахар. Наступавшие в первой линии 9-я и 12-я роты штабс-капитанов Касюры и Ягубова, пройдя около полуверсты, наткнулись на глубокие овраги, перешли их и поднялись на высоту, отделенную от завалов еще одним оврагом. Противник открыл сильнейший огонь — до завалов было не более двухсот шагов, минута была решительная. Штабс-капитан Ягубов под убийственным огнем перешел с шестью взводами через последний овраг и двинулся на штурм завалов. Мюриды бросились на него с кинжалами. Ягубов тут же изрубил двух; в это время у него сломалась шашка, и один из наскочивших горцев ранил его кинжалом в правую руку. Ягубов бросил ему в лицо изломанную шашку, а когда горец пригнулся, чтобы избежать удара, выхватив револьвер, выстрелом уложил его на месте. Сам же Ягубов, обессиленный потерей крови, упал. Когда вновь наскочивший мюрид уже занес над ним кинжал, унтер-офицер Маркел Елисеев принял мюрида на штык и тем спас жизнь своему ротному командиру.

Молодецкая рота

Когда 12 января 1881 года ширванцы пошли на штурм крепости Геок-Тепе, командир 13-й роты штабс-капитан Яковлев слишком принял со своей ротой вправо и пошел в атаку, отделившись от батальона. В начале этого движения роты прапорщик Марданов был контужен, фельдфебель Овчинников ранен в ногу и плечо, штабс-капитан Яковлев смертельно ранен пулей в живот; все взводные унтер-офицеры выбиты из строя; остались только рядовые, и тех немногим более половины. И эта молодецкая рота, одна, вдали от батальона, все же держалась близ стен Геок-Тепе, поражая текинцев огнем, и оставила свое место, только получив приказание отступить.

Потомству в пример

Сегодня история Российской императорской гвардии окружена домыслами и легендами. Многие, например, твердо уверены, что служили в ее рядах — как офицерами, так и солдатами — только дворяне, богачи и аристократы, которые занимались исключительно охраной государева престола. Но так могут думать лишь те, кто ничего не знает об истории нашей гвардии.

Она начиналась с «потешных», то есть двух отрядов, сформированных из недорослей в селах Преображенском и Семеновском для военных занятий царя Петра. «Каким порядком производилось первоначальное комплектование Преображенских потешных, доподлинно неизвестно, — сказано в «Истории лейб-гвардии Преображенского полка». — Одно только дознано, что они набирались без всякого определенного порядка относительно их происхождения. Вместе с придворными конюхами записывались и знатные юноши из тех родов, которые держались стороны Петровой. Они хотели заранее приобрести его расположение, а для этого нужно было непременно принять участие в военных потехах».

К слову, первым записавшимся был именно придворный конюх Сергей Бухвостов. Большой карьеры он не сделал, хотя, чему подтверждением статья в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, «Петр неоднократно хотел возвысить Бухвостова, но он по скромности всегда уклонялся от почестей». Однако, войдя в историю под именем «первого русского солдата», он тем самым приобрел гораздо большую известность, нежели иные фельдмаршалы.

Прошло время, «потешные» превратились в л.-гв. Преображенский и Семеновский полки, но порядок комплектования, когда «вместе с конюхами» служили солдатами и «знатные юноши», оставался все тем же. Службу они несли вместе, вместе были на занятиях, нередко жили бок о бок в казарме.

Порой это приводило к забавным ситуациям. Часовой, солдат лейб-гвардии Семеновского полка, так лихо взял на караул при приближении императрицы Елизаветы Петровны и так молодцевато выглядел, что государыня протянула ему в награду серебряный рубль. Служивый деньги взять отказался.

— На посту не положено! — твердо отвечал он.

— Молодец! — сказала императрица, положив рубль на землю. — Возьмешь, когда сменишься!

Солдата звали Александр Васильевич Суворов, он был сыном генерала.

Солдаты посостоятельнее нередко нанимали своих товарищей «из подлого сословия», чтобы те несли за них службу; кто был победнее, все делали сами.

Подобное смешение сословий обуславливалось реформами, начатыми в России Петром I. Ранее для успешной карьеры необходимо и достаточно было одного лишь знатного происхождения. Сыновьям бояр, воевод и прочих «должностных лиц» успешная карьера была обеспечена. Царь Петр коренным образом изменил порядки русской жизни. Среди многочисленных его реформ было и обязательное привлечение дворянского сословия к государственной службе. Причем каждому следовало начинать ее с нижних чинов, каждому непременно надлежало учиться. Безграмотному дворянину, каковых тогда было немало, путь к офицерским чинам был закрыт напрочь.

Но вскоре после смерти Петра сообразительные дворяне стали записывать своих детей в гвардейские полки буквально с колыбели, а

наиболее ушлые — даже до рождения. Если же вместо заявленного Мишки рождалась Машка, младенец-солдат объявлялся умершим. Только император Павел, вступив на престол, попытался искоренить подобное nepотpeбствo. Известно, что из списков одного лишь лейб-гвардии Конного полка им был исключен 1541 «фиктивный» офицер, а сколько оных еще было в Преображенском, Семеновском и Измайловском полках! Но даже Павел Петрович, несмотря на всю свою строгость, не смог до конца навести порядок, и запись новорожденных в полки полностью прекратилась только в Николаевские времена.

За неимением военно-учебных заведений — первый кадетский корпус в России появился при Анне Иоанновне по инициативе фельдмаршала Миниха — гвардии первоначально пришлось выполнять роль учебных частей. Вот только обучение там происходило в основном на полях сражений. Весь XVIII век Россия вела войны, одну за другой, и гвардия — наиболее подготовленные, закаленные части — не могла в них не участвовать. А в результате не только солдаты-дворяне выслуживали офицерские чины, но их также получали и выходцы из других сословий — за мужество, отвагу, предприимчивость, героические подвиги.

Таким путем создавалось «служилое дворянство» — опора империи, верные слуги государя, всецело ему обязанные. Оно стало серьезным противовесом старому родовому дворянству, аристократии, в большинстве своем относившейся к Петровским реформам весьма отрицательно.

Впрочем, наиболее яркий пример формирования этого «молодого дворянства» из отличившихся нижних чинов имел самые негативные последствия.

Когда в ночь на 25 ноября 1741 года солдаты гренадерской роты Преображенского полка возвели на престол дочь императора Петра великую княжну Елизавету, то в награду рота была превращена в особое подразделение — Лейб-компанию. Императрица приняла на себя чин ее капитана, поручиками Лейб-компании были назначены генерал-лейтенанты и действительные камергеры графы А. Г. Разумовский и М. Л. Воронцов, а все унтер-офицеры, капралы и рядовые этой роты были приравнены к офицерским чинам и получили потомственное дворянство, а также земли и крепостных.

«Солдаты, дотолe приученные к палке и кошкам (плети об нескольких концах или хвостах), а теперь освобожденные от этих неприятностей, совершенно вышли из повиновения, — сообщается в полковой истории. — Лейб-компанцы, не хотевшие знать начальников, толпами врывались в дома именитейших сановников с угрозами, требовали у них денег, без церемонии брали в богатых домах все, что им нравилось. Пьянство, разврат, драки, грабительства гвардейских солдат день ото дня принимали все большие размеры...» Все завершилось тем, что лейб-компанцы довольно быстро выбыли из службы, разъехались поместьям и спились, наводя ужас на соседей своими буйствами...

Единственной гвардейской частью России XVIII века, состоявшей только из дворян, был Кавалергардский корпус, история которого начиналась еще в 1724 году — как роты кавалергардов или драбантов, сформированной из находившихся за штатом офицеров для участия в короновании жены Петра Великого — Екатерины. После торжеств роту расформировали, но лишь только Екатерина I сменила на престоле покойного супруга, она распорядилась кавалергардию возродить — в качестве своих телохранителей... История кавалергардов — тема для отдельного рассказа. Нас же в данном случае интересует одно: «11 января 1800 г. император Павел, — как значится в полковой истории, — повелел переформировать Кавалергардский корпус в трехэскадронный Кавалергардский полк на одинаковом положении со всеми гвардейскими полками, не присваивая ему прежнего преимущества: состоять из дворян».

С тех пор во всех гвардейских полках дворяне служили только офицерами или юнкерами, то есть «унтер-офицерами дворянского звания, проходящими подготовку к получению офицерского чина». Солдаты же были из «податных сословий» — крестьян, мещан и так далее... На них возлагалась вся тяжесть службы как в мирное, так и в военное время, им и принадлежит большая часть подвигов, создавших имя и славу гвардии. Так что гвардейские солдаты — особенные. Вспомним же некоторые из бесчисленного множества их подвигов, золотом записанных в скрижалях истории Русских гвардейских полков. К сожалению, имена многих героев теперь известны одному только Богу.

19 ноября 1700 года Северная война. Карл XII внезапно атаковал центр русских войск, осаждавших крепость Нарву. Командовавший русским отрядом генерал фон Круа и его немецкие сподвижники — в том числе командир Преображенского полка Блюмберг — сдались. Обезначаленная армия бежала.

«Все уже казалось потерянным, — написано в истории Преображенского полка. — Армии угрожала неизбежная гибель. Но не смялась и не побежала гвардия Петра: преображенцы и семеновцы. Не участвовавшие еще в деле и так же оставленные своими начальниками, они огородились рогатками и артиллерийскими повозками и, выждав врага, встретили его столь дружным отпором, что остановили его стремительный натиск». Напрасно шведский король сам водил драбантов в атаку — русские солдаты стояли несокрушимо, спасая от окончательного разгрома не только войско, но и саму честь Русской армии...

Октябрь 1813 года — трехдневная «Битва народов» под Лейпцигом. Изрядно поредевший батальон л.-гв. Финляндского полка оказался прижат к высокой каменной кладке, окружавшей какое-то селение. Большинство офицеров были ранены, и тогда ефрейтор Леонтий Коренной вместе со своими товарищами-гренадерами стал помогать им перебираться через стену. Офицеры были спасены, но тут горстку храбрецов атаковал многократно превосходящий их неприятель, и спасения не было. Упал один убитый

гвардеец, другой... Коренной остался один. Французы предлагали ему сдаться, но солдат мужественно отбивался штыком, а когда сломался штык — прикладом. Более десяти врагов удалось сразить гвардейцу, прежде чем он, израненный, был повержен на землю.

Французы умели ценить мужество. Они доставили русского солдата, получившего 18 штыковых ран, на перевязочный пункт, куда вскоре прибыл Наполеон, чтобы приободрить своих раненых. Увидев Коренного, император спросил, каким образом оказался в плену этот Георгиевский кавалер — крестом финляндец был награжден за Бородино. Узнав о подвиге русского гвардейца, Наполеон распорядился отпустить Коренного к своим, а мужество его поставить в пример французским солдатам в приказе по армии.

Сентябрь 1828 года, осада крепости Варна. Турки стремятся деблокировать ее, прорвав внешнее кольцо окружения, постоянно атакуют русские укрепления, закрывающие им путь. В один из дней противнику удалось ворваться в лагерь л.-гв. Павловского полка, где находились нестроевые солдаты и раненые. Хотя у нестроевых не было даже оружия, они все-таки являлись гвардейцами. Похватав все, что попало под руку, обозные солдаты, денщики и фельдшеры бросились на турок. Когда подоспели гренадеры, атака была отражена, неприятель отступил, а находившиеся в лагере солдаты оказались вооружены взятыми в бою ружьями.

Примеров героизма простых солдат можно вспомнить еще немало — вплоть до подвигов, совершенных на полях Первой мировой войны, ставшей последней для Российской императорской гвардии.

Было, например, что 26 августа 1914 года — в годовщину Бородина — л.-гв. Московский полк в бою на Тарнавке разгромил целую силезскую дивизию и взял 42 стрелявших неприятельских орудия.

Было, что 9 июля 1915 года под Крупами 4-й батальон л.-гв. Гренадерского полка контратаковал германцев не с криком «Ура!», а с полковой песней на устах. Перед развернутым боевым строем солдаты несли своего смертельно раненого командира полковника Судравского, чтобы батальонный, как он того пожелал, увидел их победу. Полковник умер на бруствере взятого вражеского окопа.

Многое из бывшего оказалось забыто — и этого уже не вернуть, не воскресить. Но все же память о гвардии, как лучшей, избранной, героической части войска, навсегда осталась в народном сознании. Не зря же одобрительная оценка «гвардеец» бытовала и в те времена, когда российской гвардии уже не было, а советскую еще не сформировали.

«Ночь гусарская, а утро — царское»

«Трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал

себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого».

А. С. Пушкин, «Капитанская дочка».

Берем один из томов «Русского биографического словаря», издававшегося в начале минувшего столетия, листаем его наугад, читая позабытые ныне фамилии и биографии некогда известных людей:

«Погоский Александр Фомич, писатель для народа и деятель на пользу народного образования (1816-1874). Шестнадцатилетним юношей поступил в 45-й Егерский полк... В 1843 году, в чине поручика, вышел в отставку...»

«Позняк Дмитрий Прокофиевич, тайный советник (1764-1851). В 1787 г. поступил л.-гв. в Преображенский полк капралом, с причислением к штату канцелярии генерал-фельдмаршала князя Потемкина; в названном полку награжден был чинами до сержанта, а затем — выпущен капитаном... В 1793 году определен к статской службе».

«Поливанов Иван Петрович, сенатор (1773-1848). В 1787 г. вступил подпрапорщиком в л.-гв. Преображенский полк... Чин капитана получил в 1797 г. и в том же году отставлен для определения к статским делам».

«Полонский Александр Сергеевич, артист (?-1880). Образование получил в Морском корпусе; выпущенный оттуда мичманом в 1857 году, через несколько лет бросил морскую службу, решив посвятить себя сценическому искусству...»

Люди разных поколений, совершенно разной судьбы, объединенные одним лишь обстоятельством: они начинали свою самостоятельную жизнь на военной службе. Таких людей в Императорской России были многие тысячи. Те же, кто не послужил, считались в России — равно как, кстати, и в Германии, где вообще многие государственные должности имели право занимать только офицеры запаса, — как бы вторым сортом...

А вот что писала известный французский литератор — баронесса Жермена де Сталь, посетившая Россию в 1812 году: «В России считаешься знатным, когда достигнешь военного чина... Воспитание кончается на пятнадцатом году: все спешат поступить в военное сословие во что бы то ни стало, о прочем же заботы нет». Нам кажется, заезжая француженка не совсем права — с российской жизнью она была знакома весьма относительно.

«На протяжении XVIII в., а также в начале XIX в., в России еще не сложилась система среднего образования, которая могла бы полностью охватить дворянскую молодежь. Основная ее часть в то время получала так называемое домашнее образование, качество которого зачастую было неудовлетворительно», — говорится в интереснейшем исследовании Дмитрия Целорунго «Офицеры Русской армии — участники Бородинского сражения».

Типичный пример подобного образования описан в «Капитанской дочке»: «С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному

Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля, — «вспоминает» Петруша Гринев. И далее — про парикмахера мосье Бопре, нанятого в учителя: — Обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, и потом каждый из нас занимался уже своим делом».

Настоящее образование можно было получить как раз в армии, в кадетских корпусах, куда дворяне стремились отдавать своих детей. Нередко отдавали уже в пятилетнем возрасте(!), хотя в «малолетнем отделении» кадетики даже еще форму не носили, а «командовали» ими гувернантки и няньки. Первый, как по времени образования, так и по номеру, кадетский корпус был образован в 1731 году, а к началу XX столетия корпусов было порядка тридцати. Из их стен выходили не только хорошо и всесторонне образованные люди, но и истинные и верные сыны Отечества, настоящие патриоты России, опора престола.

Недаром же в XVIII — первой половине XIX века фактически любые государственные должности занимались, как бы сейчас сказали, «выходцами из армии». Мало того, что губерниями управляли генералы-губернатор, так и другие ответственные посты занимали люди с эполетами. Так, лихой партизан 1812 года А. Х. Бенкендорф возглавлял знаменитое III отделение — политическую полицию, сослуживец и друг многих декабристов П. Д. Киселев — Министерство государственных имуществ, а военный разведчик А. И. Чернышев, работавший перед Отечественной войной в Париже, стал не только военным министром, но и председателем Государственного Совета...

Многие годы, отделяющие нас от прошедших событий, романтизируют былое; вспоминая далекую молодость, старики чаще всего говорят о хорошем, забывают плохое и с улыбкой рассуждают о пройденных трудностях. Как видим, объективную картину минувшего получить нелегко, а все ж попробуем.

«Характер, дух и тон военной молодежи и даже пожилых кавалерийских офицеров составляли молодечество, или удальство. «Последняя копейка ребром» и «жизнь копейка — голова ничего», — эти поговорки старинной русской удали были нашим девизом и руководством в жизни, — писал очень интересный мемуарист Фаддей Венедиктович Булгарин, который в молодости, в начале XIX века, служил в Уланском цесаревича Константина полку и был ранен в сражении под Фридландом. — И в войне, и в мире мы искали опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удальством. Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы не следовало, — это входило в состав нашей военной жизни, в мирное время».

Считается, что ради такой жизни многие молодые дворяне и шли на службу, что именно так — в вихре балов, дуэлей, карточной игры, любовных побед и праздных удовольствий — с короткими перерывами на боевые действия — некогда жили русские офицеры. Однако была ведь поговорка:

«Ночь — гусарская, а утро — царское» — лихое, веселое времяпрепровождение для молодых офицеров, служивших, как правило, в глухой провинции, было лишь приложением к службе.

Сомневающимся могу адресовать к прекрасной книге Аллы Бегуновой «Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I», где подробно рассказывается обо всех аспектах гусарской жизни. В частности, побудку в конных полках летом играли в 5 утра, зимой — в 6, после чего солдаты занимались уборкой конюшен и чисткой лошадей. «Инструкция, — пишет автор, — обязывала взводных офицеров находиться в это время с вверенными им подразделениями, наблюдая за поведением людей и лошадей». К 9 утра седлали лошадей для учений: «Это могли быть занятия в поле, где отрабатывались построения и передвижения взвода или эскадрона, или в манеже, где совершенствовали индивидуальную подготовку всадников». Учения обычно продолжались до полудня. После того следовали обед и свободное время, которое уходило на чистку и починку обмундирования, амуниции и оружия, а после того вновь следовала чистка лошадей — опять-таки в присутствии взводных и иных командиров. «В девять вечера в армейских полках барабанщики били, а трубачи играли вечернюю “зорю”, и на этом трудовой день кавалериста завершался». Только тогда офицер мог чувствовать себя свободным, если, конечно, он не находился на дежурстве или в карауле.

Впрочем, и для гвардейцев, живших в столице, служба также составляла основу бытия, исключая, конечно, известные периоды «общегосударственного разврата», когда и Двор, и все вокруг были озабочены исключительно личным обогащением и пребывали в праздности. Но это — тема иная.

Весьма интересны в этой связи выдержки из «Памятной книжки» поручика л.-гв. Семеновского полка Александра Благово за 1739 год — записи, в которых отражались погода, основные дела и денежные траты ротного командира:

«Июнь.

12. Вторник, предивная погода. Полковой строй был, палили по 7 патронов...

15. Пяток, изрядно ввечеру дождик. Полковой строй был, палили по 11 патронов.

Июль, или Липец.

28. Суббота, ветрено. Полк учил маэор наш герцог Брауншвейгский, палили изрядно по 15 патронов.

Сентябрь. Вересень.

11. Вторник, студено. Полковой строй был, палили по 25 патронов, принц учил изрядно.

12. Среда, хорошая погода, а холодно. Полк наш государыня императрица изволила смотреть. Палили хорошо по 29 патронов. Государыня жаловала к руке и вином».

Как видим, боевая учеба проводилась изо дня в день, невзирая на погоду. Довольно часто — под высочайшим наблюдением. И это было не только во времена Анны Иоанновны, но и буквально во все последующие царствования.

Вот фрагмент из «Записок декабриста» поручика л.-гв. Финляндского полка А. Е. Розена: «Удалось мне два раза обращать на себя особенное внимание моего дивизионного начальника, великого князя Николая Павловича. В первый раз, когда я в его присутствии вступил в дворцовый караул: с парадного места повел караульный взвод различными поворотами фронтом, а подошел к открытым воротам дворца, повел рядами левым флангом, и когда поравнялся со старым караулом и скомандовал: “Стой!”, “Во фронт!” и потом: “Глаза направо!”, то его высочество, прихлопнув рукой по правой ляжке, воскликнул: “Вот оно! Знает свое дело! Славно!”

Между прочим, Николай Павлович — будущий император Николай I. Есть ли смысл объяснять, что отношения между гвардией и государем были самые тесные? Не только великие князья, но и сами государи служили в полках гвардии, в полном объеме выполняли свои должностные обязанности, особое внимание при этом обращая на обучение, боевую подготовку войск. Что бы сейчас ни говорили, «профессиональной» является только подготовленная к ведению войны армия — вне зависимости от способа ее комплектования. Если же она воевать не умеет, то является не более чем вооруженной толпой, из каких бы наемных «профессионалов» ее ни составили.

Русские государи хотели иметь настоящую армию — и, как известно, имели ее, о чем свидетельствуют многочисленные победы русского штыка. Профессионализм этой армии, составленной в основном из неграмотных крестьян, — был обеспечен подготовкой офицеров и унтеров, обучавших и воспитывавших солдат, готовивших их к бою как практически, так и нравственно.

Вот почему «от каждого офицера требовалось, чтобы он хорошо знал службу и исполнял ее рачительно, — подтверждает Булгарин. — Краеугольными камнями службы... были эскадронные командиры и ротмистры... Они обходились с нами, как обходятся добрые родители с детьми-повесами, но добрыми малыми, прощали нам наши шалости... и требовали только исполнения обязанностей службы, храбрости в деле и сохранения чести мундира».

Начало службы в Кавалергардском полку вспоминает в своих «Записках» декабрист Сергей Волконский — бывший князь и генерал-майор: «Натянув на себя мундир, я вообразил себе, что я уже человек, и по общим тогдашним понятиям весь погрузился в фрунтовое дело. Первым моим наставником по фрунтовой службе [был] Александр Иванович Чернышев...»

«Фрунт», он же «фронт», означал «строй», а «фрунтовая» — строевая — подготовка считалась важнейшей дисциплиной обучения, составляла основу боевой подготовки. Сейчас это приходится объяснять: на поле

сражения подразделения чаще всего передвигались в колоннах, а отражая атаки кавалерии, стояли в оцетинившемся штыками каре... В те считанные минуты, когда на пехотное каре неслась неприятельская конница и нужно было успеть подготовиться к ее встрече, малейшая неорганизованность, любые неслаженные, неуверенные действия солдат неизбежно приводили к катастрофе. Вот и приходилось офицерам и унтер-офицерам часами муштровать людей, оттачивая их навыки до автоматизма. Недаром же говаривал великий Суворов: «Тяжело в учении — легко в бою». Быть плохим, неумелым, неподготовленным офицером считалось просто стыдно, не соответствовало понятиям чести.

Шли годы и десятилетия, многое изменялось в жизни страны и государства. Русская манера оглядываться на «просвещенный Запад», сверять буквально каждый шаг с чужими оценками, стремиться не отстать «от цивилизованной Европы», не понимая при этом, кто же на самом деле и в чем именно ушел вперед, попытки во всем следовать «лучшим зарубежным образцам» — все это принесло России огромный и непоправимый вред. Керсновский писал: «Ересь “интернациональное™” военного искусства привела к засорению русской военной мысли иноземными... рационалистическими учениями. Все это имело своим результатом Севастополь и три Плевны, Мукден и Солдау...»

Действительно, во второй половине XIX столетия русские государи порядком подрастратили, растеряли накопленный опыт — даже кадетские корпуса были превращены в «военные гимназии» (для военного человека это звучит так же похабно, как «командный институт»), в которых именно «военная составляющая» обучения оказалась ослаблена. Боевая подготовка все больше и больше сводилась к парадным тренировкам, неким «военизированным спектаклям», проходящим по жестко утвержденному сценарию.

Последующая же экономия на армии вообще донельзя ослабила русский офицерский корпус, вскоре бездарно и окончательно угробленный на полях Первой мировой войны. Вот тогда на смену офицерской касте, потомственным офицерам, чьи пращуры веками служили России, и кто не мыслил себя вне этой службы, пришли совершенно случайные прапорщики военного времени — Н. В. Крыленко, Г. Д. Гай, М. В. Кривошлыков и многие иные, а также позже примкнувший к ним прапорщик австро-венгерской армии Бела Кун «сотоварищи»...

Все остальное нам более-менее известно из курса отечественной истории.

«А всем офицерам надеть ордена...»

О необходимости повышения престижа военной службы у нас говорят давно и постоянно, однако недаром же считают на Востоке, что «сколько ни говори

“халва”, во рту сладко не станет». Военнослужащие Министерства обороны так и остались самыми низкооплачиваемыми из всех категорий силовиков... Впрочем, существенное повышение денежного довольствия и реальное решение социальных проблем — лишь первый шаг к повышению престижа военной службы, а для того чтобы она действительно стала бы вновь по-настоящему привлекательной и престижной, надо провести целый комплекс мер. Одна из них, безусловно, — совершенствование наградной системы. Посмотрите на портреты русских офицеров, мундиры которых украшены орденами: видно, что своей принадлежностью к военному сословию эти люди гордились по-настоящему. Если нам всерьез обратиться к историческому опыту, а не изобретать очередной «велосипед», то результат скажется весьма быстро.

Короткий экскурс в историю. В 1698 году Петр I основал первый в России орден — Святого апостола Андрея Первозванного, который считался в империи высшим. Вторым стал орден Святой великомученицы Екатерины, которым награждались исключительно женщины и... сын Александра Даниловича Меншикова. Столь оригинальным способом Екатерина I сделала приятное его отцу, которого очень любила. Кстати, эта государыня основала и задуманный Петром Великим орден Святош благоверного князя Александра Невского.

В 1769 году Екатерина — теперь уже Вторая — учредила Военный орден Святого великомученика и Победоносца Георгия, имевший четыре степени, а в 1782 году — орден Святого равноапостольного князя Владимира, стольких же степеней. Сменивший ее император Павел Петрович награждение этими орденами приостановил, зато ввел орден Святой Анны трех степеней, Святого Иоанна Иерусалимского, Павловское царствование не переживший, а также учредил «бриллиантовые знаки» — алмазные украшения — к орденам Святого Андрея Первозванного и Святош Александра Невского, означавшие их высшую степень. Кстати, впоследствии «бриллианты» могли даваться и к другим орденам, соответственно повышая их значимость.

В XIX столетии к вышеперечисленным наградам добавились ордена Белого Орла и Святого Станислава. Появились также изображения мечей на орденах, полученных «за военные подвиги против неприятеля», изображения короны, были введены орден Святой Анны IV ст., знаки отличия беспорочной службы за 15 и каждые пять последующих лет и т. д... Можно долго рассказывать о правилах награждения, орденских одеяниях и праздниках, о Кавалерском обществе Российской империи и т. д., но в данном случае это имеет для нас лишь познавательный, а не практический интерес.

«Ничто так не полезно на военном поприще, как награждение заслуг, — писал в начале XIX века известный в свое время поэт, публицист, военный историк и в ту пору армейский офицер, участник наполеоновских войн Федор Глинка — Честь составляет главнейшую пружину в монархическом

правления, а посему и знаки ее должны быть непременно наградою достоинства».

Уточним, что честь для военного является побудительным мотивом службы при любом правлении. Так что простая мысль — офицера добросовестно выполняющего свои обязанности как в военное, так и в мирное время, следует награждать, тогда он будет служить еще лучше — вполне приемлема и для нас.

Но как и чем награждать?

Недавно одному уважаемому государственному деятелю был вручен орден «За заслуги перед Отечеством» IV ст., и, как сказано, он стал первым полным кавалером этой награды — три старшие степени ордена у него уже были.

А вот в императорской России подобного награждения не могло быть ни при каком раскладе! Уж на что был велик генералиссимус князь Италийский, граф Суворов-Рымникский, кавалер всех российских и иностранных орденов — да только полным кавалером ордена Святого Георгия он не был, хотя первую степень ордена имел! И вообще, из двадцати пяти российских фельдмаршалов, генералов и адмиралов, удостоенных первого Георгия, только четыре фельдмаршала — М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, М. Б. Барклай де Толли, И. Ф. Паскевич-Эриванский и И. И. Дибич-Забалканский — имели орден всех четырех степеней, или классов, как чаще говорили об этой награде.

Свой первый Георгий — сразу III класса — Александр Васильевич получил в 1771 году, когда, командуя бригадой, наводил порядок в мятежной Польше. Был он уже в чине генерал-майора, а генералов четвертым Георгием не награждали — это был вождеденный крест для отважных поручиков и капитанов. До 1855 года Георгий IV ст. вручали и офицерам, имевшим четверть века выслуги в офицерских чинах или участвовавшим в восемнадцати морских кампаниях. После 1855 года этим заслуженным офицерам стали давать орден Святого Владимира IV степени.

Кстати, кавалеры носили только ордена наиболее высоких из имевшихся у них степеней. Но в 1856 году георгиевским кавалерам было разрешено носить все свои кресты, а с 1874 года офицерам разрешили носить все имевшиеся степени орденов с мечами, тогда как раньше мечи просто «переходили» на более высокую степень того же ордена, только располагались при этом уже по-иному. В XX веке вообще стали носить все, что имеется...

Военные гораздо больше ценили саму награду — как принадлежность к ордену, звание ее кавалера, — нежели всякие алмазные украшения. Известно, что прославленный генерал от инфантерии Михаил Андреевич Милорадович получил за Бородинское сражение не орден св. Георгия II класса, к которому был представлен фельдмаршалом Кутузовым, но алмазные знаки ордена св. Александра Невского. Дело в том, что недовольный сдачей Москвы Александр I дал многим героям Бородине более

низкие награды. И вот, рассказывая однажды о Бородинской битве, Милорадович с иронией заявил: «Как град сыпались на нас ядра, картечи, пули и бриллианты!» Дорогостоящая награда особой гордости не вызывала: как был он Александровским кавалером, так таковым и остался.

Вообще, все восемь российских орденов — за исключением боевого ордена св. Георгия — имели свою строгую иерархию. Кстати, Георгий буквально во всем отличался от прочих орденов, в частности, только у него IV степень во все времена давала право на потомственное дворянство. Ведь с 1900 года св. Владимир давал потомственное дворянство лишь с III степени, а св. Анны — вообще I степени, да и то до 1855 года...

О самых высоких орденах мы уже говорили. Самым младшим считался орден Святой Анны IV ст., который давали военным на холодное оружие. В XX веке, когда началась деградация системы, эту награду, представлявшую собой «красный финифтевый медальон с крестом и короной», прозвали «клюквой». Затем по иерархии орденов следовали третий Станислав, третья Анна...

И тут — маленький исторический анекдот. Известно, что Маршал Советского Союза Михаил Тухачевский, будучи подпоручиком л-гв. Семеновского полка, воевал совсем немного, а затем попал в плен. Однако впоследствии Михаил Николаевич утверждал, что дрался столь героически, что был награжден аж шестью орденами. В 1960-е годы историки любили это повторять.

На самом деле им был получен только лишь один орден — св. Владимира IV ст. Однако обвинять «красного маршала» во лжи было бы не совсем корректно. Просто он, человек амбициозный, четко знал место этой высокой боевой награды в соответствующей иерархии — четвертый Владимир стоял выше вторых Станислава и Анны. А раз выше, то ни одного из этих более низших по рангу орденов он уже получить не мог — не полагалось. Так родилась легенда...

Вообще получалось, хотя это далеко не всегда было определено официально, что все награды примерно соответствовали определенным чинам и должностям. Например, в Петровской Табели о рангах кавалеры первого российского ордена приравнивались к III классу, то есть к генерал-лейтенанту. Впрочем, тут зависимость была скорее обратная: высшую награду империи никогда бы не дали личности малозначительной. Тот же Суворов получил св. Андрея Первозванного в 1787 году в чине генерал-аншефа — это был чин II класса. Через два года после этого Суворов был удостоен ордена св. Георгия I степени, стоявшего вне общей системы, а в 1799-м, перед отъездом в Италию, — недавно учрежденного ордена св. Иоанна Иерусалимского большого креста, то есть Командорский, который во времена Павла I считался чуть ли не более высокой наградой, нежели орден Святого Андрея Первозванного.

Более низких орденов Александр Васильевич, разумеется, не получал — точно так же, как никого не награждали и вторыми таким же орденом.

Так неужели, спрашивается, прославленный полководец в самую пору своего расцвета имел от Екатерины II и Павла I минимум наград, так «вычерпал» все их раньше? Да нет, при налаженной системе вопрос поощрений был вполне решаем даже для такого человека. Не перечисляя годов, скажем, что он был возведен в графское достоинство, затем награжден золотой шпагой с алмазами и надписью «Победителю визиря»...

Кстати, так называемое золотое оружие — награда, приравненная к ордену, вследствие чего офицеры носили на мундире миниатюрное изображение клинка — также давалась только один раз. Офицер получал золотую шпагу или саблю (в зависимости от принадлежности к виду войск) с надписью «За храбрость», а генерал — золотую шпагу, украшенную алмазами. Но тут могли быть варианты. Поэтому Суворов, получивший шпагу с алмазами в 1775 году, в 1789 году получил шпагу с надписью, то есть другую награду. Так же, кстати, и генерал Милорадович в 1809 году был награжден шпагой с надписью «За спасение Бухареста».

Затем Суворов был удостоен почетного звания подполковника Преображенского полка, в его честь была выбита медаль, а Сенат составил ему похвальную грамоту. После того последовали производство в генерал-фельдмаршалы, возведение в княжеское достоинство, и, наконец, он стал генералиссимусом всех российских войск. Это не считая разного рода материальных поощрений. В общем, обижен Суворов не был, хотя награды не повторялись.

Ну а другие офицеры, не столь знаменитые, получали награждения под Новый год и на Пасху — это, конечно, в мирное время. Служит офицер хорошо, нареканий нет, и выслуживает себе вскоре св. Анну на шпагу, затем — Станислава III степени и т. д., в строго установленном порядке. Так и получалось, что по количеству и характеру наград можно было примерно определить чин офицера: маленький бордовый крест под воротником — св. Владимир III степени — полковник, алая лента через левое плечо — св. Анна I степени — генерал-майор.

Впрочем, порядок награждений не меняла даже война. Обратившись, например, к истории Кавалергардского полка, можно узнать, что за Бородинское сражение «полковник В. В. Левашов получил Георгиевский крест, три офицера награждены золотыми шпагами, все остальные — следующим орденом».

Награждения «следующим орденом» производились достаточно часто. Если, допустим, офицер имел св. Владимира III степени, то теперь получал звезду ордена св. Станислава — первую его степень. Такая вот была система.

Известные события, происходившие в России в конце XIX — начале XX века, переполнили чашу народного терпения, а потому лозунг «Весь мир насилия мы разрушим» был воспринят совершенно буквально. Уничтожалось не только плохое, но и хорошее. Погибла, разумеется, и отлаженная наградная система. А потому, вспомним о нескольких орденах Ленина у высших партийных чиновников — вроде другим орденом и наградить нельзя, а выше

ничего нет; вспомним вручения «старших» орденов перед «младшими», да и, нередко, спонтанность награждения — по разнарядке, к праздникам и юбилеям... Одно время, правда, давали ордена после соответствующей выслуги лет, но это как-то не очень привилось. Стали давать медали «За безупречную службу». В общем, недаром в те времена появилась в офицерской среде такая невеселая присказка: «А на груди его могучей одна медаль висела кучей, и та за выслугу годов».

Сейчас, к сожалению, мы вновь идем по советской системе, когда, как бы ты ни служил, но, если не повезет, то выше грамоты ничего не получишь. Конечно, и грамота может быть ценна — если это не один и тот же текст из года в год, да еще и за одной и той же руководящей подписью.

Отсюда вывод, что продуманная наградная система могла бы решить сразу несколько важных вопросов. Тут и повышение престижа военной службы, и серьезное мобилизующее воздействие на офицеров — если честно служишь, то значит, в установленный срок получишь положенный тебе «очередной орден»; да это еще и реальная борьба с коррупцией в этой сфере, ибо неотлаженная система таковую нередко порождает...

«Блестящие тускнеют офицеры...»

Во все времена штатские завидовали военным. Завидовали страстно и мучительно, старательно пряча зависть под иронией и сарказмом — мол, что нам эти служаки! Но стоило появиться в обществе мундиру, особенно гвардейскому или кавалерийскому, — и самые блестящие кавалеры из числа служащих по гражданской части «получали отставку». Недаром же писали поэты: «к военным людям так и льнут», «любят женщины военных»...

Однако не только мундирами, эполетами, оружием, наградами, усами и боевыми воспоминаниями затмевали офицеры «рябчиков», «шпаков» и прочих господ, не имевших чести принадлежать к военному сословию. Людей, носивших мундир, отличали особенные личные качества — смелость, патриотизм, умение ставить интересы Отечества выше своих собственных. Подробно говорить о том не имеет смысла, потому как и сегодня эти качества сохраняются в военном сословии — люди, прошедшие закалку в военно-учебных заведениях, находящиеся в воинских коллективах, продолжают традиции своих предшественников. Ведь именно в этих традициях и заключена душа армейской службы.

Все же главный престиж службе придавало особое отношение к ней, да и вообще к воинскому сословию, российских императоров. Государи несли ответственность перед Богом и народом за безопасность вверенной им державы, нерушимость ее границ, а потому они были по-настоящему военными людьми. Даже на портретах цари изображались исключительно в военных мундирах.

Проходя службу в войсках, государи лучше узнавали своих подданных, завоевывали у них не только «должностной» авторитет, а с армией их связывали гораздо более прочные узы, нежели большинство европейских монархов. К тому же царям не нужно было объяснять, кто такие люди военные, сколь велика их роль в жизни общества и государства. Потому они преспокойно назначали действующих офицеров на любые партикулярные должности. Так, при Николае I обер-прокурором Святейшего синода был полковник лейб-гвардии Гусарского полка Протасов, дослужившийся на этом посту до чина генерал-лейтенанта. Гусар руководил священнослужителями! Между прочим, успешно.

Понятно, что жизнь, весьма отличавшаяся от той, которую вели чиновники и придворные, требовала от офицеров совершенно особенных качеств. Вот поэтому, когда 24 января 1722 года царь-реформатор Петр Великий ввел в действие «Табель о рангах», определявшую (слово «табель» было женского рода) строгую иерархию всех чинов воинской, статской и придворной службы, то в ней было предусмотрено старшинство воинской службы над прочими. То есть если обратиться к VI классу, то полковник был старше не только коллежского советника, но и действительного камергера.

Какое, кстати, это имело материальное выражение?

В книге И. Ульянова «Регулярная пехота. 1801-1855» сказано: «В 1838 году оклады офицерского жалованья несколько повысили: полковник теперь получал 2000 рублей ассигнациями в год, капитан — 1500, поручик — 1100, прапорщик — 850. Помимо этого, офицерам стали выдавать столовые и квартирные деньги».

Речь идет об офицерах армейской пехоты, самых низкооплачиваемых, если не брать в расчет гарнизонные войска. Но все же 850 рублей в год по тогдашним масштабам — это много или мало? Все познается в сравнении.

В 1841 году Николай Васильевич Гоголь написал свою знаменитую повесть «Шинель». Ее герой, Акакий Акакиевич Башмачкин, был, как известно, чиновник — «то, что называют вечный титулярный советник». По «Табели о рангах» это чин IX класса, что соответствует армейскому капитану. Капитан — ротный командир, и, думается, нет смысла объяснять, что входило в его обязанности, сколько было у него в подчинении людей. А чем был занят чиновник того же IX класса? Перепиской бумаг! То есть выполнял ту работу, с которой сегодня справляется обыкновенная секретарша. Гоголь пишет, как один раз пытались поручить Акакию Акакиевичу более сложное задание: «дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье». Он этого не сумел, и потому «оставили его навсегда переписывать».

За свою «секретарскую» работу титулярный получал 400 рублей годового жалованья, капитан — почти в четыре раза больше, не учитывая «столовых и квартирных». Но кто скажет, что это несправедливо? Вот и понимаешь, что военная служба действительно ценилась выше, чем гражданская...

Не послужить в России было и невыгодно, и стыдно. 18 февраля 1762 года император Петр III подписал манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Считается, что с тех пор можно было с равным успехом и служить, и не служить. Но, в соответствии с манифестом, дворян, вообще не служивших, велено было рассматривать «яко суще нерадивых о добре общем», их даже ограничивали в правах, вплоть до того, что не только запрещали появляться ко двору, но и бывать «в публичных собраниях и торжествах».

Подавляющее большинство дворян выбирало престижную военную службу. Если войны не было, то многие через несколько лет увольнялись корнетами или поручиками, до конца дней своих вспоминая родной полк и офицерскую жизнь. Другие же постепенно выходили в чины и презрительно глядели на «шпаков» и «рябчиков», переписывавших в канцеляриях бумаги и бравших взятки. Ну а если была война, то офицеры — не только армейские, но и гвардейские — отправлялись в поход, и Бог весть кому из них суждено было возвратиться!

Конечно, большинство офицеров и сегодня служит не за деньги и чины. Но ведь и у нас есть семьи, которые надо содержать, да и просто хочется, чтобы материальные возможности офицера соответствовали его общественному статусу. А то ведь понятие «нищие офицеры» уже прочно вошло в народное сознание, и говорить о престиже воинской службы смешно.

Здесь, кстати, уместно привести строки из доклада, помеченного грифом «Секретно»: «Существующие оклады в настоящее время при увеличивающейся дороговизне жизни уже не удовлетворяют даже скромным потребностям военнослужащих... Недостаточность содержания ставит офицеров, особенно семейных, в бедственное положение, не позволяя им жить соответственно требованиям общественного их положения, и до крайности затрудняет им воспитание своих детей...»

Это доклад военного министра генерала от инфантерии П. С. Ванновского императору Николаю II, сделанный в начале царствования.

Охарактеризовав положение офицеров и военных пенсионеров как бедственное, министр указывал, что это привело к падению качества офицерского корпуса: образованные молодые люди в армию не идут, выпускники военных гимназий и молодые офицеры ищут места «на гражданке», а старики всячески держатся за службу, оттягивая выход на нищенскую пенсию.

Когда же и почему в России произошел переворот в отношении государства и государя к своей армии? Все началось при императоре Александре II, когда на пост военного министра пришел генерал Дмитрий Алексеевич Милютин, чрезмерно, пожалуй, увлекшийся «гуманитаризацией» армии. Сменивший его в 1881 году Ванновский постарался вернуть в войска традиционный «строевой и командный дух», но, к сожалению, не имел надежного союзника в лице нового государя. Александр III, царь-мироотворец, военное дело не слишком жаловал, а главное — не очень понимал военную

душу. При нем был нанесен весьма чувствительный удар по традициям армии: произошла унификация кавалерийских полков, превращенных из гусарских и уланских в драгунские, была введена «мужицкая форма», соответствовавшая массивной фигуре царя, но отнюдь не красившая людей менее могучей комплекции.

Благодаря мудрой политике нашей дипломатии Россия жила в мире и, казалось, в полном благополучии, а потому государь про армию стал забывать. Очень напрасно, потому как, во-первых, с древних времен известно: «Хочешь мира — готовься к войне», а во-вторых, как предупреждал его отец, Александр II, «у России есть в мире только два надежных союзника: ее армия и ее флот». Впрочем, к сожалению, Александр Александрович III забывал не только армию.

Вот строки из книги «На службе трех императоров» генерала от инфантерии Н. А. Епанчина, который командовал батальоном в л.-гв. Преображенском полку как раз в то время, когда 1-м батальоном там командовал будущий Николай II: «Цесаревич усердно исполнял свои военные обязанности... Но жаль, что этим и ограничивалась в последних три года работа наследника престола, а ведь пора было дать ему более широкие обязанности, и притом такие, которые подготовляли бы его к будущей царской работе. Дело же было поставлено так, как будто цесаревича подготовляли к должности полкового командира».

Думается, полковник Романов мог бы стать прекрасным командиром полка, а вот императору Николаю II подготовленности и кругозора явно не хватило. Конечно, «хозяйство» ему досталось запущенное. Поражение в войне с Японией подвело итог военного строительства последней четверти XIX века, а предпринятые затем спешные попытки возрождения армии, ее славных традиций, «военного духа», исторического обмундирования и значительное повышение денежного содержания офицеров запоздали...

Грянула мировая война, и на полях ее сражений очень скоро погибли основные силы офицерского корпуса, бездумно и нерационально брошенные в бой. Была у русских офицеров традиция идти в атаку впереди своих солдат и пулям не кланяться. На смену этим офицерам приходили выпускники школ прапорщиков и ускоренных курсов военных училищ. «Блестящие тускнеют офицеры... — писала тогда поэтесса. — Уже не так изысканны манеры, остались только выправка да честь». Сейчас, кстати, уже и выправки не осталось. Только, пожалуй, чувство чести — единственное, что отличает военного человека от всех прочих.

А тогда, в те времена, множились в тылу разного рода комитеты и комиссии, процветали канцелярии и министерства, где кормились целые армии разного рода чиновников, «народных избранников», «представителей», «радетелей» и т. д. Но ни прапорщики, ни многочисленные чиновники и «народные радетели» спасти сначала армию, а потом и империю от крушения не могли. Да, пожалуй, не очень-то и желали...

Жизнь на государево жалованье

«Это случилось в те недавние годы, как женские лифы были короче и как военные, кроме армейских пехотных офицеров, торжествовали на всех сценах: от паркета вельможи до избы станционного зрителя. Мундир брал в полон балы и не дожидался лошадей. Для мундира родители сажали сына за математику и хлопотали с дочерью; для мундира лелеяла девица Богом данную ей красоту; для мундира юноша собирался жить... Все благоговело перед мундиром или бредило мундиром», — так рассуждал в своей повести «Ятаган», опубликованной в 1835 году, забытый ныне литератор Николай Павлов.

Время укутывает удаляющиеся события романтическим флером, и 1812-й год для многих представляется героическим водевилем, подобным «Гусарской балладе». Но истинная война столь же далека от экранной, как приключения Шурочки Азаровой — от драматической судьбы знаменитой «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой... Мы вообще склонны идеализировать далекое прошлое. Дамы в кринолинах, мундиры с эполетами, балы, роскошные экипажи, барские особняки — как все это прекрасно и как... далеко от истины. Многие, например, считают, что раньше офицерам жилось гораздо лучше. В качестве подтверждения, казалось бы, можно взять хотя бы приведенные выше строки старинной повести... Но, увы, даже в них заложена негативная информация! Задержите свой взгляд на словах: «кроме армейских пехотных офицеров».

Посмотрев «Роспись русским полкам 1812 года» Г. С. Габаева, уточним, что в составе Русской армии было тогда 98 пехотных армейских полков. Кроме того, 6 пеших и 5 конных гвардейских полков, 14 гренадерских, 50 егерских, 4 морских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских. Всего 131 полк. То есть получается, что почти половина служивших тогда офицеров отнюдь не «торжествовала на всех сценах». Причем это были офицеры тех самых полков, что в бою принимали и выдерживали основной удар противника, практически решая участь сражения. Уже потом в дело вступали гренадеры, кирасиры, гусары, которые опрокидывали и обращали вспять измотанного неприятеля. Им соответственно и доставались вся слава и награды, а также внимание общества. И вообще особенным вниманием пользовались не армейцы, а гвардейцы. Причем не только избранного общества, того, что именовалось великосветским, но и просто дворянства. Подтверждение тому легко найти в лермонтовском «Герое нашего времени»:

«...Я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору; то были большею частью семейства степных помещиков; об этом можно было тотчас догадаться по истертым, старомодным сюртукам мужей и по изысканным нарядам жен и дочерей; видно, у них вся водяная молодежь была уже на перече́те, потому что они на меня посмотрели с нежным любопытством: петербургский покрой сюртука

ввел их в заблуждение, но, скоро узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись».

«Степные помещики» — это же дремучая провинция! И они отворачиваются от обладателя офицерского мундира! Но почему?

Прежде чем ответить, уточним одно из современных представлений. Известно, что офицер начала XIX века принадлежал к дворянскому сословию и соответственно являлся помещиком... Теперь обратимся к книге Дмитрия Целорунго «Офицеры Русской армии — участники Бородинского сражения». Проанализировав 1315 формулярных списков, историк дает такие данные:

Из титулованных дворян — то есть графов, князей и т. п., не имевших крепостных, происходили 1,6% офицеров.

Из титулованных дворян-помещиков — 0,3%.

Из дворян, не имевших крепостных, — 72,9%.

Из дворян-помещиков — 3,1%.

Остальные офицеры происходили из иностранных дворян, из обер-офицерских детей — то есть сыновей чиновников, не выслуживших потомственное дворянство, из иных сословий, вплоть до крестьян — последних было 1,2%.

Среди офицеров-помещиков, составлявших 3,4% от общего количества, 38% имели от одной до пятидесяти крепостных душ; 24% — от 51 до 100.

Если вспомнить рассуждения грибоедовского Фамусова:

Будь плохонький, да если наберется
Душ тысячки две родовых, —
Тот и жених,

то ясно, что по своим родовым состояниям подавляющее большинство офицеров «завидными женихами» не являлись. Стоит ли удивляться, что в 1812 году только 9% офицеров были женаты?

Но, может, государево жалование вполне обеспечивало все жизненные потребности верных слуг Отечества и престола?

В книге Аллы Бегуновой «Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I» приводится следующий уникальный документ, датированный 27 сентября 1810 года:

«Великодушный ГОСУДАРЬ!

Нужда меня принуждает беспокоить ВАШУ ОСОБУ. ВАМ неизвестно положение бедного офицера в Курляндии... Дороговизна здесь чрезмерная. Поневоле он вступает в долги, которые уплатить ему невозможно; военный министр может ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ объяснить причину, побуждающую меня утруждать ВАС, ГОСУДАРЬ, следующей просьбой: 2 тысячи рублей уплатить всего, не откажите, достойный внук Великой Екатерины, отец подданных, просящему офицеру, клянусь честью и присягою, которою обязался служить

верою и правдою и самому МОНАРХУ, что более утруждать его не стану...».

Послание это направил императору Александру I не какой-нибудь прапорщик, а подполковник граф де Мендоза-Ботелло, испанец, служивший в 24-м егерском полку, почтенный человек, обремененный большим семейством.

Просьба была изучена и вспомоществование последовало.

«Прошение подполковника графа де Мендоза-Ботелло... — пишет Бегунова, — вовсе не являлось из ряда вон выходящим в повседневной жизни александровской эпохи. Ежегодно такие же прошения отправляла в столицу Н. А. Дурова, и ей, обер-офицеру Мариупольского гусарского полка, также выдавались деньги, только суммы были поменьше: от 300 до 400 рублей. Судя по архивным данным, к милости монарха прибегали десятки офицеров. По каждому такому прошению в Военном министерстве готовили справку о просителе, и государь, ознакомившись с ней, как правило, нужные средства выделял».

Становится ясно, что материальное положение офицеров было совсем не столь блестящим, как это кажется сейчас. В первую очередь, разумеется, речь идет об армейцах, потому как в гвардии все было несколько по-иному.

Хотя в книге «Пятьдесят лет в строю» генерал- лейтенант Советской армии граф А. А. Игнатьев вспоминал свою службу в Кавалергардском полку в девяностых годах XIX века, но нравы, там господствовавшие, были сходны и с началом того же столетия:

«Выходя в полк, мы все прекрасно знали, что жалованья никогда не увидим; оно пойдет целиком на букеты императрице и полковым дамам, на венки бывшим кавалергардским офицерам, на подарки и жетоны уходящим из полка, на сверхсрочных трубачей, на постройку церкви, на юбилей полка и связанное с ним роскошное издание полковой истории и т. п. Жалованья не будет хватать даже на оплату полковых обедов, приемы других полков...»

Что ж, в гвардии — особенно в кавалерии — служили весьма состоятельные люди. В «Истории Преображенского полка» приведен совет императора Павла I дворянам: «Не отдавайте своих детей в гвардию, не пускайте их в Петербург — там они совсем разорятся». Когда же средств не хватало, гвардейцы спешили перейти в армию, благо при переходе пользовались преимуществом в два чина и получали назначение командиром батальона или полка — в обход армейцев.

Так что же представляло собой жалованье армейского офицера? Оно, как и сейчас, состояло из непосредственно жалованья — «денежного содержания» и «пайковых», которые тогда именовались «рационом», или «столовыми деньгами». Выдавали его «по третям» — трижды в год, раз в четыре месяца.

В «Повседневной жизни русского гусара...» уточняется, что по штатам, учрежденным 30 апреля 1802 года и действовавшим до 1816-го, когда были не только увеличены выплаты, но и введены квартирные деньги, офицеры

получали в год следующие суммы: корнет — 200 рублей жалованья и 48 рублей — рацион; поручик — 311 и 84; штабс-ротмистр и ротмистр — 375 и 120; майор — 464 и 156; подполковник — 730 и 240; полковник — 1800 и 480.

Становится понятной реплика из «Тамбовской казна-ейши» Лермонтова:

Уланы, ах! Такие хваты...
Полковник, верно, неженатый...

Не юный корнет и не лихой поручик волнуют сердца потенциальных уездных невест, но солидный полковой командир. Уж если выходить за военного, то не за корнета же, с его годовыми двумя с половиной сотнями — без двух рублей.

Офицеры пехотных полков получали жалованье меньшее, чем кавалеристы. Зато в том же лейб-гвардии Гусарском полку оклады были гораздо выше и «рационы» — больше, чем в армейской кавалерии. Например, ротмистр получал 651 рубль жалованья и 240 — рацион, штабс-ротмистр — 526 и 192, поручик — 502 и 156, корнет — 276 и 84.

Впрочем, вышесказанное пока что остается пустым звуком. Ведь если, например, на 300 рублей в 1970-х годах можно было безбедно прожить месяц, то сейчас на ту же сумму... Хотя о деньгах у каждого свои понятия. Например, богатейший откупщик Савва Яковлев угрожал сыну-кавалергарду: «Будешь у меня кость глотать, как положу тебе на прожитие в год только сто тысяч!»

Поэтому для наглядности приведем цены того времени на основные продукты. В мемуарах С. П. Жихарева «Записки современника» указаны цены не только московские, но и те, что были в Иркутске. Вот и думайте, уважаемый читатель, где и как жилось русскому офицеру в начале XIX столетия.

Куль ржаной муки — порядка девяти пудов — в Иркутске стоил 10 рублей, а в Москве — 5 рублей 40 копе-ек. Пуд сена в Иркутске продавался за полтинник, а в Москве — за 25 копеек. Пуд масла стоил соответственно 12 и 11 рублей, говядины — 5 рублей в Иркутске и 5.50 в Москве. Сахар — 60 рублей и... 8! Кофе — 60 и 11. «Ведро простого вина», то есть водки, 5 и 5.50. Аршин сукна — 12 рублей и 4 рубля, холстины — 1 рубль и 40 копеек. Пару сапог в Иркутске можно было пошить за 15 рублей, а в Москве — за трешку. Покупать корову «очень малого роста» в Иркутске приходилось за 25 рублей, тогда как «порядочную» в Москве — всего за 20.

Не случайно, что после восстания на Сенатской площади и возмущения Черниговского полка большую часть декабристов — армейских прапорщиков и поручиков — нарекли в обществе «нищими в офицерских мундирах».

Офицеру нужно было полностью себя содержать — даже те же мундиры шились ими за собственный счет, причем каждый старался быть одетым не хуже других. Известен такой эпизод Преображенской истории:

«Какое прекрасное суконце, небось не дешево заплачено? — спросил Павел I, рассматривая мундир сержанта Чулкова.

Что же оказалось? У шившего по два мундира в год из сукна по 6 рублей аршин было всего 40 душ крестьян.

— Сорок только! — воскликнул император. — Ну, жалок же ты мне! Как ты, бедненький, пробавляешься еще?

На следующий день в строю Чулков стоял в мундире из толстого солдатского сукна. Понявши намек, он постарался сделать себе в 24 часа новый мундир... Это так понравилось императору, что он тут же произвел его в офицеры и наградил орденом св. Анны III степени».

Несколько позже император Александр Павлович дозволил гусарским офицерам в целях экономии заменить золотые и серебряные шнуры и шитье на повседневных мундирах на простое, гарусное — однако, несмотря на трижды повторенный в разные годы указ, ему мало кто следовал.

Если подробно рассказать, как русские офицеры XIX века решали свои материальные проблемы, то получится обширная диссертация. В ней будут главы об офицерских артелях и собраниях, что позволяло оптом закупать продукты и сообща вести хозяйство, пользуясь услугами денщиков и полковых кашеваров. Будет подробное исследование «безгрешных» и «грешных» командирских доходов — первые достигались за счет разумной экономии фуража и расходного материала, вторые — за счет воровства, использования солдат на «отхожем промысле» и прочего. Отдельная глава будет посвящена карточной игре и шулерским проделкам. «Шулерничать не было считаемо за порок, — вспоминал декабрист генерал-майор князь С. Г. Волконский, — хотя в правилах чести мы были очень щекотливы». Не противоречила правилам чести и материальная помощь от богатых любовниц... Вот только «приработков» офицеры в первой половине XIX века не имели — это противоречило понятиям чести. А вот солдаты могли в свободное время тачать сапоги, плотничать или пилить дрова. Но прошло время, и иные офицеры стали подрабатывать «репетиторством» или выезжать лошадей.

И тут возникает закономерный вопрос: а почему они все-таки служили? Ответить несложно.

В XVIII веке, до дарования императором Петром III вольности дворянству, служба была обязанностью каждого. Причем по указу Петра I офицеры из природных русских получали жалованье гораздо меньшее, нежели иностранцы. Только фельдмаршал Миних при императрице Анне Иоанновне — то есть в эпоху величайшего немецкого засилья! — уравнивал в правах тех и других. Служили, выслуживали чины, воевали — и довольно много. Нравы тогда были весьма простые, а потому годами порой неполучаемое жалованье компенсировали трофеями, «грешными» доходами и т. д., что считалось в порядке вещей. Когда императрица Елизавета Петровна узнала, что некий командир кавалерийского полка за пять лет не нажил себе состояния, то заподозрила его в вольнодумстве.

Потом служить стало необязательно, но престижно. Всего чаще молодые люди записывались в полк юнкерами, получали некоторый опыт службы и становились офицерами. Служили по несколько лет, предаваясь всем возможным удовольствиям, затем уходили в отставку корнетами или поручиками и либо оседали в деревне, либо переходили в статскую службу. Воспоминания о лихой бесшабашной юности были отрадой последующих тусклых десятилетий. «Желание поступить в кавалерию и три недели, проведенные с ремонтерами (офицерами, посланными для закупки лошадей. — Авт.) в Лебедяни, остались самым светлым, счастливым периодом в его жизни», — пишет граф Л. Н. Толстой об одном из персонажей своей повести «Два гусара».

Но костяк армии составляли, разумеется, те, кто считал службу смыслом жизни или кто делал карьеру, стремясь достичь высоких чинов. В начале XIX столетия — в пору наполеоновских войн, во времена покорения Кавказа, многие надели эполеты из патриотических побуждений. Люди той славной эпохи были выше обстоятельств, легко переживали трудности, игнорировали житейские мелочи.

Шли мирные времена, менялись нравы, угасали традиции. Происходила, можно сказать, постепенная бюрократизация армии. «Боевой дух армии, — писал Александру II фельдмаршал князь А. И. Барятинский, — необходимо исчезнет, если административное начало, только содействующее, начнет преобладать над началом, составляющим честь и славу воинской службы».

Победитель Шамиля оказался прав: во второй половине XIX века из службы ушла душа. Она ушла вместе с людьми — лихими рубаками, отважными бойцами, предприимчивыми командирами, которые уже не находили в армейском бытии того, что некогда их столь привлекало. Впрочем, происходившие тогда перемены в военном деле, в организации армии начинали требовать иных людей — более знающих, лучше образованных. Однако внешний облик армии изменялся гораздо быстрее, нежели улучшалось материальное содержание военных. Поэтому «знающие и образованные» предпочитали определяться в статскую службу или в частные конторы.

Кто же тогда служил? Ответ найдем в «Поединке» отставного поручика А. И. Куприна: «Подумайте вы о нас... об армейской пехоте, об этом главном ядре славного и храброго русского войска. Ведь все это заваль, рвань, отбросы. В лучшем случае — сыновья искалеченных капитанов. В большинстве же — убоявшиеся премудрости гимназисты, реалисты, даже неокончившие семинаристы... Кто у нас служит хорошо и долго? Бедняки, обремененные семьями, нищие, готовые на всякую уступку, на всякую жестокость, даже на убийство, на воровство солдатских копеек, и все это из-за своего горшка щей...»

Каждая фраза звучит как пощечина. Кому? Офицерскому корпусу или режиму императора Николая II и его предшественников, которые довели

армию до такого состояния? И стоит ли удивляться последующим событиям — позорному проигрышу войны с Японией, неудачам Мировой войны и развалу 1917 года?

Армия всегда считалась главной опорой государства, а офицерский корпус — это основа армии...

«Нахимов Тихого океана»

«Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну, как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбой, и не ждет денежных наград за свою службу».

Вице-адмирал Степан Макаров.

Военачальники мирного и военного времени — люди совершенно разные. Каждая война выдвигает генералов, ранее бывших фактически невостребованными. Они блистательно выполняют свою миссию спасения Отечества, а после либо возвращаются на второй план — так было, например, с князем Пожарским или с маршалом Жуковым, либо, что также случалось нередко, уходят из жизни — как фельдмаршал Кутузов или генерал Скобелев.

Слабые государи всегда боялись авторитетных и сильных военачальников, любимых армией и народом, завидовали их славе и популярности, а потому старались держать их подальше от престола. Государям было гораздо комфортнее с военачальниками «политичными», пускай и не хватающими звезд с неба, зато умеющими угодить, понимающими, чего от них желают, и, главное, не представляющими потенциальной опасности. То же самое было в России и с флотоводцами: маркиз де Траверсе, например, морской министр с 1811 по 1828 год, стремился все плавания флота ограничить пространством от Петербурга до Кронштадта, за что эта часть Финского залива и получила прозвище «Маркизова лужа». Если блистательный Ушаков к 60 годам оказался не у дел, то 66-летний адмирал Меншиков стал главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму, заложил фундамент поражения в войне 1853-1856 годов и ушел в отставку только к 70. Вспомним и адмирала Кузнецова, руководившего флотом в годы Великой Отечественной войны, а затем попавшего в опалу.

Вот и вице-адмирал Степан Осипович Макаров — талантливый флотоводец, человек разносторонних знаний — практически всю свою жизнь был на вторых ролях. Только война, казалось, позволила ему развернуться во всю ширь своей воистину богатырской натуры, но не дала этого сделать. Впрочем, все по порядку.

«Вторые роли» были, скажем так, определены Макарову изначально. Известно, что офицеров Российского флота готовил Морской корпус, а

флотская служба считалась семейной традицией: эполеты с адмиральскими орлами буквально передавались из поколения в поколение. Хотя и в семье Макаровых служба была традицией, но только предки его служили рядовыми солдатами.

«Известный адмирал Степан Осипович Макаров, — писал в книге «На службе трех императоров» генерал от инфантерии Епанчин, — был сыном боцмана, т. е. унтер-офицера на флоте». Его высокопревосходительство несколько ошибается: за полгода до рождения сына Осип Федорович получил эполеты прапорщика и соответственно дворянское звание, и его из Николаева, что у Черного моря, перевели в Николаевск-на-Амуре, где потом будущий флотоводец поступил в Морское училище, готовившее кадры для Тихоокеанского флота.

Ни «адмиральской традиции» в семье, ни образования в Морском корпусе. На что надеяться? На себя — на свою волю, усердие и целеустремленность.

«Всю жизнь, и даже в ранней молодости, он терпеть не мог пустых, легкомысленных развлечений и, напротив, с юных лет обнаружил склонность к серьезным и целенаправленным занятиям, — писал в книге «Макаров», выпущенной в серии «Жизнь замечательных людей», Сергей Семанов. — Он работал много и упорно, фактически учась самостоятельно».

А вот дневниковая запись самого будущего адмирала: «Я не даю себе случая лениться, а, напротив, постоянно занимаюсь... а что в этом есть худого, так это то, что я сразу берусь за все, а кто за двумя зайцами погонится — ни одного не поймает... Эх, ежели бы я имел с моего раннего возраста хорошего наставника, который бы мог установить твердо мой характер и заставить меня прямо и неуклонно следовать по одному направлению, не сбиваясь с дороги...»

Учеба для Степана Макарова была интересной: кроме классных занятий были и морские плавания, и поход к берегам Северо-Американских Соединенных Штатов на паровом корвете «Богатырь» Тихоокеанской эскадры, и Русская Америка; к тому же Макаров еще был и фельдфебелем Морского училища... Окончил он его с отличными результатами, лучшим из всех, и в порядке исключения, «не в пример прочим», как это тогда называлось, был произведен в «корабельные гардемарины» и назначен в 1-й флотский экипаж Балтийского моря. Звание гардемарина было, как сказано в «Военной энциклопедии», «введено Петром I для воспитанников старших рот Морской академии (с 1753 года — Морского кадетского корпуса) при направлении на флот на практику». Успешно сдавшие экзамены гардемарины производились в офицерский чин.

Мичманом Степан Осипович стал в 1869 году, двадцати лет от рождения. Стоит отметить, что за два года до того он опубликовал в «Морском сборнике» свою первую научную статью с названием для большинства из нас сложным и непонятным, а через год после производства изобрел пластырь для заделки пробоин судов. У него и дальше все так же

сочеталось — успехи по службе, научные публикации и различные изобретения.

Однако по-настоящему двигала его, конечно, война. Так, хотя все основные события 1877-1878 годов разворачивались на суше, Макаров, командир вооруженного парохода Черноморского флота «Великий князь Константин», сумел вписать в историю этой войны свою славную страницу: его минные катера дерзко атакывали турецкие сторожевые суда и боевые корабли. Но главное, именно Макаров впервые применил боевые торпеды, атакуя у Батума турецкие броненосцы. В XX столетии торпеды станут на море, пожалуй, основным оружием.

В 1880-1881 годах Макаров был заведующим морской частью при войсках, действовавших в Закаспийском крае во время Ахалтекинской экспедиции генерала Скобелева. Вскоре, в 33 года, он был произведен в капитаны 1 ранга.

Для такого возраста эта была весьма высокая чин. Нельзя, однако, сказать, что этот незаурядный человек занимал какие-то выдающиеся, по-настоящему заметные должности, соответствующие его уровню: он командовал кораблями, был флаг-капитаном, т. е. начальником штаба эскадры. Даже когда в 1890 году Степан Осипович за отличие был произведен в контр-адмиралы, то был сначала младшим флагманом Балтийского моря, потом — исполняющим должность главного инспектора морской артиллерии. Лишь в 1894 году он получил действительную самостоятельность — был назначен командующим эскадрой в Средиземном море, а через два года произведен в вице-адмиралы и утвержден в должности старшего флагмана 1-й флотской дивизии.

В общем, не так уж просто складывалась служебная биография адмирала, и отношение к нему в руководстве флота было совсем не однозначное. Макаров в полном смысле опережал время, а таких людей не очень понимают современники. Да и потомки, порой, тоже. В книге Семанова обращает на себя внимание такая оценка одного из положений знаменитого макаровского труда «Рассуждения по вопросам морской тактики»: «Зрелый, умудренный опытом адмирал обязан сдерживать свои чувства. А Макаров порой не желал этого делать... Он отрицал броненосцы и предлагал вместо них строить быстроходные крейсера с сильной артиллерией. Это, дескать, в боевом отношении эффективнее, а в экономическом — дешевле. Мысль эта, которую Макаров упрямо отстаивал долгое время, была абсолютно ошибочной...»

Написано так, словно бы и не было Цусимского сражения, поставившего точку в истории броненосного флота. К тому же именно Степан Осипович изобрел тот самый «бронепробивный колпачок» для артиллерийских снарядов, который был принят на вооружение на всех флотах мира под именем «макаровского» и сокрушал борта дредноутов.

Удивительная страна Россия! Бармолим (есть такое русское слово) о своей отсталости, необразованности, стремимся у кого-то чему-то учиться, а

наши люди между тем такое придумывают и делают, что другим остается только завидовать и перенимать. Мы же спокойно теряем то, что имеем, а людей, превосходящих свое время, оцениваем только после их смерти. Если вообще оцениваем.

Кстати, Макаров явился еще и родоначальником нашего ледокольного флота: по его чертежам и под его руководством построен был ледокол «Ермак», на котором адмирал, в ту пору уже главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта, сам ходил к Новой Земле и Земле Франца Иосифа. А еще именно по идее Степана Осиповича была впервые практически применена радиосвязь — при спасении броненосца «Генерал-адмирал Апраксин». Но все это — только отдельные штрихи портрета флотоводца, человека самых разносторонних дарований. Такому бы адмиралу Российский флот возглавлять! Но это место было накрепко занято: еще в 1882 году со вступлением на престол императора Александра III в управление морским ведомством вступил 32-летний генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, двоюродный брат нового государя. Это было в традиции — вверять самые ответственные государственные посты родственникам или друзьям вне зависимости от их личных качеств.

Между тем время трагически приближалось к Японской войне. Политики рассуждали о российском могуществе, об укреплении дружественных отношений со странами Запада и Востока, а военные пытались готовиться к войне. Еще в 1900 году в Морской академии проходила военно-морская игра, на которой были фактически определены основные направления будущих японских ударов, но военно-политическое руководство страны это «предсказание» проигнорировало.

В том же году Макаров обратился с письмом к морскому министру: «Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке. Порт-Артур должен быть сделан неприступным». Предвидение, продиктованное опытом, «легло под сукно» в кипе(!) других рапортов и докладных записок Степана Осиповича...

«За сутки до нападения, когда японский флот уже находился в Желтом море, на стол управляющего Морским министерством адмирала Авелана легло очередное письмо Макарова, — рассказывает в книге «Кондратенко», также вышедшей в серии «ЖЗЛ», Сергей Куличкин. — Неугомонный адмирал писал: “...Пребывание судов на открытом рейде дает неприятелю возможность проводить ночные атаки... Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флот, то мы принуждены будем это сделать после первой ночной атаки, заплатив дорого за ошибку”».

Это письмо постигла бы участь предыдущих, но пресловутый «жареный петух», извечный двигатель российской политики, уже «клянул» 1 Поэтому Федор Карлович представил письмо великому князю, тот — своему венценосному племяннику, и через неделю Николай II подписал указ о назначении вице-адмирала Макарова командующим Тихоокеанским

флотом. Если б это было сделано раньше на год или два, то песня о том, как «летели наземь самураи, под напором стали и огня» могла войти в обиход еще в начале XX столетия.

Ерничество? Нет, чертовски обидно за державу, государи которой не могли понять того, что пытались сказать им подданные, и сами копали себе могилу!

В начале февраля 1904 года, мгновенно сформировав свой штаб, Степан Осипович выехал на театр военных действий. При этом он просил срочно перебросить с Балтики на Дальний Восток — по железной дороге — восемь миноносцев и сорок миноносок. Но Макаров не был бы Макаровым, если бы не подкреплял практику теорией: он обратился в Морское министерство с просьбой отпечатать в самый короткий срок его «Рассуждения по вопросам морской тактики». В министерстве ошалели. Тогда адмирал отписал в Петербург: «Отказ в напечатании понимаю как недоверие моим взглядам на ведение войны, а посему если моя книга не может быть напечатана теперь, то прошу меня заменить другим адмиралом, который пользуется доверием...» Книгу было приказано напечатать.

24 февраля (8 марта) Степан Осипович прибыл в Порт-Артур. «Макаров буквально переродил всех и все, сообщив всем артурцам несокрушимую свою энергию и пламенную веру в русское дело, — пишет Керсновский. — На суше вы-растали форты, как за полстолетия до того воздвигались севастопольские бастионы. На море произошел ряд лихих дел. Наши моряки сцеплялись на abordаж с отчаянно храбрыми японскими брандерами, все нападения которых с целью закупорить рейд были отбиты. Наш маленький крейсер «Новик» атаковал один весь японский флот. С прибытием Макарова эскадру нельзя было узнать...»

«Флот оживает, проявляет дух инициативы, угрожает неприятелю и вызывает в нем напряженные усилия запереть выход этому беспокойному и отважному адмиралу». Эти слова — оценка деятельности адмирала Макарова — вполне созвучны вышесказанному. Однако они были вычеркнуты Николаем II из его некролога — царь не хотел признавать, что ранее флот был «неживым».

Зато это понимал наш противник, имевший прекрасную разведывательную службу. Достоверных данных о том, явился подрыв «Петропавловска» в 9.39 31 марта (13 апреля) трагической случайностью или результатом специальной операции, нет. Но броненосец (недаром не любил Макаров эти неуклюжие корабли!), возвращавшийся в Порт-Артур во главе атаковавшего и отогнавшего японскую крейсерскую эскадру отряда русских кораблей, подорвался сразу на двух минах и пошел на дно, унося с собой командуящего флотом, замечательного художника-баталиста Верещагина, 28 офицеров и 652 матроса. На поверхности остался великий князь Кирилл Владимирович — чуть ли не один уцелевший — что вызвало язвительные рассуждения: мол, известно, что не тонет...

Пройдет ровно 13 лет и, по свидетельству последнего дворцового коменданта генерала Воейкова, «великий князь Кирилл Владимирович с царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече явился 1 марта [1917 года] в 4 часа 15 минут дня в Государственную Думу». Пришел во главе Гвардейского экипажа, которым он тогда командовал. Но это уже другая история, хотя и явившаяся прямым следствием трагических событий 1904 года.

«Не стало Нахимова Тихого океана! — написано в «Истории Русской армии». — Россия лишилась своего лучшего моряка, эскадра потеряла свое сердце...»

Что можно добавить к вышеизложенному? Пройдет чуть более полугода — и Россия потеряет еще одного блистательного героя, выдвинутого той же войной: генерал-лейтенанта Романа Исидоровича Кондратенко, ставшего душой сухопутной обороны Порт-Артура. После этого судьба крепости, равно как и всей кампании, была предопределена: талантливых военачальников заменили выращенные в мирное время бездарности. И хотя выводы после поражения 1905 года были сделаны, но история отвела николаевскому режиму слишком малый срок для «работы над ошибками».

Летом 1913 года на Якорной площади в Кронштадте был открыт памятник адмиралу Макарову, воздвигнутый на добровольные пожертвования. Кажется, балтийский ветер развевает полы бронзовой шинели, гребни волн, очертаниями своими напоминающие японских драконов, касаются ее, а на гранитном постаменте начертаны слова Степана Осиповича: «Помни войну!» Как много заложено в них смысла! Но, к сожалению, память о войне для многих сегодня ограничивается возложением цветов к монументам в торжественные дни.

Мятежный «Государев» батальон

Вспоминать события революции 1905-1907 годов сегодня не в моде: государь Николай Александрович, прозванный в народе «Кровавым», ныне канонизирован, и о том, что он сначала довел многотерпеливый русский народ до вооруженного мятежа, а затем вообще погубил 300-летнюю российскую монархию, говорить не принято. Хотя всем известно, что Николай II был первый, но, как показала бурная история XX века, не последний правитель, сгубивший нашу великую державу своим безволием и бездарностью...

Удивительно другое: об этом событии постарались не вспоминать и в годы Советской власти. Открываем 2-й том Советской военной энциклопедии, вышедший в 1976 году, находим «Восстания в армии и на флоте 1905-1907» и читаем про «три периода подъема революционного движения в армии и на флоте». Интересующий нас третий период — лето

1906 года — «отличался крупными вооруженными восстаниями солдат и матросов в Свеаборге, в Кронштадте, на крейсере «Память Азова». Далее дается определение В. И. Ленина, что в июне 1906 года армия «оказалась почти что целиком пылающей».

Однако ни в этой статье, ни в каких-то иных работах не найти информации о том, что как раз тогда произошло возмущение в 1-м батальоне л.-гв. Преображенского полка.. Это было то самое подразделение, в котором традиционно числился правящий император, за что батальон именовали «государевым». Квартировал он на Миллионной улице, у самого Зимнего дворца, тогда как остальные батальоны полка располагались аж за Таврическим садом.

Что же произошло, и почему об этом происшествии молчали советские историки? Впрочем, для начала вспомним, что это такое — Преображенский полк.

Это был первый полк Российской императорской гвардии, его девизом было французское «Noblesse oblige» — «Благородство обязывает». История полка началась с Петровских потешных, с 1683 года. Все государи, начиная с Петра Великого, который вообще проходил в преображенцах службу с нижних чинов, считались сначала полковниками, а с конца XVIII века — шефами этого полка.

Известно, что русская гвардия не только охраняла особу государя, но и участвовала в сражениях, а также выполняла роль военно-учебных заведений: пройдя службу в полку, нередко с нижних чинов, офицеры уходили в армейские части — чаще всего командирами батальонов и полков. Перечислять, сколько прославленных военачальников, героев различных войн, выдающихся государственных и общественных деятелей, людей науки и искусства носили Преображенский мундир, было бы слишком долго — равно как весьма утомительно было бы вспоминать все военные кампании, в которых полк отличился.

Преображенцы внесли свою лепту в политическую историю России. В ночь на 17 декабря 1741 года гренадерская рота полка возвела на престол Елизавету, «дщерь Петрову». 14 декабря 1825 года 1-й батальон первым вышел на Сенатскую площадь на стороне императора Николая I.

Преображенский полк безупречно отслужил более двух столетий, в отличие от своего «родного брата» — Семеновского полка, — который был раскассирован и сформирован вновь после возмущения 1820 года.

Отношение императорской фамилии к преображенцам было воистину патриархальное. «Матушка Елизавета» сама крестила детей чуть ли не у всех Преображенских солдат, а значит, приходилась их родителям кумой. Государи лично знали всех офицеров и многих нижних чинов полка, нередко беседовали с ними, присутствовали на полковых праздниках. Император, как шеф, вникал в дела полка, а многие великие князья — братья, дети, племянники, внуки государя — командовали полком или его подразделениями.

В начале 1890-х годов 1-м батальоном командовал великий князь Николай Александрович — будущий Николай II. Генерал Епанчин вспоминал: «Цесаревич усердно исполнял свои военные обязанности. Умилительно было видеть, как он по должности батальонного командира в Преображенском полку занимался с унтер-офицерами своего батальона, подготавливая их в зимнее время к полевым занятиям. По закону это была обязанность батальонного командира, и вот можно было видеть, как цесаревич два раза в неделю, сидя у большого стола, окруженный всеми унтер-офицерами своего батальона, также сидевшими вокруг того же стола, обучал их полковому уставу, обороне и атаке, полковому инженерному делу и прочему на планах и картах.

Это, разумеется, производило большое впечатление на унтер-офицеров и на всех солдат полка <...>. Но жаль, что этим и ограничивалась в последние три года работа наследника престола, а ведь пора было дать ему более широкие обязанности, и притом такие, которые подготавливали бы его к будущей царской работе. Дело было поставлено так, как будто бы цесаревича подготавливали к должности полкового командира».

Убежденный монархист, Николай Алексеевич Епанчин осторожно высказывает свое недоумение и недовольство: ведь управлять государством оказалось не под силу не только «любой кухарке», но и венценосному полковнику.

Но это будет потом, а пока заметим, что полк, пользовавшийся особой милостью, заботой и вниманием императорской фамилии, во всех отношениях был надежнейшей опорой престола. Кстати, в начале прошлого века рядовые преображенцы получали жалованье 50 копеек в месяц, тогда как армейские солдаты — 37 копеек за два месяца. В мирное время в полку состояло порядка двух тысяч отборных по внешнему виду и многим качествам человек — из них, напомним, четвертая часть, «Государев» батальон, находилась рядом с Зимним дворцом в качестве его надежной защиты. В военное время численность личного состава в полку удваивалась...

Чтобы рассказать, что произошло в июне 1906-го, нужно начинать с «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года, когда царь приказал встретить свинцом и штыками мирную демонстрацию, пришедшую на Дворцовую площадь. Это не было мгновенным импульсивным решением — про готовящуюся демонстрацию знали, и приказ о том, чтобы «в помощь полиции было направлено восемь сводных рот», был отдан заранее. Зачем?! Ведь сам Николай II в это время пребывал в Царском Селе, так что лично ему ничто не угрожало.

Против рабочих, студентов и питерских обывателей были брошены преображенцы, конногвардейцы, павловцы, конногренадеры и солдаты других прославленных полков Российской императорской гвардии. От преображенцев в расстреле участвовала учебная команда, в которой готовили унтер-офицеров, а в унтера шли ребята особенные, мечтающие о карьере, готовые выполнить любой приказ. Кстати, в конце того же года в Москву, на

разл'ром вооруженного восстания, был направлен уже весь лейб-гвардии Семеновский полк.

...И вспоминаются вдруг события конца XX столетия, когда в результате «саперных лопаток» в Тбилиси, штурма Вильнюсского телецентра, таинственного «пролета» Руста в Советской стране началась, точнее, была умело срежиссирована бурная и гнусная антиармейская истерия. СМИ буквально захлебывались от «обличений», «общественные организации» выдвигали совершенно удивительные требования, а подонки на улицах нападали на офицеров. К чему все это привело, известно: престиж армий упал катастрофически и за кулисами этой шумной публичной кампании тайком были проведены «активные мероприятия» по развалу великой державы...

В России всегда гордились своей армией, а гвардия пользовалась особым почетом. И вдруг гвардейцы — наследники героев Нарвы, Кульма и Ташкисена — стреляют в безоружный народ!

Да, в 1825 году гвардия подавляла восстание на Сенатской площади, но это был вооруженный мятеж таких же гвардейских полков. В 1831 году гвардия наводила порядок в Польше, но там ее противником была польская армия, вымуштрованная цесаревичем Константином. А здесь — расстрел мирной демонстрации! Разогнать ее оказалось несложно, однако на старинные знамена легло кроваво-черное пятно. Знать бы, что за советники надоумили не очень мудрого государя «оказать помощь полиции» гвардейскими подразделениями? Чьими «агентами влияния» они являлись или же кто повлиял на них?

В результате получилось примерно то же самое, что было и в конце XX столетия: между армией и народом пролегла очень глубокая трещина. Эти и последующие события — в 1905 году преображенцам и другим гвардейцам не единожды приходилось выполнять полицейские функции — негативно сказались на обстановке и настроениях в самих полках. Во-первых, быть палачами мало кому хотелось, во-вторых, гвардейцы подвергались пропагандистскому воздействию по самым различным каналам: от уличных выкриков, что они-де стреляют в своих отцов и матерей и что так бы им следовало с японцами воевать, до идеологической обработки солдат представителями различных партий, которые ранее в привилегированные гвардейские полки и сунуться не смели. Теперь же слова агитаторов, ложась на хорошо подготовленную почву смущенных и смятенных душ, стремительно давали ядовитые всходы.

Император Всероссийский терял самую верную и надежную опору своего престола, но этого не понимал. Более того, уверенный в безусловной любви гвардии к своей особе, Николай II распорядился задержать увольнение в запас солдат призыва 1903 года, вызвав тем самым возмущение не только «дембелей», но и их сослуживцев, предвидевших для себя подобную участь.

В конце мая 1906 года в Кронштадте восстали военные моряки и рабочие корабельных заводов, а в Преображенском полку пошли слухи, что

их бросят на подавление восстания. Слухи, как всегда бывает, обрастали подробностями, так что 9 июня 1-й батальон собрался на митинг, чтобы подготовить петицию и подать ее царю — в то время полк находился в Новом Петергофе, охраняя Николая И.

Неизвестно, кто «мутил воду», но ясно, что без посторонней помощи не обошлось. В бумаге, которую после всех обсуждений подали генерал-майору Сергею Сергеевичу Озерову, командовавшему 1-й гвардейской пехотной дивизией, насущные солдатские нужды — освободить от несения полицейской службы, в срок увольнять отслуживших, ввести для отпускников бесплатный проезд по железной дороге и т. д. (кстати, большая часть пунктов звучала декларативно: «улучшить» питание, лечение, снабжение бельем) — смешались с требованиями политическими: «ненаказуемость за политические убеждения» и «выписывать для читальни передовые газеты и журналы». Да тут еще и откровенного популизма — в стиле пресловутого «приказа № 1», который разрушит армию в 1917 году, — подмешали: «отменить принудительное отдавание чести нижними чинами при встречах», «разрешить свободное увольнение со двора».

Озеров, коренной преображенец, служивший в полку с 18 лет, командовавший им в 1900-1904 годах, сказал, что передаст петицию государю, и обещал, что никто наказан не будет. В ответ генерал потребовал от солдат «думать только об исполнении долга службы и присяги». Наверное, все бы так и было, но произошло то, что называется «провокацией потерпевшего»: один из солдат послал копию с петиции в какую-то большевистскую газету. Как вспоминал тогдашний рядовой Кирилл Басин, «на другой день наши требования были напечатаны на первой странице с описанием происшедших событий. Весть о выступлении преображенцев произвела в столице огромное впечатление».

«Жареный» материал перепечатали многие провинциальные газеты. Информация, как говорится, стала достоянием гласности и начался скандал.

Морской офицер и прекрасный писатель Сергей Колбасьев писал про Николая II: «Царь был мужчиной средних лет и весьма средних умственных способностей». Еще про царя говорили, что он был человек добрый и мягкий. Он вроде бы не хотел наказывать «свой» батальон, но, как-то с ним нередко бывало, уступил настояниям генералов, и бунтовщиков было решено предать суду.

В результате нескольких зачинщиков приговорили к каторжным работам, свыше ста пятидесяти человек на два-три года направили в дисциплинарный батальон, а сам «Государев» батальон был раскассирован. Различным наказаниям подверглись и многие офицеры. Командира полка генерал-майора В. С. Гадона и генерал-майора Озерова уволили «без мундира и пенсии».

Всем этим первому полку Российской императорской гвардии было нанесено воистину смертельное оскорбление. А ведь через Преображенский полк прошли очень многие генералы и офицеры. Когда-то солдаты и офицеры

раскассированного Александром I Семеновского полка превратились в тот горючий материал, который в 1825 году обеспечил возмущение во 2-й армии. Думается, что недовольство преображенцев, да и всей гвардии, во многом повредило Николаю II и сказалось на дальнейшей судьбе российской монархии.

Произошедшее можно считать досадной случайностью, фатальным стечением обстоятельств, но это совсем не так. Генерал-майор Владимир Николаевич Воейков, последний комендант императорского Зимнего дворца, утверждает, что «революционная пропаганда 1905 года была направлена на те гвардейские части, в которых Его Величество, будучи наследником, нес строевую службу, а именно на лейб-гвардии Преображенский, лейб-гвардии Гусарский Его Величества и на 1-ю батарею гвардейской конной артиллерии».

В своей книге «С царем и без царя» Воейков рассказывает, что осенью 1907 года в л.-гв. Гусарском полку, которым он тогда командовал, беспорядки начались во время маневренных занятий — причем опять-таки в эскадроне Его Величества (!). Однако все удалось оставить без последствий. «Я добился, — пишет генерал, — согласия генерала Брусилова (начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. — Авт.) не давать хода этому делу и не накладывать на виновных никаких взысканий, ограничившись объяснением их проступка в доступных пониманию солдат выражениях...» Красиво сказано!

Неудивительно, что советская историография фактически обошла молчанием «революционные события» в гвардии — элитной, наиболее надежной, подготовленной и образованной части Русской армии. Хотя гвардии в прежнем понятии при советской власти не было, но руководство страны прекрасно сознавало, что опора на Вооруженные силы — основная гарантия не только внешней, но и внутренней безопасности государства, и действительно заботилось о них. К чему ж тогда ворошить события прошлого, объясняя, как можно дезорганизовать даже самые надежные части? Поэтому одна из наиболее, безусловно, ярких страниц «военной работы» большевиков оказалась забыта.

Однако так получилось, что многие события конца XX века развернулись по ранее отработанным сценариям, только многие этого тогда не понимали... История ничему не учит, но очень жестко спрашивает за невыученные уроки.

«Это были лучшие дни моей жизни»

Уже в начале XX века — то есть пока она еще шла — Первую мировую войну в России стали называть «Великой». Скоро, однако, о ней фактически позабыли, и она превратилась в войну «Неизвестную». Мировую войну заслонили последующие события — Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война. Но точнее сказать, что все эти события — следствия

войны, до предела обострившей противоречия, накопившиеся в обществе и государстве, ее логические последствия и продолжение. А потом большевики — это была одна из их фатальных, трагических ошибок, потому как ни один народ не может жить без корней, — вознамерились написать историю «нового мира» с чистого листа, предав анафеме все, что было ранее. Недаром же во многих вузах преподавалась не история России (СССР), а история КПСС. Черня прошлое, партийные идеологи не только доказывали необходимость и закономерность революции, но и сглаживали впечатления от современного «негатива» — все равно раньше еще хуже было! Таким образом, из памяти народной были стерты многие замечательные личности и выдающиеся события, в том числе, как мы уже сказали, и «Великая война».

А ведь про нее есть что вспомнить! Одной из самых ярких страниц этой войны является Брусиловский прорыв. А. А. Керсновский так описывал его начало: «На рассвете 22 мая (4 июня) гром двух тысяч орудий от Припяти до Прута возвестил славу русского оружия. В это утро атаковали наши 11-я армия генерала Сахарова и 9-я армия генерала Лечицкого. 23 мая (5 июня) перешла в наступление 8-я армия генерала Каледина, а 24-го (6 июня) и 7-я армия генерала Щербачева, дольше других ведшая артиллерийскую подготовку. Успех сразу же превзошел все ожидания, и 25 мая (7 июня) армии Юго-Западного фронта подарили России победу, какой в Мировую войну мы еще не одерживали».

«Мы — русские! Какой восторг!» — говорил генералиссимус Суворов, и очень уместно повторить здесь эти слова.

Мы — русские... А русский, как говорится, это судьба. Судьба нашего народа во все времена, во все века была связана с разного рода революциями, «дворцовыми переворотами», смутами, реформами, «перестройками», и потому в России во все времена было как-то довольно сумрачно... Причем не только в «низах», но даже и на «властном Олимпе». Что ж говорить про 1916 год, когда военные события разворачивались непосредственно на российской территории?

Хотя не стоит считать, что положение нашей страны было уж совершенно трагично. Как сказано в «Истории военного искусства», выпущенной еще в 1963 году, «основной итог кампании 1915 года... заключался в провале германского плана вывода России из войны». Россия сражалась, и сражаться могла, а нашему противнику предстояло вновь воевать на два фронта, хотя и на чужой территории. Все равно, таких войн Германия никогда не выигрывала, потому считать, что исход войны для России был предрешен, было бы ошибкой. Хотя...

Находясь в эмиграции, прокурор Петроградской судебной палаты С. В. Завадский писал об этом времени: «Уже расшатывались скрепы, надламывались спайки, слышался везде зловеющий треск — весь государственный уклад разваливался... Правительство... ни на кого не опиралось; оно не удовлетворяло ни крестьян, ни рабочих, ни торгово-промышленные круги; не удовлетворяло оно ни фронт, ни тыл, ни левых, ни

правых; не удовлетворяло, по-видимому, и самого царя. Не будучи уверено в своей правоте, оно не могло внушить к себе уважения смелому; стыдясь своей неправоты, оно не могло показаться сильным трусливым: власть крепка только тогда, когда массы или еще верят в ее безупречность, дающую ей нравственный авторитет, или убеждены в совершенной ее бессовестности, позволяющей ей не задумываться перед средствами расправы».

О бездарном российском правительстве и министерской чехарде, о коррупции в государственном руководстве и пресловутой «распутинщине», о том, как наживались на войне поставщики и чиновники, известно немало. Но нас интересует не это, а то, как обстановка в стране отражалась на воюющей армии.

«К наступлению Брусилова были самые скверные предзнаменования, прежде всего глубокий надлом духа высшего командования Русской армии», — писал в книге «1 августа 1914» известный советский историк Н. Н. Яковлев.

Для военачальника «надлом духа» означает неверие в собственные силы, в своих людей и соответственно в победу. Воевать в таких условиях просто невозможно. Вот почему, когда на совещании 14 апреля 1916 года начальник штаба Ставки верховного командования генерал М. В. Алексеев изложил свой план ведения грядущей летней кампании, принятый на основе договоренностей с союзниками, это не вызвало положительных эмоций у командующих фронтами.

Н. Н. Яковлев писал, что, по плану Алексеева, «главный удар наносит Западный фронт генерала Эверта в направлении на Вильно, Северный фронт (Куропаткин) и Юго-Западный (Брусилов) содействуют ему, причем последний переходит в наступление после первых двух. Эверт и Куропаткин, оробев, начали толковать о том, что шансы на успех невелики, нужно лучше подготовиться... Спор разрешил Брусилов, добившись разрешения для своего фронта нанести “вспомогательный, но сильный удар”. У Брусилова было 512 тысяч войск, в то время как на двух других русских фронтах 1220 тысяч».

Давно ли полководцы буквально рвались в бой, оспаривая друг у друга возможность нанесения главного удара? В случае успеха — ордена, чины, щедрая монаршая благодарность, слава. От неудач, конечно, никто застрахован не был, но, во-первых, страсть к риску у военного человека в крови, во-вторых, обыкновенно не судят не только победителей, но и проигравших военачальников. В конце концов, генералы от инфантерии теперь уже сами в атаку пехотные колонны — как князь Багратион при Бородине — не водили, и потому жизни командующих фронтами ничего не угрожало.

Предпосылки к успеху были налицо: еще 14 января австро-венгры начали наступление на итальянском фронте, намереваясь вывести Италию из войны. Задача казалась вполне достижимой: за всю историю итальянцы ни разу никого не побеждали и теперь также несли существенные потери. Поэтому на Восточном фронте союзники германцев ослабили свои силы и

перешли к обороне — австро-венгерская группировка, здесь находящаяся, составляла 486 тысяч штыков и сабель при 1301 орудии.

«Естественно, что вначале, сейчас же после военного совета в Ставке 1 апреля, когда мне, как бы из милости, разрешено было атаковать врага вместе с моими северными боевыми товарищами и я был предупрежден, что мне не дадут ни войск, ни артиллерии сверх имеющихся у меня, мои намерения состояли в том, чтобы настолько сильно сковать противостоящие мне части противника, чтобы он не только не мог ничего перекидывать с моего фронта на другие фронты, но, наоборот, принужден был посылать кое-что и на мой фронт. В это время я думал лишь о том, чтобы наилучшим образом помочь Эверту, на которого возлагались наибольшие надежды и которого поэтому и снабдили всеми средствами, имевшимися в распоряжении Ставки», — писал командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов в книге «Мои воспоминания», изданной уже в Советском Союзе.

По плану Ставки летнее наступление должно было начаться 15 июня. Тем временем положение дел на Итальянском фронте резко ухудшилось — Трентинская операция изрядно вымотала обе противоборствующие стороны. А на территории Франции продолжала вертеться «Верденская мясорубка» — сражение за Верденский укрепленный район, начавшееся еще в конце февраля, а на реке Сомме готовилось наступление англо-французских войск... В общем, государствам Антанты приходилось очень даже нелегко.

Не нужно быть большим специалистом в стратегии, чтобы понять, что в этой связи произошло: союзники обратились к русскому командованию, и русские, как принято говорить, «верные союзническому долгу», ускорили переход в наступление. В наших российских условиях сделать это было не так-то и легко — по многим причинам. Одна из них — наша стабильная беда: дороги. Ведь если во Франции к началу Первой мировой войны протяженность шоссейных дорог составляла 563 тысячи километров, в Германии — 265 тысяч, в соседней с нами Австро-Венгрии — 141 тысячу, то на всю Европейскую Россию, на территории которой могли бы многократно разместиться все перечисленные страны, оборудованных шоссейных дорог было всего... 35 770 километров!

По этой, а также по многим иным причинам, не все благополучно обстояло и со снабжением наступающих войск.

«Мы вынуждены начать операцию, будучи бедно обеспеченными снарядами для тяжелой артиллерии, которых ниоткуда не можем добыть в скором времени. Поэтому большой промежуток между началом операции на нашем и французском фронтах нежелателен; мне нужна полная уверенность, что удар со стороны англо-французов действительно последует, хотя бы Верденская операция и не получила завершения», — телеграфировал Алексеев союзникам.

Русское командование ожидало начала наступления союзников на Сомме, но ждать пришлось долго, ибо своих солдат в жертву тому же

«союзническому долгу» английское и французское командование приносить не спешило.

Зато Юго-Западный фронт перешел в наступление на целых десять дней раньше запланированного — русских солдат во имя спасения западных союзников не жалели ни в 1805 году, ни в 1914-м, ни в 1945-м...

«Кому... могло прийти в голову, что именно та армия, которая больше других нуждалась в материальной поддержке, моральные силы которой должны были быть глубоко потрясены тяжелым отступлением 1915 года, она-то первая и перейдет в наступление и еще раз поддержит славу своих старых знамен. Что летняя кампания 1916 года на русском фронте не только заставит немцев окончательно отказаться от Вердена, но и вынудит их к переброске своих дивизий на поддержку деморализованных австрийских армий, а это в свою очередь облегчит французам прорыв германского фронта на Сомме», — вспоминал впоследствии русский военный агент в Париже граф А. А. Игнатьев.

«С рассветом 22 мая на назначенных участках начался сильный артиллерийский огонь по всему Юго-Западному фронту. Главной задержкой для наступления пехоты справедливо считались проволочные заграждения вследствие их прочности и многочисленности, поэтому требовалось огнем легкой артиллерии проделать многочисленные проходы в этих заграждениях. На тяжелую артиллерию и гаубицы возлагалась задача уничтожения окопов первой укрепленной полосы, и, наконец, часть артиллерии предназначалась для подавления артиллерийского огня противника. По достижении одной задачи та часть артиллерии, которая ее выполнила, должна была переносить свой огонь на другие цели, которые по ходу дела считались наиболее неотложными, всемерно помогая пехоте продвигаться вперед», — вспоминал генерал Брусилов.

Недаром Алексеева более всего заботила нехватка снарядов. Первая мировая война была позиционной, и, в отличие от прежних времен, наступающая пехота шагу не могла сделать, если ее путь не был обработан артиллерией.

«С рассветом наша тяжелая и мортирная артиллерия начала разрушение укрепленных пунктов участка Ставок, Хромякова, а в девятом часу легкая артиллерия — проволочных заграждений. В 40-м корпусе разрушение окопов первой линии и проволочных заграждений на всем фронте идет вполне успешно. Команды разведчиков 5-го и 6-го стрелковых полков проникли южнее дороги Олыка, Покашево в окопы первой линии на широком фронте, уже брошенные австрийцами, вынесли оттуда щиты, винтовки и ручные гранаты; при подходе же ко второй линии были встречены контратакой и отошли с незначительными потерями», — это фрагмент боевого донесения за первый день наступления.

А сколько было героизма, сколько подвигов было совершено в те дни!

Вот выдержки из официальных бумаг «8-го стрелкового полка прапорщик Егоров с десятью разведчиками, скрытно пробравшись в тыл

противнику, заставил положить оружие упорно дравшийся венгерский батальон и взял в плен 23 офицера, 804 нижних чина и 4 пулемета, отразив еще при этом конную атаку неприятельского эскадрона».

«Капитан Насонов с 20 конноартиллеристами захватил батарею врага при Заставне, догнал отходящего неприятеля, изрубил и перестрелял сопротивлявшихся и взял всех остальных — 3 офицеров, 83 нижних чина, 4 орудия и 6 зарядных ящиков с запряжками».

«Из славных дел обращает на себя внимание взятие гаубичной батареи под Снятынем. Командир 1-го батальона 5-го пехотного Заамурского полка, старый солдат поручик Гусак послал в атаку на батарею, бившую картечью, роту своего сына — прапорщика Гусака...»

Вспоминаются похожие эпизоды из предыдущих времен, и ясно, что офицеры и солдаты Русской армии были верны славным своим традициям.

«Количество пленных, захваченных четырьмя армиями генерала Брусилова, составило в конце первых суток — 24 мая — 41 000 человек. 26 мая их уже было 72 000, к 28-му числу — уже 108 000 и к 30-му — 115 000, с тем, чтобы вечером 1 июня перевалить за 150 000!» — написано в «Истории Русской армии».

Россия гордилась своими героями! В штаб Юго- Западного фронта приносили кипы телеграмм, приходивших со всех концов страны.

«Все всколыхнулось, — вспоминал генерал Брусилов. — Крестьяне, рабочие, аристократия, духовенство, интеллигенция, учащая молодежь — все бесконечной телеграфной лентой хотели мне сказать, что они — русские люди и что сердца их бьются заодно с моей дорогой, окровавленной во имя Родины, но победоносной армией. И это было мне поддержкой и великим утешением. Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей радостью со всей Россией».

Но в высших слоях России — «правлящей элите» и «военной верхушке» — царили в то время совершенно иные настроения, а командующие другими фронтами как не хотели наступать ранее, так и не стремились к этому теперь.

«Между штабами Западного и Юго-Западного фронтов и Ставкой велись напряженные переговоры. Генерал Эверт все не решался наступать, прося отсрочку за отсрочкой: с 31 мая на 4 июня, с 4-го на 20-е...», — писал Керсновский.

В своих мемуарах Алексей Алексеевич объяснил причину непотопляемости этого генерала: «Я хорошо понимал, что царь тут ни при чем, так как в военном деле его можно считать младенцем, и что весь вопрос состоит в том, что Алексеев хотя отлично понимает, каково положение дел и преступность действий Эверта и Куропаткина, но как бывший их подчиненный во время японской войны всемерно старается прикрыть их бездействие и скрепя сердце соглашается с их представлениями».

Благодарность — чувство прекрасное, но ведь не в ущерб делу!

С более молодыми военачальниками не все тоже обстояло благополучно. Как написал историк, «корпусные командиры не были на высоте своих войск».

Впрочем, претензии высказывались и к военачальникам рангом пониже: «Начальник 12-й кавалерийской дивизии барон Маннергейм просил разрешения преследовать разгромленного и бежавшего неприятеля, потерял время и получил отказ. Будь на его месте граф Келлер (кавалерийский генерал, погибший в Русско-японскую войну. — Авт.), он без всякого спору давно был бы во Владимире-Волынском, а эрцгерцог Иосиф Фердинанд — в штабе Каледина!»

Увы, будущий фельдмаршал и президент Финляндии Карл Густав Эмиль Маннергейм также воспитывался на петербургском паркете.

Причина многому произошедшему кроется в том, что, к сожалению, известные «Милютинские реформы», несмотря на всю свою прогрессивность, имели и существенный отрицательный момент: в армии оказалась заметно сниженной именно военная составляющая и чрезмерно усилена «гуманитарная». Причем, изначально — даже кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии, где многие офицерские должности были заменены на гражданские, что заметно понизило уровень военной подготовки выпускников. Можно сказать, что в войсках исчезала «военная косточка».

Такое поветрие коснулось и генерала от кавалерии Брусилова — признаем это, не умаляя всех прочих его заслуг.

«Остается пожалеть, — писал Керсновский, — что генерал Брусилов не перенес в эти решительные дни свой командный пост ближе к полю сражения... На месте он лучше отдал бы себе отчет в размерах победы и степени разгрома неприятеля. Тогда бы он принял, быть может, то полководческое решение, что дало бы нам выигрыш кампании, а быть может, и войны».

Но... «штаб Юго-Западного фронта совершенно не отдавал себе отчета в размерах и значении луцкой победы (Луцк был взят уже 7 июня. — Авт.). Ставка смотрела не на Брусилова, а на Эверта. И связанный ее директивами генерал Брусилов смотрел не на Луцк, а на Ковель... Командовавший же 8-й армией генерал Каледин не чувствовал пульса боя. Он придерживал рвавшиеся вперед, чужавшие скорую и полную победу войска...»

А вот что происходило в стане противника: «Массовые показания пленных рисуют безнадежную картину австрийского отступления: толпа безоружных австрийцев различных частей бежала в панике через Луцк, бросая все на своем пути. Многие пленные... показывали, что им приказано было для облегчения отступления бросать все, кроме оружия, но фактически они нередко бросали именно оружие раньше всего другого», — вспоминал генерал Н. Н. Стогов, генерал-квартирмейстер 8-го корпуса.

Враг отступал, войска Юго-Западного фронта рвались вперед, но это не вызывало особенного энтузиазма «сверху», да и вообще военное руководство

на разных уровнях чувствовало себя как-то слишком спокойно. Можно сказать — равнодушно, словно были они не генералами и офицерами, а чиновниками.

«Хотя и покинутые нашими боевыми товарищами, мы продолжали наше кровавое боевое шествие вперед, и к 10 июня нами было уже взято пленными 4013 офицеров и около 200 000 солдат; военной добычи было: 219 орудий, 644 пулемета, 196 бомбометов и минометов, 46 зарядных ящиков, 38 прожекторов, около 150 000 винтовок, много вагонов и бесчисленное количество разного другого военного материала», — писал командующий Юго-Западным фронтом.

Повторим, что Германии воевать на два фронта нельзя... Вспоминает немецкий генерал Эрих Людендорф, в 1916 году руководивший действиями на Восточном фронте: «Австро-венгерские войска проявили при этом столь слабую боеспособность, что положение Восточного фронта сразу стало исключительно серьезным. Несмотря на то, что мы сами рассчитывали перейти в наступление, мы немедленно подготовили несколько дивизий для отправки на юг. Фронт генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского действовал в этих обстоятельствах таким же образом. Германское верховное командование сделало на этих обоих фронтах большие взаимствования, а также подвезло дивизии с запада. В то время сражение на Сомме еще не началось. Австро-Венгрия постепенно прекратила наступление в Италии и также перебросила войска на Восточный фронт».

Буквально в любой французской деревне сегодня можно увидеть памятники героям Первой мировой войны. Эта память заслуживает всемерного уважения и даже зависти — но было бы куда честнее, если бы наши союзники должным образом отметили еще и русских солдат, отдавших жизни для спасения никогда не виденной ими Франции... Но вряд ли кто сейчас делает это — если уж в 1916 году они так и не ускорили начало наступления на Сомме.

В отличие от нас, союзники имели возможность беречь жизни своих солдат и делали это весьма успешно, что можно понять из следующего донесения: «24 июня по всему фронту англо-французов на Сомме началась грандиозная артиллерийская подготовка. Огонь был чрезвычайно силен. Бомбардировка разрушала, а иногда и буквально уничтожала все препятствия. Нередко неприятельский участок превращался в сплошное поле воронок, почти не пригодное для движения пехоты. Частые газовые атаки и обстрелы химическими снарядами должны были потрясать моральную устойчивость германских солдат.

Артиллерийская подготовка длилась шесть дней. В это время многочисленная французская авиация развила настолько активные действия, что достигла полного господства в воздухе. Это позволяло французским артиллерийским наблюдателям почти беспрепятственно корректировать стрельбу своих батарей и подавлять огонь неприятельских орудий...»

Но хотя союзники лупили германцев всей своей мощью, по свидетельству Н. Н. Яковлева, «отражая наступление русского Юго-Западного фронта в 1916 году, противник потерял примерно в два раза больше людей, чем в совокупности во время происходивших в том году сражений у Вердена и на Сомме».

Особенности позиционной войны: закопаться в землю, отвести основные силы с передовых рубежей — и ждать, пока противник забрасывает снарядами твои первые линии. Когда же тебя атакуют, приходится собирать максимум возможных войск, оголять другие участки, расходовать резервы...

Воевали мы с нашими союзниками весьма по-разному — во всех отношениях, так что вряд ли кто из союзных командующих, кроме нашего Брусилова, мог рассказать такое: «В июне, когда обнаружились крупные размеры успеха Юзфронта, в общественном мнении начали считать Юзфронт как будто бы главным, но войска и технические средства оставались на Западном фронте, от которого Ставка все еще ждала, что он оправдает свое назначение. Но Эверт был тверд в своей линии поведения, и тогда Ставка, чтобы отчасти успокоить мое возмущение, стала перекидывать войска сначала с Северо-Западного фронта, а затем с Западного. Ввиду слабой провозоспособности наших железных дорог, которая была мне достаточно известна, я просил не о перекидке войск, а о том, чтобы разбудить Эверта и Куропаткина, — не потому, что я хотел усиления, а потому, что знал, что, пока мы раскачиваемся и подвезем 1 корпус, немцы успеют перевезти 3 или 4 корпуса...»

Вот они, российские дороги! Вот они, «военачальники мирного времени»! А в результате всего происходящего вокруг — и, разумеется, прибытия к противнику подкреплений — наступление войск Юго-Западного фронта медленно и неуклонно сходило на нет. Но именно медленно, подчеркнем еще раз.

«Русские... двигаются на Львов, они взяли сто тысяч, триста тысяч, в конечном счете 420 000 пленных и 600 орудий», — следовали одна за другой, до самой осени, радостные вести с родины, поддерживая дух французского народа, уже истомленного длительной войной», — свидетельствует Игнатьев. Наступление Юго-Западного фронта завершилось 13 августа по европейскому календарю.

«Последствия Брусиловского прорыва были громадными. Расчеты Германии и ее союзников на то, что Россия не сможет оправиться от поражения 1915 года, рухнули. В 1916 году на полях сражений вновь появилась победоносная Русская армия, достигшая таких успехов, которых не знали державы Антанты ни в 1915, ни в 1916, ни в 1917 годах», — подвел итоги Яковлев.

В 1920 году 67-летний генерал Брусилов поступил на службу в РККА, состоял инспектором кавалерии. Керсновский писал: «Каковы бы ни были его следовавшие заблуждения, вольные или невольные, Россия никогда этого не забудет Алексею Алексеевичу Брусилову. Когда после несчастий

пятнадцатого года самые мужественные пали духом, он один сохранил твердую веру в русского офицера и русского солдата, в славные русские войска. И войска отблагодарили полководца, навеки связав его имя с величайшей из своих побед».

Историк очень тактично сказал о «последовавших заблуждениях» — в среде белоэмигрантов «службу большевикам» называли предательством. Вопрос, однако, спорный, ибо слишком многие русские генералы и офицеры предпочли остаться на Родине и служить новой власти. К сожалению, у власти, как выяснилось, оказались не те люди, которым была нужна великая Россия, в результате чего многие из военспецов окончили свои дни в тюремных камерах или под предательскими пулеметами «интернационалистов» Бела Куна и Розалии Землячки... Но это уже совершенно другой вопрос, и еще никто не мог предположить такого развития событий.

Зато относительно перспектив существовавшего в России режима вопросов не было даже у членов царской фамилии. В конце 1916 года великий князь Александр Михайлович писал Николаю II: «Чего хочет народ и общество — очень немного: власть (я не говорю избитые, ничего не значащие слова, твердую или крепкую власть, потому что слабая власть — это не власть) разумную, идущую навстречу нуждам народным и возможность жить свободно и давать жить свободно другим... Никогда в истории Российского государства не было более благо-приятных политических условий: с нами наш бывший исконный враг — Англия, недавний — Япония и все другие государства, которые видят и чувствуют всю силу нашу и в то же время присутствуют при совершенно необъяснимом явлении — нашем полном внутреннем нестроении, которое с каждым днем ухудшается, и видят, что не лучшие, а худшие силы правят Россией в такой момент, когда ошибки, сделанные сегодня, отразятся на всей истории нашей, и они невольно начинают в нас сомневаться, они видят, что Россия собственных своих интересов и задач не сознает, т. е. скорее не Россия, а те, которые ею правят».

О том, к чему все это привело, нам известно гораздо лучше, нежели о событиях Первой мировой войны.

«Офицеры остались на своем посту»

В одном из петербургских архивов нам удалось просмотреть сотни фотографий гвардейских полков. Старинные снимки запечатлели монолитные каре и колонны рослых бравых усачей с винтовками, императора Николая II, проходящего вдоль строя, беседующего с фельдфебелями, закладывающего первый камень в фундамент новых казарм... На лицах царя, генералов, офицеров и солдат не угадывалось ни тени тревоги или сомнения. Между тем на пороге были Мировая война и 1917 год.

Впрочем, еще и в начале войны никто не мог предвидеть вселенскую катастрофу, которая сметет с лица земли три империи. «Тот подъем, что охватил в июльские дни 1914 года все слои русского народа, далеко превзошел своими размерами воодушевление 1877 года. Что-то великое, напоминавшее Двенадцатый год, чувствовалось во всем...» — свидетельствовал современник событий А. А. Керсновский.

А далее, в его «Истории русской армии» мы нашли и такой эпизод: «Объезжая войска осенью 1916 года, император Николай Александрович вызывал из строя старослуживших солдат, вышедших с полком на войну. Выходило по два-три, редко по пяти на роту — из иных рот никто не выходил».

Возьмем выпущенный в 1935 году 1-й том «Истории Гражданской войны в СССР»: «Разложению армии немало содействовали... классовые изменения, происшедшие внутри ее командного состава. Офицерский корпус представлял собой отборную, боевую, преданную “престолу”... организацию. Война расшатала устои этой замкнутой группы. Кадровики понесли большие потери в первые же месяцы войны. Их место постепенно заняли выходцы из других слоев. Старая каста потонула в море прапорщиков из разночинцев... Старики встретили новичков с нескрываемым презрением и враждебностью. Демократизация офицерства усилила разброд в командном составе и, в свою очередь, углубила противоречия в армии...»

Так армия постепенно превращалась в «вооруженный народ».

Нет смысла объяснять, что регулярная армия — один из столпов государственного устройства, гарант национальной независимости. Это совсем не потому, что она призвана решать «внутренние задачи». В России в армии испокон веков аккумулировалось все лучшее. Императоры обязательно проходили военную службу, почти все высшие чиновники начинали свою карьеру в рядах гвардейских полков, а многие продолжали носить эполеты даже занимая высокие государственные должности... К сожалению, Николай II, не обладая ни государственным мышлением, ни широтой взглядов, не позаботился о том, чтобы сохранить в Мировой войне костяк — офицерский корпус и гвардию. Большинство из тех, чьими фотографиями мы любовались в архиве, погибли в 1914-м.

«Спешившись, кавалергарды вновь двинулись на противника. Немцы обрушили на цепи артиллерийский огонь. Почти сразу был тяжело ранен шрапнельной пулей в живот шагавший впереди рядов полковник князь Канта кузен. 4-й эскадрон поддерживал наступающих в конном строю — несмотря на усиливающийся ружейный огонь и шрапнель. Здесь был смертельно ранен корнет Карцов, контужен корнет Волжин... В рядах других эскадронов получили смертельные ранения штаб-ротмистр Коссиковский и поручик князь Кильдишев».

Это описание боя при деревне Каушен, первого сражения Кавалергардского полка в Мировую войну. Впереди была черед боев, в которых вскоре полностью исчез кадровый состав самого

привилегированного, самого преданного престолу полка гвардейской кавалерии...

Все равно, остатки офицерского корпуса были последними из тех, кто сохранил верность государю и в страшные дни февральской смуты. Вот факты из воспоминаний участника восстания в запасном л.-гв. Волынском полку — в Петрограде оставались запасные полки, готовившие кадры для фронта — унтер-офицера Т. И. Кирпичникова:

«Пошли к гвардейским саперам. Там долго биться не пришлось. Отворили ворота. Там был убит полковник...

Около саперов встретилась рота Литовского полка при офицере, который командовал: «Стрелять!» Но солдаты не стреляли, его начали колоть (тремя штыками), затем его увели...

Здесь стояли семеновцы против нас развернутым фронтом. Было с ними три прапорщика... Я подошел, махнул рукой, и тогда остальные подошли ко мне. Прапорщики сопротивлялись, они были тут же убиты из револьвера...»

Но пока юные прапорщики и боевые полковники умирали, храня верность присяге, ближайшее окружение государя поступало совсем по-иному, что дало Николаю II повод записать в дневнике: «Кругом измена, трусость и обман».

Мы не являемся поклонниками императора Николая, политика которого и предопределила все происшедшее в России в 1917 году. Его царствование, начиная от женитьбы на ненавидимой в России Алисе Гессенской, принесший в род Романовых страшную болезнь и приблизившей к трону зловещего Распутина, явилось цепью роковых ошибок, оборвавшейся в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Однако люди военные принимали присягу на верность этому государю, и от присяги их освобождала только смерть: их самих или императора.

Зато одним из первых царю изменил его двоюродный брат — контр-адмирал свиты великий князь Кирилл Владимирович. Вот как рассказано об этом в книге воспоминаний генерала Н. А. Епанчина «На службе трех императоров»:

«Он к началу революции командовал Гвардейским экипажем и еще до отречения Государя пошел с частью этого экипажа в Государственную Думу заявить о своей лояльности... Когда матросам было объявлено, что экипаж пойдет в Думу... то часть людей решительно отказалась идти, и между матросами началась свалка: были убитые и раненые, в том числе два офицера; великий князь Кирилл Владимирович повел в Думу тех, кто желал идти, причем на нем был красный бант». Далее автор продолжает: «После отречения Государя... Кирилл Владимирович приказал роте Гвардейского экипажа, охранявшей Александровский дворец, в котором жила Императрица со всеми детьми, вернуться в Петербург. Все матросы ушли, а офицеры остались на своем посту. В это время все царские дети были больны, а в Царском [Селе] взбунтовались гарнизон и чернь, и вот командир

Гвардейского экипажа, двоюродный брат Государя, лишил Царскую Семью охраны в такой ужасающей обстановке?!»

Казалось бы, измена присяге и последующие события, несомненно с этим связанные, должны были отравить все дальнейшее существование Кирилла Владимировича и ему следовало выбирать между пулей в лоб — по русской офицерской традиции — или уходом в монастырь. Ничего подобного! В 1918-м клятвопреступник уехал в Финляндию, затем перебрался в Германию и попытался... взобраться на преданный им трон, объявив себя государем Кириллом II! Теперь, кстати, «наследниками престола» именуют себя его потомки.

Самое удивительное, что в начале 1990-х эту «ветвь» романовской фамилии вдруг возлюбили в тогдашнем российском руководстве: недавний первый секретарь Свердловского обкома КПСС, по указанию которого был разрушен тот самый «Ипатьевский дом», оказался на поверку скрытым монархистом. Останки «Кирилла I» были перезахоронены в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора, его внучку Марию Владимировну принимали у нас на высоком уровне и даже намеревались обучать ее сына в Нахимовском военно-морском училище...

Когда же Мария приезжала в Россию, то представители «возрожденного» дворянства — среди них особенно выделялся громкой фамилией и «правоверным» поведением некий бывший ответственный комсомольский работник — плели интриги, стремясь оттолкнуть от «наследницы» не только друг друга, но даже и представителей трагической «первой волны» русской эмиграции. Помним, как был оскорблен князь Георгий Илларионович Васильчиков, участник антифашистского сопротивления во Франции, когда во время праздника на Бородинском поле бывший функционер из ЦК ВЛКСМ прилюдно упрекнул его в недостаточной почтительности к «великой княгине».

С Марией Владимировной приезжал тогда и представитель одной из знаменитых дворянских фамилий, который во время Второй мировой войны работал в УСС — Управлении стратегических служб, американской разведке, а потом и в ЦРУ... Наши «дворяне» возили этого господина в имение, до революции принадлежавшее его титулованным однофамильцам, а затем дружно убеждали просить Президента возвратить «конфискованные большевиками земли». Им, очевидно, нужен был прецедент, чтобы самим попробовать «вернуть утраченное». «Обломки игроу счастья обиженных родов» не знали, что известная фамилия развивалась по трем, как минимум, самостоятельным линиям...

— Разумеется, это не мое имение! — согласился с нами гость, бросив насмешливый взгляд в сторону споривших о своих перспективах «дворян». — Но мне интересно, чего же хотят эти господа?

Думается, интерес профессионального разведчика не был праздным, равно как и его присутствие в «свите государыни»... Но как обидно сознавать,

что наши соотечественники, тем более, — представители замечательных русских фамилий — работают против России!

А ведь именно на эту возможность рассчитывали наши союзники в Первую мировую войну. Россия несла основную ее тяжесть, отвлекала Германию от Западного фронта. Понимая, что свержение Николая II приведет к сепаратному миру, Англия и Франция рассчитывали передать власть в империи послушным им силам. В «Истории Гражданской войны в СССР» можно найти свидетельства беззастенчивого вмешательства союзников в наши внутренние дела:

«Дворцовый переворот, — писал английский посол Бьюкенен, — обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты император и императрица или только последняя».

Подобные «друзья» называются агентами, и вопрос цареубийства вряд ли обсуждался с кем попало — тем более, в британском посольстве. Происходящее откровенно напоминало 1801 год, заговор против Павла I, нити руководства которым уходили все в то же дипломатическое представительство.

Сходство это понимали и в 1917-м. Вот запись из дневника посла Франции Палеолога — разговор с великой княгиней Марией Павловной:

«Что делать?.. Вот уже 15 дней мы все силы тратим на то, чтобы доказать, что он губит династию, губит Россию, что его царствование скоро закончится катастрофой. Он ничего слушать не хочет. Это трагедия... Мы, однако, сделаем попытку коллективного обращения — выступление императорской фамилии.

— Ограничится ли дело платоническим обращением?

Мы молча смотрим друг на друга. Она догадывается, что я имею в виду драму Павла I, потому что отвечает с жестом ужаса:

— Боже мой! Что будет?..»

Судьбу России в очередной раз стремились решить за рубежом, причем жизнь Николая II, сделавшего все возможное, чтобы спасти Францию от разгрома, представлялась союзникам разменной монетой. Замену ему без труда можно было найти среди «жадной толпой стоящих у трона». Однако в решении судьбы российского престола участвовали не только правительства, спецслужбы и дипломаты «дружественных» государств Антанты, но и некие «надгосударственные силы».

Упомянутый представитель русской эмиграции рассказывал о судьбе своего отца — ученого-литературоведа, который возвратился после Второй мировой войны в СССР, занимался наукой, преподавал и скончался в конце 1960-х годов.

— Только потом я узнал, что мой батюшка был крупным масоном, — признался наш собеседник. — И я вспомнил, как в детстве однажды нашел в

его столе какие-то странные инструменты и знаки — как теперь понимаю, масонские...

Масонство, знакомое большинству из нас исключительно по «Войне и миру» графа Л. Н. Толстого, порой оказывается как-то очень рядом. Говоря о событиях 1917 года, также нельзя обходить эту тему.

Хотя, как писал в своей книге «Масонство и глобализм. Невидимая империя» наш, к сожалению, уже покойный друг Лоллий Петрович Замойский, могущество «вольных каменщиков» переоценивать не следует: «Немало негодования против масонов изливала часть белой эмиграции. Отдельные ее представители пытались все “беды” России, особенно свержение самодержавия, представить не как результат общественных процессов, а как интриги омасонившихся либеральных кругов, заигрывавших со “свободами”. Царская полиция, со своей стороны, стремилась изобразить революционеров марионетками масонских заговорщиков, стремящихся “погубить здорового простолюдина”».

Однако, утверждал Замойский, масонство все же играло немалую роль в жизни тогдашнего общества: «Когда произошла Февральская революция и 2 марта 1917 года был оглашен список состава Временного правительства, то он почти полностью совпадал с тем, что за два года до этого обсуждался на квартире Е. Кусковой». Уточним, что Кускова — «франкмасон высоких степеней», жена известного масона С. Прокоповича, министра Временного правительства. Кстати, кабинет министров А. Ф. Керенского целиком состоял из «вольных каменщиков».

Возрождение российского масонства, основу которого составляли ложи французского подчинения, произошло в начале XX столетия. «Курс его был прежним, — писал Замойский, — не допустить, чтобы события вырвались из-под контроля правящих классов в случае свержения самодержавия».

Свержение представлялось для «темных сил» не очень желательным вариантом. Вот как написано в вызвавшей немалый шум в 1970-х годах книге Н. Н. Яковлева «1 августа 1914»: «Те, кто входил в масонскую организацию, горой стояли за дворцовый переворот. Они двигали заговор только в этом направлении. Меньшевики Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели, М. И. Скобелев, а также А. Ф. Керенский, все масоны одобрили этот образ действия и ради его успеха делали все зависевшее от них, чтобы парализовать развитие массового движения в стране».

Масонам, выразившим интересы крупного транснационального капитала, никакие народно-демократические или тем паче пролетарские революции в России не были нужны. А ведь к этим кругам примыкала и немалая часть ближайшего окружения Николая II, в том числе и великие князья. Почему? Этот вопрос мы задали Л. П. Замойскому.

— Действительно, многие члены императорской фамилии в той или иной степени имели касательство к масонству, — сказал Лоллий Петрович. — Избранность этой организации, наличие в ней, по крайней мере декларативное, каких-то особых знаний притягивали к себе даже российских

императоров — в силу невероятного русского любопытства ко всему таинственному... Однако волны симпатии нередко сменялись волнами недоверия, когда масоны вдруг выявляли свою сущность — зависимость от западных масонских лож и от их интересов. Это всегда были откровенные попытки подчинить Россию то английскому, то шведскому масонству, то французскому...

— А зачем монархам, представляющим реальную власть, вступать в масонство — власть закулисную?

— Желание контролировать изнутри революционные процессы привлекало туда и полицейских чинов, и власть имущих. Кстати, масонство во всемирном масштабе контролирует — по крайней мере, формально, — британская монархия.

В книге «Масонство и глобализм» приведена цитата из изданного в Нью-Йорке труда Н. Н. Берберовой «Люди и ложи». Русские масоны XX столетия»: «Говорили, что в молодости Николай II был “мартинистом”... но вышел очень скоро из тайного общества. Но его дядя, вел. кн. Николай и Петр Николаевичи, а так же вел. кн. Георгий Михайлович остались «мартинистами» высоких степеней».

Вышеупомнутый великий князь Николай Николаевич младший в 1914-1915 годах был верховным главнокомандующим Русской армии. Его принадлежность к масонству, «горой стоявшему за дворцовый переворот», — еще одно свидетельство измены государю, гнездившейся в высших сферах... Кстати, в феврале 1917 года он оказался первым из сановников, приславших Николаю II телеграмму с просьбой об отречении...

Генерал В. Н. Воейков привел в своей книге «С царем и без царя», изданной в 1936 году в Финляндии и переизданной Воениздатом шестьдесят пять лет спустя, текст этого и ряда аналогичных посланий. Затем генерал подытожил:

«Великий князь Николай Николаевич, генерал- адъютанты Алексеев, Рузский, Эверт, Брусилов, генерал Сахаров, адмиралы Непенин и Колчак — оказались теми людьми, которые, изменив воинской чести и долгу присяги, поставили царя в необходимость отречься от престола... Они своим предательством лишили царя одного из главных устоев всероссийского трона». И дальше: «Иуда предал Христа и покаялся — вернул тридцать сребреников; а наши генералы и адмиралы предали царя и не покались...»

...Когда ночью 11 марта 1801 года заговорщики ворвались в комнату императора Павла в Михайловском замке, они предложили государю императору подписать отречение. Он отказался, тем самым подписав себе смертный приговор... Павел Петрович знал, что у русских государей, как сказал потом выдающийся мыслитель И. А. Ильин, «нет права на отречение от престола в час великой национальной опасности и при совершенной необеспеченности в дальнейшем наследовании... Быть членом династии — значит иметь не только субъективное право на трон (в законном порядке), а священную обязанность спасать и вести свой народ...»

Но этого не осознали ни Николай II, ни заменивший его на один день на престоле великий князь Михаил Александрович. Монархическая идея полностью себя исчерпала, и власть в России перешла к Временному комитету Государственной Думы, а затем — к Временному правительству... Возможно, последующий переход власти в руки большевиков на тот период явился оптимальным вариантом, предотвратившим еще более страшную национальную катастрофу. Однако это уже совсем другая тема.

Вместо послесловия

«История — всегда поле непаханое»

Наш собеседник — член-корреспондент Российской Академии Наук Андрей Николаевич Сахаров, директор института Российской истории РАН.

— *Еще недавно, по крайней мере до второй половины 1980-х годов, все в нашей истории казалось вполне ясным, достаточно исследованным. Но так ли было на самом деле?*

— Упорядоченность в истории была, это правильно. Но думающие, нормальные историки — люди научного направления, исследовательского склада, прекрасно понимали, что эти ясность и упорядоченность являются иллюзорными, фиктивными и что отсутствие дискуссий по ключевым проблемам российской и советской истории свидетельствует о глубочайшем кризисе исторической науки в советское время.

— *С какого времени начался этот кризис?*

— Я думаю, с того, когда практически были задушены дискуссии и споры по истории России, Октябрьской революции и истории первых десятилетий Советской власти. В середине 1990-х годов я опубликовал статью «Убитая душа науки: советские исторические дискуссии». Когда эта «душа науки» была задавлена и тяжелым камнем на все дискуссии и всю историю лег «Краткий курс истории ВКП(б)» — это и было началом глубочайшего кризиса. Хотя наша историческая наука была объявлена марксистско-ленинской, однако таковой она никак не была.

— *А какой же, извините, она была?*

— Это была наука, интерпретированная Сталиным по каким-то догмам, заимствованным у Маркса, Энгельса и у Ленина, но полностью не совместимая с учением марксизма, трудами Маркса и Энгельса и их продолжателей — таких корифеев марксизма, как Каутский, Бернштейн и ряд других. А ведь они отражали развитие науки на основании движения истории, движения общества на Западе и на Востоке, и вне так называемой марксистско-ленинской науки советского типа. Поэтому говорить о нашем марксизме и о ясности в вопросах истории можно только условно.

— *То есть ясности не было и тогда?*

— Да, на самом деле все это было состояние глубокого кризиса. Не только науки исторической, но в том числе и марксистской науки — исторического и диалектического материализма, который был поднят идеологическими сталинскими догмами. Это не оставляло нам шансов на действительно исследовательский подход и к истории России, и к истории Советского периода.

— *Получается, что работы тогдашних историков, их наследие... Как бы это сформулировать поделикатнее...*

— Я думаю, что настоящего историка подмять трудно... Даже в тех условиях очень много работ было написано на источниках, на исторических материалах — особенно по дореволюционному времени, по истории крестьянства и рабочего класса, крестьянских движений... По декабризму, скажем, под руководством академика Нечкиной опубликованы колоссальные материалы — в том числе следственные дела. Это было сделано на профессиональном уровне и является позитивом советской исторической науки. Работы академиков Черепнина, Рыбакова, Тихомирова остаются золотым фондом не только русской, российской, но и советской исторической науки. Говоря о наследии советской исторической науки, мы, прежде всего, имеем в виду те труды, которые были вне идеологических догм или на которые эти догмы влияли в небольшой степени.

— *А потом, в 1990-е годы, начали все пересматривать...*

— Это, я бы сказал, был период реванша — реванша по отношению к догмам, тем историческим концепциям, которые были освящены «Кратким курсом» и вообще по отношению ко всей советской истории. Это был реванш измученных идеологией и ангажированностью историков и политических деятелей, которые при полной свободе, отсутствии цензуры, и при том, что в мир было выброшено много рассекреченного материала, стали пересматривать историю — прежде всего советскую. Но всякий реванш, в том числе и научный — дело одностороннее, во многом эмоциональное, и для науки, как таковой, неблагоприятное.

— *То есть произошедшее имело скорее негативное значение?*

— Не совсем так. Положительное значение этот реванш имел в том смысле, что определил ориентиры и направления реального развития нашей исследовательской программы — в частности, в области истории России. Да и не только — и в области всеобщей истории, да и в области философской науки, экономической и т. д. Хотя, надо отметить, что в этот период были отмечены определенного рода перекосы, эмоциональные всплески, которые в известной степени просто искажали историю.

— *Например?*

— Если в советское время мы вообще не говорили или очень плохо говорили о либеральной части нашего общества, о реформаторах, предпринимателях, церковной истории, об истории Российской элиты, в том числе об истории великих князей, царей, императоров, тут появился крен в другую сторону. На эти сюжеты буквально обрушился шквал внимания, в

результате чего многие из них даже стали закрывать историю других сословий, классов и событий и т. д.

— *К чему же, в итоге, ведут такие перекосы?*

— К новой идеологизации, абсолютно некритическому подходу к российской истории, и сугубо критическому — к советской. А ведь и она имела свои достижения, и многие события советской истории являлись событиями не столько идеологического, тоталитарного, просталинского характера, но были объективно обусловлены всем ходом истории страны.

— *Период «реваниша» теперь уже закончился?*

— Да, с окончанием демократической, антикоммунистической революции — я называю ее «революцией 1989-1993 годов». Ее основные результаты были реализованы в виде Конституции 1993 года, которая объявила Россию президентской республикой, которая включила статью*, говорящую, что частная собственность священна и неприкосновенна. Она провозгласила и гарантировала основные гражданские свободы: свободу личности, собраний, манифестаций, забастовок и т. д. Это был основной результат революции. После того прошло какое-то время переходного периода, которое сопровождалась всем тем, чем сопровождается всякая революция: это и политическая пена, и карьерный человеческий хлам, и стремление нуворишей захватить собственность и власть... Это было свойственно всем революциям мира — Английской, Французской, Октябрьской.

— *Ну, про Октябрьскую мы ничего подобного не знали...*

— Да, тогда тоже делили должности, чины, деньги, дачи и все прочее. Об этом не говорили, но это было — как было и в 90-е годы. Когда же основные результаты революции пришли в противоречие с этой революционной накипью, стало очевидно, что страна нуждается в успокоении и в том, чтобы вобрать в себя все то лучшее, что дал XX век в целом. Нам нужно сохранить и лучшие результаты самой революционной волны 90-х годов, отбросив ту накипь и мерзость, которые дала она в экономике и политике, включить рычаги жизнеобеспечения, жизнеспасения страны и нации. Можно сказать, что конец XX — начало XXI века объективно ознаменовались тем, что наше общество стало переходить на ступень своего стабилизационного развития.

— Процессу стабилизации, очевидно, нужна и соответствующая историческая платформа?

— Конечно, разноголосица, которая существовала в оценках исторической науки, исследовательский, научный реванш 1990-х годов стали противоречить стабилизации общества и общему стремлению осознать весь исторический путь развития страны — как дореволюционный, так и советский, этап 90-х годов — начала XXI века. Люди, которые возглавили процесс стабилизации, озаботились и вот этим новым пониманием, и новым неангажированным, свободным, системным подходом к российской истории. Этим, думаю, и объясняется тот интерес к переоценкам — вернее, к

правильным, нормальным — оценкам в исторической науке, который обозначился на рубеже XXI века.

— *Тогда представляют ли реальную научную ценность исторические изыскания 1990-х годов? Поставим вопрос жестко: лично вы, автор нескольких учебников по истории России — как вы сейчас их оцениваете?*

— Глядя на эти учебники, я понимаю, что и на моих взглядах сказались раскрепощенность и освобожденность, огромный интерес к ранее закрытым темам. Думаю, если бы я это писал сегодня, то более взвешено, объективно, более спокойно, хотя ни от каких исследовательских позиций, сформировавшихся уже в условиях постсоветского режима, я не отказываюсь.

— *Как же вам удалось сохранить такой, скажем, взвешенный подход?*

— Эти учебники, труды, в которых я участвовал, в основном создавались на моих собственных научных изысканиях, на результатах работы нашего исследовательского института.. Для них характерно то, что они базировались на новых источниках и материалах, раскрытых историографических пластах — эмигрантском, дореволюционном, на лучших советских работах. Это, поверьте, было творческое восприятие всего лучшего, что нам дала мировая историческая наука. В том числе и зарубежных стран — американская, английская, французская, германская, японская историческая наука. Мы с упоением читали книги, которые стали для нас доступны, и чувствовали, что там много правильного. Конечно, многие западные работы были тоже идеологизированы — особенно, времен «холодной войны» — и они нас не интересовали. Зато среди историков Запада было очень много серьезных ученых, которые работали на основании архивов, источников, новых материалов, и это мы все выбрали.

— *То есть в научном плане тогдашние ваши работы вполне соответствуют современным условиям?*

— Я думаю, что труды, которые издавались в 1990-е годы, — в том числе и в нашем институте, дали основу для создания новой, объективной истории, без каких-то больших перегибов. Эти труды и основанные на их результатах учебники выдержали испытание временем. Особенно, по дореволюционной истории. По ним учатся школьники, и они практически не ревизуются.

— *Разве можно считать, что проблем с учебниками более нет?*

— Нет, что касается советского периода, там много накуролесили: сводились счеты, очень много было идеологизировано. Не случайно руководство страны обратилось к историкам с просьбой обратить внимание на эти перекосы, особенно в области истории советского прошлого и 90-х годов с тем, чтобы они были адекватными, объективными, а не подвержены то одной тенденции, то другой. Это нормальная просьба, свойственная для государства и общества, вступившего в период послереволюционной стабилизации своей жизни. Думаю, ученый мир и образовательная среда восприняли это положительно.

— Тогда обратимся непосредственно к истории. Именно в 1990-е годы заговорили об особенной роли Северо-Восточной Руси в становлении Российского государства...

— Сегодня в этом вопросе есть определенная ясность. В наших крупных исследовательских разработках есть совершенно четкая позиция, что Древняя Русь создавалась на базе двух государственных центров. Один — Северо-Западный, во главе сначала с Ладогой, потом — Новгородом. Второй — на базе так называемой Южной Руси — это район Киева, Чернигова, Переяславля, западные и южные регионы, которые входили в состав бывшей Древней Руси. Объединение этих двух центров и стало основой создания Древнерусского государства в конце IX века. Причем инициатором этого объединения стал Север.

— Это версия или тому имеются бесспорные доказательства?

— Победа Севера над Югом была очевидна. Посмотрите, после всех расколов Руси, распадов, междоусобной борьбы, Север несколько раз подряд проявлял инициативу — Владимир I, Ярослав Мудрый пришли с Севера и утвердили в Киеве свою власть. Концепция «двухцентрия» уже принята наукой, она отражает реальную жизнь.

— Принято было считать, что Древнерусское государство возникло в конце IX века — с приходом легендарного Рюрика...

— Что касается так называемого «варяжского призвания» и варяжской государственности, то за последнее время в этом вопросе произошли существенные сдвиги. Раньше было как-то неприлично оспаривать проблему норманизма; утверждалось, что варяги были скандинавами, норманнами, и привнесли на Русь свою государственность... Но в последнее время ряд исследователей — в том числе и молодых, с успехом опровергают эту устаревшую догму на новых материалах. Так завершается двухсотлетний спор — кто были такие варяги: скандинавы, норманны или южнобалтийские славяне, представители так называемых «поморских княжеств» на южном берегу Балтики. Кстати, норманисты о них никогда не заикались, нигде их не упоминали — как будто бы их не существовало.

— Та же Аркона на острове Рюген...

— Ну да. Наши летописные источники свидетельствуют как раз в пользу происхождения варягов конца IX — начала X вв. от южнобалтийского славянства; академик Зализняк в своих работах показал, что язык южнобалтийских и новгородских славян — северо-западной Руси — родственно близок. Недавно академик Янин писал, что находки керамических изделий в Северо-западной Руси, в частности в Новгороде, указывают на близость керамической культуры между южнобалтийским славянством и Новгородской Русью. Кстати, давно замечено, что слово «Русь» в Скандинавии нигде и никем не упоминалось, и не употреблялось.

— Также косвенно подтверждается отсутствие тесных связей...

— Обращу внимание, что вышла блестящая монографическая работа Вячеслава Фомина «Варяги и варяжская Русь», где очень подробно

раскрывается историография вопроса, показаны основные аргументы норманистов и их разоблачение, восходящее еще ко временам Татищева и Ломоносова. Это вызвало в норманистских кругах ругань, брань, наклеивание политических ярлыков! Они привыкли к монопольному положению в этой области науки, нормальный научный диалог им неведом. В основном это узкая, сплоченная, агрессивная группа специалистов по истории скандинавских стран, Германии, археологи, есть среди них и историки, увлеченные норманизмом, кланово ангажированные. Русские летописные тексты для них — темный лес. Это труды недоброкачественные. Рассуждения о том, что в Россию пришли викинги и конунги, что было несколько волн вторжений скандинавов, не подкрепляются историческими данными. Ни летописными, ни археологическими. Кстати, эти так называемые ученые постоянно апеллируют к «мировому научному сообществу». Да, для большинства западных авторов норманизм свойственен по определению. Серьезные же ученые и на Западе, и в Восточной Европе — в Польше, например, стоят на антинорманистских позициях.

— *Но они чем-нибудь опровергаются?*

— Маленький пример: я обнаружил любопытный момент: когда Олег в конце IX века двигался на Киев, он заключил с варягами договор о мире на северо-западных границах — чтобы те не мешали ему в завоевании юга. По летописным данным этот договор о мире, дружбе, любви и взаимопомощи существовал, по меньшей мере, 150 лет. А в Скандинавии в конце IX века не было ни одного образования, которое существовало хотя бы несколько десятков лет. Скандинавия не доросла еще до этой системы государственности. Зато на южных берегах Балтики, на территории Восточной Германии, были княжества с фиксированной исторической давностью. С любым из них Олег и его преемники могли заключить договор на несколько десятилетий... Норманисты не могут назвать в Скандинавии государственную систему, которая бы 150 лет поддерживала отношения с Новгородом — нет таких отношений! Подобных аргументов великое множество.

А почему в языковом отношении между варягами и населением Северо-западной Руси произошла быстрая ассимиляция? Ответ очень прост: язык один! Родственный язык, это были наши двоюродные братья. Можно без конца отсылать к аргументам, которые вводятся в научный оборот, указывая, что наступила эпоха коренных сдвигов и в этой области исследования российской истории.

— *Почему, все-таки, норманизм оказался столь живуч — даже в современных условиях?*

— Еще в советское время было определено, что норманнское завоевание не определило российской государственности — она диктовалась внутренним развитием региона, страны, народа и т. д. Но все-таки советская наука оставалась на позициях норманизма — в том смысле, что варяги этнически считались скандинавами, норманнами, и здесь всегда была

лазейка, чтобы опять вернуться к этому исключительному положению скандинавов в русском обществе. Когда в 90-е годы цензурные рогатки были сметены, норманисты быстро адаптировались и вновь вернулись к позициям не только защиты этнической принадлежности варягов, как норманнов, но и к тому, что они благодетельствовали Русь своими государственными учреждениями...

— *«Норманнская теория» возникла более двух столетий тому назад. А как вы относитесь к теориям, возникающим сегодня? К попыткам «повернуть алгеброй» если не гармонию, то историю?*

— Я думаю, что приоритет различного рода математических и астрономических явлений в оценке исторических фактов — это, в принципе, любопытный вспомогательный подход. Но он не может иметь решающего значения, потому что для подлинного исторического раскрытия событий необходимо обращаться к историческим, археологическим источникам. Когда, скажем, вопрос о крещении Руси трактуется с позиций математических, мы возразим, что о том свидетельствуют и арабские, и византийские, и немецкие, и другие источники, которые в разное время создавались авторами, жившими на огромных расстояниях друг от друга. Это объективная данность, и один факт математического-астрономического порядка не может ее опровергнуть.

— *То есть альтернативы, как таковые, вы не отрицаете?*

— Альтернативные точки зрения на различные этапы истории вполне могут быть рассмотрены как какие-то подходы. Историки обычно говорят: «Вы можете подтвердить любую альтернативную точку зрения, вы можете даже выдвигать абсурдную на первый взгляд концепцию — но докажите на источниках, дайте конкретный факт, дайте систему фактов». Если эта система фактов будет доказана, и она будет совершенно четко укладываться в лоно, так сказать, исследовательских приемов и корректной трактовки — значит, точка зрения, существующая доныне, будет пересмотрена. Для нас здесь нет каких-то табу: это можно оценивать положительно, а вот это — нельзя. История во многом наука такая же точная, как и естественно-математические дисциплины. Заложите факты в определенной адекватной исторической последовательности, в системе — и вы получите результат, почти такой же математический, как дважды два.

— *Мне кажется, с вами не все согласятся...*

— Это потому, что часто историки делают оценки на основании случайных фактов и источников, не приведенной в систему аргументации — тогда их аргументы являются шаткими, непрочными, эмоциональными, и в конечном итоге — идеализированными.

— *Как вы относитесь к утверждению «В истории не может быть сослагательного наклонения»?*

— Очень многие считают, что «альтернативная история» — это какая-то условность. Мол, могло такое быть, но не состоялось, потому и нечего об этом говорить. Это глубочайшая ошибка! Я полагаю, что даже

несостоявшаяся альтернатива в истории все равно легла в ткань сознания народа, в ткань какой-то исторической данности. Возьмите проекты Сперанского — если бы они были осуществлены, путь России был бы совершенно другой. Но, увы! Однако, хотя проекты Сперанского и оказались альтернативными, не состоявшимися — они дали наполнение всему историческому развитию России в XIX-XX веках, и только в 90-е годы, скажем, понятие, о частной собственности как священной и неприкосновенной категории стало реальностью. Но все это шло от Сперанского! История не может руководствоваться условным, сослагательным наклонением, но любая альтернатива является исторической реальностью: пусть она не состоялась, она все равно вошла в нашу историю.

— *То есть историк имеет право задумываться над тем, что было бы, если бы?*

— Моя точка зрения — это правильно! Вот, советские времена: подходы к экономике Косыгина — да, это была несостоявшаяся альтернатива, но она положила основу понимания необходимости модернизации и реформирования советской экономической системы... И так можно подходить ко многим явлениям, связанным, скажем, с эпохой Александра I, с эпохой Александра II, со временем Столыпина... Столыпинская реформа не состоялась. Связанная с появлением крепкого хозяина, здорового, непьющего, работоспособного — она была задавлена самими крестьянами, отвергнута после Октябрьской революции. Общинный мир сомкнулся над этими хуторами и отрубам, и все фактически вернулось на круги своя. Но идея Столыпина — опора на фермера, на частного собственника — осталась. А вот теперь, плохо или хорошо, но она начинает жить. Вот вам проблема альтернативы в истории...

— *Все же главное для историка — свершившиеся события. Но тут возникает вопрос наличия подтверждающих это источников. Недаром многие события прошлого вызывают сомнения или, о чем мы только что говорили, какие-то альтернативные толкования. Скажем, Куликовская битва.*

— Ну, по Куликовской битве, например, многие источники являются первоклассными, они относятся к периоду XIV — начала XV века, почти современны событию. Поэтому я не думаю, что Куликовская битва лишена реальных источников оснований. Другой вопрос, что вокруг нее сегодня идут какие-то идеологические навороты, порой — националистического характера. К этому нужно спокойно относиться, и рассматривать их, опять-таки, с опорой на источники, что мы и делаем. Вообще, многие события сегодня находятся в сфере споров — и монголо-татарское иго, и проблемы отношений северо-западных русских земель под руководством Александра Невского с немцами, и Чудское озеро, и прочее... Много появляется нового и интересного, но, тем не менее, основные исторические постулаты остаются в силе.

— *Только нередко как-то уточняются, переосмысливаются?*

— Это естественно, и вот вам пример. Мы рассматривали Александра Невского только как полководца, военного деятеля, не обращая внимания на его дипломатические усилия, очень тяжелые, и для него трагические: ведь жизнь его практически закончилась в Орде — он погиб от отравления.

— *Князь Невский и Орда — тема совершенно неизвестная.*

— Сейчас мы пишем об этом много, спокойно и широко, всесторонне показывая личность великого князя, который боролся с немцами, с Литвой, со шведами и который в этой борьбе сотрудничал с татаро-монголами, тем самым защищая свой тыл; он успокаивал страну, не давая возможности поднять восстание и навести на Русь татарские карательные рати. В свое время все это считалось чуть ли не предательством — ничего подобного, это было необходимо! Это была его трагедия, и когда появилась возможность, он сам подогревал выступления против Орды, против монгольской империи, Каракорума, опираясь на борьбу между Ордой и Каракорумом — это был великий дипломат и мученик!

— *Мы знали только про события на Северо-западе...*

— Забывая, что новгородские полки сами неоднократно ходили в ливонские земли, захватывали финские территории, русские войска бились на немецкой и литовской землях и при Невском, и до него, и после него. Борьба шла за берег Балтики. Новгород стремился подчинить восточную Финляндию, а шведы — западную, и сначала перевес был на стороне русских, но потом, в период монголо-татарского нашествия, ослабления Руси, шведы перешли в наступление... Это был сложный мир взаимоотношений Новгорода — огромного государства того периода — с соседями: Александр Невский часто сражался между собой литовцев и немцев. А мы только и знали: Невская победа, Чудское озеро. Кстати, незадолго до смерти Александр Невский провел свой последний поход в Финляндию — это был масштабный, трудный зимний поход. Он подчинил себе восточную Финляндию и прекратил доступ туда шведам.

— *Как генерал Барклай де Толли в 1808 году.*

— Совершенно верно. Хотя Александр Невский на лед Ботнического залива не выходил, но повоевал там он очень впечатляюще.

— *Но обессмертил он себя на льду Чудского озера...*

— Знаете, что во время одного из походов князя Ярослава Всеволодовича в ливонские земли, русские разгромили немцев на льду одного из озер и там их потопили? Молодой Александр участвовал в этом походе с отцом и потом использовал тот же прием.

— *Очень интересно! А есть какая-то информация о роли Ватикана в организации и проведении походов на Русь?*

— Роль папского престола была самая непосредственная. Крестовые походы шведов и немцев были инспирированы, подготовлены и освящены Ватиканом, который считал православных христиан изгоями наравне с язычниками — литовцами...

Возвращаясь к изначальному вопросу, скажу: думаю, что по всем периодам, за исключением самых древних, наша история обеспечена многочисленными системными источниковыми материалами.

— *Материалы есть, но насколько они достоверны? Вот, киевские князья — не переписывали они, не исправляли летописи?*

— Обязательно! Любая власть обеспечивает свое правление определенным идеолого-историческим обоснованием. Скажем, когда в Киеве правил предшественник Владимира Мономаха Святополк Изяславович, то был создан летописный свод, который называют «Несторовой летописью» по имени ее создателя. Во многих ее разделах фигура Святополка была возвеличена и т. д. Когда в 1113 году пришел к власти Владимир Мономах, то под руководством его сына Изяслава был создан новый текст летописи, написанный игуменом близкого к дому Мономаха Выдубицкого монастыря Сильвестром, где, напротив, роль Святополка оказалась преуменьшенной, а фигура Мономаха вышла на первый план, возможно, это соответствовало реальности, которая замалчивалась в период Святополка.

— *И в этой летописи была понижена роль Севера.*

— Правильно! В те времена это было совершенно нормально. Когда мы изучаем Древнюю Русь, летописные тексты, различные наслоения этих текстов, их переделку, то стараемся понять, где пером летописца руководила истина, а где он находился под влиянием так называемого «политического заказа». Это вовсе не исключалось в те времена. Но я должен сказать — неправильно считать, что монахи полностью работали на потребу власти. Для священнослужителя, религиозного человека врать и исказить какое-то свершившееся действие, историю страны — великий грех. Конечно, где-то они прогибались, на них оказывалось какое-то давление, приходится учитывать и их собственные взгляды, их позиции, но мы имеем все основания верить уму, таланту, честности скажем, Нестора, Сильвестра и других. Основная часть древнейшей российской истории создана именно летописцами — киевскими, новгородскими и прочими.

— *Россия — страна многонациональная, а мы долгое время смотрели на историю как бы глазами московских князей...*

— Действительно, сегодня мы очень спокойно и объективно пишем и о борьбе, и о взаимном влиянии народов. Например, часть древнерусских земель подчинялась хазарам. Была борьба, но вместе с тем шла торговля, существовали и мирные политические связи. А знаете, что Владимир Мономах женил своих сыновей на половецких принцессах? Юрий Долгорукий был женат на половчанке.

То же и в отношении Золотой Орды. Да, это было тяжело и унижительно: налоги, карательные экспедиции... Но был и взаимный экономический интерес: в Орде дневали и ночевали русские купцы, они через Орду выходили на Среднюю Азию, на Хорезм, Бухару, Прикаспийские государства. В Орде стояли православные храмы, позднее — и мусульманские мечети, и синагоги были. Когда у одного из ханов Менгу

спросили, откуда такая веротерпимость, он очень хорошо ответил: Бог-то один, понимание разное.

— *Действительно, откуда это? Для нас ведь буквально символом Ордынского ига стала картина, где изображена икона, пораженная стрелой...*

— Веротерпимость была не только прагматической стороной взаимоотношений с окружающими землями, но и общефилософским пониманием, которое проявляли и Чингисхан, и Батый, и Менгу... Есть очень много ранее совершенно не вводимых в научный оборот позиций, к которым мы сегодня обращаемся.

— *Кстати, от Орды сохранились какие-либо письменные источники — кроме нескольких ярлыков?*

— Сохранились монгольские и китайские хроники, записки путешественников, ярлыки, еще что-то, о чем я не осведомлен, но в общем исторических свидетельств мало.

— *До недавнего времени однозначно трактовалось, например, и взятие Казани, что вызывало определенное недовольство среди татарской общественности.*

— Сегодня мы пишем в учебниках, что в период штурма Казани был проявлен героизм и полководцами Курбским, Горбатым, Воротынским, другими военачальниками, рядовыми воинами. Но мы говорим и о том, что татары неистово защищали свою Родину, они умирали героями, сражались за каждый дом, до последнего. Мы об этом повествуем с уважением, отдавая должное героизму татарского народа, который защищал свою последнюю государственную цитадель на Волге.

Недавно, я был в Казани — там, напротив города, на острове, стоит памятник русским воинам, белый монумент с крестом. Я высказал мысль, что нужно было бы поставить и другой памятник — народу, который защищал свою независимость и свободу. Это было бы нормально для современной России.

— *Скажите, Андрей Николаевич — почти тот же вопрос, что был задан ранее: а в более поздние, романовские, времена не происходило ли какой-то корректировки истории? Есть версия, что Романовы прошлое изрядно «подправили»...*

— Не думаю, чтобы существовала определенная романовская концепция истории России. Романовы и их, скажем так, идеологи, авторы, все-таки опирались в своих исторических построениях на древнерусские, летописные тексты и отнюдь историю не искажали... В XVI веке, при Иване Грозном, создавалась «Степенная книга», которая вбирала в себя основные позиции летописания. Единственно, претензия ранних Романовых заключалась в том, чтобы, вписать свою династию в этот общий европейский цивилизационный и государственный куст. Стремление было, но не думаю, что оно нарушает наши общие представления о российской истории.

— Речь идет о ранних Романовых, обосновывавших свое право на престол. Но то же самое, как мы помним, пришлось делать и их потомкам...

— Да, что касается некоторых исторических экскурсов, созданных при Екатерине II, а потом при Александре I, тут совершенно иной вопрос. Известно, что все, что касалось правления Петра III — ее убиенного мужа — Екатерина II изолгала, изоврала, замазала черной краской.

— Интересно читать мемуары современников. Они пишут, мол, Елизавета Петровна не любила племянника, народ радовался его свержению — и все при этом ссылаются на «Записки» Екатерины II.

— Именно так! Что касается Александрова времени, то здесь совершенно очевидно неприятие многого из того, что было сделано при Павле I. Фигура Павла I фактически была закрыта... Но последующая историография этот флер постепенно снимала — в отношении и Павла, и Петра III.

Сегодня мы можем свободно и непредвзято писать об их деяниях, опираясь на труды российских историков XIX века, советских и постсоветских историков, скажем, Эйдельмана, Тартаковского, которые очень интересно писали о Павле I.

— Произошла необходимая переоценка?

— Да, ведь Павлом I было немало хорошего сделано — при всей его истеричности и неуравновешенности. Он требовал во всем дисциплины и порядка. Требовал, чтобы солдат хорошо кормили, чтобы армия была в нормальном состоянии, чтобы казнокрады были наказаны. За казнокрадство Павел I упекал генералов в Сибирь — это было жестоко, но необходимо: в последние годы правления Екатерины II армия вконец разложилась, там было много воровства, коррупции, отлынивания от службы офицерского состава. Павел пытался исправить ситуацию, навести порядок в армии и в стране.

— «Реабилитируя» Павла I, нельзя не пересмотреть «приговор», вынесенный историками его фавориту — Аракчееву.

— Известно, это был человек жесткий, даже жестокий. Где надо было навести порядок недрогнувшей рукой — туда и Павел I и Александр I посылали Аракчеева, а сами уходили в тень. Аракчеева, в основном, ненавидела знать. То, что он «аспид», «змей» — откуда исходило? Из верхов, от людей, которых граф называл «боярами»... Но ведь наказывал-то он задело! Казнокрадство считал великим злом и за него эполёты срывал. Между тем, именно Аракчеев создал лучшую в мире артиллерию, он обеспечил снабжение армии, притом, не только в войне 1812 года, но и в Заграничном походе, он создал военные поселения, которые мы сегодня расцениваем совсем по-другому.

— Известно, что Аракчеев был противником их создания...

— Очевидно, он гораздо лучше Александра I понимал душу русского человека. Но когда он подчинился, то делал уже все очень рьяно, истово. Ведь по своей сути поселения были неплохо организованы и устроены — хорошие дороги, коттеджи, церкви, библиотеки. Но... требовалось неукоснительное

выполнение регламента жизни. Утром встали и на работу, никаких пьянок, никаких перекуров. Работа — перерыв — работа — отдых. Для русского крестьянина такой порядок оказался невыносим! Мужик под настроение горы своротит, а нет желания работать — он посидит, порассуждает, перекурит, не торопится...

— *Действительно, регламентация для нас — «нож вострый»!*

— К тому же, эту жесткую регламентацию осуществляли унтер-офицеры — люди, надо сказать, не элитной культуры. У них все было просто: не вышел на работу — по морде, поленился — под кнут, под шпицрутены. Это вызывало у военных поселенцев ненависть... В условиях идеологии советского периода все это подавалось как издевательство над народом, эксплуатация, усиление крепостного права. Да, и это тоже было, — но оценивать военные поселения необходимо, учитывая все обстоятельства.

— *То есть сама идея была хорошая — вот только, как и многие чужеземные новшества, на нашей земле она не прижилась?*

— В военных поселениях, которые, кстати, впервые были инициированы во Франции, Австрии, бывал не только Александр I, но и Карамзин, и Сперанский. Они видели внешнюю сторону дела — это их восхищало. Так что, поверьте, не все было столь однозначно...

— *Мне кажется, вывод, который можно сделать из нашего разговора, состоит в том, что загадок в истории государства Российского на любом этапе его существования было видимо-невидимо. Вы согласны?*

— Так ведь история — это всегда поле непаханое. Развивается общество, самосознание народа, который уже совершенно по-новому смотрит не только на ближайшее прошлое, но и на все свое прошлое в целом... Вы можете сказать, что с физикой все ясно, с химией? Нет! Там вопросы возникают ежедневно — все больше и больше вопросов. То же самое — история. Все больше появляется источников, каких-то историографических откровений, как в нашей науке, так и в мировой историографии. Все больше возникает обобщений, обусловленных новыми подходами, связанными с тем, что мир един, наука едина, что есть какие-то общие закономерности и для Запада, и для Востока — с учетом особенностей региональных, национальных и проч. Это все этапы развития науки и общественного сознания, и в этом смысле история продолжает свое развитие. Нам просто надо быть на уровне нашей эпохи и нашего профессионального уровня. Это то, что мы можем делать. Возможно, будущие историки в чем-то нас поправят, перепишут, что-то скорректируют — и это будет нормально. Главное, чтобы при этом они сами опирались на систему фактов.

**Бондаренко Александр Юльевич,
Ефимов Николай Николаевич**

ЗАГАДОЧНЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *Д. А. Стребков*
Корректор *М. В. Лушина*

Издательство «Кучково поле»
105120, г. Москва, Съезжинский пер., 6
Тел./факс: (495) 6711938, тел.: (495) 6788356.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 12.05.08. Формат 84х108/32.
Уел. печ. л. 27,72. Печать офсетная.
Гарнитура «PetersburgC». Тираж 2000 экз.
Заказ № 1276.

Отпечатано в ОЛО «Типография «Новости»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ISBN 978-5-9950-0007-5